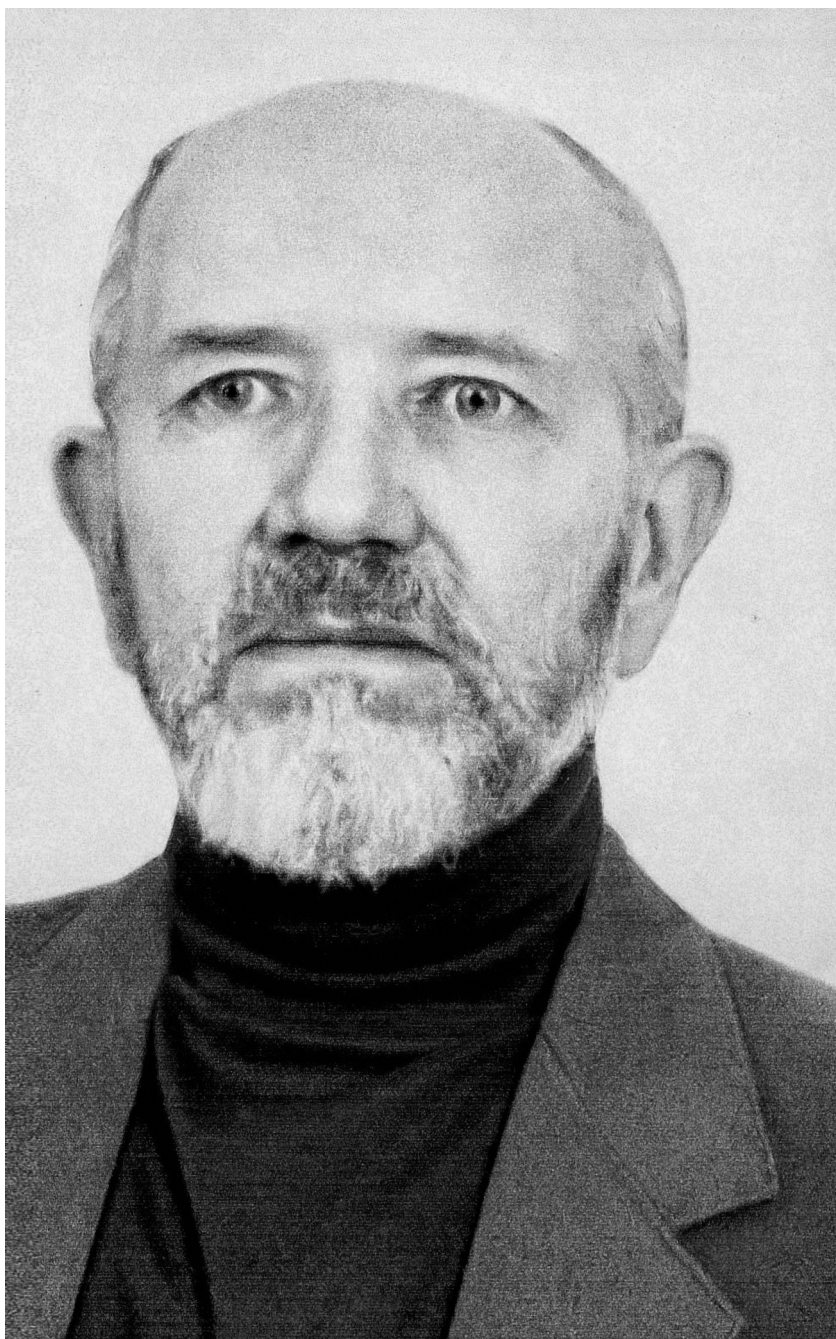

И СЛОВУ СЛОВО ОТВЕЧАЕТ

И слову слово отвечает

Владимир Бибихин — Ольга Седакова
Письма 1992–2004 годов

Электронное издание

Настоящее электронное издание предоставляется для бесплатного личного некоммерческого использования. Цитирование допускается с обязательным указанием имени автора и источника. Электронный файл воспроизводит авторский макет печатного издания. Библиографическое описание оригинальной публикации приводится ниже в справочных целях.

И слову слово отвечает.

Владимир Биbihин — Ольга Седакова.

Письма 1992–2004 годов. —

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. — 288 с.

© В. В. Биbihин (наследники), 2019

© О. А. Седакова, текст, оформление, 2019

© В. Ю. Файбышенко, составление,
вступительная статья, примечания, 2019

Переписка поэта Ольги Седаковой и философа Владимира Биbihина (1992–2004) отмечена особым доверием не только к способности собеседника понимать поверх барьеров, но к самому его существу. Это доверие неотделимо от вдохновения, которое превращает письма в событие словесности. Обсуждаются самые разные темы — политические, культурные, частные — но главным содержанием переписки оказывается сама жизнь на свободе, не связанная согласием с «низкими истинами». Эта свобода — плод не только личной независимости, но обращенности собственного слова к такому имманентному адресату, присутствие которого неотделимо от самого строя высказывания и делает невозможным внутреннюю социализирующую редактуру.

«Как сказать о том, как назвать то, чего никогда еще не было, нигде, ни с кем, что предсказано или предвидено быть не могло, никак, чего никто никогда не видел, не знал, что начинается абсолютно впервые, нигде не расписано?» (из письма В. Биbihина)

Письма публикуются в авторских редакциях с сохранением орфографии и пунктуации.

Вступление 11

От редактора 13

Виктория Файбышенко. *Свобода и центр.*
Несколько слов о переписке Владимира Бибихина
и Ольги Седаковой 15

Письма 1992–2004 годов 23

Записи Владимира Бибихина, сделанные
на семинаре Ольги Седаковой «Позднее искусство» 251

Владимир Бибихин и Ольга Седакова друг о друге:

Владимир Бибихин. *Дневниковые записи о книге*
Ольги Седаковой «Ворота. Окна. Арки» 265

Владимир Бибихин. *Выступление на презентации*
двухтомника Ольги Седаковой 268

Владимир Бибихин. *Речь на вручении Ольге Седаковой*
Премии Солженицына 277

Ольга Седакова. «Кто любит слово...» 279

Ольга Седакова. В. В. Бибихин. *Мир. Прощальное слово* 280

Ольга Седакова. «Всё настоящее редко».
Слово при вручении премии «Философская книга года» 283

Ольга Седакова. *Postscriptum. Из дневника* 286

Текст этой переписки существует благодаря Ольге Евгеньевне Лебедевой. Это она соединила письма Владимира Вениаминовича, хранившиеся у меня, с моими письмами, хранившимися в их доме, и подготовила полный архивный вариант переписки. Наша переписка продолжалась двенадцать лет; письма писались обыкновенно в летний сезон, с дачи на дачу, или во время разъездов. В городе мы обычно общались иначе. В долгих телефонных беседах мы обсуждали, как сказала наша общая знакомая, «всё на свете и еще пару вопросов».

В тексте писем сделаны небольшие купюры, отмеченные знаком [...], и некоторые имена заменены инициалами.

ОС

Письма О.А. Седаковой и В.В. Бибихина были впервые опубликованы в интернет-журнале «Гефтер» в 2014 году. О.А. Седакова сопроводила письма примечаниями, касавшимися в основном событий, упомянутых в письмах, и обстоятельств их написания. Для настоящего издания она сделала множество новых примечаний, помеченных (ОС), остальные принадлежат редактору В.Ю. Файбышенко. Несколько примечаний, принадлежащих О.Е. Лебедевой, помечены (ОЛ). Мы сочли необходимым прокомментировать некоторые исторические и культурные реалии и дать ссылки на упоминаемые в переписке тексты.

К переписке прилагаются сделанные Бибихиным конспекты семинаров Седаковой из курса «Позднее искусство», прочитанного на философском факультете МГУ. Затем следует несколько текстов, в которых О.А. Седакова и В.В. Бибихин говорят о жизненном деле друг друга: это дневниковые записи и речи Бибихина при вручении Седаковой Солженицынской премии и на презентации первого двухтомного собрания ее сочинений. Слово Седаковой о мысли В.В. Бибихина было произнесено уже после его смерти — в записях и на вручении премии «Философская книга года» 2 октября 2008 года.

Хочется выразить отдельную благодарность О.Е. Лебедевой, которая не только собрала переписку и подготовила ее к печати, но и принимала активное участие в редакции книги, М.А. Криммель, без редакторской и организационной помощи которой эта книга не состоялась бы, дизайнеру Е.Л. Григорьеву, придавшему ей окончательный вид, А.В. Маркову, способствовавшему интернет-публикации переписки и уточнившему некоторые факты для примечаний, и А.И. Шмаиной-Великановой, поделившейся биографическими сведениями.

Ссылки вида — *Седакова*, 2010. Том. Страница — указывают на издание: *О. Седакова*. Четыре тома. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Унифицированы и ссылки на тексты часто упоминаемых авторов: при первом упоминании дается полное описание, затем сокращенное, вида: *Пушкин*, 1959. Том. Страница.

Свобода и центр.**Несколько слов о переписке Владимира Биbihина
и Ольги Седаковой***Свобода и центр — почти то же*

Из письма О. Седаковой В. Биbihину (от 30.7.1995)

«Она как будто что-то благородно охраняет — но кажется мне, если бы знала, что, то знала бы, что этого и охранять не надо» — фраза, написанная Ольгой Седаковой Владимиру Биbihину по частному поводу, стала для меня одним из лейтмотивов этой переписки, стремительно утверждающейся в своем нечастном значении. Публичную роль человека часто описывают так: он защищал, он отстаивал то-то и то-то. Расхожие мысли эпохи — это психические защиты, которые кажутся наиболее надежными. Идеологическая установка защищает не нуждающееся в защите, чтобы защитить то, что не способно без нее устоять. Оправдание реальности оказывается уклонением от ее правды, как объяснение факта часто оказывается растворением факта. Это понимаешь, когда сталкиваешься с разговором, участники которого отмечены смелостью — не «интеллектуальной смелостью» в смысле готовности заменять старые культурные конвенции новыми, а некой отзывчивостью к вещам, которые нельзя использовать без опасности — то есть, собственно, нельзя использовать.

Переписка начинается в 1992 году на переломе исторических обстоятельств. И Ольга Седакова, и Владимир Биbihин выбрали бесцензурное существование в советском универсуме. Они могли печататься только как переводчики и филологи (и тут — в самых окраинных для собственной работы проявлениях), работали референтами ИНИОНа — пересказчиками зарубежной научной литературы, публичный доступ к которой был ограничен или запрещен.* Поэзия Седаковой и философия Биbihина с самого начала свободны от той «дополитической» совокупности незримых презумпций и молчаливых договоренностей, которые делали текст пригодным для легализации в рамках позднесоветской культуры. Эта свобода — плод не только и, может быть, не столько политической независимости, но обращенности их собственного слова к такому имманентному адресу, присутствие которого неотделимо от самого строя высказывания и делает невозможным социализирующую редактуру. Такая свобода означала и невозможность существования в публичной сфере, драматичную для слова, заведомо не частного, ищущего горизонта исторического осуществления.

* См.: В. Биbihин. Для служебного пользования // В. Биbihин. Другое начало. СПб.: Наука, 2003.

Переписка отражает процесс постепенного освоения авторами реальности публичного слова и жеста как сферы собственного действия. Но не действия-активизма, а действия-внимания. Происходит выход из подполья в мир, которого еще нет, и в мир, который существует как зияние исторических руин давнего и недавнего происхождения. И поэт, и философ заняты припоминанием — но не прошлого, а того, что всегда хотело быть, исполниться в истории, никогда не доходя до поверхности событий. Вхождение в европейское пространство означает для них не просто появившуюся возможность «выезжать», но обнаружение общей связности мира, существование отклика, отклика, проясняющего то начальное сообщение, которому он отвечает. Эта новая широта возможностей меняет и место, откуда звучит сама речь философа и поэта. По словам Ольги Седаковой, ее поздние стихи, например «Ангел Реймса», написаны именно в ответ этому новому пространству, они отвечают его зову. То же расширение пространства действия слышно и в мысли Владимира Библихина.

С другой стороны, в 90-е собеседники сталкиваются с интеллектуальной чертой эпохи, которая, может быть, повлияла на нынешнее положение вещей, отдающее загробной стилизацией. Эта черта — постисторизм, сдача истории как настоящего местопребывания и местопребывания настоящего. Постисторическое состояние, определенным образом симулировавшееся как *status quo* позднесоветской эпохи, вдруг оказалось по-новому канонизированным после ее завершения. Постистория — это состояние, когда единственной реальностью, в которой что-то происходит, оказывается прошлое. Нуждается в специальном осмыслении то, что грандиозный исторический переворот начала 90-х не изменил, но (для многих) только довел ситуацию до бесповоротной ясности. Настоящее оказалось местом, из которого нечто необходимое недоступно. Принятие такой недоступности (удовлетворенное, ностальгирующее или ресентиментное) создает «ситуацию современности». Нельзя сказать, что это пустой или ложный ход, простое заблуждение. Инерция «исторического движения» перестает работать, потому что увидена именно как инерция, оборот самозаводящегося дискурсивного механизма, работой которого оказывается насилие (которое всегда инерционно). Библихин и Седакова не попадают в эстетическую ловушку навсегда завершеного в себе времени; они думают в настоящем и о настоящем — о том, что всегда нужно, потому что его нет в привычной и пригодной доступности. Это «всегда» сосредоточено именно в «отсутствующем» современности, которое может оказаться и тупиком, и просветом. В нашем разговоре Ольга Седакова неожиданно определила «современность»

как отчаянье, отвечающее твоему «здесь и теперь». Именно это отчаянье надо принять и превозмочь, чтобы увидеть даль будущего. Независимое, подпольное искусство 70-х знало это будущее, было устремлено к неслыханному новому содержанию, и сама его способность противостоять советскому настоящему подпитывалась парадоксальным «историческим оптимизмом», в котором угадывается эсхатологическое ожидание. И именно это напряжение живой истории вдруг ослабло в 90-е, которые для большинства стали временем частного успеха или такого же частного выживания.

Письма Бибикина демонстрируют прямоту отношений с настоящим, напоминающую мистико-физиологический симбиоз: «Что происходит в политике здесь, я теперь, не читающий газет <...> знаю только даже хуже чем слепой крот, даже не по шевелениям воздуха и земли, а как слепо- и глухонемой, по движениям собственного тела, словесного, во время говорения в университете и очень редко где еще». Извлечение опыта мира из слепых движений собственного тела выглядело бы крайне неловко, если бы Бибикин не действовал последовательно вне всякой идеологической установки, которая часто определяет то, что кажется «интуитивным целым» мироотношения. Бибикин отказывается делить свое существование на частное и историческое: «Тяга на Запад, совсем новая, проясняет теперь то ощущение важности происходящего (вовсе не в политике, а как-то так), которое длилось от примерно конца 1988 года вот теперь до самого конца 1993-го, в чем я опять же по-своему участвовал появлением новой семьи и теперь всё более странной для меня самого горой написанного для говорения в университете. Олежек успел проскочить последним в этот прорыв, или провал, или просвет (просвет я *видел* 24 мая 1990 года на несколько секунд, поворачивая в машине с Ломоносовского на Ленинский проспект около часу дня, он даже сопровождался чем-то вроде появления цифры 300 — столько лет нового и живого существования для этого города, Москвы) <...>». Поразительно соединение в одной фразе того, что обычно существует внутри разных конвенций: просвет в общем историческом бытии, видимый из изменения личной настроенности и увенчивающийся рождением собственного ребенка. Там, где невнимательный взгляд заподозрит некий капризный мистицизм, действует ровное и безраздельное внимание, освобождающее себя от специальной заботы спасти личное общим. Чувство России у Бибикина не похоже на «патриотизм» как разновидность идеологического платонизма. Он нигде не сводит идеи с идеями, чтобы получить прочную основательную конструкцию, способную выдержать давление опыта, не согнуться под

ним. Так делают в надежде построить мост над пропастью уже совершившегося краха (ведь вся мировая история — крах, руина, остающаяся после прохождения империума от одного края земли к другому, о чем в новоевропейской истории помнил еще Лютер). Для Биbihина человек живет внутри апокалипсиса, и всякое «принятие мер» только умножает его захваченность; не стоит об этом печься. Эта поразительная беззаботность более всего роднит его с Седаковой. Построение идеологии держится перспективой спасения, устройство которого человек возлагает на свои плечи: мир должен быть (пере)оборудован так, чтобы обеспечить спасение. И именно потому, что эта ноша собственным плечам непосильна, необходимы дополнительные гарантии, всё более подавляющие. Но во взгляде поэта и философа мир, будучи вполне погибшим, одновременно оказывается уже спасен: «Люди говорят и ждут, что будет, а всё уже было, если было, их только там не было — при собственном же слове» (Бибихин). Однако это «уже случившееся» не означает выпадения в гарантированный мир «вечных ценностей»: «Неожиданно я начал понимать оставленность Богом и бытиём во всех смыслах этого слова, и даже больше в том, что мы оставлены быть, не отменены, не отправлены в бросовый материал. Оставленность тогда вовсе не обязательно падение, а свобода, подаренная, чтобы мы имели возможность привязаться к дарителю без связанности им» (Бибихин).

В непосредственном и разбегающемся на множество тем разговоре движется мысль о том «не-узком» Я (Седакова), которое не равно индивидуальности, субъекту, Эго, но не является ни сверх-Я, ни Оно. Для Биbihина это и вовсе не Я, но то «свое», которому принадлежит человек и которое он только воображает себе принадлежащим. Оно не есть пункт самоотчета и самоконтроля и соразмерного ему контроля над пространством. Оно занято не собой и не конструированием противоположащего себе объекта. Это Я/не-Я создано самой захваченностью и не существует вне ее отдаления-приближения: «⟨...⟩ и в этом смысле о. Димитрий восхищенно говорил о Предтече: „Ничего своего у него не было“. Так же точно можно было бы сказать: „У него всё было свое“» (Седакова). В этом новом и непривычном нам смысле «свое» не отстраивается от первично усматриваемого угрожающего чужого. Напротив, именно «узко-свое», психологическая и мировоззренческая данность, отсекает от него.

«Я не только верю в возможность посвященности, но просто видела посвященных людей. И в какой-то мере очень, очень многие люди посвящены (вообще-то говоря, все). Просто мы удаляемся от собственной посвященности, нам кажется удобнее о ней не вспоми-

нать — почему-то. Может быть, потому, что представляется, что, если принять ее, то, что начнется, будет уже не жизнь, а смерть» (Седакова). Это слово сказано и будет сказано еще много раз: «Между прочим, главная, постоянная мысль Ханны Арендт: настоящее начинается только там, где оставлена забота о жизни, как Вы пишете в „Круге чтения“ о Ерофееве» (Биbihин).

И еще: «Человек хранится чудом, и поэтому к немногим так тянутся все, когда немногие *умеют* спасти. По своему опыту я знаю, что *держит*, если вообще что-то держит, в этом уходе только готовность всё бросить и опереться, если такое слово подходит, на красоту, правду. Ужасно, если человек к критическому моменту не имеет опыта, или даже опыта мало, привычки опираться на это и только на это, тогда ему конец. Как собственно скончались многие, и к ним достучаться уже нельзя. Они еще ходят по разумным орбитам расчета, дискурса, но уже сорвавшимся и слепым, надежды для них нет» (Биbihин).

Подлинная аскеза мысли — это ее прямота. Посвященность — та же прямота, а не тонкая улыбка авгугов, обошедших — перетолковавших — опасность. Собеседники здесь одинаково прямые, но у них разные *ars amandi*, искусства любви к правде.

Биbihин подходит к своему предмету очень близко, потому что близость и есть исходный пункт его философского дела — и то, откуда он видит, и то, что он видит. Это затягивающая, заманчивая и ужасная близость, которая взрывается войной, отпадением, противостоянием, но и война — та же близость; близость, из которой рождается разделение и которую оно рождает, то «свое», что есть до «самого». Враждующие стороны близки — не потому, что «противоположности сходятся», а потому что вражда есть вызывание врага на себя, оно же — вызывание никогда не бывшего себя, жаждущее себя стереть. «Другой человек не дальше от тебя чем ты сам и никакая вещь не дальше. Это неожиданно». И поэтому в конечном счете война — манифестация единства: «Понимание не началось и не кончится; ему нет причин, оно всё впуская и всему давая место причина всего. Сама способность, возможность, одинаковая в твоём, каждого человека внимании, вбирании, оно дает всему быть, и этой судорожно обособившейся даме, настороженно боящейся прежде всего себя, и камню; впускание правит всем, охватывает концы и начала вещей, так что кончается одна жизнь и начинается другая, но не кончается, а только без края раскидывается еще шире, не зная конца своему простору; понимание и обновляется в смерти яко орля». Война ведется за целое, и только за целое; значит, и победить может только целое —

мир: «волшебная победа мира в любой честной войне, а о нечестной говорить скучно, тем более величать ее реальностью» (Бибихин).

«Близости» Бибихина отвечает «даль» Седаковой: «Искусство не берут голыми руками, даже если это руки такие чуткие, как у Розанова: только воздушными руками, не „своими“. Мне кажется, я понимаю исходное значение „своего“ как „хорошего“. Но еще лучше для меня образ хорошего как „чужого“, чудного, неприступного». Даль не может быть исчерпана никаким приближением: она не конвертируется в близость. Она не участвует в войне. Она не может быть понята. Даль открывает взгляду форму вещей. Но той же далью форма погружается в сфумато, ускользая от пристального разглядывания.

Седакова — возможно, второй (после Пушкина) русский поэт, имеющий чувство к холоду. Холод — это прикосновение нетронутой вещи, вещи, переставшей быть утварью. Этот холод одновременно — огонь: «По-моему, искусство создается не из натурального человека, а из этого, в эфирном или слабо-световом коконе. Он (этот кокон) из того же вещества (или антивещества), что Молния, но в отличие от ее „вдруг“ он непрерывен, в отличие от ее зигзага — по сути шаровиден». Огонь — совершенный образчик чужого-чудного. Он неприручаем, с ним нельзя сблизиться. У огня нет ничего затаенного, сокровенного, своего — он сам себе потусторонен. Огонь — жертвенник и жертва. Близкой вещью захвачены. Дальней вещью — освобождены. Но, возможно, это одна и та же вещь. Вернее, одна и та же не-вещь.

Многое открывает столкновение собеседников в разговоре о Франциске Ассизском. Бибихин всматривается в самое «нечистое», «сублимированное» во Франциске — одержимую борьбу с похотью, которая как будто самой борьбой преобразуется в нечто титаническое, заполняющее собой весь мир и больше. Запрет взгляда и прикосновения втягивает героя аскезы в непрерывное противостояние, в котором он всегда сокрушен. Ведь взгляд и прикосновение всегда уже успели случиться в человеческой жизни. Обреченность битвы и есть ее главное содержание, та новая страсть к поражению и сокрушению, что рождается из первой страсти к чистоте самоотдачи. И опасные для жизни епитимьи, что налагает Франциск на братьев, — тоже не вполне наказания, а уроки полного поражения, более окончательного, чем мгновенный соблазн поднятых глаз при посещении сестер-кларисс. Седаковой именно это страстное остервенение битвы со страстями представляется самым расхожим образом святости, ничего не говорящим о самом Франциске, о его огне. И характерно, что эта же «аскетическая» тема сознательно опущена в ее размышлениях о Толстом. И там, и там Седакова видит иной источник излуче-

ния — выбор Жизни, свершившийся до всякого выбора позиции или установки.

Но в самом центре мировой схватки-захваченности Бибихина царит то, что он вслед за Гераклитом называет «от всего отдельным». Это неприступное и неотступное, по которому скользит и соскальзывает всякое познание, будучи отброшенным к собственным условиям и границам, — может быть, оно названо без имени в «Китайском путешествии» Седаковой:

то, что ни с кем и со всеми,
 что нигде и везде —
 величиной с око ласточки,
 с крошку сухого хлеба,
 с лестницу на крыльях бабочки,
 с лестницу, кинутую с неба.

Это, ближайшее и недостижимое, и есть свое человеку — то, чем он не может владеть.

Человек оставлен, и в своей оставленности он открыт действию сил, в том числе внечеловеческих или бесчеловечных. Человек оставлен вдали — в дали, создающей его мир. Но у мира есть центр, и этот центр создает его даль: «я продолжаю утверждать, что мир присутствует не только в надрыве по нему: я думаю, что он в полноте присутствует в Евхаристии, если принимать ее всерьез („Милость мира“, как там говорится), он излучается из „мирной жертвы“, если такая приносится и вне храмовых условий, из „жертвы хваления“. Но она — милость, харизма, *Gratia gratis data*, и поэтому, кого она коснулась, тверже всех знает, что ей не обладает» (Седакова).

Что же остается нам, читателям, от опыта людей, достаточно от-
 важных,* чтобы не обладать тем, от чего зависит их жизнь, достаточно беззаботных, чтобы в буквальном смысле «играть с огнем»? Может ли такой личный опыт стать вполне разделенным общим опытом, или тогда «не мог бы и мир существовать», как замечает пушкинский Моцарт?

В своей речи 2002 года Владимир Бибихин описывает важнейший для него поворот в поэзии Ольги Седаковой как поворот к созданию «своей страны», земли, на которую можно опереться, «недвижимости» в буквальном смысле слова:

«И если здесь нет какой-то ошибки, то, однажды среди сквозняка и вихря, в узком проходе между гибелью и спасением, разглядев рай, поэт уже с ним расставаться не захотел. Всё, что делается с тех пор, показывает, что пространство без метрики, в котором продолжается

* Напомню, что речь идет об отваге в самом непосредственном смысле: последние годы Бибихин смотрит в глаза смертельной болезни.

невидимая работа, кроме таких масс как цвет и величие, оформилась еще одна цель, своя страна. <...>

Топика, обозначенная полюсами земли и звезд, <...> окончательно закрепляет надежность мира, поднятого против метрического и *способного занять его место*. Это событие, опять же важное для всех нас. <...>

То, что из поднявшегося таким образом неподвижного мира не делается никаких попыток примирения с метрическим расписанным пространством, скорее обнадеживает. Постоянство продолжающейся работы дает уверенность. Что и из метрики, пока она остается прикована к своему свету, в новый мир тоже нет пути, <...> принимаешь как неизбежность, не обязательно трагическую».

Вот что оказывается главной и животрепещущей подробностью, которую читатель узнает из частной переписки: мир, раздвинутый такими словами, — есть, и он надежней любого другого.

Виктория Файбышенко

Письма 1992–2004 годов

Дорогая Ольга Александровна, после ночной грозы и ливня, при полной ясной луне, смешение молочного света молнии с ее, в сравнении, все-таки чуть солнечным светом, утренняя свежесть не вяжется с печальным состоянием нашего огорода, где малина посохла, клубника повяла, сливы уж точно опадут, яблоки обязательно сорвут — природное и человеческое смешивается, природное в этом году тревожно и начинает поправляться только сейчас, человеческое балансирует между раем и адом с сужающимся промежутком. — Читая у Хайдеггера его ссылку на его книгу, я еще раз поразился, как это на Западе написанная книга стоит, остается, какая-то и тысячу, две, три тысячи лет. В этом смысле у нас — апокалипсис здесь и теперь, потому что написанная книга бессмысленна и безнадежна *сразу*, тут же, не имеет шансов, стерлась, растрепана, отвезена на телеге на астраханский рынок. Наше «Слово о полку Игореве» — болезненная, жалкая попытка иметь тоже все-таки старинный эпос, раз все его имеют. — Эта обреченность всего написанного, заранее, не означает только для меня, странным образом, бессмысленность писания, а как раз наоборот, бессмысленность в России всего, что не писание, клочки бумаги, куда-то складываемые, как-то кому-то безнадежно подсовываемые, на чердаке в старом чемодане и в яме лежащие. Пиши, пиши что-то, говорю я себе, и клади куда попало, всё равно никто читать не будет, а и прочтет, отложит в недоумении не поняв, ну а что ты хотел, на маленькой земле, но все-таки с огненным внутри телом, под палящим солнцем, ты хотел, чтобы твои клочки бумаги не истлели, очень быстро, — но всё равно, говорю, ничто другое вот уж точно совсем смысла не имеет, занимайся этим безумным, сумасшедшим делом, пиши неведомо кому неведомо что.

ТВ, которое мы в этом году иногда смотрим, откровенно абсурдно. Нелепую «экономику» прокомментировал легким гениальным, мне кажется, жестом Любшин в «Черном монахе»¹ (13.7.92, 17.20 I прогр.), у которого далеким вянущим полусонным голосом двое откинувшись полулежа говорят о начале нового образцового русского хозяйствования, примере процветания, голоса звучат всё более обветшало, сникая в дымке кадра, и оба засыпают: всё раздавлено, заранее разметано ходящим своими небесными орбитами черным монахом, и в отчаянии в конце картины все-таки еще вдруг куда-то безумно бегущий Любшин, бегом кошмара, когда сверхусилие беспо-

1 «Черный монах» — фильм по одноименному рассказу А. П. Чехова, 1988 (СССР, ФРГ), реж. И. Дыховичный. С. Любшин играет магистра философии Коврина.

лезно, падает в землю (как-то так получается, что сразу в землю, не на землю, и остается после всего, я говорю, только жест). — Не надо думать, что в Японии, на Западе исключительно поряддивые люди, не как у нас: ах нет, толпа там такая же, как у нас, но она *уже* сникла и терпеливо подчинилась хозяевам времени, инженерам, изобретателям, репортерам, безумным проектировщикам, и ходит по струнке, потому что и о ней там организаторы успевают немного позаботиться. На Россию должны смотреть, потому что в России только человек может пока (наверное, недолго) позволить себе роскошь, не встраиваться в технику.

[...]

Вы в расписании читающих в следующем семестре — «Данте». Я в этом списке — «Ренессанс»,² который для меня тоже — Данте и его возвращение у Леонардо, Макиавелли, Гвиччардини, Боттичелли, через Петрарку и Боккаччо, а то, что обычно называют Ренессансом, гуманизм, я называю уже ренессансной схоластикой. Но всё это имеет малое отношение к *делу*. Дело — наше положение, русское слово, вещь слишком тонкая и бездонная, чтобы не считать опасным всякое уверенное говорение. Искать, прислушиваться, удивляться, знать, что слово дается не нам, и когда — редко — через нас, то не дай Бог его придержать, для себя.

«Прошел трактор, разворотил дорогу». Нет прошел не трактор, трактор изобретен чтобы делать дорогу, и каждое прохождение трактора могло бы, должно было бы помогать земле. Прошел не трактор, а как в теле может быть чужой, так в кабине был одержимый — толь-

2 Владимир Вениаминович и я по приглашению Вяч. Вс. Иванова стали сотрудниками созданной в 1990 году кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ, впервые получив возможность читать авторские курсы. В 1992 году на базе кафедры был создан Институт мировой культуры МГУ. Создание Института, научного общества нового типа, в котором были собраны лучшие гуманитарные ученые этого времени: филологи, историки, философы (достаточно назвать имена С.С. Аверинцева, М.Л. Гаспарова, А.Я. Гуревича, М.К. Трофимовой), имело в замысле идею воспитания новой гуманитарной элиты. Характер нового института и кафедры (отчасти отвечающий тому, что в Америке называют Comparative Studies) был совершенной новостью в отечественной традиции. Здесь стоит вспомнить, что такое была «мировая культура» в позднесоветское и перестроечное время. Тоска по ней означала

тоску по смысловой открытости в эпоху железного занавеса, по истинному интеллектуальному и душевному уровню. К концу 80-х возникает новая дисциплина — «культурология», то есть общее синтетическое рассмотрение культур разных времен и народов, в своем роде популярная версия структуралистских исследований по типологии культур. «Мировая культура» должна была в каком-то смысле занять место упраздненной идеологии. Эта идея оказалась утопической.

В 1993-м Бибихин уходит с кафедры, но продолжает читать лекции и вести публичные (не входящие в программу) семинары на философском факультете. Эти лекции и семинары стали основой почти всех его книг (изданных по преимуществу уже после смерти по машинописи и файлам). Каждый новый курс задумывался как книга. Мои курсы и семинары не получили продолжения в публикациях. (ОС)

ко чем? Не злом: непомерностью бытия, его нерешаемостью, хоть тресни, хоть сойди с ума. Пока есть такая одержимость, есть Россия, которую нельзя «обустроить», которую устроит только мир. Солженицынское «обустроить»³ — это наследие еще той, царской имперской сталинской задачи. Сталина и царя мы не поняли, и пока не поняли, с места не сдвинемся.

Лев Аннинский жалеет в «Аргументах и фактах» о провале «литературного процесса»,⁴ который, хоть с Горьким и Маяковским, все-таки куда-то какими-то «стадиями» вел. Я написал ему, что зря он печалится, «процесс» идет всюду, и нужен ли тот «процесс»? Ах: людям хочется железной колесницы, паровоза, к которому прицепиться. Я думаю о Вас, которая слышит то, что слышит, или не слышит, и внутри «процесса» ли начинает слышать и без «процесса» ли глохнет? Литераторы жадно вцепились в «место», печатную страницу, и, думаю, «дело» не может по-честному остановиться, не дойдя далеко, до средневекового одного экземпляра (не «самиздата», который по-своему массовый), показанного одному человеку.

В пятницу будет Ваша и Ольгина Ольга, когда мы хотим пойти к о. Димитрию венчаться, тихонько, без никого.

Я надеюсь, что у Вас всё мирно. Если Вы напишете буквально два или три слова, то Вы понимаете, как нам это будет много.

С благодарностью —

Азаровка, 6.8.1992

Дорогой Владимир Вениаминович,
спасибо за письмо! (Оно шло всего две недели.) Только что по «Свободе» я слышала умный и выдержанный ответ Бориса Хазанова⁵ (которого я вообще люблю, и как эссеиста, и особенно как прозаика,

3 «Как нам обустроить Россию. Посильные соображения» — статья А. И. Солженицына, опубликованная 18 сентября 1990 года одновременно в «Литературной газете» и «Комсомольской правде». В ней Солженицын, еще остававшийся в изгнании, предложил общие идеи по политическому и социально-экономическому устройству будущего государства. Предвидя распад СССР, Солженицын думал о сохранении союза России, Украины, Белоруссии и Казахстана.

4 Лев Александрович Аннинский (1934) — российский литературный критик, начавший публиковаться в 50-е годы. «Литературный процесс в России — суть жизни

Л. Аннинского, его биография. <...> Он считает, что великая русская литература возникла как коррелят Российской империи». — Сайт Льва Аннинского (<http://www.anninsky.ru> — дата обращения: 24.9.2018).

5 Борис Хазанов (Геннадий Моисеевич Файбусович, 1928) — писатель, эссеист. В 1949 году Борис Хазанов, студент классического отделения МГУ, был репрессирован. Вернулся в 1955 году. Его книги и эссе ходили в самиздате, публиковались за рубежом. С 1982 года живет в Германии. Упом. кн.: Час короля. Я Воскресение и Жизнь. Антивремя. Московский роман: Избр. проза. Нью-Йорк–Иерусалим–Париж: Время и мы, 1985.

автора «Я воскресение и жизнь» — Вы читали?) на неприличные вопли о «процессе» Аннинского, о которых Вы пишете. [...] То, что во всем этом видно, как день, я бы назвала: мелкость. Хотя может быть и точнее название. Мелкость, мне кажется, — демон этой эпохи. А они обличают «соблазны» начала века, «демонизм», «прелесть» Блока ли, еще кого. Конечно, *те* демоны им не грозят. А что мелкость демонична, это им в голову не придет — или inferнальна? Это ведь еще до входа в Ад у Данте, помните — *ignavi*:

né lo profondo inferno li riceve,
ch' alcuna gloria i rei avrebber d'elli.
Inf. III, 41–42⁶

Данта, как видите, я читаю, но вижу, каким безумием с моей стороны было заикнуться о курсе. «А теперь за мной это тянется» (Вы не слышали эту фразу Зализняка? Он в листке военного учета в графе: какими языками владеете? написал: никаким. Его удивленно спросили: «Но ведь говорят, Вы французский знаете?» Он возмущенно сказал: «Ну, жил я в Париже, и что же? разве это значит, что я язык выучил? А теперь это за мной тянется».⁷ Ему поверили; я думаю, из-за последней фразы). В общем, про Данте я ни малейшего основания не имею высказываться. Я совершенно с Вами согласна о перспективе максимально непубличного писания. Всё остальное, писаное на выход, с необыкновенной очевидностью стало неинтересно. Читаю — стихи ли, прозу, беллетристику — а за всеми «словами», «образами» и т.п. слышится одно искреннее: «Возьмите меня, возьмите!» Хотя что-нибудь бы встретить, незаинтересованное в публикации — или хотя бы не в первую очередь этим заинтересованное. Мне где-то встретилось, что Л. Толстого одна семья попросила не публиковать «Живой труп» (сюжет с их обстоятельствами был слишком близок) — и Л. Н. *не* опубликовал.⁸ Вот это не мелкость. А чего *не* опубликовал

6 *Ignavi* — буквально безвольные, бездельные. В дантовском употреблении — ничтожные. Это те, кто не сделал выбора, под какие знамена встать. В каком-то смысле они ничтожнее грешников, которые какой-то выбор все-таки совершили. «И глубокий ад их не принимает, чтобы преступники перед ними не почувствовали какого-то превосходства». (ОС)

7 Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017) — великий лингвист, историк русского языка, индоевропеист. Комизм этой истории был понятен тем, кто представляет себе, каким числом языков в действительности владел Зализняк. Библихин считал Зализняка своим учителем (см. в дальнейших письмах). (ОС)

8 В основу сюжета драмы «Живой труп» положены обстоятельства судебного дела супругов Н.С. и Е.П. Гимер, сообщенные Толстому его близким знакомым, председателем Московского окружного суда Н.В. Давыдовым. Толстой был лично знаком с Е.П. Гимер, ее матерью и братом и знал многие подробности задолго до рассказа Давыдова. Работа над пьесой не была закончена. Переписчик Толстого, А.П. Иванов рассказал репортеру «Новостей дня» о новом произведении Толстого. Репортер написал статью (Новости дня. 1900. 22 нояб.), после чего к Толстому пришел сын Н.С. Гимера и просил от имени матери не публиковать драму, так как это могло возбудить интерес

Пушкин? собственно, всего лучшего. Они-то знали, что лучший читатель, лучший ценитель уже оповещен, что он глядит, как они марают рукопись — и раньше того. А этим нужна справка с печатью. Как они наскучили...

Время философии, Вы думаете? не знаю. Мне кажется, время побыть с собой, хотя это крайне неприятно и не сулит ни философии, ни поэзии, быть может. Побывать с собой при свете — Образца? Замысла? Свет, конечно, ужасающий —

Не знаю, можно ли поздравить Вас с венчанием? Если Ваша мысль исполнилась, то от всей души поздравляю! Я скучаю по о. Димитрию.⁹ Он этот ужасающий свет умеет открыть таким любящим, «творящим все новое».¹⁰

А про Россию мне не хочется думать, и мне бы хотелось, чтобы и другим не хотелось. С. Романо (бывший послом Италии у нас и, как говорится, даривший меня дружбой) в своей книжке «*La Russia in bilico*»¹¹ написал о поразительном нарциссизме России, веками созерцающей собственную необычность — в форме ли самобичевания, или самопревозношения. Если бы французы без конца думали о Франции или греки (классические) создавали Греческую Идею, — вот всем интересно-то было бы! Ну, почему не подумать о чем-нибудь другом? Может быть, Вам не нравится такой «гордый взгляд иноплеменный»? Конечно, отца Димитрия можно видеть как выражение именно русской духовности (и это справедливо), но куда милее думать о нем просто как о нем. Все-таки для меня человек интереснее, чем его составная (скажем, возраст, пол, этнокультурная принадлежность и т.п.). Но о составных легче рассуждать. А мысль о человеке (одном, с определенным артиклем) уходит в молчание.

У нас тоже засуха, коровы выели всю крапиву и бродят отошавшие до слез. Но сад — благодаря тетиной¹² ежедневной поливке — благополучен. Цветут цветы, спеют яблоки. Появлялась тут ясновидя-

к «заглохнувшему было судебному процессу» и повести к тяжелым для его матери последствиям, то есть к отбыванию тюремного заключения (П. А. Буланже. Как писалась драма «Живой труп» // Русское слово. 1911. 9 окт. и А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., 1922. Т. 1. С. 53).

⁹ Протоиерей Димитрий Акинфиев (1928–2008) — в годы переписки настоятель церкви свт. Николая в Хамовниках, прихожанкой которого была Ольга Седакова.

¹⁰ «И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое» (Откр. 21:5).

¹¹ Серджио Романо (1929) — итальянский писатель, историк, журналист и дипломат. С 1985-го по 1989-й — посол Италии в СССР. Упом. кн.: *Sergio Romano. La Russia in bilico*. Mulino, 1989. — «Россия в подвешенном состоянии», книга о горбачевских временах.

¹² Нина Васильевна Седакова (1914–1999) — тетя Ольги Седаковой, сестра ее отца. Жила в Азаровке вместе с Дарьей Семеновной Седаковой (1889–1980), бабушкой О. Седаковой.

шая, но это отдельный разговор. Пожалуй, я верю реальности опыта этих очень нетрадиционных новых духовидцев («экстрасенсов»), но видимый ими невидимый мир мне не кажется интереснее этого, просто видимого. И потом, они так же настроены на публичность, как писатели. «Таинственное», с которым имеет дело художник (в широком смысле), — совсем другое. Оно как бы по сути безымянно, а они называют: «вот, появился такой-то; он передает: расчистите ключ! — и т.п.» Может быть, у них просто резче наведен фокус, а мы довольствуемся окружающим видение туманом, эхом? Но мне кажется, различие серьезнее.

Простите, что так Вас заболтала!

Ольге мой сердечный поклон

Крестника поцелуйте.

Ваша

О.

Пожалуйста, пишите, для меня это большая радость.

Ожигово, 6.8.1992

Дорогая Ольга Александровна, еще не зная, что Вам писать, уже догадываюсь, что если бы знал, то писать было бы не нужно: то же, не меньше, знаете и Вы, заранее. Разве что сообщить Вам для Вашего успокоения, чтобы Вы еще раз удовлетворенно уверились, что узнаете то, что знали? Или — это то же самое — не узнаете то, чего не знали. «Да, всё так». Всё *именно* (! здесь тайна слова — имени) такое, какое оно есть, и ни чуточки не такое, какое оно не есть; алмазными гвоздями прошита и скована — прочное божественное присутствие — такость всего, и не шевельнется, не шелохнется, как летний жар. Аверинцев¹³ однажды Ренате¹⁴

13 Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) — выдающийся исследователь европейской культуры, филолог-классик, византист, библист. Центральная фигура «нового ренессанса», как назвал время 70-х Владимир Библихин: времени «культурной контрреволюции» и религиозного возрождения. Ольга Седакова считала его своим учителем, Библихин — своим самым значительным собеседником (см. «Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев». М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004). Оба корреспондента много думали и писали о значении трудов Аверинцева (см.: О. Седакова. Апология рационального. Сергей Сергеевич Аверинцев //

Седакова, 2010. Т. 4. С. 519–548). Ольге Седаковой также принадлежит первая попытка биобиблиографического очерка: Сергей Сергеевич Аверинцев. 1937–2004. РАН, Серия «Материалы к биобиблиографии ученых». Литература и язык. Вып. 29. М., Наука, 2005.

14 Рената Александровна Гальцева (1936) — философ, теоретик культуры, публицист. Многие ее работы выполнены в сотрудничестве с И. Б. Роднянской. В 1963–1972 годах — ст. научный ред. 4-го и 5-го томов «Философской энциклопедии», в которых печатались статьи Аверинцева. Член междунар. обществ. совета и ред. журнала «Новая Европа» (1992). В 1974–1990 годах — жена Владимира Библихина.

в бухте Гурзуфа: «Не кажется ли тебе, что удивительно, что всё именно *такое?*» — Именно. В этом ключ к языку. В одной из давних статей я бредил, догадываясь и наощупь, что слово через значимость привязано к неповторимому *этому*. Только теперь, после Парменида,¹⁵ после события-озарения я могу попробовать разъяснить себе то, о чем догадывался. Всё именно такое, какое есть, имя собственное не лексема и не семема, а логос: говорящее кричащее этости, хаессеитас.

У Аверинцева был недавно Попов Юрий Николаевич,¹⁶ и А., «конечно, ослаб», но никогда не знаешь: сколько раз он уже вел себя совершенно неожиданно и, возможно, начнет в этом семестре читать. Он работает, пишет для «*Reinischer Merkur*»¹⁷ статью с продолжениями о современном христианстве в России. — Зелинский¹⁸ печатает в «ЖМП» кусками «Приходящие в церковь» [...] Я открыл этот «ЖМП» 1992, 3, думая, что увижу свой текст (перевод), в храме о. Дмитрия, где договаривался о венчании. И честно сказал, дамам, что если против их совести видеть венчающимся троеженца, то я приму приговор. Они ничего не сказали и были неожиданно любезны к нам, как ни к кому; нас было снова четверо, и за младенцем следила молодая монахиня, а Рома вел себя образцово. Венчание было не на Казанскую, — это вторник перед постным днем и венчания нет, — а на Ольгин день. И о. Дмитрий извлек нас из конца очереди, «Владимира и Ольгу», на Ольгин день за четыре дня до Владимира это было правильно. Ах Ольга не должна была снимать корону, она была в ровном простом платье простоволосая и с простым ровным личиком, серьезным, и венец оказался ей по размеру. «Оленька», сказал ей о. Д. Мы оба заметили, его воздевание рук («честью и славою венчай их») было поступком и действием, не нужен был фотоаппарат (нас не снимали), такие жесты отпечатываются сами (кстати, мистика аппарата, «запечатления», завязывания на небесах, только уже слепого, заблудшего). И Ольга думала, что нас дамы завернут, когда мы признаемся, и ничего не состоится; думая так, она забыла и полотенце и фату. Но оказалось, что

15 То есть после курса «Чтение философии», второй семестр которого почти полностью посвящен чтению и разбору поэмы Парменида. (ОЛ)

16 Юрий Николаевич Попов — филолог-германист, переводчик. Редактор издательств «Наука» и «Большая советская энциклопедия», Попов готовил «революционные» тома «Философской энциклопедии» (т. 3 (1964), т. 4 (1967), т. 5 (1970), в которых появились статьи С. С. Аверинцева.

17 Немецкий еженедельник христианского и консервативного направления, издающийся с 1946 года в Бонне.

18 Владимир Корнилиевич Зелинский (1942) — религиозный мыслитель, переводчик, эссеист. В СССР был близок к диссидентскому движению, принадлежал к кружку о. М. Аксенова-Меерсона и Б. Шрагина. Был автором религиозного самиздата. Уехал из СССР в 1991 году. Священник, настоятель православного храма в Брешии (1999). Преподаватель русского языка и литературы в Католическом университете Милана. Упом. кн.: В. К. Зелинский. Приходящие в Церковь. Париж: La Presse Libre, 1982.

полотенце как-то нечаянно захватил я, а без фаты она под венцом как из X века: в том, что касается ее серьезности, простоты, внимания, в X веке не могло быть по-другому. Под высоким потолком, кроме того. Таким было наше венчание, событие в нигде и для чего? Если бы кто-то знал или видел! Невозможно видеть то, что нигде и ни для чего. И невозможно стереть. О. Дмитрий был к нам всё время любезен.

Теперь, собственно, главное, что я хотел Вам сказать. Зла еще слишком мало в мире, чтобы оно разбудило к решительности то, что к решимости способно (дети бредят Терминатором, Рома объявил себя Терминатором-два, «только добрым»; младенца мы тогда называли, по производимому им эффекту, Транквилизатором). Добру мешает страсть быть действенным, зло выполняет важную функцию окорачивания рук. Ах недостаток зла (настоящего, злого) и избыток деятельного добра погубили Россию. Завет Римской империи и христианства: крест, немощь, свидетельство (слово), которого одного *достаточно*.

Вы не должны думать «как это я им еще не ответила», потому что уже в писании к Вам достаточно узнавания себя, очень много; пишу Вам и уже от Вас отвечаю себе. [...]

Смотрел вчера и сегодня свой перевод и примечания к «Вещи» Хайдеггера,¹⁹ всего 6 лет назад, а сегодняшнее время уже позволяет очистку и помогает ей: тогда было лживое, душное впечатление слушающих, к которым и с которыми говорить; еще не было ясно, как теперь, что они только *казались* слушающими, на самом деле были жадными самым вдруг много заговорить, т.е. они были жадно слушающими, когда ты, наконец, перестанешь, дойдешь до конца, они ждали жаждали конца, а ты думал, что они слушают. Они ждали Терминатора и твою решительность принимали за решимость порешить, не за принятие просто как таковое. Теперь, слава Богу, никто не слушает, и можно говорить, как перед Богом. Пока остается Россия, остается это: пустота, впускающая, нестираемая, хотя Терминаторы уже довели все до предела и до беспредела. Что творится у вас в вашем пищевом институте, спрашиваю я даму, которая заплатит мне 60 руб. от Апрелевки до Якиманки. Беспредел, как и везде, уверенно и с незаметной для себя радостью и гордостью говорит она. Торжество российской словесности, продолжаю думать я, ее очистительный костер.

Я вижу Вас царственную и печальную [...] среди сохнувшей зелени Азаровки, не в изгнании а в царстве, спокойную госпожу. Тайный триумф невидимых царей. Верю, хоть не верится, потому что знаю, как ничего прочнее непрочного всё равно нет и ничего не будет, и другой победы, кроме тишины и внимания (мир — внимание, вмещение), не бывает.

¹⁹ Перевод был опубликован в Историко-философском ежегоднике '89. Вошел в книгу: М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 316–326.

Следующие новости (!) до другого раза, тем более, как я сказал, Вы их и так уже знаете.

С благодарностью, и с догадкой, что какие-то из
проходящих над нами облаков довольно
скоро проходят и над Вами,—
В. Бибихин

Ожигово, 14.8.1992

Дорогая Ольга Александровна,
Ваше письмо при втором прочтении кажется более новым, чем при первом. Я думаю, порча пишущей толпы происходит оттого, что они ищут чему-то выражение и составляют слова, не замечая, что вещи вещие, они вести и «выражение» тут может только все спутать. Дети, пока их не спугнут, говорят вещами (говорю о 3,5-летнем, 4-месячный совсем особое, ошеломляющее), не замечая слов и не отделяя их от вещей, так что, скажем, когда видят, что их не понимают, то не выбирают «другие средства для выражения той же мысли», а только еще интенсивнее живут, и сердятся, что усилие сердца, такое ясное, не подхватывается. Именно не подхватывается: ребенку надо не столько семантики, сколько участия в том же напряжении искания, и сердится он, взрослые думают, несправедливо, но взрослые не догадываются, на что сердится: на нехватку того же огня. Так поэт (думаю сейчас о Цветаевой) сердится не за семантику на читателя, а за холодность, потому что семантику, себе, честно если сказать, любую примет: дело не в семантике, он пишет не семантикой, а огнем, озарением (или чем, никто не знает, где слов не то что не хватает или не найдены, а... хоть брось).

Неожиданно за струганием столба: это же ведь сон, догадался я, этого не было. В храме я и еще кто (однажды в опустевшем еще храме в Хамовниках мы с Г., православный фантазер, выводили пьяного, которого я с запасом держал на всякий случай очень крепко заранее под руку, и странным образом на выходе пьяный что-то неодобрительное высказал о Г., а мне сказал, что меня он понимает) вдвоем перед ступеньками слева, кажется, от царских врат, других людей нет, быстро сходит о. Николай, мы оба складываем ладони для благословения, но мы в недолжном разваренном лениво-умиленном состоянии, мне заранее стыдно от перепада между этим рыхло-пустым и собранной спешкой о. Николая, не остановившись он быстро проходит мимо с раздраженной понимающей упрекающей полуулыбкой, отодвигает

ею нас и идет, кажется, к своему домику, у него дела, мы как сбиты с ног. Этого точно не было, а я это видел, это было, чуть не написал я, забыв о начале фразы; значит, это явно сон.

[...]

У Конфуция «совершенный человек» («джентльмен» в английском переводе) такой, что ему легко угодить (услужить), но трудно понравиться; противоположность ему, наоборот, такой, что ему очень легко понравиться, но трудно угодить. [...]

Разрыв. Как у многих со многими вокруг меня (я, правда, мало кого знаю) в эти дни. Расслоение, отсев — по всей стране? Что-то, чему грубо, для срыва было дано название «классы». «Классовый враг» — Вы мне рассказывали, кто так назвал С. (Или не его?)

В сердцах очернил свой огород я чтобы разгорчить самого себя, но теперь, когда дело к развязке (скажем, веревочек, которыми подвязаны кусты), жаловаться грех: и помидоры, от которых не видно листьев, и огурцы, которые тоже давно уже некуда девать, и третья редиска невиданной величины и сочности и вообще «зелень огородная» (Некрасов, вот кто был лакировщик и «реалист», т.е. в упор отказывающийся видеть реальность, со страстью и по глубокому сердечному убеждению), и мозаика банок с протертыми ягодами (на варенье Ольга не расходовалась), и облепиха, на которую вдруг Вы к нам приедете?

Теперь. А.Л., с этого семестра профессор уже в Принстоне (греческого языка, и с курсом «Man (!) and Cosmos in Ancient Greece»,²⁰ название которого было признано руководством университета сексистским и politically incorrect²¹) [...] Америкой он подорван, с одной стороны, как уже теперь он станет где-то жить не рядом с хорошей библиотекой, с другой, к тебе в Америке хорошо относятся, пока ты профессор из России, как только претендуешь на обживание в университете, тебе в спину сто ножей; какой он был горячий демократ, обвинявший Гераклита в имперстве, теперь я не демократ, правее своего отца (военного и партийца), патриот не существующей уже державы! Я не думаю, что не надо было так терять себя в Америке, для себя я подобного хотел бы; но сумеет ли [...] вернуть себе молодую злость, энергию и уверенность, какие были у него здесь. Он очень умен. Однажды он хорошо сказал мне о гераклитовце М.: глупость — это забвение цели. Зачем он ехал в Америку? Америка его купила на время как «профессора греческого языка», такого еще по-

20 «Человек (= мужчина) и космос в античной Греции» (англ.). На месте обобщающего man политически корректно было бы употребить human being.

21 Политически неверным (англ.).

искать, но Л. ведь больше. Оказывается, он там не мог даже от нагрузки много работать, начал только в последнее время. — Хотя он богат, как американец, накупил быстро две тысячи книг («за два доллара целое собрание сочинений, это же дешево!») — т.е., по теперешнему курсу, 320 р., как обидно, американец имеет почти или не почти полмиллиона наших рублей в месяц). [...]

Дантовское место, которое Вы цитируете, об *ignavi* — может быть, всего чаще мне ярко вспоминающееся (как и место об «интеллекте», залегающем, как зверь в берлоге, в истине, *posasi in esso come fera in lustra*²²). Как он это сумел сделать, что западает в память? Я принимаю в том только смысле Ваш упрек в моей самонадеянности — говорить о Данте, — что Вы не знаете, что я для каких-то целей, сам не знаю каких, говорю всегда как исповедуюсь в невежестве и беспомощности, и никто легче меня не уйдет, когда перестанут слушать.

Ваше письмо, 6 августа, датировано двадцатилетием моего формального крещения (решение, идеальное крещение, было в Духов день). — Философия я не знаю, что такое, во всяком случае не другое, чем «побыть с собой»; с Ренатой я согласен только в том, что «литература» должна отрезветь потесниться.

Ваш ВВ

Перебирая небольшой хаос из досок: есть в Вашем словаре «катавасия»?²³

Азаровка, 21.8.1992

Дорогой Владимир Вениаминович, начав читать Ваше второе письмо, я испугалась: не написала ли я Вам что-то не то, после чего можно начинать с таких сомнений? Но потом поняла, что Вы просто не получили моего письма. Может, теперь оно у Вас, а может, пропало по пути. Но писано было давно.

Поздравляю Ольгу и Вас с венчанием! Я очень рада, что так вышло. Это удивительный обряд, правда? Самый победительный, больше всех величающий человека: когда еще его можно увидеть в царском венце? И в нем (в венчании) нет даже покаянных мотивов — как будто всё происходит уже в Царстве! Исполнение пророчеств, «Исайя,

22 Я хорошо вижу, что никогда не насытится
Наш разум, если его не осветит та истина,
За пределами которой не обретается никакой истины.
Он залегает в ней, как зверь в логове,
Едва ее достигнет, и достичь ее он может:
Если нет — всякое желание было бы напрасно.
Рар. IV, 124–129
(пер. О. Седаковой).

23 Допечатано по вертикали на полях. (ОЛ)

ликуй». Церковная мысль о браке поразительна. И я очень рада Вашей встрече с отцом Димитрием. Он действительно делает всё как власть имеющий, именно потому, что даже удивился бы, наверно, любой мысли о власти. «Мы как лошади, — сказал он однажды, — сколько положат, столько и везем».

А мы встретили Преображение, как год назад, с Анной Великановой.²⁴ Она вопреки всем невозможностям оказалась с детьми в Поленово, в 20 км от нас. На этот раз никакой путч²⁵ не помешал нам добраться до поленовского храма. В нем служит батюшка, его жена и дочь — за всех: за хор, за дьякона, за чтеца, за алтарника. Батюшка сам себе говорит за дьякона, басом и грозно, и отвечает за священника, высоким и кротким голосом. Очень хороший, добрый, как у Рембрандта (в «Блудном сыне» отец). Анна и семейство не оставляют мысли вернуться в Россию, Анна едет подыскивать дом в Сергиеве Посаде. А в поленовской усадьбе тем временем появлялась Н. Солженицына²⁶ и сказала, что это как раз (именно) то, что они ищут по возвращении. Еще бы: пейзаж Вы вспомните по «Золотой осени»²⁷ — холмы над Окой, рощи по холмам и видно до насыщения взгляда. Холмы не уступят «всечеловеческим, яснеющим в Тоскане».²⁸ Вообще мне здесь нравится тем, что это никак не «Россия, нищая Россия»:²⁹ с наших азаровских холмов, в стороне от реки, открывается леонардовский ландшафт, светлый, высокий, соразмерный. Не истерическая ширь, не дебри, не болота. Никакого беспредела (кроме того, что успели натворить совхозы, — но в ледниковом ландшафте всё это теряется). [...]

24 Анна Ильинична Шмаина-Великанова (1955) — библиист, богослов, ныне профессор Центра изучения религий РГГУ. Дочь о. Ильи Шмаина. В 1975 году вместе с родителями эмигрировала из СССР. Жила в Израиле, затем в Париже. В 1993-м с мужем и детьми вернулась в Россию. В августе 1991 года («год назад») приезжала и гостила в семье Поленовых.

25 Путч 19–21 августа 1991 года — попытка государственного переворота, предпринятая группой руководителей СССР. О создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) как органа управления страной и о назначении и. о. президента СССР вице-президента Г.И. Янаева («в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения М.С. Горбачевым своих обязанностей Президента СССР») было объявлено 19 августа, в день Преображения. В этот день Великановы должны были заехать за мной в Азаровку, чтобы вместе отправиться на праздничную службу

в Поленово. Великановы приехали поздно — и с поразительной новостью: в Москву введены войска, в том числе танковые части. (ОС)

26 Наталья Дмитриевна Солженицына (1939) — жена А.И. Солженицына. Солженицыны вернулись в Россию в 1994 году.

27 «Золотая осень» (1893) — картина В.Д. Поленова, написанная в его усадьбе Борок, ныне музей-усадьба Поленово.

28 *Где больше неба мне — там я бродить готов, И ясная тоска меня не отпускает От молодых еще воронежских холмов К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.* — О. Мандельштам. «Не сравнивай: живущий несравним...» // О.Э. Мандельштам. Собрание сочинений: В 4 тт. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993/4. Т. 3. С. 111.

29 А. Блок. Россия («Опять, как в годы золотые...») // А. Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. М.: Художественная литература, 1968. С. 501.

Но от сплетен к чему-нибудь другому. К имени собственному. Вы знаете мысль С. Булгакова («Философия имени») о том, что всякое имя — предикат (в изначальной фразе: «Это есть то-то»)? А субъект в языке — местоимение типа «это», *es* и под.³⁰ Мне очень нравится эта идея, вводящая синтаксис внутрь слова (а не как в нашей лингвистике: набор единиц — и набор правил соединения единиц). Булгакову эту идею изначально синтаксического языка, несомненно, подсказал библейский рассказ. Как мог Адам давать имена? Такими фразами: это — то-то... («это», конечно, может держаться в уме, в общем-то, там и держится). Но языковое слово, мне кажется, существует обычно так, что имя в нем умерло (для нас). И необходимы какие-то особые потрясения, чтобы слово явилось как имя — как Вы говорите, кричащее этости. Мандельштам это чувствовал, вообще поэты вроде бы должны это чувствовать, катастрофичность имени — но чаще всего они пишут слова, слова, слова. По-моему, и Бродский тоже. Да он и не скрывается:

И новый Дант склоняется к листу,
Чтоб на пустое место ставить слово.³¹

Слова могут быть сильными («Я знаю силу слов»³²), но, в отличие от имен, они не бывают слабыми: открытыми, безумными —

В океан без окна, вещество.³³

Ваше замечание о слепом подражании фотоснимка мистике впечатления у меня распространяется — знаете, как далеко? до самой фиксации мысли, словесного ряда. Правда, мне кажется, хватая это всё и помещая на бумагу, мы отнимаем — грубо говоря, идею — от той среды, где она может быть космически плодотворна, вместо сеяния в землю кладем зерно на выставочную витрину, в коллекцию. Думают наоборот: что, записывая и обращая «к людям», как раз и «сеют». Наверное, мое впечатление патологично, но, по-моему, если что и сеют

30 См: «{...} личное местоимение есть, очевидно, онтологический *prîus* имени. Употребляя грубое выражение, оно есть онтологический крюк, на который вешается имя, конкретное, живое слово, и лишь благодаря этому крюку слово из своей грамматической аморфности, из корневого состояния, из идеисмысла становится именем существительным. Всякое именование содержит в себе *implicite* или *explicite* суждение типа: это (или оно, он, ты и т.д.) есть имярек. {...} Итак, имя существительное есть экзистенциальное суждение, в котором подлежащим является некоторая точка бытия, то, что само по себе не может

выразиться в слове, но именуется, а сказуемым является имя». — С. Булгаков. Сочинения: В 2 тт. Т. 2. Философия имени. Икона и иконопочитание. М: Искусство; СПб: Инапресс, 1999. С. 56–57.

31 И. Бродский. Похороны Бобо // И. Бродский. Сочинения. Т. 3. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 35.

32 В. Маяковский. «Я знаю силу слов...» // В. Маяковский. Полное собрание сочинений: В 13 тт. М.: Худож. Лит., 1955–1961. Т. 10. С. 287.

33 О. Мандельштам. Стихи о неизвестном солдате // Мандельштам, 1993/4. Т. 3. С. 123.

в этом случае, то лишь тени реального. Мне часто вспоминается, что Спаситель не писал и не диктовал. В этом говорении — самого важного, сверхжизненно важного — на слух, на ветер есть что-то более чем грандиозное. Человек так не может, это божественная щедрость и доверительность. С такой мыслью, конечно, можно далеко зайти, но что подделаешь... Мне вообще всю жизнь приходят в голову мысли, вредные для «жизни» и обскурантистские, как Нина говорит.

Я понимаю Ваши отношения с собственным текстом шестилетней давности. В самом деле, в том чаду было много путающего, смещающего масштабы. Для меня важнее не обращение к якобы слушающим, как Вы пишете (в том, что я не люблю в своих прошлых писаниях), а... не знаю, как назвать. Следы недобровольной изоляции, впрочем, нынешнее поверх барьеров — тоже не прозрачная среда, мне кажется: скорее, приводящая в оторопь. Как прежняя приводила в избыточный раж.

Должна признаться, я не поняла Ваших слов о недостатке злого зла, а кто такой Терминатор, не знаю. Вы думаете, в России было слишком много деятельного добра? но в Европе его еще больше, или я не понимаю? Помню, когда-то в Чехии мы были с моей знакомой, атеистической гуманисткой, на рождественской службе у францисканцев, и проповедник сказал, что Любовь должна быть такой, как Младенец в яслях: беспомощной, беззащитной и т.п. Тут Любица с гневом выбежала из храма. Я дослушала и спросила ее, чем она так разгневана, «это безобразие, это католическое мракобесие! это античеловечно! Любовь должна быть активна, должна идти на помощь, а не лежать, как новорожденный!» — с непонятной для меня яростной обидой объяснила Любица. «А мне кажется, он очень красиво говорил», — возразила я. Тогда она и на меня посмотрела с подозрением и гневом.

А З., упомянутого Вами, я встретила в Париже. Он летел в Италию на конференцию по Православию наутро и пригласил меня обедать. Какой он там свой! видели бы Вы, как он обсуждал выбор вина с гарсоном! как ему идет вот так лететь из Парижа в Рим, бродить по набережной Сены, как мы после обеда, и ничем не выказывать своей причастности к богословию. [...]

Пожалуйста, пишите! не думайте про «новости». В этом очень милom, но совершенно не думающем месте (местные общения все про рецепты засолки и т.п.) так хорошо читать Ваши известия из *мира*.

Целую Володю-крестника, храни его Господь.

Ольге поклон.

С благодарностью

Ваша

ОС

Дорогой Владимир Вениаминович,
 прежде всего: неужели Вы могли так прочесть мое письмо, что получилось, будто я Вас упрекаю в самонадеянности (говорить о Данте)? Такое письмо я могла бы написать разве из психбольницы. Это я о себе, и теперь уже я твердо решила не читать о Данте. Мое заглядывание в Данте — совершенно частное дело, из которого для других ничего не вынесешь. Иногда, читая какую-нибудь строку (особенно в Третьей Кантике), я воображаю, какую великолепную всемирную фантазию на эту тему можно было бы построить. Но для этого необходима по меньшей мере эрудиция Аверинцева. А я не удосужилась прочесть даже Фому,³⁴ без которого Комедию, наверное, и читать не следует.

«Катавасии» у меня нет, а наверное, нужно.³⁵ Спасибо.

Я тоже всегда думала, что несчастье пишущих в том, что они не «говорят», а «выражают» и даже не догадываются, что это иное занятие. При этом, заметьте, никаких позитивных примет нет, чтобы отличить говорящее слово от выражающего. Чем это чувствуется? Мне приходилось встречаться с «экстрасенсами» (и недавно, здесь с одной ясновидящей), они рассказывали и показывали свою сверхчувствительность — и неизменно поражали меня полным отсутствием культурной чувствительности. Им, как правило, нравятся самые подставные, самые иносказательные (в нашем смысле) вещи в искусстве, то, что называют кичем. Какой же природы чувствительность к прямому высказыванию? (то, что Вы называете «говорить вещами») Почему такая вещная речь может составляться из самых опустошенных слов (на это Пушкин мастер):

и божество и вдохновенье
 и жизнь и слезы и любовь.³⁶

Некоторые путают вещную речь с небрежностью, неправильностью и т.п. Она может быть правильной, как в учебнике грамматики! Мне тут встретилось такое интересное уточнение у Игнатия Богоносца (о Христе): «Который есть Слово Его вечное, происшедшее

34 Фома Аквинский (1225–1274) — теолог, философ, создатель ортодоксальной схоластики, учитель Церкви. Принято думать, что богословскую основу «Божественной Комедии» составляют доктринальные сочинения Фомы Аквинского.

35 Имеется в виду работа над словарем «Сербнославяно-русские паронимы», сбором слов для которого я занималась. (ОС)

36 А.С. Пушкин. К *** // А.С. Пушкин. Собрание сочинений: В 10 тт. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1962. Т. 2. С. 89.

не из молчания». ³⁷ Правда, это «не из молчания» далеко уводит? Еще одна вещь, которая меня в пищу, да и вообще огорчает: что всё это производится перед зеркалом, включает в себя производимое впечатление. Мне нравится абсолютно не паранойальное поведение, после детства почти не встречающееся. Как оно освободительно. Кстати, у Вашего Розанова я не встречала такого: он непрестанно что-то выделяет, чувствует на себе взгляд — не божественный, человеческий. Вы не согласны. Бахтинский спор с чужим мнением о себе.

А. Л. я мало знала, но его работы всегда читала с восхищением. Жаль, что нам так мало надо, чтобы превращаться из демократов в государственников и наоборот. Видимо, глупость не только в забвении цели, а еще в чем-то. «Яко прах, егоже возметает ветер». ³⁸ Вот и я, яко прах, приняла приглашение в Арль на февраль, жить в колледже переводчиков. Зачем? Слово красивое, Арль. Я почему-то в школе думала, что колодцы не артезианские, а арлезианские. Еще по Данте же знаю, что там Алискампское кладбище. ³⁹

По радио сейчас вспоминают путч, и странно это. Для меня, и тогда следившей за этим по радио, это были единственные дни — за всю жизнь! — когда было приятно принадлежать к своим согражданам. Теперь обычное чувство сиротства и отщепенства восстановилось, и любой Арль кстати. Я читала тут прозу Мандельштама, и в комментариях к «Шуму времени» приведены отклики современников, и сколько! Бранные, какие угодно. Я *ничему* написанному не слышала здесь отклика (кроме устных), даже брани. Может, так и лучше. Иногда, впадая в артистическую обиду, я повторяю слова одного хора Баха:

Valet! ich will dir sagen
Du falsche böse Welt. ⁴⁰

Но быстро вспоминаю, что если мир falsche, böse, то я тем паче. А странно, что хочется, чтобы тебя пожалели?

Мы встречались опять с Анной Великановой, теперь она уже уехала из Поленова. Вы говорите: разрывы? Я, пожалуй, этого не

37 «И божественнейшие пророки жили о Христе Иисусе, посему и терпели гонения. Вдохновляемые благодатью Его, они удостоверили неверующих, что Един есть Бог, явивший себя чрез Иисуса Христа, Сына Своего, Который есть слово Его вечное, происшедшее не из молчания, и Который во всем благоугодил Пославшему Его». — *Свмч. Игнатий Богоносец. Послание к магнезийцам. VIII.*

38 «Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, его же возметает ветер от лица земли» (Пс. 1:4).

39 Алискампское кладбище — римский некрополь (III век н. э.) на территории современного города Арль во Франции. Ему уподоблено место мук ересиархов в «Божественной Комедии» (Inf. IX, 112–115).

40 «Прощай, я скажу тебе, злой, поддельный мир» — строки из хора, являющегося частью кантаты Баха «Christus, der ist mein Leben» (BWV95), текст Валериуса Хербергера (1613).

наблюдаю рядом, непосредственно. Хотя присутствие возможности скандала, разрыва, вражды ощутимо: наверное, мало когда было так легко соскользнуть в это пространство. И тянет. Но мне не хочется. Это Аверинцев хорошо говорил в больнице о воле (которой он не находит в антропологии Розанова — опять С. С., опять Вас. Вас.!:): что человек может не хотеть того, что хочет.

Передайте, пожалуйста, поклон Ольге —
и младенцу нежный поклон.

Ваша

О.

Р. С. Я надеюсь пробыть здесь сентябрь и буду ждать Ваших писем.

Ожигово, 16.9.1992

Дорогая Ольга Александровна,
как Ваше первое письмо помечено 6.8. двадцатилетием моего крещения, второе 21.8. числом 21, когда у нас с Ольгой происходило от встречи и потом самое главное, третье 29.8. днем моего рождения, так и то, что Вы говорите, тихо вкрадчиво входит в то, о чем я думаю. И как Вы оба последних письма начинаете страхом моих *мнений*, но потом, кажется, угадываете, что их не будет, так я по воспитанию, по привычке, по опыту жизни хожу под постоянным страхом Вашего приговора, но, кажется, еще раньше Вас к своему изумлению и счастью догадываюсь, что здесь или, может быть, только здесь я могу, как со своими, их немного, Ольга, Рома, моя дочь Рената, оба Володика внук и сын, Ахутин,⁴¹ не сжиматься от ожидания удара. Как это может быть? Не знаю. Вы неожиданно, необъяснимо милостивы, как не бывает, потому что даже лучшие впадают или в не любимое мною дружество, когда прощают за близость (как Белла Ахмадулина «Я не люблю, когда друзей моих корят»,⁴² т.е. Андрея Вознесенского), или все-таки, после долгого даже общения, в справедливость (по которой никто не избежит бича⁴³). Ах поверьте по старости я уже успею из-

41 Анатолий Валерианович Ахутин (1940) — философ, исследователь истории и философии науки, античной философии.

42 В. Библихин имеет в виду стихотворение Б. Ахмадулиной «Когда моих товарищей корят», посвященное А. Вознесенскому:

*Когда моих товарищей корят
я понимаю слов закономерность,
но нежности моей закаменелость
мешает слушать мне, как их корят.*

— Б. Ахмадулина. Влечет меня старинный слог.
М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 220.

43 Реплика Гамлета в разговоре с Полонием: «Если принимать каждого по заслугам, то кто избежит кнута?» — В. Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 2 (в пер. М. Лозинского).

бежать и того, и другого. Посмотрите какое я существо: даже то чудовищное, отвратительное, что я сделал, косвенно подтолкнул Вас не читать в университете о Данте, а сам вчера как раз о Данте там говорил, не заставляет меня ничего менять, принимать никаких решений, а только еще больше удивляться, и жалеть: ведь Вас послушать о Данте мне гораздо интереснее, чем себя. — Еще: раз в неделю я начал говорить в Университете о Вас, семинар «Новое русское слово»,⁴⁴ потом просто «Новое слово», начав с «Дикого шиповника» в «Знамени» 1992, 8,⁴⁵ и долго теперь уже буду на этом стоять, целый семестр, не ставя вовсе цели прочитать много, а только войти в это письмо — не пишу сейчас подробности, как меня это захватывает, всё больше, потому что надеюсь, что Вы сможете хотя бы бегло посмотреть мои растрепанные блуждания, я ведь сначала всё печатаю себе на машинке.

Ваше заглядывание в Данте, пишете Вы, «совершенно частное дело», как будто у Вас есть кроме того общественные и как будто Ваше «частное» Вы умеете запасать как-то специально для себя. Я не думаю, что для понимания «Божественной комедии» надо обязательно знать Фому подробнее, чем Вы знаете: зависимость здесь поэта преувеличена, читаю я у исследователей, определенной тенденцией [...] — Я говорю вчера о Данте и независимо даже от Вашего последнего письма («прямое высказывание») думаю всё об одном: как бы не предать, как бы не упустить, насколько его прямого и просто-та, сродни пушкинскому «и божество и вдохновенье и жизнь и слезы и любовь», обеспечена вещами делом, насколько эти слова не слова, перехожу в крик отчаиваюсь не могу молчать и поддержку от Данте все-таки в конце концов получаю, потому что когда он хочет вытряхнуть зло и ложь из мира, «как пыль из ковра», то в нем электрическая искра такого напряжения, что все-таки проходит через слои веков. Т.е. я рисковую и веду себя как камикадзе, но то, что он подхватит и поддержит *всегда*, я в это верю и вера одна (*sola fide*⁴⁶) пусть меня спасает. Так же и в разборе Вашего Дикого шиповника — разбор как выброшенного на рынок товара («всё разобрали», хочу всё разобрать в Диком шиповнике, имею право — не думайте только, что это говорил).

У Игнатия Богоносца — дайте мне посмотреть контекст — «Который есть Слово Его вечное, происшедшее не из молчания» должно иметь акцент на «происшедшее» и быть против эманации и становле-

44 Записи к этому семинару вошли в книгу: В. Бибихин. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009.

45 Из книги «Дикий шиповник» — подборка стихов Ольги Седаковой: Знамя. 1992. № 8.

46 Только верой (*лат.*). Центральное положение теологии М. Лютера — спасение души достигается одной только верой, а не делами.

ния: Слово *не* произошло и *не* стало, т.е. оно *не* другое молчанию, оно то Слово, которое не хуже не неустойчивее молчания!

О Розанове: интереснейшее дело, где это Вы когда сумеете, в каком пастушеском забытьи,⁴⁷ писать не замечая этого, не чувствуя на себе взгляд, вырвавшись в непосредственное излияние? От взгляда никуда не уйдешь, как Вы не уходите в «Диком шиповнике», «исчезая в уме из любимого взгляда»,⁴⁸ потому что даже и Вас уже не становится Вы исчезаете, но взгляд всё равно остается, от него не скроешься, тысячью своих глаз Варуна смотрит на землю и всё наполнено его шпионами.⁴⁹ Признать принять этот водоворот, кружение, не воображать себе облегчающей «освободительности», понять, что с этой скоротечности человека никто уже некогда не снимет — это есть у Розанова, это и у Вас будет, если пока еще нет (Вы понимаете, что это шутки, мой способ шутить играть). [...]

Как я Вам завидую, что Вы будете — месяц? — в Арле в колледже переводчиков. Как я хотел на Запад, как это для меня безвозвратно теперь ушло, как я не жалею теперь, что там не был. На конгресс медиевистов в Кёльне с темой, в которую я его ввел (Бозэций Датский⁵⁰), ездил С. С., не был там включен в выступающие, рад поездке, привез мне роскошные открытки, и после всех расходов у него оказалось в кармане 1000 марок, 160 000 (!) рублей. Ах странная жизнь. Я подхожу к книжному развалу купить «Логос» № 2, где и мой текст, гляжу на ближайшую книгу, Боже мой, это неожиданно без моего ведома вышел мой перевод «Моисея и монотеизма» Фрейда с примечаниями, 70 р. Рядом — мой старый Петрарка, 125 р.! Но слева — сборник Юнга, где тоже мои переводы! В последней «Юности» моя «Нищета философии», в последних «Вопросах философии» моя «Философия и религия», в предпоследнем «Знамени» мой Ионеско, в «ЖМП» мой Па-

47 Рукописное добавление, сделанное, по-видимому, уже после отправки письма. (ОЛ)

48 «Я же молчу, исчезая в уме из любимого взгляда». — О. Сedaкова. Дикий шиповник // Сedaкова, 2010. Т. 1. С. 59.

49 Варуна — один из главных богов ведийского пантеона. Вот как сам Библихин определяет его место: «(<...> Варуна, предположительно высокое небо, все покрывающее, охватывающее, мировой океан... <...> Ближе к Варуне было бы понимать его не как всё обволакивающего, мировой океан, а как знающего секреты, заполняющего всё то пространство, которое вне видимого, известного и того, что можно узнать. В этом смысле он обнимающий. <...> Он из-за своей невидимости имеет безграничный объем, поскольку ему принадлежат

все поля любого знания, он окружил всё видимое своими шпионами и ему принадлежит все тайное человеческое благочестие».

— В. Библихин. Грамматика поэзии. С. 36–37.

50 Бозэций Дакийский, Датский (1-я пол.

XIII века, Дания — ум. до 1284) — логик, автор сочинений «О способах обозначения», «О вечности мира», комментарий к трудам Аристотеля. «В онтологической логике Бозэция всеобщее (универсальное) погружено в конкретное (частное) как его истина, в которой Бозэций видит не соответствие понятию, а излучение сущностной силы (энергии) вещи» — из статьи В. Библихина о Б. Д.: Новая философская энциклопедия: В 4-х тт. М., 2000–2001. «О вечности мира» — Вопросы Философии. 1994. № 5. С. 122–142. Перевод и примечания В. Библихина.

лама, это только то, что напечатано за последний месяц — и я не могу нет денег купить сухарики с изюмом для семьи, Саврей⁵¹ не здорова-ется с Ольгой и заставил меня написать заявление с просьбой принять меня на временную работу на полставки, в Институте философии мне стали платить не 2700, а 1900 («значит Вы никому не нужны», сказала мне секретарша Льва Николаевича Митрохина,⁵² фактиче-ского директора, бывшего воинствующего атеиста, теперь специали-ста по религии), «что с моей рукописью», спрашиваю я «Науку», — «Всё в порядке, лежит», отвечает объегорившая в свое время своего заве-дующего Егорова. — Тем временем философ Курицын⁵³ восторжен-но хвалит в большой статье в ЛГ выдающегося, талантливейшего Гал-ковского⁵⁴ (я не шучу, посмотрите, да, хотя я, если бы был Курицын, наверное, не стал бы писать о Галковском). Некоторые слова из Ваше-го письма мне хочется, по моей давней привычке, просто переписать, пусть будут они мои. «Иногда, впадая в артистическую обиду, я по-вторяю слова одного хорала Баха: *ich will dir sagen, Du falsche böse Welt*. Но быстро вспоминаю, что если мир *falsche, böse*, то я тем паче».

Ах как много, и из касающихся Вас, вещей, о захвате власти «мо-лодыми учеными» на кафедре Иванова,⁵⁵ и другое, я не сказал, но Олечка уже скоро уезжает в университет.

Ваш В.

51 Валерий Яковлевич Саврей — доктор философских наук, профессор философ-ского факультета МГУ. Закончил философский факультет МГУ в 1990 году. Еще в студенчестве принял активное участие в создании кафедры ИТМК.

52 Лев Николаевич Митрохин (1930–2005) — философ, специалист по научному ате-изму (социологическая критика протестант-ских деноминаций, баптизма), религиовед. В 1992 году заведующий сектором современ-ной западной философии в ИФ РАН. С 1994-го по 2005-й — руководитель сектора философии культуры и религии.

53 Вячеслав Николаевич Курицын (1965) — литературный критик, куратор, писатель. В начале 90-х один из создателей популярной версии постмодернизма (как интеллектуаль-ного стиля и художественной идеологии) на русской почве. См.: Книга о постмодернизме. Екатеринбург, 1992; Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000.

54 Дмитрий Евгеньевич Галковский (1960) — российский писатель, выпускник философского факультета МГУ, создатель конспирологической версии мировой исто-рии. В 1991–1992 годах фрагменты его романа

«Бесконечный тупик» печатались в журналах «Советская литература», «Новый мир», «Контин-ент», в «Литературной газете». Имплицитный автор-персонаж Галковского представляет себя как наследника В.В. Розанова. Библихин так описывал литературную и философскую стра-тегию героя Галковского Одиноква: «Отец, в чьих руках было имущество, умер. Для оди-нокого это главная достоверность, трагическая санкция на свободу распорядительного дей-ствия. Мы читали Розанова иначе: наоборот, каменная задумчивость, амехания, заморожен-ная неспособность запустить в ход говорящие механизмы сделали его непричесанную лите-ратуру концом литературы. Одинокий начал ее кошмарную реанимацию». — Возвращение отцов // В. Библихин. Другое начало. СПб.: Наука, 2003. С. 253. (Текст на основе лекции 11.2.1992 из курса «Чтение философии», прочитанного в 1991–1992 годах в МГУ.)

55 Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017) — лингвист, семиотик, антрополог, мемуарист. Один из центральных деятелей структурно-семиотической школы. В 1990–1995 годах первый заведующий кафедрой теории и истории мировой культуры МГУ. С 1992 года — директор ИМК МГУ.

Правда, мне чаще вспоминаются слова о Данте и Петрарке. Ах как тоже единственные дни за всю мою жизнь были 21.8.1992 и несколько после! Правда, к чувству загнанного под оккупацию, всегдашнему, у меня всегда же прибавлялось еще и более прочное, затаенное: что настоящий хозяин, незаметно для оккупантов, этой земли я. На Запад я еще отчасти и поэтому опасаюсь — как оставить свое без хозяина.⁵⁶

27.9.1992

Дорогой Владимир Вениаминович, поздняя ночь, уже началось Воздвижение. Поздравляю! Мне кажется, писание писем — достаточно праздничное занятие и его можно не откладывать, как другие дела. Мне трудно понять ожидание удара, о котором Вы пишете: я почему-то такого не жду — и после того, как мне доставалось (поверьте). Наверное, дело не в «опыте», или не только в опыте. О таком предчувствии боли от человека мне говорил Михаил Леонович⁵⁷ и — как о прошлом — Аверинцев. (Он говорил: «Я был настолько плох, что думал, что люди меня не любят».) А мы с Анной Великановой выяснили, что до поразительно позднего возраста считали, что все нам крайне рады, и благодарны за одно то, что мы есть, и в этом самочувствии успели совершить нелепые и тяжелые для других вещи — именно исходя из того, что плохого мы просто не можем другим принести. Так что у меня противоположный сдвиг. Может, наша с Анной иллюзия — результат любви в детстве, когда в самом деле бабушки были безумно рады любому нашему достижению, съеденной каше, фальшивому пению... После этого кажется, что у тебя в руках волшебный прибор, способный осчастливить любого встречного. И до некоторых пор встречные поддавались нашей уверенности, и счастливели. И, повинившись друг другу в этой блаженной самонадеянности и в ее последствиях, мы признались и в том, что до конца это не изживается. Чувство желанного гостя. Поэтому я не понимаю и того, что описывает Бахтин — «борьбы с мнением другого о тебе».⁵⁸

56 Это допечатано на полях по вертикали. (ОЛ)

57 Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005) — филолог-классик, стиховед, литературовед, переводчик. Внес огромный вклад в развитие стиховедения, как «точной науки», основанной на статистике.

58 «Борьба с мнением другого о себе» — элементарная форма «диалогизма», одного из важнейших концептов Бахтина. Например: «Отношение героя к себе самому неразрывно связано с отношением его к другому и с отношением другого к нему. Сознание себя самого

всё время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, „я для себя“ — на фоне „я для другого“. Поэтому слово о себе героя строится под непрерывным воздействием чужого слова о нем. (...) Самоутверждение звучит как непрерывная скрытая полемика или скрытый диалог на тему о себе самом с другим, чужим человеком». — М. М. Бахтин. Проблемы творчества Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. С. 122–123.

Вы напоминаете: «исчезая в уме» — но «из любимого взгляда». Глаза Варуны мне всегда казались любующимися, ободряющими — в крайнем случае, вразумляющими: «Ну, ты уже умная девочка, что же ты...» Другие глаза я впервые увидела в школе (учителя, одноклассники), но это было уже неважно: старых трех китов, на которых земля, заменить было невозможно. Вот, хотите верить, хотите нет, такая «идиллия». Да, помните «Чем люди живы» Л. Толстого? там чудно описан взгляд ангела — вот такой взгляд, *в сущности*, я предполагала в «другом». ⁵⁹ В не-сущности, конечно, может быть что угодно.

До чего мне интересен Ваш «разбор» шиповника! Неужели эти вещи не умерли? Мне кажется, в нынешнем воздухе они совершенно не к месту, их некому и нечем понимать. Я дала их в журнал с закрытыми глазами, боясь перечесать. А это была самая вдохновенная моя книга, слишком вдохновенная, сказала бы я сейчас, в протрезвевшее (если не похмельное) время.

Поразительно Ваше положение (денежное)! Весь культурный рынок обеспечен Вами — и пожалуйста. Может, обратиться к кому-нибудь деловому, кто умеет требовать с издателей? Может, Нина Брагинская ⁶⁰ подскажет? Меня она устроила на две должности сразу: в Университете доцентом и н. сотр. в Институте мировой культуры под началом С. С. Аверинцева. ⁶¹ Какой там от меня толк. Стыдно.

На кафедре был Аверинцев, мы разговаривали. Он высказал интересную мысль о Фрейде: «Фрейд, конечно, был лжеучитель. Но есть правда, им отмеченная: падшее существо не должно иметь слишком сильной власти над падшим существом!» — это насчет бунта против отца. Он не распространял этой мысли, это уже мое развитие: пад-шесть важна для обоих участников. Властитель, как падшее существо, не имеет оснований для безусловной власти — и подвластный, как падшее существо, не имеет полноты послушания («яко на небеси и на земли»), чтобы исполнять безусловную власть. Не знаю, это ли имел в виду С. С.?

Мне еще многое хотелось бы написать — Вам приятно писать. Но пора и честь знать. Через неделю я возвращаюсь и все-таки буду

59 Ангел говорит: «Взглянул я и не узнал прежнего человека: то в лице его была смерть, а теперь вдруг стал живой, и в лице его я узнал бога». — Л. Н. Толстой. Собр. соч.: В 22 тт. М.: Художественная литература, 1982. Т. 10. С. 251.

60 Нина Владимировна Брагинская (1950) — филолог-классик, переводчик, исследователь и публикатор отечественного гуманитарного наследия. В 1991–1993 годах преподавала на кафедре ИТМК философского факультета МГУ. Друг Ольги Седаковой со студенческих лет.

61 С 1992 года О. Седакова — старший научный сотрудник в отделе христианской культуры ИМК МГУ (отделом с 1992-го по 2004-й руководил С. С. Аверинцев); с 1991-го по 2002-й вела авторские семинары на кафедре ИТМК философского факультета МГУ.

говорить о Данте, неизвестно на что уповая. Но надо же оправдывать должность!

Про «слово не из молчания» комментатор говорит, что это полемика с гностическим учением о «молчании» (σιγή), которое имеет сходство с «глубиной» (βάθος) Валентина. (Это антология «Ранние отцы Церкви», Брюссель, 1988.)

Indignatio⁶² — это вещь! Но Петрарка и Данте — римляне, это римский гнев. А у нас на всю гадость [...] только усмеваются. А то и пожалуют, как у Лены Шварц, где героиня вспоминает:

Как растлевал старый грек,
Так до конца не растлил...
Тоже и он человек:
Папой велел называть,
Слушаться старших учил.⁶³

Тоже и он человек. Какое уж тут indignatio.
Простите, пожалуйста, за помарки: грипп.
Сердечный поклон от меня Ольге.
Поцелуйте Володю и Роме привет.
Ваша
О.

Азаровка, 12.7.1993

Дорогой Владимир Вениаминович,
жаль, что отсюда не позвонишь по телефону. Как Вы? как Ольга?
и младенцы?

Ваше предчувствие не сбылось, я здесь уже неделю. Но почти не отхожу от стола: оказалось, что к сентябрю я должна францисканцам такую порцию переводов, что требуется не меньше рабочего дня в день (точнее, рабочей ночи).⁶⁴ Этим и занимаюсь. Причем переводить нужно на два языка: сердечный — так скажем — и в то же время литургический язык самого Франциска и его биографов, и отстранен-

62 Негодование (лат.).

63 Толстый уродливый грек
Робко дитя растлевал,
Так до конца не растлил.

— Из цикла Е. Шварц «Грубыми средствами не достичь блаженства»
(<http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-6.html> —
дата обращения: 17.6.2018).

64 Речь идет о переводе большого тома
«Fonti francescani» (Истоки францисканства). Assisi: Movimento Francescano, 1986.
«Истоки францисканства» вышли на русском в 1996 году. Ольге Седаковой в нем принадлежат переводы всех сочинений св. Франциска, «Жития трех спутников», всех комментариев и вводных статей.

ный язык ученых вступлений и комментариев (сделанных францисканцами, но качество слова — ученое, то, что ценит Нина Брагинская). Не очень приятно чувствовать собственное двуязычие или эту самую пресловутую постмодернистскую полистилистику. Но симулировать монологичность, будто ты можешь единственным образом изъясняться, «непосредственным» — мне кажется нечестным.* (*То есть, в каком-то смысле мы лишились Языка — или «освободились» от него; мы в языковой бездомности). Что усвоено, то усвоено. Интересная вещь — научная аскеза. Вы об этом, я помню, где-то писали. Я тоже про это думаю — в связи с художественными сочинениями филологов. Дело в том, что в них я вижу меньше следов душевного труда, чем у обычных — вроде бы душевно разнузданных — художников. Странно. Мне кажется, что, добиваясь внеиндивидуальной прозрачности (Гаспаров), они просто отодвигают «свое» в сторону. А там, в уголке, оно остается тем же, совсем необработанным, узко-своим. Художественная аскеза узко-свое перерабатывает во что-то более широкое, из страдающего, скажем, — в сострадающее и т. п.

Я читала тут работу Баткина об Августине,⁶⁵ и он в самом деле описал похоже это другое «я» исповедника (другое, чем новейшая «индивидуальность»). Но — ученым образом — отнес его к «другой эпохе».⁶⁶ В нашу же, по его мнению, таким «я» не обладают и верующие: другой *тип* культурной личности. Но я могу поклясться, что таково же «я» отца Димитрия и любого по-настоящему церковного человека (Вы понимаете, что я имею в виду очень мало кого — но и при Августине Августинов было немного.) Почему обобщатели «современной культуры» нас за современников не считают? Причем везде.

65 Леонид Михайлович Баткин (1932–2016) — историк культуры Ренессанса, культуролог. См.: Л. Баткин. «Не мечтайте о себе»: О культурно-историческом смысле «Я» в «Исповеди» бл. Августина. М.: РГГУ, 1993.

66 «Поскольку христианский персонализм состоит в идее непосредственной связи отдельной души с Провидением, самонаблюдения Августина не психологичны: они онтологичны. (...) Необыкновенная суггестивность августинова „я“ есть молитвенная рефлексия. То есть личное — мыслимо и возможно — становится предметом рефлексии, тем самым вообще возникает — благодаря надличному модусу существования — в молитве. „Я“ осознается и обретает пластику, форму, глубину через божественное „Ты“. (...) Конечно, в тексте разговор с Богом (исповедь) явлен и как „беседа наедине с собой“, „soliloquium“. Тем не менее это беседа не между „двумя Я“,

не „Августина с другим Августином“. То есть всё же не „наедине с собой“. И даже не со своей „совестью“, пусть понимаемой как ощущение Бога в душе индивида. Нет, это прямая молитва. „Бог“ здесь — это Бог. (...) Разница между таким (конечно же, глубочайшим!) индивиду и новоевропейской личностью — „только“ в смысловом, культурном основании. Основание же — определяет все остальное, начиная с жанровой конструкции и вплоть до мельчайших душевных извивов, логики вопросов и ответов, возможности или невозможности тех или иных характерно-бытовых, психических, мыслительных черт, красок, подходов. Короче, это разница в историческом способе существования и осознания индивидуности». — Л. Баткин. «Не мечтайте о себе» // Л. Баткин. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. М.: РГГУ, 2000. С. 64–65.

В Арле я смотрела по телевизору передачи про *carême*⁶⁷ (был ведь Великий пост): археологические, в манере «вот, в XIII веке...» А тем же вечером в соседнем храме кюре говорил по тому же поводу: «Нет, они считают, что нас нет на свете, что пост — это в музее средневековой культуры». Такая же история и с этим «я», будто бы ранне-средневековым. Причем, говоря о «том же», я не имею в виду насильственную стилизацию, наоборот. Интересно, что Вы скажете про эту работу Баткина?

Здесь хорошо, хотя на огородах всё померзло, ни ягод, ни яблок не будет.

Я буду очень рада, если Вы сюда напишете. Всего Вам доброго!

Поклон Ольге. И Володика поцелуйте.

Ваша О.

P.S. Извините за деревенский вид письма.

P.P.S. Поздравляю с годовщиной венчания и с именинами.

Ожигово, 12.8.1993

Дорогая Ольга Александровна,
одна из радостей этого лета была получить Ваше в письмо в один из редких моих приездов в город; в очередной из этих редких приездов посылаю ответ — хотя Ваше письмо состоит из видимой оболочки и невидимого тела, и настоящий ответ на него это мое постоянное ощущение его теперь уже неотменимого присутствия. Вы начинаете с вопросов о нас, [...] о Володике можно [...] много говорить, но всего не расскажешь, так что ограничусь только тем, что он удивительный человек. Сейчас у него начался возраст подражаний, и когда я мету пол, метлу он у меня отбирает без малейшего намерения у меня учиться, скорее учить будет он меня. Так во всем; и в речи, в которой его всего меньше смущают его ошибки. Он может с отчетливостью иностранца сказать «вагон», со слоговым «н», но однажды решив говорить кэтэннэ (стакан), он доволен этим и не сходит со своего. Не знаю, почему иногда он решает все-таки поправиться, с «кэwэнэ» на «канава» и с «будуе» (забыл за несколько дней, где ударение) на «будуе» (помидоры). Как и вообще не знаю, не понимаю, откуда у него всегда полная уверенность, что всё должно быть именно так, как он хочет. Или как он ловит оттенки ситуации, серьезноет в очереди к бухгалтеру, различает между 2,5-летней, которая ему как бы своя («Варя Варя Варя!»), и 3,5-летней, к которой появляется уважительность («Ка-тя!»). Всё через воздух.

67 Пост, Великий пост (франц.).

Ольге показалась в Вашем письме встревоженность. Возможно, но ведь Вы собираетесь во внимании поверх и помимо своих состояний. Мне показалось очень важным, что Вы говорите о двух стилях и языковой бездомности. Меня всё больше зачаровывает то, что Гёте называл «большим стилем»,⁶⁸ когда без искусственности, без «научности» достигается общезначимость звучания ярких слов. Вещь, конечно, самая трудная, — не сорваться ни в холодную бездушность, ни в жаркий бред. Я думаю что да, мы лишились Языка, как Вы пишете, потому что нет вкуса и слуха к ненавязчивой прозрачной глубине; однажды сорвавшись на крик, люди думают, что теперь всё дело в том, чтобы перекричать. «Моноязычие», конечно, уродство среди многих уродств, что-то вроде механического голоса; но только тогда игра, такая естественная, стиля, голоса, сможет зазвучать, когда сцеплена, скована — чем? мерой? вкусом? Даже назвать эту трудную вещь трудно, лучше сослаться на Пушкина. Гоголя, как ни странно. Ах Толстой часто увлекался «словечками», сочностью. [...] Булгаков, Ахматова — образцы в нашем веке; [...] Аверинцев все-таки слишком вмешивается в говоримое со своим, конфессиональным, исповедальным, у него нет по-настоящему даже плутарховской ровной отрешенности внимательного взгляда. — Что касается чистоты «научного» стиля, он, конечно, хуже всякой грязи, и как Вы правы, что у разнужданных художников больше следов душевного труда. Художники это знают, презируют очищенных (обчищенных), и между мыслью и академией у нас пропасть глубокая, надолго. [...]

О Баткине я думаю очень хорошо, но ему почему-то кажется, что от своих прозрений и догадок он должен получить и выдать всегда какой-то эффект, и это губит у него всё. Видение, по Аристотелю,

68 «Когда искусство благодаря подражанию природе, благодаря усилиям создать для себя единый язык, благодаря точному и углубленному изучению самого объекта приобретает наконец всё более и более точные знания свойств вещей и того, как они возникают, когда искусство может свободно окидывать взглядом ряды образов, сопоставлять различные характерные формы и передавать их, тогда-то высшей ступенью, которой оно может достигнуть, становится стиль, ступенью — вровень с величайшими устремлениями человека.

Если простое подражание зиждется на спокойном утверждении сущего, на любовном его созерцании, манера — на восприятии явлений подвижной и одаренной душой, то стиль покоится на глубочайших твердых познаниях, на самом существе вещей, поскольку нам дано его распознавать в зримых и осязаемых образах».

— И. Гёте. Простое подражание природе, манера, стиль // И. Гёте. Собр. соч.: В 10 тт. М.: 1980. Т. 10. С. 28.

Возможно тут и воспоминание о понятии «большого стиля» у Вяч. Иванова (так же отсылающее к Гёте): «Большой стиль и стиль, приближающийся к большому, не знает такой размежевки и разделения на „твое“ и „мое“. Будучи всеобщим, он объемлет каждый частный круг. И кроме того, он так ориентирован по отношению к общенародному сознанию, что вселенская норма представляет собою его ось и проходит через центр, совпадая, таким образом, неизбежно с осью сознания всенародно, поскольку последнее не сдвинулось со своих основ, не изменило своей вселенской святине. Внешним симптомом этой верности ориентировки является язык поэта (...)».

— Вяч. Иванов. Манера, лицо и стиль // Вяч. Иванов. Собр. соч.: В 4 тт. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 623.

не имеет цели вне видения, оно энергия, т.е. полнота бытия, и кончается не эффектом, а удивлением перед тем, что предельная зоркость начинает видеть свой предел, конец видения, начало Бога. В полноте видения — не эффект открывателя, изобретателя, а смирение, которое Баткин отсылает вне сцены, на которой воображает, что стоит. Ах как Баткину не хватает воображения видеть, что вся эта сцена сразу рухнет с прекращением держащего ее воображения. Непостижимо. — У меня всегда была мгновенная смена зрения, когда я смотрел на рукописное, которое будет напечатано; т.е. дело не в самом факте типографского напечатания, а в том, что рукописное «пошло», живет само. Так с Вашей фразой «Почему обобщатели „современной культуры“ нас за современников не считают». Я вижу ее, глядя на страницу Вашего письма, напечатанной, читаемой не мною. Интересно гадать, где, когда. — Я не читал Баткина об Августине и после Ваших слов прочту, хотя у меня сложилось, когда я его внимательно читал, возможно, поспешное впечатление, что гамма его эффектов ограничена «личностью», торжеством ее независимости, политической может быть или нравственной. Но в нем есть прекрасная искренность, грусть, широта и, наверное, то, о чем я говорю, хоть и верно, не слишком большой угол занимает в его хозяйстве, сложном и, кажется, трагическом. — Только опять же о чем-то «не узко» своим он как ученый не пишет. — *Свое*, наверное, все-таки не делится на «узкое» и «широкое», а делится только наш слух, не отпускающий себя для слышания в *своем* того, что язык в своей истории в него вложил; *добро* (с-мерть = своя смерть = хорошая, не «наглая» смерть *) (* «с-» в «смерть» — из какого-то *su-, того же, которое в др.-инд. su *благо* и *род*) и род («сын»), слово той же семьи, означающее не отношение родства, а присутствие рода, как нем. Kind то же слово, что английское kind, сразу и «добрый», и «род»).

С каким удовольствием я по Вашей просьбе поцеловал Володика — впервые, а то у меня не было никогда вообще такой привычки, и это оказалось очень приятно. — Что касается «деревенского вида» Вашего письма, то Москва нас, Ольгу и меня, начинает очень пугать, и деревня, в том числе и то место, где мы живем, кажется по сравнению с Москвой совсем другим, незачумленным пространством.

Всего Вам доброго. Луна в окошке та самая, которая над Вами, и наверное Ольга права и Вы чем-то встревожены, но и в самой тревоге у Вас остается покой. — Как будет, так будет; но если Вы напишите, пусть кратко, то будет лучше. Не говорю даже — нам лучше; потому что, кажется, от того, что Вы пишете, что бы то ни было, просто — становится лучше.

Ваш — В.Б.

Дорогой Владимир Вениаминович,

[...] Встревожена ли я? даже не знаю: я как-то не привыкла к этому прислушиваться. Не привыкла или отвыкла? — и этого не могу сказать.

Ваше письмо принес сегодня насмерть перепуганный пастух: здесь боятся, представьте себе, чеченцев — будто они кого-то зарезали в Малахове. А шло оно полтора месяца. Ну и чеченцы. Тем временем по соседству в Поленове жили Великановы и мы несколько раз встречались, даже отца Илию,⁶⁹ приехавшего на несколько часов, я странным образом застала. В их семье происходит такое: Ваня⁷⁰ становится настоящим композитором. Он сочинил несколько пьес — и Вы бы видели, как он работает! с такой спокойной, чужой сосредоточенностью, как художник (при мне он сочинял начало «Сказки о мертвой царевне»: и, не найдя интонации для «села ждать его одна», с мудростью опять же художника отступился, не стал добиваться, но заложил в дальний угол ума. Удивительно). Стиль его прокофьевского происхождения, но уже оригинальный, честное слово. И он, и Маша⁷¹ (старшая сестра) похожи на королевских детей. Анна вливает в них всю свою любовь к русской культуре, а Кирилл⁷² — свою неутоленную страсть к музыке. Пушкина они (дети) любят как... не знаю, с чем сравнить. Поставили спектакль с Ваниной музыкой «Смерть Пушкина»: Ваня был Пушкиным, Маша — Карамзиной; Кирилл играл на фисгармонии (в усадьбе Поленова это всё происходило). Слезное было зрелище. Да, кажется, знаю, как: как у самого Пушкина.

Как пламень жертвенный, чиста моя любовь.⁷³

69 Илья Хананович Шмаин (1930–2005) — протоиерей, священник церкви св. ап. Петра и Павла у Яузских ворот. Студентом мехмата МГУ стал членом подпольного философского кружка, по ложному обвинению (участие в антисоветской организации) репрессирован (1949–1954), в 1963 году крестился, тайно учил церковному пению и уставу, создал философско-богословский семинар. В 1975 году эмигрировал в Израиль. В 1980-м принял священство. В 1983 году переезжает в Париж. Настоятель русского православного храма на кладбище Сент-Женевьев де Буа. В 1997 году возвратился в Россию. Отец А. И. Шмаиной-Великановой.

70 Иван Кириллович Великанов (1986) — сын А. И. Шмаиной-Великановой и К. М. Великанова. Сейчас музыкант-мультиинструменталист, дирижер, композитор, худ. руководитель созданного им первого в России ансамбля старинных духовых инструментов *Alta Capella* (2009) и камерного оркестра *Гарусы* (2014).

71 Мария Кирилловна Великанова (1982) — дочь А. И. Шмаиной-Великановой и К. М. Великанова. Филолог; дирижер-хоровик и регент церковного хора; психолог.

72 Кирилл Михайлович Великанов (1946) — муж А. И. Шмаиной-Великановой. Специалист по информационным технологиям, математик, переводчик.

73 А. С. Пушкин. «Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла...» // *Пушкин*, 1959. Т. 2. С. 709. Первая черновая редакция стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

А я всё это время переводила францисканские легенды⁷⁴ (причем мне достались, пожалуй, не лучшие: не *Legenda maggiore* Бонавентуры⁷⁵ и не *Leggenda perugina*⁷⁶). Франциск у меня как-то соединяется с Пушкиным — и с Андерсеном, представьте себе, и с отцом Димитрием. Странная цепочка? Что в этом общего? Приветливость, может быть; приветливый ум — или приятный, в цсл. значении (тот, который принимается: «кадило приятное»). И, мне кажется, «большой стиль» без такой «приятности» немыслим. Она-то потусторонняя и холодной бездушности, и жаркому бреду, о которых Вы пишете: ведь и этот холод, и этот жар — одинокие вещи, ни к кому не приветливые, никем не принятые (во время своего выговаривания). Я тут читала М. Бубера⁷⁷ новое (первое) издание по-русски «Я и Ты» (до этого я только по-немецки читала его «Хасидские легенды»). У него, собственно, одна тема с Яннарасом:⁷⁸ *связь* как образ жизни (Яннарас видит в этом исключительно христианское, и больше — православное достояние, и Бубер описывает его почти теми же словами, не выходя из иудаизма). Это совершенно иное «Я» (иное, чем индивидуалистское). «Я, в котором Ты, без которого нет Меня» сумел описать в августиновской личности Баткин. И справедливо отметил, что человек может считаться (и по определенным меркам быть) верующим, находясь при этом в «обыкновенном» я (по-буберовски, не в парадигме «Я–Ты», а «Я–Оно»), таком, о котором с ужасом думал Франциск: «Если *это* (связь) у меня отнимется, то останется только душа и тело, как у всех неверующих». Научность [...] — мне кажется, и есть расширение сферы «Я–Оно» на всё, что получится дистанцировать и рассмотреть. [...] Может ли быть «узкое свое»? Можно сказать, что оно как раз не свое: но я имею в виду то, что относится к «Я» вне связи, а таким может быть любое «собственное». Другое — как в Псалме:

74 Небольшая часть этих переводов (самого св. Франциска и его биографов) опубликована в: *Седакова*, 2010. Т. 2. С. 98–125.

75 *Legenda maggiore* (1260–1263) — житие св. Франциска Ассизского, написанное св. Бонавентурой (ок. 1217–1274), генералом францисканского ордена.

76 *Leggenda perugina* (после 1260) — анонимное житие св. Франциска.

77 Мартин Бубер (1878–1965) — германский и еврейский философ, открывший миру духовное наследие хасидизма, один из крупнейших представителей философии диалога. Вместе с Ф. Розенцвейгом сделал новый перевод Торы на немецкий язык. «Я и Ты» (1922) — главный философский труд Бубера. Рус. пер. Н. Файнгольда, под ред. С.Я. Левит и П.С. Гуревича. М., 1993.

78 Христос Яннарас (1935) — греческий православный богослов и философ. О связи как образе жизни: «Когда Церковь призывает нас принять хранимую ею Истину, речь идет не о теоретических положениях, с которыми мы должны согласиться априори, без всяких рассуждений. То, что нам предлагают, — это личное отношение, это определенный образ жизни, основанный на личной связи с Богом или же последовательно ведущий к установлению подобной живой связи. В результате изменения самого модуса нашей жизни она перестает быть индивидуалистической борьбой за „место под солнцем“ и обретает высший смысл в общении, в причастности другому бытию». — *Х. Яннарас*. Вера церкви. Введение в православное богословие. М.: Центр по изучению религий, 1992. С. 42.

«Се азъ и дѣти моя иже даде ми Господь»⁷⁹ (по памяти, может, не точно). Про первое «свое» я и говорю — приближенно — как про «узкое» (не понятное как, во-первых, данное, поданное — и как представленное вместе с собой в этом «Се»: вот мы), и в этом смысле о. Димитрий восхищенно говорил о Предтече: «Ничего своего у него не было». Так же можно было бы сказать: «У него всё было свое». Мне кажется неоспоримым требование Гёте⁸⁰ говорить о каждой вещи противоположные истины. О «своем» это так же справедливо. Все-таки мы знаем не только то, что знает язык в своей до-синайской глубине, разве нет? Во всяком случае, я люблю помнить, что всё так, и наоборот.

Я пишу Вам и говорю с Вами почему-то с такой простотой, что пугаюсь: не наглость ли это? Простите, пожалуйста, если Вы видите в этом бесцеремонность.

Анна опять, как всегда, с любовью вспоминает Вас. Она будет в Москве до октября и всерьез хотела выступить у нас на кафедре со своими разысканиями по ранней истории Церкви. Может быть, если она Вас не найдет, Вы позвоните ей — к Поленовым [...]; хозяйку зовут Елена Анатольевна.

Бумага, на которой я пишу Вам, — последний след гостеприимства Гетти (знаете таких нефтяных королей? По их приглашению я была в Сан-Франциско⁸¹ — так давно! три года назад).

Передайте, пожалуйста, [...] Ольге — [...] все добрые пожелания.

Роме привет и поцелуй Володику.

Простите еще раз за вольность письма!

Ваша

О.

P.S. Из «Гнозиса» до меня дошло известие, что они еще ждут Вашего — текста? не знаю, как назвать. Я была у них в начале лета: они были удивительно приветливы со мной.

P.P.S. Мне хотелось бы пробыть здесь еще месяц, и если Вы выберете время на письмо и не побойтесь чеченцев, я буду очень рада.

79 «Се аз и дети, яже ми даде Бог» — стих из книги пророка Исаии, поющий на службе Великого Повечерия: «Вот я и дети, которых дал мне Господь, как указания и предназначения в Израиле от Господа Саваофа, живущего на горе Сионе» (Ис. 8:18).

80 «Обучение философии магометане начинают со следующего положения: не может быть высказано ничего, о чем нельзя было бы сказать прямо противоположного. Они упражняют ум своих юношей, ставя перед ними задачу: для любой тезы подыскать антитезу и устно ее обосновать, что должно служить наилучшим упражнением в гибкости мысли

и речи». — И. П. Эккерман. Разговоры с Гёте. М.: Художественная литература, 1986. С. 227–228. Гёте неоднократно говорит о взаимодополнительности разных истин, о целом, неподдающемся дискурсивному завершению.

81 «Whitland Foundation», фонд поддержки культурных инициатив, созданный Гетти.

В 1990 году О. Седакова и Д. А. Пригов были приглашены на международную конференцию писателей в Сан-Франциско, организованную этим фондом.

Дорогая Ольга Александровна, я начинаю думать, в жанре Флоренского,⁸² не свойство ли это существ с именем Ольга — делать неожиданные подарки каждым словом, каждым жестом. Все темы и повороты мысли в Ваших письмах для меня оказываются непредсказуемы, все мне дают очень многое, главное, пространство для дыхания. Риши,⁸³ мудрецы в Ведах раздвигали пространство существования между небом и землей. Сапфо просит, вернее сама так строит: выше стропила, плотники.⁸⁴ Растрачиваются ли такие строители? Наверное, как Вы на меня; но какой-то догадкой догадываюсь, что они от этой растраты становятся богаче. Простота, с какой Вы пишете и какой, Вы говорите, пугаетесь, это широта дарения, которая уже перестает видеть себе остановку, оттого и пугается, это хороший испуг, дающий свежесть. У меня иногда бывает почти головокружительное ощущение вступления, движения в страну? местность? как сказать о том, как назвать то, чего никогда еще не было, нигде, ни с кем, что предсказано или предвидено быть не могло, никак, чего никто никогда не видел, не знал, что начинается абсолютно впервые, нигде не расписано? Возможно, что это ощущение новой эпохи (эпохэ нового заморозивания бытия, по Хайдеггеру⁸⁵), но, Вы это поймете, не в том дело, настолько не в том, что скучно о новой эпохе даже говорить. Разумеется она наступит, разумеется нам всем скоро предстоит такое, что интереснее всякой фантастики, но, как бы это сказать, все «социальные и духовные сдвиги» плетутся в хвосте у лег-

82 Богослов и философ П.А. Флоренский (1982–1937) истолковывал личные имена как архетипы духовного строения личности, сохраненные культурой («Имена», 1923–1926).

83 Риши (санскр. ṛṣi — провидец, мудрец) — мудрецы, которым боги открыли ведийские гимны. Также словом *риши* называют поэтов, законодателей и пр. «С этой, здешней стороны должно быть раздвинуто пространство, которого жадно ждет мощное божество, рвется туда, где его могут впустить. (...) „Воспевают тебя певцы, поют тебе славу славящие; брахманы тебя, о богатый духовной силой, подняли, как стропила крыши (как балку под крышу)“. Это гимн I ю к Индре. Он верховный бог, он назван стосильным именно потому что тогда он отражение зеркальное мощи брахманов, которые его поднимают как плотники крышу или, по толкованию Саяны, как жонглер бамбуковое бревно». — В. Библихин. Грамматика поэзии. С. 23.

84 «Выше стропила, плотники» — начало эпиграфы древнегреческой поэтессы Сапфо (630 до н.э. — 572/570 до н.э.). Этот вариант создан Р. Райт-Ковалевой для перевода названия одноименной повести Элинджера. В русском переводе В. Вересаева: «Эй, потолок поднимайте, О Гименей, Выше, плотники, выше».

85 В. Библихин напоминает о происхождении философского термина эпохэ от греческого глагола: «ἐπέχειν значит *держат что на чем*, например, ноги на скамейке, *подавать, устремлять*, например мысль, т.е. вместе обращать внимание и останавливать его на чем; *занимать пространство, страну, захватить, держать в своей власти, господствовать, напирать*. (...) Из греческого ἐποχή в порядке заимствования возникло немецкое *Epoche* (через лат. *epocha*) и наше эпоха в значении характерного отрезка времени, но не прямо из перечисленных выше значений, а из специального астрономического значения констелляции звезд. (...) → стр. 56

ких вещей, которым по-настоящему никакого дела нет до тех сдвигов. Тягучая мельница зарождения новых цивилизаций в узкой элите, в недрах старой у Тойнби⁸⁶ — нехорошая схема не потому, что неверна, она безусловно верна, а потому, что мешает догадаться о том, что настоящему новому не надо никакого развития и роста, никакого упрочения, никакого выхода в массы. «Своя от своих своим»,⁸⁷ без надежд (Элиот, ожидание без надежды,⁸⁸ моя Ольга напомнила), без оглядок, без нужды в признании, подтверждении. Ах я бы и раньше мог догадаться, что всё так, мешало только ложное опасение, что этого рода мысли — уловка слабого, который боится и неспособен пробиться к известности, оттого и придумывает себе мир, где можно без «успеха». Мне было очень трудно избавиться от мороки этого «успеха». Думаю, что даже и Цветаева, когда говорит «не успех, а успеть», всё еще немного в плену славы, потому что успеть, когда никто ничего не успевает, это опять же успех, достижение, первенство, престиж. Я теперь говорю себе: не успеть — об успеть уже речи быть не может, а успех, только не где-то и у кого-то, а сейчас только в этот момент и здесь, полное ведро, полено, расколотое с одного раза, написанное слово, которое не стыдно уронить, замеченная мысль и всё.

→ Когда Хайдеггер говорит о констелляции в истории бытия, о его эпохах, он решительно возвращается к этому взгляду на небо — и вместе к захваченности тем, чем мы все захвачены, каждый раз по-разному, не потому вовсе, что изволим подходить с разных сторон к бытию и вскрывать в нем разные стороны, заговаривая о его разных значениях, а потому что на деле взяты им и вбираем его *много как*, поллаχῶς, захвачены всякий раз так, как захвачены, и по пророчеству Аристотеля всегда будем „брать“ бытие по-другому и по-другому, на удивление, так что хочется принять меры и потребовать: но ведь должно же быть что-то общее, родовое во всех „формах бытия“! Нет, не должно быть и никогда не будет. У бытия вообще нет никогда ничего общего, оно — каждый раз новые захваты, заворожения („мир живет великими заворожениями“, Розанов)». — В. Бибихин. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. С. 57–58. (Этот курс был прочитан В. Бибихиным на философском факультете МГУ в 1993–1994 годах.)

86 Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975) — английский историк, философ истории, создатель теории цивилизаций. В его теории элита — «творческое меньшинство», ищущее ответ на вызовы, с которыми сталкивается определенная цивилизация, и способствующее ее выходу на новый уровень развития.

87 По образцу литургического: «Твоя от Твоих Тебе приносяще». (ОС)

88 *Я сказал душе моей: молчи, и жди без надежды*
Ибо надежда может быть надеждой
на что-нибудь ложное; жди без любви
Ибо любовь может быть любовью к
чему-нибудь
ложному; есть еще вера.

Но вера, любовь и надежда, они все —
в ожиданье.

Жди без мысли, ибо ты не готова к мысли;
Именно так темнота превратится в свет
и неподвижность в танец.

— Т. С. Элиот. Четыре квартета («Ист Коукер») (в пер. О. Седаковой). Выше Элиот говорит близкое мысли В. Бибихина о каждый раз новом «захвате, или завороженности» бытием:

Знание накладывает схему, и лжет,
Ибо схема обновляется каждый миг
И каждый миг есть новая и потрясающая
Оценка всего, чем мы были.

Я тревожусь от того, что не всё понял из сказанного Вами во втором письме. Вы не должны смущаться от того, что оказываетесь быстрее другого умом, и не должны, по-моему, дожидаться, когда Вас догонят. Приветливость, о которой Вы пишете, что она связывает таких разных Франциска, Пушкина, Андерсена и о. Димитрия, мне тоже давно уже начинала казаться «условием, без которого ничего не будет и нет» в слове, в искусстве, только я называл это не таким удачным словом «дружелюбие». Мне раз от разу всё больше, до слез нравится Глинка (странно сказать, в сцене Фарлафа и Наины, в романсах) именно постоянством того, что теперь я могу называть этим Вашим словом. То, что Вы говорите о «связи» у Яннараса и Мартина Бубера, я пытаюсь понять тоже как приветливость. Но мне еще трудно видеть, почему Вы еще сохраняете «Я» внутри связи и приветливости, хотя говорите — «совершенно иное „Я“». Кажется, мы на близкие к этому темы уже говорили, и я чувствую себя оставленным Вами (примерно как ребенка оставляют без руки), когда не могу вложить в «Я» никакой онтологии, вижу в «Я» и «Ты» только приемы, «ухваты» — чьи? Вот это вопрос, опережать ответ на который постулированием личной инстанции мне не хотелось бы. Я предпочел бы, чтобы Вы оказались здесь знающей дорогу лучше меня; служебность, размноженность, текучесть «Я» мне самому и тревожна, и неприятна. Но я не могу — порок? слабость? — уловить «Я» без и помимо «вот» («се азъ»), и «вот» мне кажется ясным и основным, а «Я» — только одним из его (! чьих?) слов, у него (у кого?) много слов.⁸⁹ — Как поразительно верно, что восхищенные слова о. Димитрия о Предтече «ничего своего у него не было» можно и нужно понимать в смысле «у него всё было свое». На «своем» такое расслоение, такая поляризация — как, я сказал бы, на «любви», только с «любовью», я думаю, дело уже окончательно погублено путаницей, а со «своим» и «собственным» расслоение яркое, резкое, показывающее, куда и как идти. Не так ли о каждой вещи, по Гёте, говорят противоположные вещи, что обе верны? О «своем»

89 В. Бибихин касается центра своей философской работы: «ухваты» Я и Ты сами схватываются узнаванием «себя» как «собственно своего», а не «своей собственности». Разворачиванию этой мысли посвящены его книги «Узнай себя» (СПб.: Наука, 1998) и «Собственность. Философия своего» (СПб.: Наука, 2012). «В первом, императивном требовании *узнай себя* приглашается увидеть, узнать или родить ближайшее, исходное *то самое*, собственно самость; в сообщении *это ты* самость призвана узнать себя в отождествлении со всем (...) Общий сдвиг к непониманию императива *узнай себя*, связанный с общим

смещением значения *своего* и *собственного* в индоевропейских языках от *хорошего, родного, настоящего* в сторону *приватного*, — такой, что Платону в „Алкивиаде I“ приходится уже вспоминать, что такое на самом деле *υἱὸς αὐτοῦ*, — задел формулу *это ты*, помешав ее пониманию. На сегодня дело дошло до того, что *узнай себя* прочитывается с точностью до наоборот, в смысле *познай (изучи) себя* (вот этого, ближайшую данность твоей индивидуальной личности), т.е. вместо первой задачи нахождения самости ее представляют как интересный наблюдаемый объект, который осталось только исследовать». — Узнай себя. С. 45.

говорится, по-моему, или злая ложь, окрутившая человечество, или забытая, робкая правда. Конечно Вы правы, что «всё и так, и наоборот», но разве эта свобода толкования, видения, понимания нам нужна не для того, чтобы вернуться к глубине, к слову, к языку, где именно глубина, а не наоборот, именно слава, а не наоборот, именно весть, а не обман? Очевидно, Вы говорите тут, по поводу противоположных истин, что-то такое простое, что мне неизвестно. Мне сейчас начинает казаться, что я еще в плену заблуждения моего поколения, что есть ядро, зерно, одно, единое (тоталитаризм?), — в плену «логоцентризма» и т.д. (метафизики, онто-теологии), что разоблачает, и справедливо, Деррида.⁹⁰ Не прилепился ли я к «своему» по той же тяге к уюту? Но, с другой стороны, эта мысль о «своем» (о котором язык говорит, что оно благо и род, родное, родовое) так многое помогает видеть яснее, например древнюю задачу философии «узнай себя»: узнай именно свое собственное. Или платоновские идеи — роды, и высшую идею как идею блага. И то, от чего у меня захватывает дух: нашу принадлежность роду и народу, «государству», «своим» — я еще косноязычу, думая об этом, но надеюсь и прошу, поймите меня правильно.

Вы помните, на рю Мишле, вечером, после Вашего чтения,⁹¹ я сказал, что Ваня как юный король, ему не хватает только короны. Вы могли бы и не пояснять мне, что Маша «старшая сестра», я ее прекрасно помню и мы с моей Ольгой часто говорим об этой семье. После Вашего письма я ввел с Ромой (4 года 8 мес.) строгие уроки стихов, счета, пения, что раньше было не отделено от общения — и сразу прекрасный результат. Как он понимает эту отделенность школы,

90 Логоцентризм (являющий себя и как фоно-, тео-, телео- и фаллоцентризм) — одно из ключевых понятий философии деконструкции Жака Деррида (1930–2004); способ представленности всего сущего в европейской мысли, воссоздающий присутствие (*présence*) через иерархизацию, центрирование и оставку означения отсылкой к трансцендентальному означаемому. Деконструкция Деррида следует (пересматривая ее) из хайдеггеровской установки на преодоление европейской метафизики как онто-теологии. В. Биbihин исходит из той же хайдеггеровской проблематики, продумывая не-деконструктивистский путь деструкции (раз-бора) метафизики: «Как школьный материал средневековья через Суареса, его „Disputationes metaphysicae“ завещало греческую онтологию Новому времени. Стержневыми понятиями Нового времени становятся особо выделенные области бытия — субъект, Я, разум, дух, личность, — и в этих терминах работает мысль, об их корнях в бытии

снова забывая. Античный понятийный арсенал применяется в свете этих новых стержневых понятий и ведется пересчет старых понятий на новые. Имеем таким образом несколько слоев, одинаково окаменевших, традиции. Эту окаменелость надо размягчить, затемняющие наслоения снять. Следуя ведущей нити вопроса о бытии, надо провести деструкцию традиционного арсенала античной онтологии и новейшей философии сознания». — В. Биbihин. Ранний Хайдеггер. М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы, 2009. С. 273.

91 Владимир Биbihин и Ольга Седакова (а также С. Аверинцев, Х. Яннарис и другие) участвовали в парижской конференции «Великий Инквизитор вчера и сегодня». Рассказ об этой значительной конференции и отдельные выступления были опубликованы в журнале «Искусство кино» (1994. № 4). В эти же дни был поэтический вечер Ольги Седаковой в «Славянской библиотеке», организованный Н. Струве.

важность строгого поведения, границу между уроком и игрой. Я понимаю, что школа тоже игра, но какая-то другая. Мне стыдно перед Аней и Кириллом и особенно о. Ильей, иначе я больше стремился бы к общению с ними.

Меня все-таки, конечно, выгнали с кафедры.⁹² Я спокоен и даже доволен, рад определенности. Тем более что ничего не изменилось: профессор Д. разрешил мне говорить в университете, «вы только не будете иметь право вести семинары в группах». Тихое коварство, на которое Д. очень способен, здесь в том, что я ведь-таки и буду продолжать говорить в университете, а это значит, нигде уже не смогу больше оформиться на «полставки», как запертая фигура. — Впрочем, всё это странно мало меня волнует. Со стороны я чудовище по отношению к Ольге и к семье, другой бы стал «вертеться» и добыл деньги. Но и я немножко знаю, и моя Ольга мне всегда напоминает, что как только начинается активность «ради семьи и детей», пропадает семья и не похвалят дети. Семья и дети не дают смысла жизни, сказала мне рано Ольга, до сих пор и всегда помню место Ленинского проспекта, где мы тогда ехали.

Кажется, я недолжным образом сминаю письмо; пишу ночью, а в 6 вставать. — На Преображение я не видел о. Димитрия на первой литургии, было так запустело в храме без него, и с тех пор мы там не были. — Да, с чего надо было начать: до сих пор я не принес свой текст в Гносис. Но я его печатаю. — О Вас спрашивал Сенокосов: речь идет о деньгах, которые Вам причитаются из фонда Сороса.⁹³

Всего Вам доброго — В.Б.

Азаровка, 26.9.1993

Дорогой Владимир Вениаминович,
Ваше письмо шло почти 3 недели, но в конце концов его все-таки принес «грибник»⁹⁴ (это такая профессия: они, «грибники», довольно странные, похожие на актеров в пьесах Островского). И хотя теперь я сама скорее окажусь в Москве, вероятно, чем это письмо, мне хочет-

92 Бибихин выступил против отчисления с кафедры двух студентов, которые не могли сдать экзамен по греческому. Конфликт с руководством по этому поводу привел к его уходу с кафедры. (ОС)

93 Юрий Петрович Сенокосов (1938) — российский философ, общественный деятель, соучредитель Московской школы политических исследований (1992). Друг и ученик М.К. Мамардашвили, в 90-е годы он занимался изданием его трудов и организа-

цией исследований его наследия. О. Сedaкова должна была получить гонорар за статью «Героика эстетизма», напечатанную в сборнике материалов третьих Философских чтений памяти М.К. Мамардашвили «Произведенное и названное». М: Ad Marginem, 1998 (также см.: Сedaкова, 2010. Т. 4. С. 176–198).

94 Некий Николай, который зарабатывал сбором грибов (ими богаты местные леса). Нина Васильевна пускала его ночевать. (ОС)

ся написать Вам. Прежде всего, с благодарностью за Вашу статью в «Новом круге» № 2⁹⁵ — она так выделяется внутри этого, в общем-то неплохого, «круга». Неплохого, но не свежего и не нового. Эти авторы никогда не смогут так описать Сократа — и интересно, что для такого понимания вовсе не нужно (как принято полагать) «вживаться» в Сократа, нужно просто жить на своем месте. И оттуда читать про Сократа, из «я». Может быть, это отчасти объясняет, каким образом «я» остается внутри связи, зачем оно там. Хотя мне очень трудно ответить на Ваш вопрос. «Личная инстанция» для меня не дело опережающего постулирования, а что-то инстинктивно вѣдомое, скорее, оно опережает опыт. А то, что не приходилось объяснять себе — как, скажем, тягу сесть поближе к печи в холодном доме, — трудно выразить и для другого. Мыслитель, конечно, может вопрошать всё, и инстинкт сознания (или чего?) тоже, а я с ними (такими умственными инстинктами) живу, не думая об их происхождении и обоснованности. И среди них, несомненно, образ «единства», в котором Вы подзреваете «заблуждение своего поколения» (а разве не всех поколений вплоть до постмодернизма? за исключением вневременного скептицизма). Правда, я не знаю Деррида... Вот в том, что вводит в это единое язык, в этом я не уверена, такого умственного инстинкта у меня нет. И всегда удивляюсь, когда *язык* противопоставляют *времени* — как Auden в стихах, навсегда сразивших Бродского:

*Time that is intolerant
Of the brave and innocent
And indifferent in a week
To a beautiful physique,
Worships language and forgives
Everyone by whom it lives;
Pardon cowardice, conceit,
Lays its honours at their feet...*⁹⁶

95 В. Бибихин. Кризис антиидеологии // Новый круг. № 2. Киев, 1992. С. 299–303.

96 У.Х. Оден (1907–1973), «Памяти У.Б. Йейтса» (W.H. Auden. In Memory Of W.B. Yeats).

Бродский писал о первой встрече с этим стихотворением: «Они, эти восемь строк в тетраметре, составившие третью часть стихотворения, звучат помесью гимна Армии Спасения, погребального песнопения и детского стишка:

*Время, которое нетерпимо
К храбрости и невинности
И быстро остывает
К физической красоте,*

Боготворит язык и прощает

Всех, кем он жив;

Прощает трусость, тщеславие,

Венчает их головы лавром.

(Подстрочный перевод)

Я помню, как я сидел в маленькой избе, глядя через квадратное, размером с иллюминатор, окно на мокрую, топкую дорогу с бродящими по ней курами, наполовину веря тому, что я только что прочел, наполовину сомневаясь, не сыграло ли со мной шутку мое знание языка. У меня там был здоровенный кирпич англо-русского словаря, и я снова и снова листал его, проверяя каждое слово, каждый оттенок,

Ведь и язык (языки) принадлежит той же реальности, что время: в нем только более долгое время, чем в «beautiful physique», но не бессмертье. С другой стороны, и время — не исключительно разрушительная вещь; не только исчезновение, но и возникновение — это время (смешно даже говорить такую банальность, но про нее настойчиво не помнят). Что умрут — вспоминают, а что родились — нет. Странно, правда? Но, чувствуя во времени благое начало, я, в отличие от Одена, не думаю, что оно облечено властью «прощать» и способностью «читать» (worship); оно не бог и не жрец. Но все это обывательские впечатления, не философия. Извините!

Из противопоставленных Цветаевой «успеть» и «успех» мне милее «успех». Может, потому что я всегда опаздываю и не в силах успевать вообще, и думать о том, чтобы «успеть», мне неприятно. А «успех» — в Вашем смысле — всегда рядом, и даже неуспевающим дается как успевающим (притча о работниках в винограднике: хотя, правда, можно не успеть и в последний час!). Насчет «успевания» мне мама рассказывала случай из моего детства. Велят обуваться. Я обувая один башмак и сижу, не шевелясь, пока у них не кончается терпение. — Оля, почему ты застыла? — Я думаю. — Что ты думаешь? — Я думаю: когда придет папа, я буду в одном башмаке или уже в двух?

Так что успевать я опоздала давно. Кстати, про башмаки очаровательное воспоминание рассказывала Елена Шварц.⁹⁷ Ее везут в детский сад (года в 4–5), и она думает: «Зачем дальше жить? я уже всё видела, всё знаю, всё умею, даже шнурки завязывать...» В этом месяце вышла ее книга, «Лочия ночи»: ⁹⁸ мне интересно, что Вы скажете. Не буду упреждать. Нет, все-таки скажу: для меня ее поэзия когда-то вдруг «подняла стропила», как это может сделать все-таки только живой поэт, всей гениальности умерших на это не хватает. Нужно, чтобы кто-то при тебе это делал. Может быть, это и значит — «успеть», и ничего суетливого в этом нет?

надеясь, что он сможет избавить меня от того смысла, который взирал на меня со страницы. Полагаю, я просто отказывался верить, что еще в 1939 году английский поэт сказал: „Время... боготворит язык“, — и тем не менее мир вокруг остался прежним. (...) Если время боготворит язык, это означает, что язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства». — И. Бродский. Поклониться тени. Пер. Е. Касаткиной // И. Бродский. Сочинения. Т. 5. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. С. 260.

97 Елена Андреевна Шварц (1948–2010) — русский поэт. До 1989 года не печаталась на родине, была одной из центральных фигур ленинградской «второй» (неофициальной) культуры. О. Седакова и Е. Шварц были знакомы с начала 1970-х. Седакова посвятила поэзии Шварц статьи: «L'antica fiamma. Елена Шварц» (Седакова, 2010. Т. 3. С. 567–580); «Елена Шварц. Вторая годовщина» (см.: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/1061> — дата обращения: 22.1.2018).

98 Е. Шварц. Лочия ночи. Книга поэм. СПб.: Советский писатель, 1993.

Я читаю два тома «Дневников» Клоделя⁹⁹ (привез Костя¹⁰⁰) — и встретила там, среди другого, что знамя Сатаны: «non serviam».¹⁰¹ Похоже, да?

Беру уже третий лист — и еще ни слова об исторических событиях, о рывке Ельцина.¹⁰² Мне нравится, а Вам? Сколько еще таких рывков до выпутывания из коммунизма? Мне понравилось, как Гайдар¹⁰³ говорил по TV, что урок последних лет в том, что российская интеллигенция перестает бояться своего народа. Я запомнила в Мемуарах Н.Я. Мандельштам ее объяснение поддержки молодого террора («порядка») со стороны их круга:¹⁰⁴ любая власть казалась им менее страшной, чем народ (после гражданки и т.п.). Но я всегда боялась, что народ и партия в самом деле едины — и вместе растопчут и меня, и всё, что мне дорого. Но без такого страха, без этого раскола, без двойной безродности, российская жизнь должна стать совсем другой.

Совсем недавно в Поленово мы говорили с Анной об интеллигенции: что во Франции она такая же, как крестьянство, одной кости, а в России — как в Индии, отделена решительно. И что так оно не то что-бы хорошо, но есть и будет. (Это мнение Анны.) И я сказала, что наде-

99 Поль Клодель (1868–1955) — французский поэт, драматург, католический мыслитель. Два тома «Дневников» входят в пледовское издание «Сочинений» П. Клоделя: P. Claudel. Journal: 2 Tomes. Gallimard, NRF. Bibliothèque de la Pléiade. T. I: 1968; T. II: 1969.

100 Константин Борисович Сигов (1962) — философ, директор Центра европейских гуманитарных исследований Национального университета «Киево-Могилянская академия» и научно-издательского объединения «Дух и Литера», главный редактор журнала «Дух и Литера». В 1992–1994 годах — доцент в парижской Высшей школе социальных исследований.

101 Non serviam (лат.) — да не послужу.

102 21 сентября 1993 года президент России Б. Ельцин подписал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», объявивший о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного совета. В тот же день президиум Верховного совета, сославшись на статью 121.6 конституции, объявил о прекращении полномочий президента Ельцина. Указ № 1400 был непосредственным следствием противостояния президента и большей части парламента во главе с его спикером Р. Хазбулатовым и вице-президентом РФ А. Руцким, которое завершилось взаимным кровопролитием в начале ноября 1993 года. Фактически указ демонтировал систему власти,

оставшуюся от советского законодательства. Этот процесс завершился 12 декабря 1993 года принятием всенародным голосованием новой Конституции РФ.

103 Егор Тимурович Гайдар (1956–2009) — экономист, политик, государственный деятель, возглавлявший экономические реформы 1992–1994 годов. На 26.9.1993 — первый заместитель Председателя Совета Министров — Правительства РФ. Возможно, Гайдар говорил о неожиданной для него самой поддержке большинства проголосовавших, которую президент Ельцин и экономическая политика его правительства получили на Всероссийском референдуме 25 апреля 1993 года.

104 Надежда Яковлевна Мандельштам (1899–1980) — вдова поэта Осипа Мандельштама, хранившая его стихи после его ареста и смерти в лагере (1938); автор мемуаров, ставших значительнейшим свидетельством о советской эпохе. Упом. место: «Мы некогда испугались хаоса и вдруг все сразу взмолились о сильной власти, о мощной руке, чтобы она загнала в русло все взбаламученные людские потоки. Этот страх — самое, пожалуй, стойкое из наших чувств, мы не оправились от него и поныне, и он передается по наследству. Каждому — и старым, видевшим революцию, и молодым, которые еще ничего не знают, — кажется, что именно он станет первой жертвой разбушевавшейся толпы.

юсь, что не будет, и прежней касты мне не жаль. Как я счастлива, что народ — не то, что Фронт нац. спасения.¹⁰⁵ Демон бездумной жестокости, кажется, покидает нас.

Глинку я тоже очень люблю, и пожалуй, романсы больше всего. В нем нет «задушевности», самого неприятного для меня свойства, которым как будто непременно отмечено русское искусство. Впрочем, немцы тоже этим хвалятся: «Unsre deutsche Herzlichkeit».¹⁰⁶ Я всей душой за «Играй, Адель» и Марш Черномора.

Извините,
кончаю бессвязное письмо

Ольге поклон и всего самого доброго. Маленькому Володе и Роме нежный привет.

Ваша
О.

P.S. Я не спрашиваю про Сороса, потому что ответа не получу — но не понимаю, что мне может причитаться.

P.P.S. Ах, да, я заметила, что не попыталась объяснить, каким образом уверенность в единстве и — цитирую Вас — в том, что в глубине «именно слава, а не наоборот, именно весть, а не обман», может быть увязана с гётевским «и так, и наоборот». Да потому, что эта слава и эта весть парадоксальны, и как только их с чем-нибудь окончательно отождествляют, не допуская противоположного, это будет уже неправда, натурализация. Например, цветаевская «великая низость любви»¹⁰⁷ — правда, и противоположное — тоже. Только одно или только другое («высота любви») — это уже «идеи» (не в платоновском, конечно, а в расхожем смысле), «идеи» же превращаются в лозунги, в программы действий. А глубину или гётевский «прафеномен» нельзя сделать программой действий. Из нее для практики можно добыть только одно: готовность отменить свою готовую программу, опознать неожиданное, и т.п. Но это никак не плюрализм. Не знаю, отвечаю ли я Вам? Ведь это Вы наверняка без меня прекрасно знаете.

Услыхав вечно повторяющееся: „нас первых повесят на столбе“, — я вспоминаю слова Герцена про интеллигенцию, которая так боится народа, что готова ходить связанной, лишь бы с него не сняли пут». — Н.Я. Мандельштам. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. С. 114.

105 Фронт национального спасения (ФНС) — создан в октябре 1992 года как объединение национально-патриотических и левых организаций. В октябре 1993-го из членов ФНС формировались боевые дружины, участвовавшие в вооруженных столкновениях на стороне парламента. Деятельность ФНС была приостановлена указом президента.

106 Unsre deutsche Herzlichkeit (нем.) — наша немецкая сердечность. — Friedrich Hölderlin. Lied der Freundschaft. (http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/19Jh/Hoelderlin/hoe_9004.html — дата обращения: 17.6.2018).

107 М. Цветаева. «Та ж молодость, и те же дыры...» // М. Цветаева. Собрание сочинений: В 7 тт. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 1. 1994. С. 512.

Дорогой Владимир Вениаминович,

Я знаю, что Ольгу и Вас можно поздравить с благополучным разрешением. Посылаю новорожденному ложку на зубок. Мне понравилась ее девиз.¹⁰⁹

Наверное, Вам некогда писать? Мне хотелось бы многое Вам рассказать, но сейчас не получится: тороплюсь к оказии. Лучше я напишу обстоятельнее по почте, а пока пользуюсь случаем поздравить.

Англия — самая милая для меня страна на свете. Сами они, конечно, бранят свое правительство и официальный курс «Back to the basics!»¹¹⁰ Но контр-авангардное настроение назревает. Хотя меня пугает всякое «back!», но похмелью от левизны я рада (культурной левизны). Если бы только не принять что-нибудь неприятное за «basics». И что-нибудь невеселое за «этику».

Но в самом деле, простите, не могу пока много писать!

Дай Вам и Ольге и всему Вашему дому Бог всего самого доброго!

Ваша

О.

Жду письма!

Яуза, 6.4.1994

Дорогая Ольга Александровна,

как мы были рады Вашему письму и золотой ложечке, которая сразу пригодилась кормить Олежека яблочным пюре — он уже такой, вообще ранний, и в нем можно наблюдать часы чистого заворожения бытием. Хотя сам он не наблюдает, и странным образом внимание к маме, к звукам не сопровождается движением глаз, они смотрят в другую сторону и видно, что он внимательно смотрит другими глазами, не задействуя эти, которые живут своей жизнью. Параллельные линии у него еще не пересекаются. [...] Этимология *Ольги* и *Олега*, насколько я понимаю, наше «целый» и немецкое «святой»,¹¹¹ английское *heal*,¹¹² или это народная этимология?¹¹³ — В № 1 «Славяноведе-

108 Письмо из британского университета

Киль, где я была в течение нескольких месяцев приглашенным поэтом (Poet in Residence). (OC)

109 Ut flumen sic oppidum (лат.) — As the river, so the town — девиз города Annan в

Шотландии.

110 Возвращение к основам, фундаментальным принципам (англ., идиом.).

111 Heilig (нем.).

112 Исцелять, заживлять(ся), успокаивать (англ.).

113 Имена *Олег* и *Ольга* традиционно возводят к древнескандинавскому Helgi (helgi — «святой»).

ния» за этот год продолжается Ваш словарь,¹¹⁴ и он затаенно особенный, в нем совершенно нет складского неуютя, каждая статья как Ваше осторожное обращение к читателю с полезным наблюдением, ненавязчивый совет чувствуется постоянно, все превращается в тихий разговор с Вами о том, что происходит с речью, с нами. Язык собственнo мельчает. Пока публицистика оглушена и оглушает своими заботами, у поэта есть большое и мало кому понятное дело, восстановление языка.

У меня даже очень есть время писать, трое мальчиков в семье придают жизни основательность и окончательность, раньше мне совершенно неведомые, а заботы с детьми, если решено главное (если есть согласие; если не бывает и намек на конфликт; если любое домашнее дело без дележа и расчета обязанностей всегда сразу может быть подхвачено другим; если ждешь от близких только лучшего и каждый раз снова прежде всего просто радуешься им, которых могло не быть), на удивление невелики. Одно только плохо: в России худо со школой, мало кто по-настоящему хочет учить и еще меньше кто умеет. Правда, Анюта и Кирилл говорят, что во Франции хотя и на каждой обложке учат детей, но по существу техническим навыкам. В Англии, возможно, школа лучше? То, что Вы пишете о домашней политике новых консерваторов *back to the basics — nothing is wrong here except the sound of the words... they sound boringly stale, incorrigibly red-tape; and the left intelligentsia, shocked to colics by the style, is doomed to reflect it in a negative way. Same as with us, although with less thirst of blood and more common sense.*¹¹⁵ Что происходит в политике здесь, я теперь, не читающий газет (покупаю их всё реже и они всё больше шокируют пустотой и однообразием, кроме может быть «Литературной» — странно говорить об однообразии, когда их всё больше и с самыми пестрыми названиями, но с газетами как с кооперативными киосками, их однообразное множество; расслоения газетной публики, как в Англии например, не происходит, опять

114 Окончательный вариант этой работы:

О.А. Седакова. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. 2-е изд. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. Из предисл. О. Седаковой: «Настоящий словарь относится к известному лексикографическому типу „ложные друзья переводчика“, иначе говоря, к словарям вероятных (а порой и неизбежных) недоразумений, смысловых иллюзий. Недоразумения такого рода возникают, когда при работе с другим (и особенно близкородственным) языком читатель исходит из тех значений слов или

морфем, которые известны ему по родному языку. (...) Такие слова, физически (своим звуковым и морфемным составом) совпадающие (или почти совпадающие) с русскими, но несущие другое значение, и включены в настоящий словарь» (С. 7–8).

115 Назад к основам — здесь нет ничего неверного, кроме звучания слов... Они звучат до скучного черства, неисправимо казенно; и левая интеллигенция, до колик шокированная стилем, обречена воспринимать их отрицательно. Так же и мы, хотя и с меньшей жадной крови и большим здравым смыслом (англ.).

же кроме может быть «Литературной», и, скажем, «Независимая» всё еще так же хочет быть газетой для всех, как раньше «Правда» или «Известия», с тем единственным результатом, что всё вернее впадает во всеобщий и всех задевающий тон, т.е. скандала), знаю только даже хуже чем слепой крот, даже не по шевелениям воздуха и земли, а как слепо- и глухонемой, по движениям собственного тела, словесного, во время говорения в университете и очень редко где еще. Тут я быстро меняюсь, каждый почти раз провал, отрезвление и одновременно новое начало. Неожиданно я начал понимать оставленность Богом и бытием во всех смыслах этого слова, и даже больше в том, что мы оставлены быть, не отменены, не отправлены в бросовый материал. Оставленность тогда вовсе не обязательно падение, а свобода, подаренная, чтобы мы имели возможность привязаться к дарителю без связанности им.¹¹⁶ В этой связи по-новому приоткрывается Кант: как урок прослеживания во всем, что человек знает и делает, того, что дало человеку возможность так много знать и так много делать, именно отсутствия во всем, с чем человек имеет дело, вещи в себе, надежная оставленность всех явлений — а всё вообще у Канта только явления — чем-то лежащим в основе всего и совершенно неприступным. Причем неприступен у Канта не дух, божественный или человеческий, а более простые и, так сказать, инженерно-технические вещи всеобщего мироустройства, как в блестящем примере из «Прологомен» с отражением руки в зеркале.¹¹⁷ Там та же вроде бы по всей видимости рука, но совпасть при наложении они не смогут ни в одной малейшей детали. И это показывает, что рука собственно, рука в

116 «И вот та дисциплина, техника, внимательное настойчивое усилие, которому только и учит Сократ, нужны не для возвращения отцов, их уже не вернуть, а для независимости, для свободы от персов, от великого царя. Не так что: иди и я теперь научу тебя знанию; а так: умей теперь, оставшись один, жить в отрешенном смирении, незаносчивом, но и неприступном. Выдержка, выносливость, вынесение ситуации — незнания, да, но *знающего* незнания. В *знающем* незнании отцы присутствуют полновесно так, как только они и могут присутствовать в мировую эпоху оставленности — присутствуют своим отсутствием; в отличие от слепоты, от забывчивости, которая „проглатывает“ ситуацию безотцовства, знающее незнание — это постоянное присутствие отцов как именно отсутствующих. Отцы, конечно, вы помните из „Алкивиада“ да и так знаете, на горизонте сливаются с богами». — В. Бибихин. Собственность. Философия своего. С. 57–58.

117 «Эти предметы не представления о вещах, каковы они сами по себе и какими бы их познавал чистый рассудок, а чувственные созерцания, т.е. явления, возможность которых основывается на отношении некоторых самих по себе неизвестных вещей к чему-то другому, а именно к нашей чувственности. Что касается нашей чувственности, то пространство есть форма внешнего созерцания, а внутреннее определение всякого пространства возможно только благодаря определению [его] внешнего отношения ко всему пространству, частью которого будет каждое отдельное пространство (частью отношения к внешнему чувству), т.е. часть возможна только благодаря целому, а это имеет место у одних только явлений, а никак не у вещей самих по себе как предметов чистого рассудка. Поэтому мы не можем объяснить различие подобных и равных, но тем не менее не конгруэнтных вещей (например, раковин улиток с противоположными по направлению

себе или то, что лежит в основе того, что является как правая и левая рука, во-первых вещь другая, чем правая и левая рука, а во-вторых, никакими усилиями «вычислена», угадана, уловлена как нечто среднее левого и правого быть не может. Я подумал, что то же самое соловьевский «человек», целое мужского-женского: он явно где-то совсем рядом и даже раньше мужского-женского, но всякие попытки его обнаружения только с силой отбрасывают снова к мужскому-женскому, а та вещь остается и биологически и физически и химически и никак неприступной.¹¹⁸ Т.е. Кант трезво указывает на недостижимость не Бога так уж сразу, а вот самой близкой софии мира и тела; она сделана так, что должна была бы сразу отрезвлять всякое человеческое распорядительство, если бы была замечена, если бы, в частности, Канта прочитали. Наверное, у Гераклита его ночь-день, война-мир и т.д., которые одно, вполне аналогичны парам из кантовских примеров. В самом деле, ясно же, что день оттенен ночью, ночь высвечена днем, они друг без друга не могут, стало быть они как-то одно — но это одно как раз невычислимо, ненаблюдаемо, а главное неименуемо, как таинственное «среднее» правого и левого, мужского и женского и т.д. Т.е. люди живут как дикари даже не рядом со сложнейшей и непостижимой автоматикой, а внутри нее, и Кант призывает обратить внимание на то, что умение нажимать на кнопки и получать результат совсем не равносильно знанию устройства и назначения. Флоренский и Булгаков, которые умели нажимать на кнопки благочестия и всё у них работало, сердились на Канта за то, что он не поступает так же, но по сравнению с ним они техники (техника духа, техника символизма, обряда), заморожены работой механизма, действительно удивительной, и как дети отождествляют себя с изобретателем, вот-вот обожатся, а Кант ошеломлен («удивлен») немислимой разницей.¹¹⁹ Опять вспоминаешь Гераклита, который гово-

извилинами) никаким одним понятием; это различие можно объяснить только с помощью отношения к правой и левой руке, которое непосредственно касается созерцания». — *И. Кант. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука* // И. Кант. Собр. соч.: В 8 тт. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 41–42.

118 «В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет — он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность (и уже на этой основе развиваются все прочие различия). Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим

единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, — это и есть собственная ближайшая задача любви». — В.С. Соловьев. Смысл любви // В.С. Соловьев. Смысл любви. Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 146.

119 О мотивах и характере непонимания

Канта русскими религиозными философами см.: А.В. Ахутин. София и черт (Кант перед лицом русской религиозной метафизики) // А.В. Ахутин. Поворотные времена. Статьи и наброски. 1975–2003. СПб.: Наука, 2005.

рит, что скольких авторов ни читал, нигде не нашел понимания, что мудрое от всего отдельно.¹²⁰ — Я быстро меняюсь и склоняюсь к трезвости и этому кантовскому знанию своего места и отсюда сужу об общей перемене, догадываясь только, что там будет больше ненужной жесткости и меньше ума; что делать. —

Еще в той же слепо-глухонемой манере я сужу об изменениях по тому, что стало хотеться ехать за границу, и даже не обязательно только на Запад. Это произошло недавно, потому что еще в ноябре я бодро писал великодушному Борису Эмару, что пожалуй нет резона мне ехать по его приглашению в Париж; и в отношении Вас, Вы помните, мне тоже вплоть до января казалось, что Англия будет как отлучение, как ссылка, скучной. В январе я неожиданно стал думать, что всё совсем наоборот, а в феврале сам собой заполнил анкеты на паспорт и теперь без колебаний дожидаясь конца мая-июня, когда я, возможно, все-таки поеду на месяц в Париж. Мне страшно хотелось бы побывать и в Англии, с запозданием в 30 лет (когда нам, со Свиридовым, долголетним диктором московского английского радио, изгнанным в конце концов за то, что «он говорит слишком как англичанин», первым студентам переводческого факультета, именно Англия, ни в какой степени не Америка, стала мне на время, ему навсегда второй родиной), но, кажется, это административно невозможно, я анархист только дома, а кроме того, туристское существование сразу вгоняет меня в глухой ад. В Париже кроме Жака Деррида, который меня очень задевает, Федье,¹²¹ Везен,¹²² Жерар Гест¹²³ и хоро-

120 Истолкованию мысли Гераклита посвящена глава «Правящая молния» в книге Бибикина «Язык философии» (1-е изд. — 1993 год): «„Из всех, чьи речи я ни слушал, ни один не достигает до того, чтобы знать, что мудрое от всего отделено“, σοφὸν ἔστι πάντων κεχωρισμένον (фр. 108). От „всего“, значит и от космоса с его меной огня на вещи. Мы не видим в мире ничего кроме мира, огня и вещей, но из-за того, что не видим, не должны решить, что ничего нет. То, что кроме, просто совсем другое. Оно *ничто* любому *что*. Оно и есть настоящее дело философии. Гераклит кричит о том, что не может и не должен называть то, что от всего отделено. Интерпретаторы пытаются разъяснить ему самому, что он „имел в виду“. Но он не „имел в виду“ ничего, когда говорил об „отделенном“. Оно по определению таково, что его нельзя „иметь в виду“. Мы можем видеть только его отсутствие среди „всего“. Само по себе оно таково, что ни при каких поворотах глаза и подходах мы не можем его видеть. Другое огня, меняющее огонь

на вещи, другое вещей, меняющее их на огонь, не может быть названо, поскольку „от всего отдельно“. Вовсе не так, что отдельное уже не будет ни логосом, ни софией, ни разумом. Отдельное от логоса не значит нелогичное. Оно отдельно и от нелогичного». — В. Бибикин. *Язык философии*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 132.

121 Франсуа Федье (1935) — французский философ, ученик Ж. Бофре, переводчик и последователь М. Хайдеггера. В пер. В. Бибикина: *Франсуа Везен*. Философия французская и философия немецкая. *Франсуа Федье*. Воображаемое. Власть. М.: Эдиториал УРСС, 2010. В пер. О. Седаковой: *Ф. Федье*. Голос друга. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.

122 Франсуа Везен — французский философ, ученик Ж. Бофре, переводчик «Бытия и времени» М. Хайдеггера на французский.

123 Жерар Гест — французский философ, феноменолог, исследователь философии М. Хайдеггера.

шо ко мне относятся, и страшно интересны мне и сами по себе, и как очень наши, но западные, и потому, что десятилетиями общались с Хайдеггером. — Тяга на Запад, совсем новая, проявляется теперь то ощущение важности происходящего (вовсе не в политике, а как-то так), которое длилось от примерно конца 1988 года вот теперь до самого конца 1993-го, в чем я опять же по-своему участвовал появлением новой семьи и теперь всё более странной для меня самого горой написанного для говорения в университете. Олежек успел проскочить последним в этот прорыв, или провал, или просвет (просвет я *видел* 24 мая 1990 года на несколько секунд, поворачивая в машине с Ломоносовского на Ленинский проспект около часу дня, он даже сопровождался чем-то вроде появления цифры 300 — столько лет нового и живого существования для этого города, Москвы) [...]

И еще откуда видно мне, что ситуация изменилась. Вплоть еще до ноября прошлого года я, вы знаете, решительно и весело отказывался от всяких планов получения денег кроме зарплаты в институте, — и вдруг подал заявку фонду Сороса сразу на много денег и больше того, буду просить у немцев на перевод «Бытия и времени»¹²⁴ и у всех у кого смогу. Парадокс в том, что как раз еще прошлым летом наше положение было до красивого отчаянное, [...] и не то что стало легче, а просто мы не нуждаемся, и я как состоятельный могу себе без труда позволить говорить в университете бесплатно. Это дает огромные выгоды в свободе и уверенности (хотя бы, как я Вам говорил, от видения примерно того же количества народа в той же аудитории при уверенности, что им не нужен зачет) и хорошую прививку на будущее, если я вернусь к норме. Что интересный вопрос.

Но всё это внешние в сущности перемены, повороты дороги, которая всё та же. По-прежнему напечатание мне привычно льстит, успокаивает своей полезностью, но по-настоящему безразлично; по-прежнему ни в чем из попадающегося, кроме Вашего (этот словарь; о слове в «Искусстве кино»,¹²⁵ из последнего), не вижу новости, всё только «пленной мысли раздраженье»,¹²⁶ «на всех различные вериги».¹²⁷ Аверинцев стал казаться слишком обтекаемым, он не

124 См.: М. Хайдеггер. Бытие и время. Пер. В.В. Библихина. М.: Ad marginem, 1997.

125 О. Седакова. По русскому имени // Искусство кино. 1993. № 10.

126 Строка из стихотворения Лермонтова «Не верь себе» (М.Ю. Лермонтов. Сочинения: В 6 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. Т. 2. С. 122–123).

127 Отрядом книг уставил полку,
Читал, читал, а всё без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги.
— А.С. Пушкин. Евгений Онегин // Пушкин, 1959. Т. 4. С. 27.

слишком ли спешит к благообразности. Умоляю Вас, сразу скажите, кого из русских надо читать, если Вы заметили. По состоянию на декабрь прошлого года, я помню, пока никого. — Мне бы хотелось, чтобы Вы, если увидите журнал «Новая юность», прочитали там мое «Власть России»,¹²⁸ о том, что она до сих принадлежит Борису и Глебу. Владимир Николаевич Топоров,¹²⁹ очень любезный ко мне, подарил мне амстердамскую «Русскую литературу» 1989, XXV-1, со своей «Идеей святости в Древней Руси», но суть дела у него, как всегда, полностью тонет в параллелях (всё оказывается вечно-фольклорным), и что хуже, он как Гаспаров не видит разности между настоящим и текстом, между рассказом летописи и приглашенным и подслонявленным «Сказанием о Борисе и Глебе».¹³⁰ Что «бояре потаиша Владимерова преставление того ради, дабы не дашла весть до окоянного Святополка»,¹³¹ веришь сразу; в версии «Сказания», что Святополк утаил смерть отца один сам, чувствуется желание выгородить номенклатуру и скрыть саму проблематичность передачи власти после Владимира, по-моему профетическую для вообще всей русской власти. Где Топоров видит одну из «вершин древнерусской литературы именно с художественной точки зрения»,¹³² мне кажется уже нехорошая эстетизация. Говорю Вам, уверенно думая, что Вам перепад в достоинстве текстов бросается в глаза так же.

Ах мне бы хотелось говорить с Вами подробнее, но я в каком-то смысле всё время так и говорю, и даже совсем не обязательно, чтобы Вы мне длинно отвечали. Допустим, Вы вложите какую-нибудь вырезку из газеты, и всё будет хорошо. Еще раз, мы совершенно рады, что Вы написали, и будем надеяться на известия от Вас еще.

128 Новая Юность. 1994. № 1.

129 Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) — филолог, мыслитель, один из основных деятелей московско-тартуской семиотической школы.

130 В. Биbihин сравнивает рассказ об убийстве Бориса и Глеба (за 1015 год) из «Повести временных лет» (нач. XII века) и написанное или в середине XI, или в начале XII века «Сказание и страдание и похвала Святым мученикам Борису и Глебу», приписываемое Иакову Черноризцу.

131 «Умре же Володимиръ, князь великий, на Берестовъмъ, и потаиша й, бѣ бо Святополкъ в Киевѣ». — Памятники литературы Древней Руси XI — начало XII веков. М.: Художественная литература, 1978. С. 144.

132 «Преимущество „Сказания“ перед другими „борисоглебского“ круга текстами в художественном отношении таит в себе значительные опасности при решении исторических по преимуществу вопросов. Но в случае мифопоэтического текста, смысл которого предстоит понять, „художественность“, действительно, оказывается преимуществом, поскольку она „работает“ в том же направлении, что и мифопоэтичность. Оставляя разбор поэтики „Сказания“ для особой работы, все-таки необходимо подчеркнуть, что этот текст представляет собой одну из вершин древнерусской литературы именно с художественной точки зрения». — В. Н. Топоров. Идея святости в Древней Руси: Вольная жертва как подражание Христу («Сказание о Борисе и Глебе») // В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Гнозис; Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. С. 491–492.

Дописываю уже в Благовещение, с которым поздравляю, как и с приближающейся Пасхой, которую я не могу не считать второй, после 3 апреля, думайте обо мне как хотите.

Ваш

В.Б.

Keele, 2.5.1994

Христос Воскресе!

Дорогой Владимир Вениаминович, спасибо за письмо — как все Ваши письма, вызывающие азарт отвечать. Но сначала поздравляю Вас и Ольгу и детишек со Светлым Праздником. Я встречала его в Лондоне, в доме моих добрых старших друзей — Н.С. Франк (дочери С.Л. Франка¹³³) и ее мужа, английского русиста Peter Norman.¹³⁴ В этом доме С.Л. жил последние годы и скончался, а Владыка — тогда молодой священник о. Андрей¹³⁵ — сидел у его смертного ложа. Он (С.Л.) по-своему повторил Аквината: перед кончиной он пережил такой духовный опыт, что сказал, что всё написанное им — совершенно не о том и ничего не стоит. Живой и добрый дом. С утра я уезжала в храм и вечером возвращалась. Владыка так стар и слаб, что почти не появлялся. Но на Пасху сказал вдохновенные слова: что это не только победа Божества, но и прославление человека — человеческое естество оказалось способным перенести Бога. И эту человеческую силу to overcome¹³⁶ (он говорил по-английски) не только частное зло, в себе и вокруг, но самого Начальника зла, и самый Ад, нам следует знать в себе и в каждом.

Что до *второй* Пасхи, как Вы пишете, первую я встречала в соборе Lichfield, по приглашению Bishop of Lichfield¹³⁷ (расскажу Вам при встрече, как мы познакомились): это один из самых высоких людей,

133 Семен Людвигович Франк (1877–1950) — русский религиозный философ;

в 1922 году выслан из Советской России.

Последние годы жизни провел в Лондоне.

134 Питер Норман (1921–2007) — английский славист, лексикограф и переводчик. Составитель (совместно с W.F. Ryan) The Penguin Russian Dictionary, самого популярного в Британии англо-русского и русско-английского словаря, автор учебников современного русского языка. Переводчик Анны Ахматовой, Арсения Тарковского, Марины Цветаевой и Лидии Чуковской. В лондонском доме Норманов в разное время гостили Ахматова, Тарковский, Твардовский, Бродский. (ОС)

135 Митрополит Антоний (Андрей Борисович Блум; 1914–2003) — епископ Русской православной церкви; митрополит Сурожский (Англия). Богослов, выдающийся проповедник и миссионер. Его беседы и проповеди в СССР слушали по ВВС, они ходили в самиздате, в магнитофонных записях и в текстах, подготовленных Е.Л. Майданович.

136 Преодолеть, превозмочь (англ.).

137 Епископ Личфилдский (англ.). С 1984 по 2003 годы епископом Личфилдским был Кейт Норман Саттон (1934).

каких мне доводилось встречать. И беседа наша была удивительна — в его дворце, часов 5. Но это позже. А на Пасху он сказал мне у дверей: «Это не настоящая Пасха; настоящая — Православная».

— Но откуда вы знаете?

— Из Чехова («Студент»).

Потом, во дворце, он рассказывал, как трагично положение церковных людей в современной Европе. «У нас нет ничего: нет науки, нет искусства — всё это не с нами. И наш враг страшнее и успешнее вашего свирепого государственного атеизма. Он называется комфорт — comfort — и security».¹³⁸ Я Вам подробнее расскажу при встрече. Он мне устроил к тому же целый экзамен, как у Dante в «Paradiso», по поводу некоторых слов в моих стихах (он изучил вышедшую здесь мою английскую книжку¹³⁹) — и особенно про слово consolation.¹⁴⁰ После общего (эссенциального) изъяснения what do I mean by it?¹⁴¹ — как у Данте, он перешел к экзистенциальному: «А для вас лично что the most consolatory thing?»¹⁴²... «А что значит упоминание Иова в „Диком шиповнике“»? и т.д. Он не знает русского языка, но русскую литературу (именно литературу, не богословие и философию) читал сплошь, и она определила его жизнь. Он решил стать священником, прочитав в школе «Записки охотника»!

О, я встречала здесь таких чудесных людей. И каждый день можно было бы описывать — впрочем, как и каждый день в России. Ничего подобного я, как всегда, не делаю и всё уходит «в ту же свою вечность» (помните?). Англия — очаровательная страна. Не задумываясь, я бы выбрала ее из всех, что видела. Gentle and helpful.¹⁴³ И ландшафт почти русский. Мне кажется, в России, вспомнив здешнее рутинное «Nice to see you!»,¹⁴⁴ я буду плакать. Кто кому у нас такое говорит?

Ваше отношение к Канту — такое же, как у меня (хотя я его, конечно, плохо знаю, но какой-то *principium*¹⁴⁵ еще в юности уловила и полюбила: почтительность и осмотрительность благородной души). В ненависти к Канту Флоренский сходится с Хлебниковым (который жег «Критики» по листку), с Белым¹⁴⁶ и всем авангардом. Интересное сходство, не правда ли? Они разозлились на Канта, как дети, которым не дают поиграть, с чем и правда нельзя играть. И тем не менее я люблю и верю (одновременно) в нечто противоположное «вещи для нас». Помните, я пыталась объяснить это придерживание

138 Комфорт и безопасность (англ.).

139 Olga Sedakova. The Silk of Time.
Ed. Valentina Polukhina. Keele:
Ryburn Publishing, Keele Univ. Press, 1994.

140 Утешение (англ.).

141 Что вы имеете здесь в виду? (англ.).

142 Самая утешительная вещь (англ.).

143 Вежливая и готовая помочь (англ.).

144 Рад Вас видеть! (англ.).

145 Начало, основание (лат.).

146 См., например, описание отношения к Канту в «Истории становления самосознающей души» А. Белого.

двух противоположных вещей? Не вопреки Канту, а вместе с Кантом. В сущностную проницаемость мира — только достигается она не «овладением», а жертвой. Пожертвуйте чему-нибудь — и это уже не будет «вещью в себе». Вещь в себе — ответ на активистскую бестрепетность в отношении к вещи. В «хорошем» повороте оставленности, который Вы рассказываете, мне больше всего очевиден страх перед властью. Хорошо, когда тебя оставляет (в Вашем смысле) властитель. Но хорошо ли, когда оставляет то, что тебе дороже всего? о чем в Псалмах говорится: «Желает и скончается душа моя»...¹⁴⁷ Откуда этот страх перед Владыкой, я не понимаю, честное слово. Но я не Вл. Антоний, чтобы проповедовать. Право на такое слово нужно оплачивать. Иначе в самом деле получится нажимание на кнопки догмы и обряда. Мне кажется, в большинстве земных случаев действительная позиция Канта — как евклидова геометрия в нашем пространстве. Глупо строить дом, исходя из пересекающихся параллельных. Но бывает другое. Не знаю, внятно ли я выражаюсь.

Интересно, что, не читая Вашей вещи о Борисе и Глебе, я всегда так чувствовала «власть России». Увы, мне вполне понятно, что происходит при таком чтении, как у В. Н. Топорова. Вот уж где не веяло ни «вещью в себе», ни противоположным. Интеллектуальное «comfort and security». Как хорошо, что Вам это чуждо!

Кого читать по-русски, не знаю. Мне понравилась повесть Юза Алешковского¹⁴⁸ «Перстень в футляре». Пожалуй, и всё. (Звезда, № 7, 1993.) Ощущение опустошенности всего этого словесного шума у нас. В самые глухие времена было что-то: было, угадывалось, предчувствовалось... Но могу Вас порадовать, что и здесь — в сущности — то же. Какие стихи! какая живопись! какая филология! Что по-настоящему живое и новое? Мне хотелось бы найти что-нибудь вне-клерикальное, но всё тверже вижу: только там, в старой крепости — здесь Bishop; там — отец Димитрий. Клянусь, я не предвзята и не тороплюсь к благонравию. Но всё другое провинциально, оставлено центром — или само оставило его. А в отношении этого центра Москва или Париж — не так уж важно. Экстремизм?

Да, теперь здесь мода на мусульманство. Показывают англичан-мусульман, конвертов, и что Вы думаете, они выдвигают в качестве причины своего обращения? Как один: устои, стержень повседневного существования, нормативизм. Это не западный буддизм 60–70-х годов. Человек просится в клетку, нагулялся.

147 «Желает и скончается душа моя во двory Господни: сердце мое и плоть моя возрадовастся о Боже живe» (Пс. 83:2).

148 Юз (Иосиф Ефимович) Алешковский (1929) — поэт, писатель. 1950–1953 годы провел в лагере. Печатался в СССР как детский писатель, неофициально выступая с песнями на свои стихи. В 1979 году эмигрировал. Живет в США.

На этом и кончу. Очень рада Вашему семейному счастью, храни Вас Господь.

— Christ is risen!

— He is risen indeed!¹⁴⁹

(так восклицали в Лондоне)

С глубокой дружбой

Ваша

О.

Приклеен листик с заголовком «Mad dogs and Englishmen»¹⁵⁰ с пометкой ОС:

Посылаю Вам образчик газетного языка (о событиях в заливе) — но самой же газетой рефлексированный. Вот чем, в частности, мила Англия.

Азаровка, 2.7.1994¹⁵¹

Дорогой Владимир Вениаминович,
наверное, Вы вернулись — и не без Парижа, как Пушкин с морем в деревню

В поля, в пустыни молчаливы

Перенесу, тобою полн...¹⁵²

А я смотрела на Францию с другой стороны Ламанша, возле города Exeter, бродя с Петром Скорером (внуком С.Л. Франка, православным диаконом и одновременно заведующим славянским отделением Эксетерского Университета¹⁵³) у красных скал (red cliffs) побережья. И думала: где-то там Париж, Костя... Дело было в нашу Масленицу. Это один из несчетных британских кадров, самый южный. Я ведь повидала обе Ирландии, Шотландию, Уэллс. А уж внутри Англии...

Очень быстро здесь всё это стало видеться мимолетным и почти нереальным. Как Россия оттуда.

Я недолго оставалась в Москве по приезду и теперь пишу из Азаровки. Отец Димитрий встретил меня вопросом: «Do you speak Russian?»¹⁵⁴ и время от времени вставлял английские слова, чтобы мне было понятнее. Он был в самом деле рад моему возвращению.

149 Христос Воскрес! — Воистину Воскрес! (англ.).

150 Заголовок представляет собой начало поговорки, восходящей к Р. Кипплингу: «Only mad dogs and Englishmen go out in the noonday sun» (Только бешенные псы и англичане выходят под полуденное солнце).

151 Первый лист письма на плотной бумаге с красной рамочкой и (внизу) изображением черного кота среди разных сортов тюльпанов. (ОЛ)

152 А. С. Пушкин. К морю // Пушкин, 1959. Т. 2. С. 38.

153 Peter Scorer (1942), сын Н. С. Франк, и его жена Ирина — друзья Ольги Седаковой.

154 Вы говорите по-русски? (англ.).

И я тоже. Пожалуй, это самый определенный итог моих странствий: мне нравится здесь. Теперь еще больше, чем после Франции. Объяснить и обосновать это заключение трудно, но я больше не вижу здесь черной дыры, какого-то антивещества* (*вроде конверта, в котором я посылаю это письмо) — а один из образов человеческого общества.

Я видела Вашу книгу, но в чужих руках, и прочесть не пришлось. Удивительно, но моя книга в «Гнозисе»¹⁵⁵ все-таки вышла и мы в узком кругу наскоро выпили по поводу сигнального экземпляра. Нужна ли она в теперешнем воздухе, не знаю. Может быть, в Европе даже нужнее — так мне показалось во время английских встреч. Они соскучились по такому. Остается спросить: какому «такому»? Это я надеюсь узнать из Вашей статьи в НЛО.¹⁵⁶

Мне очень хотелось бы повидаться с Вами и с Ольгой и увидеть знакомых младенцев и незнакомого. Наверное, Вы будете не в Москве?

Пожалуйста, напишите мне хоть немного! Деревенский адрес прежний:

301002 Тульская обл.

Заокский район

п/о Малахово дер. Азаровка.

А телефонный номер в Москве переменился: [...]

Желаю Вам и Вашему дому

всего самого доброго

Ваша

О.

Ожигово, 11.7.1994

Дорогая Ольга Александровна, нам очень хотелось бы приехать к Вам, может быть даже к дню Ольги или уж Владимира, если мы успеем поставить машину на ноги, — разрешаете ли Вы? Поздравляю Вас с выходом книги, которую я еще не видел. Но часть ее, «Похвалу поэзии»,¹⁵⁷ и желательно без купюр, мы в Париже договорились, если будет Ваше согласие, перевести на французский и издать с Франсуа Федье. Так начнет сбываться мое предчувствие, когда я переписывал ее на машинке в свой дневник, что ей суждены переиздания. — Франсуа Федье простой, таин-

¹⁵⁵ О. Седакова. Стихи. М.: Гнозис, Carte Blanche, 1994.

¹⁵⁶ Предполагаемая публикация Владимира Бибикина о стихах Ольги Седаковой в «НЛО».

¹⁵⁷ О. Седакова. Похвала поэзии // Седакова, 2010. Т. 3. С. 13–99.

ственный, редкостный человек, по национальности этруск (из аборигенов кантона Ури), запертый в резервации с несколькими своими друзьями, совершенно нашими людьми. Побоявась Вашей критики, я признаюсь, что полюбил в Париже это непостижимое существо, Францию (Жанна д'Арк, запись ее процесса, была решающим моментом), теперь почти трагичное, растерянное, до болезненности чуткое. Я учился там плавать, прыгнув в воду, даже дневник записывая по-французски (впрочем, в Вашем письме 2 мая Вы тоже делаете ошибки в русском языке), и опыт немоты был жестким, но таким полезным. Я говорил там об апокалипсисе, тоже по-французски, и у меня получилось, что он уже был: вопрос не в том, когда он наступит, а есть ли надежда в него вернуться.¹⁵⁸ — Тут Ваш критический голос слышится мне всё громче, и я умолкаю.

Странные предчувствия, среди ясного неба (потому что я живу в раю), смещают для нас с Ольгой прошлое и настоящее, настоящее прошлое, наступающее настоящее так, что календарное время куда-то девается, остается именно только настоящее, которое делает всё странным и как бы спящим. И предсказываю наступление золотого века или хотя бы золотого десятилетия, но поскольку календарное время куда-то делось, то локализовать это золотое десятилетие не удастся. Пространство тоже, собственно, куда-то делось, потому что старое откровенно превратилось в сплошную непоправимую свалку, которую может смести, похоже, уже только космический огонь. Совершенно ясно сделалось то, что и раньше было правдой: что всё держится только чудом.

Как-то всё проясняется. В Париже вдруг сама собой отпала проблема Жака Деррида, который меня привлекал. Не вдаваясь в подробности, о которых я, наверно, где-то напишу, ограничусь костюмом.

158 «Вещь, которая наполняет нас через край и захватывает, когда мы даем ей свободу, — мир, который не наша конструкция, с его жестокой красотой, — может быть эффективными средствами подавлена. В этом и только в этом случае апокалипсис начинает не без основания грозить из будущего. Но это уже апокалипсис нашего изготовления, в котором мы расправимся сами с собой за нашу слепоту. К божественному вмешательству это не имеет никакого отношения.

Структура современных языков, строящаяся на суждении, выражает бессознательное желание уловить совершившийся факт, событие мира. Эта структура в ее формальной жестокости — след события, свидетельство его неприступности для нашего дискурса. Но кто живет в мире как событию, кто не дал вытолк-

нуть себя из него на постапокалиптическую поверхность, способен чувствовать запоздалую и непоправимую ветхость этой структуры.

Как вернуться в истинный апокалипсис, откровение мира? Сам вопрос уже промах. Он только упрочищает нашу ситуацию и снова пускает в ход наши вычислительные машины. Счетным операциям нет конца. Они упираются только в наш домодельный апокалипсис, который можно и предвидеть и избежать». — Доклад, прочитанный на семинаре Ютты Шерер 14 июня 1994 года в Доме наук о человеке в Париже, был опубликован: В. Биbihин. Апокалипсис // Искусство кино. 1997. № 1 (<http://www.bibikhin.ru/apokalipsis> — дата обращения: 26.7.2018).

И надо знать, что в китайский рестораник нас с Константином Деррида пригласил и потом на последний свой семинар пришел в исключительном пиджаке, совсем светлом под цвет своих красивых ежиком волос, с изящным полустоячим воротником; пестрая рубашка вторила цвету его карих глаз, а длинный очень длинный фантастический галстук был аккуратно закреплен какой-то немыслимой брошкой или пинцетом. Всё это выглядело сверхмодно. Меня смутило, что Федье комментировал мой рассказ об этом костюме так, что у Деррида никогда не было вкуса. Возможно, подумал я, у Федье просто нет класса, чтобы понять, скорее всего, страшно дорогой костюм Деррида, которому явно советуют лучшие модельеры. Сам Федье приходит на свой курс в ситцевых штанах. Хотя, с другой стороны, у него новейшая «Ксантиа» с массой электроники и с акклиматизацией. Несколько дней я хожу в незнании, что думать, и вот вечером 14 июня в элитарном бистро под стенами Нотр Дам мы встречаемся с Федье, его женой Моник, там же его друг очень богатый и светский человек со своей новой дамой, разведенной с немыслимым банкиром. Боже мой, что с Федье. Он в новом пиджаке. Но этот пиджак *не виден*. Я и сейчас не знаю, какой он. Федье и пиджак (галстуков он не носит) одно, неприметное и уместное. Так же Мишель. Мы говорим, как всегда в Париже, обо всем подряд, вдруг меняя тему; Марилор увлекается рассказом о Никите Михалкове и киношниках Варшавы, и тогда только я замечаю то, что и ее костюм тоже, собственно, невидим, потому что он одно с ее не фигурой даже, а живостью, манерой говорить. Деррида мне вдруг вспоминается как раздетое кричащее чучело, в каждой детали своего костюма назойливо броское! Вообще умение одеться в Париже не имеет отношения к моде и роскоши; если бы кто-нибудь сумел объяснить, как это делают парижанки, что теряет смысл вопрос, хорошенькие они или богатые.

То, что делает Деррида, похоже, в очень цивилизованной форме, на приемы Жириновского.¹⁵⁹ Когда Жириновский кричит мне, «ты русский, XXI век принадлежит тебе», у меня невольно вздрагивает сердце, я очень задет, я угадываю тут родное, в следующий момент у меня отвращение к наглецу, который позволил себе в отношении меня жест неприличной интимности. Конечно, я говорю, Деррида задевает цивилизованно, но разница между *дать* и *взять* остается: его модная яркость берет внимание, не дарит. — Кстати, о лжи красоты: она иногда мешает невидимой красоте, скрадывает ее, обкрадывает,

159 Владимир Вольфович Жириновский (1946) — политик, основатель и председатель либерально-демократической партии России; депутат Госдумы всех созывов. Упоминается в качестве примера агрессивного популизма.

опять отнимая на себя внимание, которое невидимой красотой было бы нечаянно подарено как бы из ничего.

Я пытаюсь понять, в каком смысле вл. Антоний говорит о силе преодоления зла и Начальника зла, которую надо знать в себе и в каждом. В том смысле, по-видимому, что мы не обречены быть куклами зла. Едва ли в том смысле, что я, пожелав, преодолею ад. Воображая преодоление ада, я играю со своим образом ада и становлюсь слепым к настоящему аду. Мой долг в другом: помнить, что меня не хватит на понимание ада, не воображать, будто каким-то проектом я могу его преодолеть, но и не воображать, будто со мной случилось что-то необратимое. Спасутся все, никто не попадет в ад, говорит вл. Антоний, но не потому, что каждый преодолеет ад, а потому, что человек непоправимо свободен и в последнюю минуту будет вырван у своего сознания собственной природой. Разговор о «преодолении» зла неточен, даже опасен тем активизмом, который всего удобнее Начальству.

«Придерживание двух противоположных вещей», о котором Вы пишете и которое мне очень нравится, не только не идет против Канта, но у самого Канта есть прямо такая формула.¹⁶⁰ — О жертве я очень хотел бы больше от Вас слышать, на жертве стоят ранние гимны,¹⁶¹ перевод которых меня увлекал как ничто. — Я боюсь, что Вы меня не поняли об оставленности Богом; я читаю Канта и принимаю — совсем радикально, в смысле абсолютной разницы между Богом и человеком. Даже когда человек весь Бог, он весь же оставлен (во всех смыслах) Богом. Вещь в себе для Канта прежде всего душа, и я считаю скверным злом возню со своей душой, ее надо оставить в покое

160 Например, разрешение антиномии вкуса (которое иллюстрирует и нижеследующую мысль В. Библина о том, что «от всего отделено» и «неприступно» в философии Канта — «сверхчувственный субстрат человечества»): «Но всякое противоречие отпадает, если я говорю: суждение вкуса основывается на понятии (об основании субъективной целесообразности природы вообще для способности суждения), из которого, однако, нельзя ничего узнать и доказать об объекте, поскольку само по себе оно неопределимо и непригодно для познания; и тем не менее посредством этого понятия суждение вкуса получает значимость для каждого (для каждого, правда, как единичное суждение, непосредственно сопутствующее созерцанию), так как его определяющее основание находится, быть может, в понятии того, что можно рассматривать как сверхчувственный субстрат человечества.

При разрешении антиномии речь идет только о возможности того, что два по всей видимости противоречащие друг другу положения в действительности не противоречат друг другу, а могут сосуществовать, хотя объяснение возможности их понятия превосходит нашу познавательную способность». — *И. Кант. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. С. 214.*

161 Гимны «Ригведы» — древнейшего собрания индуистских религиозных текстов (сост. в 1700–1100 годы до н. э.). Их истолкование дано в книге Библина «Грамматика поэзии. Новое русское слово».

как сон и смерть. Параллельные Бог человек не пересекутся не потому, что есть только одна Евклидова геометрия, а потому что они уже пересеклись как только могли; всё прочерчено, объяснено, сделано, а неприступность остается. Человек и есть вещь в себе, и сам же для себя неприступен. Тут не этика, не вера, не политика, а, если Вам так угодно, константа, как невозможность для электричества быть не парным.

С благодарностью за возможность говорить с Вами, с лучшими пожеланиями от Ольги и от меня, Ваш

В. Бибихин

Ожигово, 21–22.7.1994

Дорогая Ольга Александровна, как славно было получить вчера Ваше письмо с черным (бердслеевским, все-таки) котиком среди тюльпанов от 2.7. Есть хорошее успокоение в том, что вышла Ваша книга. Я меньше ругаю себя за то, что не подал свою часть к ней.¹⁶² Соединение двух совсем разных речей заставляло бы думать о какой-то общей идее, замысле, допустим, сближения поэзии с философией, чего ни у Вас, ни у меня не было. Кроме того, этим предполагалось бы, как говорится, «сотрудничество», а я надеюсь, что ничем таким наши отношения не будут омрачены. Мне сейчас не нравилось бы приплетение моего имени к Вашему по двум разным причинам. О первой я сказал: во всяком сближении имен двух авторов есть нехороший умысел, кроме редчайшего случая, когда они действительно делают одну и ту же вещь. И второе: Вы должны простить меня за смелость, но мне кажется, что я угадываю в Вас что-то настолько простое и открытое, что не могу не думать о взаимопонимании, которое раньше и основательнее, чем даже то, что мы сами друг другу говорим. Его не касаются схождения или разногласия, и настоящая близость, которая меня манит, будет спутана соседством на бумаге. Мне кажется (поправьте меня, если я ошибся), что сейчас Вы меньше сердитесь на мое манкирование участием в Вашей книге, а может быть, и никогда не сердились.

162 Имеется в виду книга «Стихи», изданная «Гнозисом» (1994). Изначально предполагалось, что в этом издании стихи будут соседствовать с разговором о них. В. В. Бибихин взялся написать свое прочтение, Ю. М. Лотман — свое. Оба долго просили отложить издание и дожидаться их текстов — но в конце концов оба отказались. Книга вышла с послесловием С. С. Аверинцева. (ОС)

В отличие от Ваших объездов Шотландии, обеих Ирландий, Англии и Уэльса, я почти никуда, кроме райских пригородов, не выезжал из Парижа (отказывался). Я редко хотел выходить из студии Федье; туристическая, покупающая толпа меня убивала. Мне довелось видеть, знать в Париже людей, которые каждую минуту (это там возможно) захвачены мыслью, поступком, чтением, разговором, и видимый Париж померк для меня, в лучшем случае остался прекрасной декорацией. Как и Вам, Россия мне оттуда казалась нереальной и тусклой, — кроме опять же невидимой, непространственной России, которая способна тайно отвечать открывшемуся мне Парижу. Какие разные голоса у обоих! Какие *необходимые*! Как оба в конце концов совершенно одно! — Разница между теми, в ком эта Россия есть, и теми, в ком ее нет, стала казаться мне не количественной разницей, скажем, интеллектуального уровня или таланта, а полярной, когда важно не то, сколько в ком чего, а то, что кто-то не хуже других, а хуже чем ничего. Поскольку быть чем-то никому не гарантировано, единственным спасением от «хуже чем ничего» я считая постоянный, но именно постоянный ужас перед этой возможностью. «Сильная позиция» писателя за столом, богача, туриста, гостя, старшего, младшего, какие еще бывают сильные позиции, в которых эффектно и уютно, на самом деле только обманы, а важно и весомо только то, что человек сделает в слабости, замешательстве, в амехани, когда нет путей. Сильные позиции иллюзорны, подстроены, ведут в тупик, и мир прав, заботясь об обеспечении их, только обеспечение видит наоборот: всякое устройство, делание должно быть с открытыми глазами на зло и смерть, в виду их. Ввиду их. Добро не в сильных позициях, но и не в разоблачении благополучия, а в том, чтобы не забываться, помнить о настоящих параметрах нашего пространства. Хорош не тот, кто не давит в сильной позиции на другого, а тот, кто отделался даже от тайной любви к сильным позициям.

Как Вам, мне просто нравится здесь после Парижа. Как и Вы, я с трудом могу это объяснить. Возможно, как я вроде бы уже говорил Вам, почва везде одна. Я был в Париже не как дома, а просто дома, и дом был не другой и даже не иначе устроенный, а тот же, причем необъяснимость *другого того же* прибавляла дому достоинство, делала более плотной и прочной его домашность. Это при том что, как в Москве, от большинства разговоров я уклонялся, большей частью терялся и т.д.

В подтверждение Вашей догадки, что для Запада Ваша книга, возможно, нужнее, чем в нашем воздухе, Франсуа Федье торопит меня с «Похвалой поэзии». Я писал Вам, что в своем парижском

«Апокалипсисе»¹⁶³ я цитировал Ваше воспоминание о ранней неспособности строить правильные грамматические фразы, предполагая в этой связи, что речь не обязательно имеет своей исходной структурой суждение, суд. Федье безусловно понравилось это место. Он предполагает, что я сделаю подстрочник всей «Похвалы поэзии», а он допереведет. Если у Вас есть другие идеи, скажите. У меня нет текста. Я обязательно хотел бы, чтобы он шел без сокращений (как я и с самого начала убеждал Вас оставить всё, в том числе и место о Ленине).¹⁶⁴

Я не знаю, как и что из моего семинара о «Диком шиповнике» напечатают в НЛО. Мое равнодушие к печатанию продолжается. Где-то что-то выходит всё время (Бозций Датский, Кант XIII-го века, в ВФ;¹⁶⁵ осенью должен быть Палама), но большей частью я отказываю. Возможно, это оттого, что всё равно не платят; или, вернее, оттого, что мне, как Вам, не нравится теперешний климат. Я с удовольствием вижу, что могу давать старые тексты как новые («Язык философии»¹⁶⁶ старый и плохой, но попал в «Книжном обозрении» в бестселлеры), и мне пикантно думать, что Ольга или Владимир их когда-нибудь издадут. — Или Олег. [...] — Сейчас вот уже больше недели мы все болееем, и конца этому не видать. Мы прикованы к месту, к мелким заботам; тем больше мы с Ольгой ценим Ваши письма и подаренную Вами возможность думать о вас, говорить с Вами.

163 Парижский доклад В. Биbihина, о котором говорилось в письме от 11.7.1994. Упомянутый фрагмент: «В формуле, может быть, перескакивающей через несколько ступенек, но которая явно никому не покажется ни притянутой, ни неизвестной, можно сказать просто, что структура „фразы“, какой нас учит грамматика, с субъектом, с глаголом, который служит предикатом, то есть суждением, часто еще и с объектом, это историческая формация проблематичного происхождения и велящая много о чем задуматься; особенно о том, что эта схема высказывания как суждения и не связана по сути с природой речи, и не обязательна для работы языка».

Ольга Седакова в „Похвале поэзии“ рассказывает, из какой почвы выросла ее поэтическая речь. Путь, по которому она шла, был не развитием, развертыванием, совершенствованием принятых норм языка, не техническим овладением его средствами. Как раз наоборот: „Я не могла построить грамматически связной фразы. Многие этого не могут, но не в такой мере. (...) Построить свою нормальную фразу казалось мне чем-то пошлым и бессовестным,

будто, выговаривая и тему, и ремю и все между собой увязывая в роде и числе, я ряжусь в чужое платье — и нехорошее при этом. Многие испытывают чувство неудобства перед „громкими“ или ходульными словами. Для меня таким „громким словом“ была связная речь вообще“. Как высказаться, когда не умеешь структурировать фразу? Поэт говорит, но не потому что преодолел свою неспособность высказывать суждения; он в родстве со словом именно в меру этой своей неспособности». — Искусство кино. 1997. № 1.

164 В издании «Гнозиса» текст «Похвалы поэзии» был, по предложению С. Аверинцева, дан в выдержках. (ОС)

165 Бозций Датский. О вечности мира // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 122–142 (предисловие, перевод и примечания В. Биbihина).

166 В. Биbihин. Язык философии. М.: Прогресс, 1993. Книга написана на основе курса лекций, прочитанного в осенний семестр 1989 года на философском факультете МГУ.

Поклон от нас обоих, а в каком-то смысле от всех пятерых. — Я чего-то не дописал, поэтому вкладываю и пол-листочка об университете.

Ваши В. и О.

В университете я очень хотел бы продолжать говорить, думаю о Витгенштейне. Но директор Степин,¹⁶⁷ который хотел взять меня к себе на кафедру «антропологии», стал видеть тут какие-то трудности, и понятно: дела кафедры ведет жена Зотова,¹⁶⁸ который не раз плохо говорил обо мне. [...] Я знаю, кроме того, как университетская система, казалось бы рыхлая, умеет быть неожиданно жесткой в вопросах кадров. — Я не думаю, что Иванов мог бы восстановить меня на кафедре, и кроме того, это была бы Пиррова победа, недолговечная и сковывающая всех. Всё, что надо было, я сказал Иванову два года назад и больше ни о чем, кроме теоретического и по его инициативе, говорить с ним не буду. Мне интереснее посмотреть, как всё сложится само собой. Пикантность моего положения мне нравится, но не потому, как думает Брагинская, что я хочу, чтобы меня жалели, а потому, что оно не устроено в том смысле, что натурально, и служит мне хорошим инструментом, лабораторным датчиком. — Вы мне так же естественно и оптимально помогли бы продолжением Вашего курса в университете; тогда там легче было бы оставаться и мне.

С праздниками! Для нас все три, Казанская, Ольгин день и св. Владимира, еще и в разных смыслах определяющие семейные годовщины. Прикованные к месту, мы хотим быть с Вами в воспоминании.

В. Бибихин

О. и В.

Азаровка, 6.8.1994

Дорогой Владимир Вениаминович, спасибо за письмо. Мне так нравятся Ваши письма — на них, точнее, им хочется сразу же отвечать. Мне мало что внушает такое желание, и кажется, чем дальше, тем меньше. Наверное, это и есть то взаимопонимание, о котором Вы пишете? взаимовнимание, со всей отглагольностью этого слова (кстати, отец Димитрий понимает «послу-

167 Вячеслав Семенович Степин (1934) — философ, в 1988–2006 годах директор Института философии РАН (с 1991; до этого ИФ АН СССР); в 1999–2015 годах заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ.

168 Анатолий Федорович Зотов (1931) — философ, в 1987–2004 годах заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ.

шание» как способность слушать). Я нисколько не сердилась на Ваше неучастие в книге: в самом деле, идея такого соединения неуклюжа. Если что мне не нравилось, это единственно, что Вы затягивали с отказом: может быть, можно было сделать это решительнее. Но и это совсем не серьезно. В НЛО мне сказали, что Ваш семинар по Шиповнику у них в 12-м номере.¹⁶⁹ Я могу подтвердить диагноз «Кн. обоз.» о «Языке философии»: я видела молодых людей (не университетских), которые зачитываются этой книгой. Я ее видела только в чужих руках, к сожалению, и потому ничего не могу сказать.

Удивительно, что, как Вас Франция, так и меня в прошлом году Франция («По русском имени»¹⁷⁰ — плод Арля), а в этом, и еще сильнее, — Англия заставили думать о «непространственной России», или, как я Ане писала, о России величиной с горчишное зерно, которой в пространственной России практически почти нет и, может, не было (уж никак это не «Россия, которую потеряли!»). Но если и не было, то именно здесь не было: в других пространствах об этом и речи не заходит. И о том, как это — Вашими словами — нужно и необходимо там, в Европе. Что Европа здесь необходима, я всегда чувствовала: это сам язык чувствует, в котором всегда звучит «иноземных арф родник».¹⁷¹ «Небо Италии, небо Торквата...»: ¹⁷² как звучит это *Торквата*! Но уловить этот образ, по которому так скучают мои британские знакомые, влюбленные в Россию (я расскажу Вам о Епископе Личфилдском, с которым мы подружились и который рассказывал мне, что не только своим пастырским выбором, но самой верой он обязан России, а именно — «Запискам охотника», прочитанным в школе; не странно ли?) и часто не знающие русского языка при этом, так вот, уловить, *что* собственно они любят, очень непросто. Во всяком случае, это не расхожий анархистский разгул, не злополучная «широкая душа» и не платоновское косноязычие. Такого рода содержания, по моему, давно исчерпаны и годятся для эстрады. «Глас хлада тонка»,¹⁷³ что-то такое мне хотелось бы схватить. «У кого ключ, тот и открывает», как сказал отец Димитрий. Вот что-то такое. А про «сильные позиции» — из-за этого я всю жизнь чувствую себя неполноценным

169 Публикация не состоялась.

170 См. прим. 125.

171 *Слаще пенья итальянской речи*
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник.

— О. Мандельштам. «Чуть мерцает призрачная сцена...» // Мандельштам, 1994. Т. 1. С. 148.

172 Е. А. Баратынский. «Небо Италии, небо Торквата...» // Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Советский писатель, 1936. Т. 1. С. 317.

173 «11. И рече: изыди утро и стани пред Господем в горе: и се, мимо пойдет Господь, и дух велик и крепок разоряя горы и сокрушая камене в горе пред Господем, (но) не в душе Господь: и по душе трус, и не в трусе Господь:

12. и по трусе огонь, и не во огни Господь: и по огни глас хлада тонка, и тамо Господь» (3 Цар 19:11–12).

существом, потому что ни с одной из таких позиций («поэт», «филолог», или, скажем, «женщина», «человек такого-то возраста») не могу отождествиться, не дано. В Париже, кстати, в Сергиевом Подворье¹⁷⁴ меня спросил священник: «А Вы кто?» Я сказала: «Не знаю... я из Москвы». Я правда не того не знала, что его интересует, а что сказать о себе, и никогда не знаю. Тут подошел отец Илия и представил меня, как поэта. В каком-то отношении я вполне понимаю Гёльдерлина,¹⁷⁵ когда он не знал, каким именем подписываться и ставил невероятные даты под стихами. Имя, даты — это ведь не для себя. Может быть, это побег от ответственности? Неизвестно кем легче быть: вроде я не я, и лошадь не моя. Я стараюсь принять конкретные происшествия собственной жизни в свою ответственность, но боюсь, что это просто исполнение школьного задания, «биография». Когда-то мне снилась мимолетная встреча с Пастернаком в каких-то казенных коридорах, и он пожаловался: «Какая нелепость: велели заполнить анкету с пунктом „место рождения“. Ну какое у меня место рождения? я написал: „Скифо-Сарматия“. А теперь всех отправляют по месту рождения». Вот я в такой Скифо-Сарматии себя и чувствую, если всерьез. Но приходится, как говорил Веничка,¹⁷⁶ симулировать нормальность.

В связи с интересом к непространственной России я взялась написать для новой английской энциклопедии по русской литературе статью о Митрополите Киевском Иларионе.¹⁷⁷ Его «Слово о законе и благодати» я помнила смутно, но с удовольствием, и вот перечла.

174 Храм преп. Сергия Радонежского, при котором с момента открытия в 1925 году работает Свято-Сергиевский богословский институт, где преподавали выдающиеся русские богословы и философы.

175 Фридрих Гёльдерлин (1770–1843) — великий немецкий поэт; в 31 год сойдя с ума, продолжал писать стихи, в которых часто видят следы его душевной болезни.

176 Венедикт Васильевич Ерофеев (1938–1990) — российский писатель, автор всемирно известной поэмы «Москва–Петушки» (1970), а также «Вальпургиевой ночи», эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» и других произведений. Радикальный нонконформист. «Москва–Петушки» разошлась в самиздате с невероятной скоростью и в кратчайшее время была переведена на множество языков. О. Седакова и В. Бибихин участвовали в распространении рукописи, перепечатывая текст на своих пишущих машинках. Поэма (повторяя судьбу «Горя от ума») была растащена на цитаты, которые помнили наизусть. Первая (и цензурованная) публикация в советской

печати стала возможной только в эпоху перестройки (1988). Ерофеев и Седакова знакомы с 1969 года. Она относит Ерофеева к своим учителям. Мемуарный очерк Седаковой о Ерофееве: «Венедикт Ерофеев» в книге: В. В. Ерофеев. Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2008. С. 590–601. См. также другие эссе о Вен. Ерофееве: «Москва–Петушки», «Пир любви на „шестидесять пятом километре“ или Иерусалим без Афин» (Седакова, 2010. Т. 4. С. 741–757), «Не сказанная речь на вечере Венедикта Ерофеева» (О. Седакова. Проза. М.: Эн Эф Кью / Ту принт, 2001. С. 734–738).

177 Иларион — первый митрополит (1051 год) русского происхождения, поставленный киевским князем Ярославом на соборе русских епископов (а не в константинопольской патриархии, как это было раньше). Иларионово «Слово о законе и благодати» (1037–1050 годы), вписывавшее русских в круг христианских народов и прославлявшее род св. кн. Владимира, способствовало этому решению.

И какая печаль. Всё это павловское,¹⁷⁸ тонкое и т.п. различие исполняет исключительно орудийную роль: а цель — национальное и государственное самоутверждение, одно и то же во все века, как при Брежневе. «Покорив под ся округня страны, овы миром, а непокоривыя мечем».¹⁷⁹ За это восхваляется христолюбивый князь. Что за несчастье и что за никому не нужная и всем опасная Россия. А ведь Иларион наверняка прекрасный инок и молитвенник. Неужели этот Молох международного значения — военного — никогда не рухнет здесь? Он явно рухнул для Аверинцева, и это вселяет в меня надежду, ведь никто из русских мыслителей прежде не позволил себе отказать от этого кумира. Или отказывались вместе с Православием и Россией, как русские католики. Мне кажется, это личное решение С.С. много значит. Без соловьевской смутности.¹⁸⁰ Или Вам так не кажется?

Я помню, что Вы убедили меня печатать «Похвалу» без купюр, я бы сама не решилась. Неужели это возможно и на французском языке? Кстати, о суждении — это из слова о Пастернаке, но Вы верно соединили это с косноязычием, это о том же, только в Похвале не досказано.

Мне очень нравятся Ваши рассказы про мальчиков. [...] Детей редко слушают внимательно. Я помню, как моя племянница года в три объясняла: здесь у нас тело, а там (показывая на грудь), внутри, еще больше тело, даже не тело, а одежда, одежда... Чем не Палама, «плоть плоти»?¹⁸¹

178 Имеется в виду различие Закона и Благодати в духе ап. Павла. Для Илариона Благодать и Закон символизируют библейские фигуры Сары и Агари. (ОС)

179 Слова Илариона о кн. Владимире: «И единоподержец бывъ земли своеи, покоривъ подъ ся округня страны, овы миромъ, а непокоривыя мечемъ». — *Иларион*. Слово о законе и благодати // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 1. С. 225.

180 В.С. Соловьев нашел преодоление партикуляризма националистической идеи в служении всемирной теократии (1888): «Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троичности, где каждое из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы — вот в чем русская идея». — В.С. Соловьев. Русская идея // В.С. Соловьев. Смысл любви. Избранные произведения. С. 68.

181 Из трактата «Триады в защиту священнобезмолвствующих». Владимир Библихин перевел этот классический текст, публикуя свой перевод под псевдонимом В. Вениаминов. (ОС)

Я думаю, как в Москве повидаю Вас и Ольгу и детей... Очень хочется. Здесь мы иногда встречаемся с семейством Великановых. Ваня закончил свою оперу «Сказка о мертвой царевне». Мелодия к словам «Свет мой солнышко, ты ходишь» мне кажется божественной красоты. Поразительный мальчик, он внушает мне отношение к себе как к старшему. А каков Пушкин в этой сказке. Мне кажется, другой такой же золотой вещи у него нет. Она как бы венчает фольклор, но фольклор о таком венце и мечтать не мог.

Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Анюта говорит, что Ваш «Язык философии» — великая книга.

Мне нравится Вам писать, но еще больше хотелось бы поговорить по телефону, как бывало.

Кстати, Вы видели публикацию парижского симпозиума в «Искусстве кино»?¹⁸²

Извините за опечатки: после компьютера я забыла клавиатуру машинки.

Всего Вам доброго
с приближающимся Преображением!
Поклон Ольге и всем деткам
Ваша
Ольга

Зосимова пустынь, 16.8.1994

Дорогая Ольга Александровна,
на свете, собственно, ничего нет, кроме таких вещей, как Ваше письмо, от медового Спаса. Мой день рождения — третий Спас, нерукотворный образ, и может быть, под этой тенью, сенью я всё яснее вижу, как единственно только и существует раннее, невидимое движение к добру, или движение добра. Я не очень отличаю, умею отличать, в этом отношении насекомых или растения, тянущихся к солнцу, или маленьких детей: первая сила, очень простая, очевидная, от

182 О. Седакова и В. Биbihин участвовали в международном коллоквиуме «Великий Инквизитор вчера и сегодня», Париж (1994). Доклады Седаковой «Притча и русский роман», Биbihина «Две легенды, одно видение: инквизитор и антихрист» и «„Великий инквизитор“ с точки зрения advocatus diaboli С. Аверинцева (перевод с французского Седаковой) были опубликованы в журнале «Искусство кино» (1994. № 4).

которой всё, вокруг которой наслаивается весь интеллектуальный рост, имеет дело с тем, что люди пока не сумели назвать точнее чем добро зло, бытие небытие. Человеческая власть над этими вещами совсем невелика, но знать, что только они важны, что в начале всего императив выбора, что выбрать верно нам не дано, что смирение и внимание этим диктуются, — вроде бы в нашей власти. — Я обескуражен, смущен, расстроен тем, как деловито, целенаправленно со мной говорил Аверинцев. Я звонил им в Переделкино без дела, о чем сразу и предупредил; и Наташа, и Сережа, с которым мы давно на ты, почему-то живо спросили первым делом о моем месяце в Париже, но как-то функционально. Как всегда в дезориентации, я говорил наобум и как можно прямее, но Сережа иронически понял меня, захотел так понять, что я попал в лапы к парижским хайдеггерианцам. Эта реальность, попадание на Западе в лапы к заинтересованным группам, очевидно, близка ему и он пессимистично подозревает это для каждого. Как он не понимает — не находит стоящим трудов — меня вообще, так он, конечно, не хочет понимать и той детали, что хотя я мало бывал на Западе, для меня это проблема как для него если не больше, потому что связанная с делом постоянной независимости здесь. Я боюсь что Аверинцев зависим от Запада, от здешнего церковного и академического истеблишмента, от Марины Журиной¹⁸³ (если я верно пишу имя). Я вам говорю это, потому что более рад был бы услышать противоположное, т.е. не что я оказался дальновиднее Аверинцева в одном моем старом тексте об общине, религии и церкви, керкегоровском, а что Аверинцев, как я сам же предсказывал два года назад, поднялся к мудрости, мне невидимой, и неславность его воскресных проповедей, замеченная Варданом¹⁸⁴ (который в письме из Орхуса, где он с семьей, кланяется вам) и Вами, только неизбежный диссонанс отдельно взятой детали недоступного уже для простого зрения целого. Упрекните меня, что Аверинцев не спокоен, не озабочен расчетом, не вынужден вести двойного счета. Вы уже знаете или узнаете, что жизнь, здоровье прямо связаны с безумной отрешенностью, беззащитной открытостью. — Рената, говорят мне, на редколлегии «Новой Европы»¹⁸⁵ объявляет главным вра-

183 Марина Андреевна Журиная (1941–2013) — лингвист, религиозный публицист. С 1994 года была издателем и редактором православного журнала «Альфа и Омега».

184 Вардан Айрапетян (1948) — филолог-руси́ст, философ. В.В. Бибихин отозвался на его книгу «Герменевтические подступы к русскому слову» (М., 1992). См. «Путь» (1994. № 5) или в книге: В.В. Бибихин. Слово и событие. М., 2001.

185 Журнал «Новая Европа» (выходит по-русски и по-итальянски; русская версия с 1993 года) основан итальянским католическим движением «Христианская Россия» и задуман как пространство диалога католичества и православия. В первые годы издания И. Роднянская и Р. Гальцева входили в редакцию «Новой Европы».

гом воинствующий гедонизм; она, как и Роднянская,¹⁸⁶ в острых неладах с Битовым,¹⁸⁷ который в длинной французской передаче в Париже читал отрывок из «Монахова» перед бутылкой водки. «Воинствующий» у Гальцевой и Роднянской не случайное слово, они ведут войну. Они ободрены тем, что давно, лет 12–15 еще назад, кто-то (Кублановский?¹⁸⁸) объединил их в одну партию с Солженицыным. [...] Интересно, что Иван Денисович, Матрена и Захар-калита¹⁸⁹ были заявлены — или продиктованы? — «деревенщикам» и Солженицыну, но не выдержаны, оставлены, заменены разнообразным активизмом. Допустим, время для них (для Бориса и Глеба) вообще никогда не придет. Но ведь они единственная правда земли, другую всё равно Явлинский¹⁹⁰ (призывающий «рожать власть») не выдумает. — Я, который давно (с детства, когда маленьким я всегда на футболе, куда меня водил отец, втайне хотел победы не своим, приглашенным, слабым, потом всегда приезжим иностранцам именно из-за желания, инстинктивного, быть с меньшинством) выбрал Бориса и Глеба (летописи, не легенды и литературы), колеблюсь — вернее, разодран — между двумя знаниями, противоположными и бесспорными: первое, что София, не наша мудрость, таинственные сотни тысяч или десятки миллионов лет или вечность Человека, смирение земли, не переставали и не перестанут; и что придется, удивляясь, быть согнанным в могилу от бессилия. Сейчас я заметил, что неточно сказал, и именно с оттенком страха смерти, который Вы можете здесь вычитать, потому что я от него не предостерегся (от оттенка и от страха) как раз потому, что его у меня нет. Странное зрение появляется иногда в окружении Ольги, Владимира, Олега, Романа, глаза меняются и видят

186 Ирина Бенционовна Роднянская (1935) — литературный критик, литературовед, исследователь русской религиозной философии. Заведовала отделом критики в «Новом мире».

187 Андрей Георгиевич Битов (1937) — российский писатель, автор романа «Пушкинский дом» (первое издание «Ардис», США, 1978). Упом. книга: А. Битов. Улетающий Монахов. М.: Молодая гвардия, 1990.

188 Юрий Михайлович Кублановский (1947) — поэт, эссеист, искусствовед. В 1965 году входил в неофициальную московскую группу СМОГ, запрещенную в 1966-м. Все участники СМОГа подверглись разного рода репрессиям и стали «поколением сторожей». Стихи Кублановского ходили в самиздате и публиковались за рубежом. В 1975 году выступил в зарубежной прессе с открытым письмом «Ко всем нам» на двухлетие высылки Солженицына. В 1982-м был вынужден эмигрировать. Во Франции

сотрудничал с издательством YMCA-Press и журналом «Вестник РХД». В 1990 году вернулся в Россию.

189 Иван Денисович, Матрена и Захар-Калита — персонажи произведений А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и «Захар-Калита» соответственно, разносторонние воплощения «власти России» (в понимании В. Библихина).

190 Григорий Алексеевич Явлинский (1952) — экономист, советский и российский политический деятель. Заместитель председателя Совета Министров РСФСР, председатель государственной комиссии по экономической реформе (1990), автор неосуществленной программы экономических реформ «500 дней». Один из лидеров предвыборного блока «Яблоко» (1993), потом преобразованного в партию «Яблоко», которую Явлинский возглавлял до 2008 года.

вещи не то чтобы спасенным, но очень широким, просторным взглядом, гораздо более вместительным и гораздо менее введенным в колею чем мой, как бы взглядом многих: разных людей в очень разные времена. Поскольку это зрение тоже мое ведь, при том что оно очень привлекательно, оно сильнее чем зрение, ограниченное моим составом (как назвать то, что положат в гроб? моим телом я с неменьшим успехом могу и хочу назвать тело того зрения; «собственных лет число видели мы и сочли, однако лета народов, видело ль смертное око их?»¹⁹¹ — видело, что их все не увидеть), и эта новая идентификация особенно отвлекает от «страха смерти», заставляет больше думать о другой странной смерти. Я поэтому полюсá, между которыми растянут, назову иначе: софия и глупость; я люблю убийственную красоту белых облаков на синем небе, когда поднимаешь к ним глаза (от пруда бо куб. м, который я рою; от жвачки сознания; «природа нас убивает в упор своей красотой», Жерар де Нерваль); и я боюсь глупости, и поскольку глупость умных мне давно не грозит или, вернее сказать, никогда не грозила, то глупости деревенщины, какой я был и остался. Ах странно, что с Вами можно и нужно было бы говорить, если бы я умел, и еще формальнее, еще алгебраичнее, потому что опыт, Ваш и мой, такие разные, сводятся к одинаковым фигурам. — И это при незнании друг друга, при почти полном непонимании средней, душевной, «психической» стороны. Я никак не «затягивал с отказом» дать свою часть текста к книге Миши Быкова,¹⁹² как он ее задумал: я бранил себя за несостоятельность, каждый день пытался печатать, много напечатал. «Решительнее» я ничего сделать не мог, потому что как всегда никаких решений не принимал, не умею. Я доделываю (удается) только то, чем я захвачен; вашими стихами и прозой я был безусловно захвачен, и естественно было думать, что мой текст и есть способ той захваченности, кто разберет. Другое дело, что у меня есть (у нас, потому что у родных и главное у Володика я вижу то же) скверная черта не всё выговаривать, поэтому я вводил Вас и всех в заблуждение, невольно. — Как прекрасно вы говорите, что той России, которой еще не было, именно в России не было, в других пространствах всё другое. Минимальность того, о чем речь, делает искомое проникающим, хватающим на весь мир, на всё русское пространство прежде всего. — Сейчас возможны случайные буквы, Олег решительно тянет руки. — Международное военное значение России и неизбеж-

191 Строки из стихотворения Ф. Гёльдерлина «К немцам». В. Биbihин перевел фрагмент стихотворения, цитируемый Хайдеггером в статье «Время картины мира» (*М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления*. С. 63).

192 Михаил Быков — главный редактор издательства «Гнозис», в котором готовилась книга О. Седаковой «Стихи» (1994).

но и желательно в Армении например, и «отказавшись от кумира», от которого всегда вообще лучше отказаться, армию, русского солдата, который часто очень хорош, далеко не всегда, надо трезво принимать в расчет, думать о нем во всяком случае. России нет без армии как Вас без встречи с быком,¹⁹³ вообще поэта без тайной страсти (сути всего в Ахматовой, насколько я могу ее понять; путает всё и огульное принижение женщины), — это я уже о другом, тень чего я видел на вашем лице, совершенно беззащитно страдающем в храме, потом преобразующемся. Та же беззащитность у о. Дмитрия. Страдание, беззащитность объединяют всех людей, но я хотел бы быть внутри этого единства намеренно, со знанием дела. Оно не мешает раю, о котором я вам говорил. Ах ничего на свете по-настоящему нет кроме того, что рано происходит в темноте во встречах добра и зла, бытия и небытия. Ничего нет, и говорить не интересно.

Ваши Ольга и В., В., Роман и Олег.

Азаровка, 29.8.1994

Дорогой Владимир Вениаминович, между Вашим письмом и этим моим ответом я успела побывать в Москве (чтобы перепечатать и отослать в Англию статейку про митр. Илариона) и прочитать в «Арионе» (уродском сборнике) первые Ваши две страницы,¹⁹⁴ которые составители оторвали от того, что целиком будет в ЛитОбозе № 12. Кто-то, говорят, уже разлился и ответил в «Сегодня» зубоскальством насчет моих «заслуг» в словесности. Мне показалось, что эти страницы написаны собрано и чисто, как стихи. Благодарить Вас как-то неловко, но я в самом деле благодарна Вам. И за преображенское яблоко. Как жаль, что Вам пришлось тогда уйти — отец Димитрий сказал в конце одну из лучших проповедей, какие я от него слышала. Вкратце так. Что говорит явление этого света? Что жизнь, которой мы живем, — не настоящая (очень уверенно он это сказал). Что Бог нас не для нее сотворил: не для страдания, не для трудов, не для одиночества — а для того, чтобы нам было хорошо с Ним. И чтобы мы смогли сказать: «Хорошо нам здесь с Тобой!» не как цитату, а от себя, как свои слова — вот этого он и пожелал собравшимся. Не знаю, покажется ли Вам это так же чудно, как мне, это возвращение к началу Творения. Еще он говорил, что это явление Славы, прославления, как и другие (Епифания, Рождество), осталось почти никому не известным: Слава, сторонящаяся славы.

193 Из моего рассказа о встрече в лесу с быком, сбжавшим из стада. (ОС)

194 О. Сedaкова. В расширенном сердце (вступительное слово Владимира Бибикина) // Арион. 1994. № 2.

Скорее всего, я вернусь в Москву раньше, чем дойдет это письмо, но мне хочется все-таки написать. Я перечитывала «Войну и мир» — и Толстой там порой говорит очень близко к началу Вашего письма, о первой силе. Поразительно, как из этой первой силы, почти ничем ее не разбавляя, он создает два образа: Пети и Наташи — и пожалуй, особенно Пети накануне его гибели, с этим изюмом, с «играй, моя музыка». Мне таким поверхностным кажется возле него Достоевский. Впрочем, зачем сравнивать...

Я очень люблю ум Аверинцева. [...] Я не знаю, как с зависимостью. Мне не приходилось много о ней думать. Я ничего не имею против зависимости от хорошего; независимость — не такая уж серьезная вещь для меня. То, что я очень не люблю, это использование, отношение к чему-либо или кому-либо как к средству. Такого житейского движения я бы себе, кажется, не простила. Это то, чему почти все у нас друг друга учат, вроде: «Конференции — лучший вид туризма» и т.п. Впрочем, я приглашена в Рим на конференцию с формальным докладом, которого, наверное, без Рима не стала бы делать. Но честное слово, не так уж я хочу в Рим. Аверинцев очень хочет, и в его случае это не туризм, а свидание с первой любовью, со священными камнями. (Я имею в виду не эту конференцию, а вообще его азартное отношение к Европе.) Из того, что я видела в Европе, я знаю, что его признание там ограничивается клерикальным кругом, в секулярном он известен меньше, чем структуралисты или М.Л. Гаспаров. Это говорит не о С.С., а о жестоком разделении западной культуры на секулярную и клерикальную: они друг о друге не знают (особенно секулярная: и знать не хочет). Я в этом убеждалась не раз, встречаясь с людьми и той, и другой части. Я не писала Вам, как мы подружались с Епископом Личфильдским? Он мне много рассказал об этом, и потом я убедилась, что всё так и обстоит. Общей земли — на которой у нас стоит Аверинцев; наверное, и я — там нет. Похоже, скоро не будет и у нас, при всех усилиях новомирцев что-то такое выгородить. Секулярная культура окажется обязана быть агностической или скептической или цинической. И бороться с «репрессивными моральными нормами». В Англии меня предупреждали: только не скажите чего-нибудь неодобрительного о гомосексуализме — это будет Ваша гражданская смерть. Меня и не спросили. А «религиозность» сошла мне с рук (в рецензиях) как «далекая от ортодоксальности». Но в общем это или-или уже непреодолимо: только гостю из экзотической России простят пригласить вместе Епископа и университетских профессоров. И мне кажется, что клерикальной культуре, которая теперь там в пренебрежении, какого и у нас не было, принадлежит будущее,

потому что секулярная совсем обмелела. Но мне страшно подумать, какие формы примет такое разграничение у нас: какова будет наша «духовная» культура с Ильей Глазуновым в роли истинно церковного художника — и наша «секулярная» с Одиноким¹⁹⁵ во главе. Вам не встретился номер НЛО с М.Л. Гаспаровым в начале? Все свои фрагментарные скептические мнения, которые мы слышали, он изложил в виде какого-то кредо — и почти совпал с Галковским! Тот сообщил, что человек человеку осьминог — а М.Л., что человек человеку китайская грамматика: можно ее изучать, и нужно, но уповать на какой-то диалог с грамматикой нелепо.¹⁹⁶ Я написала М.Л. такое рассерженное письмо, что, получив его ответ, устыдилась: это было бестактно и больно для него. Наверное, человек человеку — больной, и из этого нужно исходить, чтобы не навредить. Но мне так не нравится идея общества как лазарета! не больше, чем как аквариума с осьминогами. [...]

Простите, пожалуйста, за нескладное письмо.

Кланяйтесь Ольге и деткам. Передавайте, пожалуйста, поклон от меня Вардану.

Надеюсь скоро встретиться

Ваша

О.

Вложена открытка 1978 года с надписью:

Это церковь в Поленове, в наших местах, куда мы ходим с Анной Великановой. Теперь ее крышу, к счастью, перекрасили в зеленый. Внизу Ока.

Яуза, 22.3.1995

Дорогая Ольга Александровна, настоящее пространство жизни то же что сказки и стиха, где от заpretного оглядывания за спину, неверного слова, чужого глаза всё теряешь, всё зависит от тайного знания, но и невероятному открыта полная свобода. Мне непонятно, как люди могут поддерживать в себе

195 Одинок — литературное alter ego Д. Галковского. См. письмо В. Бибикина от 16.9.1992.

196 «Неоправданно оптимистической кажется мне модная метафора, будто между читателем и произведением (и вообще между всем на свете) происходит диалог. Даже когда разговаривают живые люди, мы сплошь и рядом слышим не диалог, а два нашинкованных монолога. Каждый из собеседников по ходу диалога конструирует удобный ему образ со-

беседника. С таким же успехом он мог бы разговаривать с камнем и воображать ответы камня на свои вопросы. (...) Максимум достижимо — это учиться языку собеседника; а он такой же трудный, как горадиевский или китайский. Конечно, это меня просвещает и обогащает — но ровно столько же, сколько обогащает изучение китайского языка. (Можно ли говорить о диалоге с учебником китайского языка?)». — М.Л. Гаспаров. Критика как самоцель // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 8–9.

иллюзию пространства диалога, литературного процесса, академической дискуссии и таких вещей — говорю под впечатлением бегло пролистанного «Знамени» 1995, 1–2, которое мы с детками взяли в библиотеке (ходим туда вчетвером больше ради события, и сегодня одно было: где Олежек? вдруг очнулся я от расписывания за получаемые журналы и увидел его в самом дальнем конце коридора стеллажей, довольно широкого; «стой, не бери его!», быстро сказал мне Рома, угадав мое намерение подбежать подхватить его, и Ромин замысел я тоже сразу угадал: да, спокойно, ровным деловитым шагом, без улыбки, по-хозяйски Олежек прошел уверенно и строго по прямой всё расстояние до нас, разумное существо среди книг) — ради Exegi monumentum Турбина.¹⁹⁷ [...]

Я отвлекся поднять Володика, одеть его и еще раз уверить, что я «всегда» буду его любить, и вставая подумал, какое счастье иметь — редкое — уникальное — возможность писать как Вам, просто так, без соображений о траектории слова, в знании, что слово, если оно есть, есть сразу, слышимым образом. Люди говорят и ждут что будет, а всё уже было, если было, их только там не было — при собственном же слове. То, что приходит к нам издалека и дай Бог нам услышать хотя бы улавливая хвостики этих залетных птиц (перышки как в сказке), люди абсурдным образом сочли «средством» и расположили в словарь словно панель управления. Гораздо симпатичней умных управляющих мне — искренностью и беззаботностью — откровенный цинизм власти: там слову возвращают по крайней мере абсурд, похожий на его непостижимость, возвращают одно из его нечеловеческих измерений, а слово, добросовестно обсосанное сознанием, потеряно уже раз навсегда. Литература задыхается, если она не привязана (во всех смыслах) к большому дискурсу власти, возвращающему в слово гулкость и одновременно оставляющему место слова пустым. В этой пустоте развернется литература. То, что мне кажется из самого лучшего у Вас, «Элегия, переходящая в реквием» (особенно «что ни решай, чего ни замышляй, а настигает сострадания мгла (!)»),¹⁹⁸ как бы втянуто в бытие аэродинамической трубой, «космической каверной»¹⁹⁹ в месте сильной власти.²⁰⁰ То, что Вы делаете теперь (не-

197 Владимир Николаевич Турбин (1927–1993) — профессор русской литературы в МГУ, критик-эссеист, литературовед. Считал себя последователем М.М. Бахтина. Упом. его роман «Exegi monumentum» // Знамя. 1994. № 1, 2.

198 «Элегия, переходящая в Реквием» — стихотворение 1984–1985 годов, вызванное смертью очередного главы СССР. «Сострадания мгла» неожиданно настигает поэта при попытке «оплакать гибель властелина, и даже двух» (Седакова, 2010. Т. 1. С. 309).

199 Там же. С. 310.

200 Кто посреди земли себя поставит, тот пожелает, чтоб земли осталось не более, чем под его пятой. Власть движется, воздушный столп витой, от стен окаменевшего кремля в загробное молчание провинций, к окраинам, умершим начеку, и дальше, к моджахедскому полку — и вспять, как отраженная волна.

— Там же. С. 313.

известное мне), я уверен, делается тоже впрок в привязанности к тому государству (лучше бы сказать по-гречески «политии»), которое должно бы быть у нас. Я знаю что-то подобное по себе, и у меня было краткое предчувствие в 1990 году, в день встречи с Ольгой, что у нашего пространства есть будущее. Я это Вам рассказывал. Я боюсь встретить Ваше несогласие, но едва ли отношение к государству и армии относится к вещам, в которых мы, как я узнал из Вашего интервью, расходимся, — мне-то казалось, по-настоящему ни в чем не расходимся. Но Вы зорче меня.

Конечно власть не раньше литературы. Скорее власть производное литературы как одаренности пространства и ею питается, но в разные времена они как полюса одной и той же величины. Гёльдерлиновское «поэтически живет человек»²⁰¹ я теперь понимаю еще и так, что («не хлебом единым...») всякий вообще человек и всегда держится за ниточку спущенного слова, единственный шанс выйти из лабиринта (стало быть не вперед, а так сказать назад, по лучу того что услышано, слышно). — Еще буквально несколько дней назад вместо «и всегда» я написал бы «если живет», хоть и с дискомфортом судейской и элитарной позиции, но сейчас и впредь уже нет: меня надоумил Витгенштейн, который записал себе что вот — но в 1914 году, может быть когда пошел на фронт! — китайская речь ему кажется полосканием горла, а другой услышит в ней язык, так же и я часто не могу опознать человека в человеке.²⁰² С элитарным чванством покончено* (*Как я расшифровал голодную смерть Турбина, в ней поэта, и мученика), раз и навсегда. А в 1945-м Витгенштейн записал: разумным образом нельзя иметь ярость даже на Гитлера; насколько же меньше на Бога.²⁰³

Федье перевел «Шиповник» (*приснившийся*, по интервью? но Вы мне рассказывали, что следили тогда за работой холодильника Нины Владимировны) по-моему просто хорошо. Константин Борисович на-верное помогал ему; не заметить ошибку он мог, потому что часто думает явно о двух вещах сразу.

201 Voll Verdienst, doch dichterisch, wohnt der Mensch auf dieser Erde — строка из стихотворения Гёльдерлина «In lieblicher Bläue» (F. Hölderlin. Sämtliche Werke / Gesamtausgabe. Band 2. Gedichte nach 1800; Hrsg. von Friedrich Beißner. Stuttgart: Cotta, 1953 (http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/19Jh/Hoelderlin/hoel_o801.html — дата обращения: 3.2.2018). Эти слова стали предметом толкований М. Хайдеггера («Гёльдерлин и сущность поэзии»).

202 «Когда мы слышим китайца, его речь напоминает нам клекот. Тот, кто понимает китайский, узнал бы в этом язык. Так и я часто не могу узнать человека в человеке». — Л. Витгенштейн. Тайные дневники 1914–1916 гг. // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 285 (запись от 21.8.14). Также в: Л. Витгенштейн. Культура и ценность // Л. Витгенштейн. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 413.

203 «Чувство ярости не может быть разумно, даже по отношению к Гитлеру, а уж по отношению к Богу — и подавно». — Там же. С. 454.

Sauvage églantine
 Tu vas te déployant dans le coeur dilaté de douleur
 sauvage églantine,
 ô
 toi qui ne cesses de meurtrir le jardin qu'est l'ordre
 du monde.
 Sauvage églantine, et blanche, plus blanche que tout.
 Celui qui saura te nommer aura le dernier mot même sur Job.
 Mais moi, je me tais, m'effaçant en esprit du regard de qui m'aime,
 ne pouvant les yeux détourner
 ni retirer les mains de la haie.
 Sauvage églantine,
 elle va, comme un jardinier austère qui ne connaît pas peur
 avec une rose rouge-vif,
 avec la meurtrissure de compassion cachée sous un sauvage tablier.

Федье тревожит то, что меняется на женский род «шиповник»; он тогда добавляет мужественности словом *tablier* вместо *chemise* и в целом оправдывает себя тем, что тут натыкаешься на невозможности.

Всего Вам доброго, и верьте в возможность расшифровать меня как китайца (не обязательно расшифровывая). Поклон от Олечки, в чью жизнь всё больше входит Ваша книга, и от деток, которые всё время под впечатлением от Вас.

В.Б.

Два дня я ходил повторяя из Ваших детских стихов «Куплю билет на поезд»²⁰⁴ и с каждым разом вещь мне казалась всё прочнее, всё проще, всё трагичнее и воздушнее, настоящий вздох, и который дает дышать. Затаенный, спрятанный в детстве раз навсегда, надежно.

Москва, 24.3.1995

Дорогой Владимир Вениаминович,
 как приятна такая неожиданность, как Ваше письмо, из Москвы в Москву. Мне не раз за это время хотелось написать Вам — то читая Ваш перевод, то статью, то просто так. Мне кажется, я Вам говорила, что Ваша мысль — единственное, что провоцирует меня на отзыв, на благодарность или на возражение. У меня было какое-то развернутое возражение в связи с Властью России, например. Но мне всегда

²⁰⁴ «Куплю билет на поезд» — детские стихи

О. Седаковой. В книге: *Ольга Седакова. Хрюнтик Мамунтик*. М.: Тим Партнерс, 2009. С. 16.

трудно записывать, нет этого навыка, как у Вас, и так всё уплывает по реке времен без письменного следа.

Поэтому напишу не откладывая — про Т. Вы знаете, мне, вероятно, от природы чужд элитаризм (еще мой отец говорил: «Странно у тебя выглядят люди в стихах! Как будто они все какие-то герои или святые — „И каждый человек во сне неразделенном...“²⁰⁵ и подобное. Это большая ошибка, совсем не каждый!»). И поэтому для того, чтобы видеть этого «благого человека» в ком-то, мне не нужно оправдывать то, что для меня остается в нем неоправдываемым, даже если речь идет *de mortuis*. Таким непокрываемым делом была для меня литературоведческая — и организаторская деятельность Т. [...] Его метод не был похож на то, что пишет о филологии Аверинцев, на службу понимания: это был метод «находок», эффектных трюков, в духе эпохи — театра Любимова, пластики Неизвестного, стихов Вознесенского... Мне никогда это не нравилось. Так что Ехегі... для меня не срыв, а естественное продолжение предыдущего. [...]

В общем, если и бывают внезапные падения и срывы, то, по моему, очень редко, крайне редко. У Джона Донна где-то в прозе есть замечание, что мужчины и женщины часто порицают друг друга в изменчивости, тогда как на самом деле никто не меняется, и это — и прискорбно. Я думаю, как Донн. Но — уверяю — эта шумная деятельность не пожирает для меня человечности Т., как и перечисленных Любимова, Неизвестного, Вознесенского. Она (человечность) в той дали, которой мы в себе всей своей деятельностью коснуться не можем. Вернее: мы могли бы ее вывести поближе каким-то образом, даже образом деятельности.

Быть может, так и есть, как Вы увидели, в ошалевшей жажде отзыва есть тень поэта. Что же странного? Данте говорит, что плохих семян не сеялось, и всё недостойное вырастает из зерен любви, но изуродованной разными способами. Наверняка, он просто приводит общее богословское мнение, это не его открытие.

Про армию и государство. Да, Вы совершенно правы, и Элегии и всего стоящего не было бы без этой тяги. Мне кажется, я впервые почувствовала, что пишу настоящие стихи именно когда включилась политическая позиция. То есть, темы оставались прежними, не политическими в расхожем смысле, но я знала, где — политически — это говорится. До какого-то момента была просто амбиция вневременности («Свое родство и скучное соседство Мы презирать заведомо вольны»²⁰⁶). Это очень важно, чувствовать себя в страшно централизованной стране. И военной, конечно (армия, форма — это же для меня был

205 О. Седакова. Сретение // Седакова, 2010. Т. 1. С. 81.

206 О. Мандельштам. «Я не слышал рассказов
Оссиана...» // Мандельштам, 1993/4. Т. 1. С. 103.

быт: люди в штатском казались мне в детстве странными). И лютой (я, как Рейган, считала нас империей зла). Но если так оно было, я не хочу, чтобы это перенеслось в будущее. Тысяча лет военной державы! прошлое отечества! Ну и что? Я всей душой не хочу военной державы и сверхчеловеческой власти. Но дело не в том, чтобы выбирать из наличного или прошлого — скажем, децентрализованную западную ситуацию. Просто будущее, другое, чем старый кошмар, по-своему плодотворный. Если слово живет в дискурсе власти, как Вы говорите, то, по-моему, той самой власти Бориса и Глеба, власти свыше («дадеся ми власть»²⁰⁷), которой никто не отнимет. Но каждый имеет здешнюю власть над носителем такой власти. Как сегодня мы поминали на Пасхии.

Между прочим, сегодня отец Димитрий сказал проповедь точно из «Шиповника» (конечно, не из, он не читает моих сочинений). Он начал с Иова, пререкавшегося с Богом, с его вопроса: Кто переспорит меня? Кто станет между мной и Им? Кто положит руку на мое плечо и на Его плечо? — и отвечал: вот Кто — глядя на Распятие.

В прошлом году в Англии Епископ (внимательно прочитавший английские переводы) спрашивал меня как раз об этом месте, что здесь значит появление Иова. И когда я ему рассказала приблизительно то, что записано выше, он был поражен, он сказал *I'm afraid, that's the Holy Ghost!*²⁰⁸ Я спросила, почему. Он объяснил, что, как Писание диктовал Дух Святой, так Он же дает устанавливать связи между его точками, это не дело человеческого сопоставления, связи такого рода.

Мне очень понравился перевод Федье. Звучит! Жалко, конечно, что женский род у *églantine*, а что-нибудь мужского рода вроде *buisson* только отяжелит всё, да? Я напишу Федье. Меня смущает переписка на английском, школьном и казенном в моем случае.

Как обидно, что ЛитОбозчики отрезали половину Вашей работы! Интересная мотивация: что эта половина кого-то слишком задевает. Стало быть, плюрализм теперь то, что нельзя трогать, как прежнюю идеологию, — что еще раз подтверждает Вашу генеалогию этого плюрализма.

Если я в самом деле решусь писать про Рембрандта, то знаю, что посвящу это Вам.²⁰⁹ Спасибо за подсказку: с посвящением уже не так страшно.

207 Слова воскресшего Христа (Мф. 28:18).

208 Боюсь, это Святой Дух! (англ.).

209 Первые «письма о Рембрандте» опубликованы: «Путешествие с закрытыми глазами» // Континент. 2006. № 130; «Рембрандт. Ночной дозор. 1642» // Континент. 2007. № 132. Этот замысел завершен: в 2016 году вышла книга Ольги Седаковой «Путешествие с закрытыми глазами. Письма о Рембрандте», посвященная В.В. Библихину (Издательство Ивана Лимбаха).

Извините, если что не так в письме. Я постоянно помню Вас и Ольгу и мальчиков — как чудесна со стороны Ваша общность! Я не ви-дела похожего.

Всего Вам самого доброго и надеюсь на скорую встречу или на поездку в Лавру:²¹⁰ это было бы да! Анюта известила Е.Л. Майданович,²¹¹ и она радушно приглашала (она знает Вашу книгу).

Ваша

Да, «Куплю билет на поезд» это самая откровенная песня несчаст-ной любви, которую я себе позволила сочинить.

Страстной четверг, 20.4.1995

Дорогая Ольга Александровна,
когда человек опущен [...], он не меньше может дать другому смир-ным признанием своей немощи, чем когда он во вдохновении.

Ведь сердце как хлеба ищет
и так благодарит
когда кто-то убит
и кто-то забыт
и кто-то один как мы.²¹²

Баховские иногда, мы говорили у Ани Великановой в большой комнате располагающей к таким разговорам, трудные блуждания как в потемках, вырабатывание звука, если я не ошибаюсь, должны были записываться в такой опущенности, оставленности, когда у впадаю-щего в панику всё сминается до безобразия, а у смиренного остаёт-ся человеческий жест, в котором сохраняется и мастерство, и трудо-любие, эта красота. И поскольку в моменты вдохновения нездешнее веяние всё равно ведь в человеке очеловечится, то оказывается что и не обязательно вовсе сделанное в опущенности будет несравненно хуже сделанного в порыве.

Мы часто с Ольгой говорим о том, что она называет кажется «лишним», связывая с лихом и худшим злом: паника и принятие на-сильственных мер в оставленности. В человечестве этого очень мно-

210 Троице-Сергиева Лавра. Давний замысел поехать туда вместе, в конце концов ис-полненный. (ОС)

211 Елена Львовна Майданович (1942) — редактор, переводчик духовной литерату-ры; долгие годы библиотечкарь Троице-Сергие-вой Лавры. Семья Майдановичей вернулась из эмиграции после войны. Начиная с первых приездов в СССР митр. Антония (Блума), вместе

с сестрой Т.Л. Майданович записывала, размно-жала и распространяла в самиздате его пропо-веди и беседы, составляла и редактировала его книги, с 1991 года уже официально. Основатель и первый президент фонда «Духовное насле-дие Митрополита Антония Сурожского».

212 «Вступление первое» из книги О. Седако-вой «Тристан и Изольда» (Седакова, 2010. Т. 1. С. 145).

го, и по-честному таких вещей как поддержание себя в форме, контролирование настроений надо было бы стыдиться, но люди чуть не гордятся поддержанием в себе бодрости например самогипнозом. Т.е. собственно говоря люди делают вроде бы в каком-то смысле то, что мне нравится у Баха, держат себя в опущенности, с той только разницей, что лучше чем *как* они это делают (я тут вспоминаю пушкинские слова, что выдающиеся люди делают то же что посредственность, но не так, и зря посредственность успокаивает себя) было бы не делать с собой вообще ничего и опуститься. Как мой [...] пьющий брат²¹³ (в последнем номере «Новой Европы» Рената напечатала какую-то его статью, мне Хоружий²¹⁴ говорил), младший, который мне *одновременно* жуток и кажется почти священно чистым, укором мне, суетливому комбинатору.

В Евангелии связь, для меня загадочная и бездонная, для экзегетики прозрачная, между деньгами, умыванием и целованием ног и предательством. Обливает ноги драгоценным маслом Иисусу женщина, Иуда против, можно было получить много денег, и идет получать деньги от первосвященников. Иуда «таскал» деньги в общине апостолов. Из Мф 26, 6–16 не сказано прямо, что Иуда возмущен растратой (это по всем, и современным, нормам *растрата*, так шеф может взять из кассы на роскошь), но и в Мк 14, 10 Иуда идет за деньгами первосвященников словно для возмещения — казначей — этой растраты, а в Ин 12, 3–8 только он один против растраты протестует. Потом не Иисусу, а Он сам моет ноги (как у Вас в «Диком шиповнике» сначала садовник ранит, потом сам раненый), и опять именно после омовения Иуда возникает как предатель, почти провоцируется, Ин 13, 14–18 и 21–30, причем опять загадочным образом в связи с «ящиком». И еще в других Евангелиях те же стрелочки, которые я даже не пытаюсь проследить, но здесь какая-то освободительная тайна. Потому что везде в этих местах, по поводу омовения ног, появляются раб и господин, причем рабом оказывается тот кто был *против* обливания ног маслом, как в молитвословиях великого четверга, «Иуда, раб и льстец» — который был казалось бы против чрезмерного почитания господина! Когда начинаешь видеть эти загадки, то ясно, что вера, Церковь, Бог по ту их сторону, за бездной и за «пучиной моря»,

213 Евгений Вениаминович Биbihин (1947–1997).

214 Сергей Сергеевич Хоружий (1941) — физик по образованию, философ, богослов, исследователь исихазма, создатель «синергической антропологии», переводчик Дж. Джойса. Друг Владимира Биbihина.

а то, что по сю сторону, только недоразумение. Как страшно думать, что «христианская цивилизация» распяла природу, и она не сходит с креста тоже из милости, страдая сама ради искупления человечества. «Мама, а в лесу бывают зайчики?» — Ольгу доводит до слез этот вопрос Володика [...]. Я смею деток строжить, который пригласил их в мир несравнимый с тем, в котором сам был ребенком. Я пригласил их в мир, а сам думаю с удовольствием что уйду из него еще до самых злых ужасов.

Удивительно, что всё это нисколько не мешает говорить в простоте: поздравляю Вас с Воскресением Христовым.

Ваш В.

Roma, 7.5.1995

Дорогой Владимир Вениаминович,
Я могла бы написать Вам уже много раз, и мне всегда хочется писать Вам. А еще больше хотелось бы увидеть Вас — и всех вас, Олю и мальчиков, в Италии, рядом. Например, мы брели бы по Аппиевой дороге — или по Авентинскому холму (из семи холмов он мне больше всех понравился), к храму св. Алексея Человека Божия — и вниз, к Тибру... В каждом чудном месте (а их я повидала множество: вообще ни одна страна, мне кажется, не дает столько поводов для совершенно безмятежного счастья, как Италия) мне жаль, что нет рядом своих, с кем бы разделить этот пир. Как всё на свете, это неопишимо: развалина Рима, триумфальная развалина, которая никогда не развалится до конца. Катакомбы, и виноградники возле них, апельсиновые сады в церковных двориках, византийские мозаичные своды, кварталы за Тибром, где целая улица при мне справляла день рождения кошки Niccolina. Все дома по случаю ее 5-летия были убраны гирляндами, а именинница сидела на бархатной подушке, кошка как кошка при этом. Вчера перед автобусом перебежала женщина и уронила сумку и все рассыпала. Автобус стоял долго и никто не сердился. Один человек заметил: — *Ma che brava questa donna!* — *Sì, bravissima!*²¹⁵ — ответил другой, и все ее хвалили. Чаще всего на улицах слышно: «*Ma che bello!*» «*Che carino!*»²¹⁶ В общем, рай земной, из России даже не вообразимый. Один синьор, с которым разговорились, сказал мне: «Но заметно сразу, что Вы человек другой культуры, более высокой». «Почему?» «Вы слушаете, а мы все говорим монологи». Но в самом деле, это не монологи, а чередя солирующих импровизаций, как в оркестре, и за каждой партией не заслоняется реальность целого. Очень

215 Какая славная женщина! — Да, отличная! (итал.).

216 Как прекрасно! Как мило! (итал.).

близкий контакт (не как в Англии), но каким-то образом не переходящий границ деликатности.

Вчера я вернулась в Рим из авантюрного паломничества. На улице я познакомилась с корейцами, священником и монахинями, и они взяли меня с собой в Ассизи, ночевала я в монастыре в Перуджии и утром была на католической Троице, на монастырской службе. Настоятельница сказала: «У нас сегодня маленькое повторение того события — сколько языков!» И правда, кроме меня и корейцев были латиноамериканцы, немцы, французы, испанцы...

Но лучшее, что я пока видела, — Ассизи, особенно горная обитель Франциска на Субазио. Там живут белые горные горлицы, с которыми Франциск разговаривал. После этих мест великолепная Флоренция показалась мне несколько суетной. Даже Леонардо горлицы не стали бы слушать, *sicuramente*.²¹⁷

Я читаю прекрасную энциклику Папы «*Orientale lumen*»²¹⁸ — похвалу Православию, написанную с глубочайшим, по-моему, проникновением в наши сокровища. Тем временем наследники этих сокровищ явились здесь, в Риме, в русском храме, куда я хожу, как ночь среди дня. От них (это была высокая делегация, епископ, архимандрит, игуменья и др.) веяло духовным крепостным правом, запугиванием, недоверием и надзирательством. Не буду распространяться, дабы не впасть в осуждение. Но страшно. О насколько праведнее именины кошки в Trastevere. Этот сыск еще покруче коммунистического — и тоже ненавидит жизнь. Я надеюсь, Господь не попустит им приватизировать Православие: оно останется с отцом Димитрием, с верой и нежностью.

Я вспоминаю, как Вы раздобыли для меня билет сюда.²¹⁹ И весь тот день. Надеюсь, что отправлю это письмо с okazji — а если ее не будет, привезу с собой.

Я так рада, что нам довелось встретиться.

Дай Вам Бог всего доброго!

Оле самый нежный поклон.

Рому, Володика и Олежку поцелуйте, пожалуйста.

Ваша кума

Оля.

²¹⁷ Конечно (*итал.*).

²¹⁸ Апостольское послание Папы Иоанна Павла II «*Orientale lumen*» («Свет с Востока») от 2 мая 1995 года. В первой части послания Папа дает очерк сердцевинных черт восточной Церкви; во второй призывает к примирению и единству Церквей.

²¹⁹ Вероятно, авиабилет. Бибихин часто и щедро помогал мне в житейских трудностях. (ОС)

Дорогая Ольга Александровна, мы, хотя и с запозданием в этом году (Ромины экзамены в музыкальной школе, на отлично, моя операция, такая же как у о. Дмитрия была), но прочно уже утвердились на нашем шалаше, от которого ближайшее географическое место с человеческим названием не станция Ожигово (4 км), а старый теперь заброшенный оплот позднего имяславия, Зосимова пустынь (1,5 км). Всё здесь складывается до неожиданности славно, Олег растет на глазах, издавна сегодня я слышал его гуляющего с Ольгой бодрые крики восторга: «а – я!», просто так, от дикой радости, какая у него бывает несколько раз на дню. Опять же неожиданно много оказывается времени, и я закончу наконец этим летом «Бытие и время» Хайдеггера, перевод, за который я всё больше спокоен, и в основном потому что возвращаюсь к началам старого славянского «буквализма», или подстановки, или просто смирения.²²⁰ Это и будет мне главное дело на ближние месяцы, а печатать свое, как меня просили в разных местах, я не стал. Правда, что-то всё равно выходит, кусок «Собственности» в «Пути»,²²¹ потом будет о Потебне²²² и о переводе в НЛО,²²³ и как раз в тот день и даже в те самые часы, когда Вы были у Иоанна-Павла II, я отдал для сборника Хоружего по исихазму свои 50 стр., верстку, «Материалы к исихастским спорам».²²⁴ Сдавая, я заметил, что коды не хватает, и — опять в те же часы — в сумеречном состоянии от процесса получения зарплаты, 90 тыс., в Институте философии, от разговоров с философской публикой, от неспанья, непитья, жары, долгой дороги, пустой головой услышал скорее чем подумал, что те исихастские споры (а они были разветвлением споров о филиокве) были единственно уже оставшимся после раскола, схизмы, способом присутствия истины. Не то что в споре рождается истина, а спор остается теперь лицом истины, должен быть честный спор, чтобы истина

220 «Русское слово открывает исканию свои просторы. Но при встрече с немецким оно, придерживая язык, и давая высказаться другому, должно как в школе учиться новым ходам, каких может потребовать подвижная мысль. Утомляясь от своеволия, сделавшегося у нас привычным в отношении к „зарубежной“ философии, мы всё больше убеждаемся в верности переводческих правил Кирилла и Мефодия». — В. Библихин. Примечания переводчика // М. Хайдеггер. Бытие и время. С. 449.

221 Свобода собственности (отрывок курса, прочитанного на философском факультете МГУ в 1993 году и весеннем семестре 1994 года) // Путь. 1995. № 7. С. 154–199.

222 В поисках сути слова (внутренняя форма у А. А. Потебни) // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 23–34.

223 «Слишком часто...» (отрывок из неопубликованных заметок 1971 года «Вокруг подстановочного перевода») // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 372–377.

224 Материалы к исихастским спорам // Синергия. Под ред. С. С. Хоружего. М., 1995. С. 177–206.

не теряла лица. Это кладет конец надеждам на «экуменизм» и подобным, но и избавляет от сухой горячки додуматься своим отдельным умом до того, что происходит в христианстве: его истина уже додумалась до того, чтобы дать о себе знать в *разности* христианств. Истина будет не после схизмы, после спора, а она *уже была и есть* в нерасколоте слова, если кто на него способен. — В какой-то древнеиндийской мудрости сказано, что путь мудреца, как путь птицы в небе, труден для понимания.²²⁵ Ваши паломничества по Европе, Рим, Роттердам, нам кажутся загадочным движением в тумане. Вы как будто бы сплетаете невидимую паутину, может быть какое-то новое спасительное жилище, когда все старые как напоказ разваливаются. Беда людей, если можно так сказать, в том что им дается слишком сразу и слишком много (как мы с Вами говорили по телефону в начале мая, о том как всё быстро), и человеческое естественное неупевание вовсе не портит пока еще ничего, но вот уныние и отчаяние от неупевания всё губит. И то, чего я не успел уловить, тоже есть ничуть не хуже уловленной мною крохи, и даже не всегда ли лучше то, что я оставил как есть, чем то, что я уловил. Ах разница между хорошей и плохой поэзией (думаю о бойкой даме Н.) не в уровне, больше и меньше, а в противоположности жеста, вцепиться и отпустить, то и другое не попад.

Мы получили св. Владимира, доброго как всё что идет от Вас; а для Вас есть пакет от Франсуа Феды, и я буду пробовать позвонить Вам во вторник 27 июня, когда буду в городе, или передам Анне Ильиничне. Мы передвигаемся на машине, мальчики, за два года ее забывшие, от нее в восторге, но у меня (опять!) не хватает немножко денег и немного времени, чтобы пройти через ГАИ, поэтому я ограничен только надежными маршрутами, где нет неожиданных проверок документов, как это грустно. — Но некатастрофическое безденежье [...] навязывает такой здоровый, ровный и спокойный образ жизни. — Правда, в сентябре я вроде бы поеду в Германию, впервые, чего стал хотеть, как я Вам писал, с конца 1993-го, и это, я уже точно знаю, будет для меня шок больше парижского. Во всяком случае «собой» я наверное не останусь, слишком близка Германия, слишком крут спор и слишком малы шансы, ведь посмотрите, кто из наших в Германии не говорит о «России» (Борис Хазанов не единственное ли и не относительное ли исключение), а я если чего не буду, так этого. — Здесь у нас сенсация литературоведческий сборник Гаспарова,²²⁶ плотный, статьи в основном последнего десятилетия, по-моему, очень хорош. — НЛО, как мне и казалось, действительно вроде вы-

225 Дхаммапада, 92–93.

226 М. Л. Гаспаров. Избранные статьи.
М: НЛО, 1995.

ходит в лучшие журналы. Я не знаю о Вашем интервью там, потому что Зенкин Сергей Николаевич²²⁷ был долго в Париже, вот на всякий случай его т. в редакции и дома, это не значит, что Вы должны ему звонить. Живешь в сущности только среди близких, и когда они далеко, то это как ночь и поиски в темноте. Ночь, конечно, тоже образ жизни, в важном смысле поучительный и готовящий к долгой ночи и заставляет ценить день, — так что Ваше письмо, если получают, то будут читать с вниманием.

— Ваши верные Вам, В., О. и другие.

Азаровка, 30.7.1995

Дорогой Владимир Вениаминович,
(обращаюсь к Вам, но думаю о Вас с Ольгой вместе), пишу Вам из азаровского похмелья — не очень тяжелого, но всё же. Я, конечно, ожидала, что за римскими праздниками последует отдача, уж слишком весело и высоко там было. Да, то, что теперь не покидает восприятия: какая низина (географическая), как мы низко расположены! Как будто со сцены спустили в оркестровую яму. И как однообразно (географически). От Москвы до Азаровки — почти то же время в машине, что от Рима до Флоренции: а сколько там всего переменяется. Тяжело все-таки внизу и без перепада высот. И вдали от центра, который — мне так чувствуется — все-таки в Риме. (До Рима я думала: неужели весь мир теперь — сплошная провинция? И Лондон провинция, и Париж, о Германии что говорить... и вот, наверное, главное удовольствие Рима — чувство центра. Я уже было решила, что на земле центра больше нет, он только в литургии, центр как точка встречи с вертикалью. Но именно такая встреча — Рим, его холмы, его кладки и, в конце концов, балкон, с которого в полдень в воскресенье говорит Папа. Я однажды случайно оказалась в этот момент на площади св. Петра, среди молодежи с лозунгами: *Immacolata vincerà!*²²⁸ — и это да!) То, что исторический и географический центр для меня несомненно связан с римским Pontifex, вовсе не значит солидаризации с католичеством — надеюсь, это лишний для Вас комментарий. Но какое счастье, что такой центр *есть*. От идеи полицентричного мира мне жить не хочется: это была бы земля тех Гераклитовых

227 Сергей Николаевич Зенкин (1954) — филолог, специалист по теории литературы, культуролог, переводчик с французского. В 1995-м редактор отдела теории журнала «Новое литературное обозрение».

228 «Непорочная победит!» — одно из движений современного католичества. (ОС)

Есть обитаемая духом
Свобода, избранных удел.²³⁰

Свобода и центр — почти то же. А спора (о чем Вы пишете в письме) я почему-то никогда не любила, и честного — не больше, чем других. Кстати, я нашла точнейшее описание собственного — сознания? настроения? — знаете где? У Розанова, в статье о Киеве* (*Книга, которую Сукач подарил в день крестин Олега,²³¹ «Иная земля, иное небо», с. 552–563): о «народной вере»** (**«Это описание очень в pendant Вашей «Власти России». Удивительно, что автор (Вас. Вас.), который может так понять этот «беспожарный» строй, в слоге своем, в жесте несет столько этих самых «огоньков», измелченных и переменчивых, в отличие от больших «огоньков» Щедрина, но тоже очень не-тихих, тоже «на уксусе и горчице».) Точно, как он описывает эту «народную веру», я и думаю. Но не могла бы этого так просто обозначить — а часто пробовала, в спорах с Анютой. В сущности, это мир как волшебная сказка — с тихим пиром в конце и «чудесным помощником» по ходу дела. Я не понимаю, как можно думать иначе, вернее, не понимаю, что такое иная, «драматичная» вера, требующая теодий и т. п. «Услышит тя Господь в день печали, защитит тя Имя Бога Израилева».²³² И при этом Вас. Вас. — мне крайне чужая душа, как прежде!

Если бы мы встретились, я рассказала бы еще и о Риме, и о Ватикане, и о Голландии (мне удалось побывать в доме моего любимого Рембрандта!)... Устно проще, а писать я всегда затрудняюсь, всё кажется «того не стоит».

Здесь с нами племянницы Даша²³³ и Геля;²³⁴ после года в Англии Геля (ей 10 лет) многие слова первыми вспоминает по-английски. А вчера она сочинила молитву, которую я Вам и посылаю. Скорее это письмо.

229 См. письмо В. Библина от 6.4.1994.

Тема «многих», не знающих «одного», постоянна у Гераклита, например: «Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его — ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь всё совершается по этому логосу, а они уподобляются невеждам, когда приступают к таким словам и к таким делам, какие я излагаю, разделяя каждое по природе и разъясняя по существу. От остальных же людей скрыто то, что они делают бодрствуя, точно так же как они свои сны забывают» (*Секст. Adv. math.* VII 132. Пер. М. А. Дынника).

230 О. Мандельштам. *Encyclica* // Мандельштам, 1993/4. Т. 1. С. 105.

231 В. Г. Сукач — исследователь и издатель Вас. Розанова; крестный отец сына Владимира Библина Олега. (ОС)

232 Пс. 19:1.

233 Дарья Стабникова (1980) — племянница Ольги Седаковой, дочь ее сестры Ирины Седаковой.

234 Ангелина Стабникова (1985) — младшая дочь И. Седаковой, племянница О. Седаковой. Ангелина кончила первые два класса в Англии (И. Седакова преподавала в университете Эксетера) и, вернувшись, легче говорила по-английски, чем по-русски.

Dear Lord

Thank you for all animals, food, drinks and friends. I really thank you for all my grandmas and grandpas. My god-mother is very nice too. They are all very nice. Also I thank you for all schools for children, to learn about everything in school. Thank you for everything alive and not alive. Amen.²³⁵

Что такое «not alive»?

Пожалуйста, передайте самый нежный привет Ольге. Поцелуйте Рому, Володика и Олега. Хочется всех увидеть. I really thank you — про-должая Гелю — for your being.²³⁶ С любовью

Ваша

О.

Тетя (Нина Васильевна) шлет Вам поклон.

Зосимова пустынь, 2.8.1995

Дорогая Ольга Александровна, пишу Вам в разбитом состоянии примерно как утопающий хватается за лодку, при полном внешнем благополучии. Вместо обжитого пространства я словно на слишком широком просторе, словно не в подушках культуры, а прямо в глине и болоте и мелколесье этой, очень низкой сырой и холодной, нарофоминской части восточноевропейской равнины. Что есть деньги и в магазинах продают, кажется спасательной веревкой, спущенной прямо с неба, чудесной, необъяснимой и способной убраться в любой момент. — В воскресенье мы все, еще 12-летний племянник Миша, пошли в паломничество в Зосимову пустынь,²³⁷ которая совсем близко от нас, 2 или 3 километра, но бездорожья. Там гремел абсурдный пионерский лагерь, в храме со снесенным куполом перед отгороженным алтарем с надписью «Кружок умелые руки» Ольга зажгла свечку, и неожиданно громко мы стали петь и читать что помнили и нашли церковного, сошлось просто много народу, в том числа лагерное начальство. (Я написал и услышал: лагерное начальство). Они давно ждут и опасаются, что

235 Дорогой Господь! Спасибо тебе за всех животных, пишу, питье и друзей. Настоящее спасибо за всех моих бабушек и дедушек. Моя крестная тоже очень хорошая. Они все очень хорошие. Так же спасибо тебе за все школы для детей, чтобы учиться всему в школе. Спасибо за всё живое и не живое. Аминь! (англ.).

236 Настоящее спасибо вам за то, что вы есть (англ.).

237 Троице-Одигитриевская Зосимова пустынь — православный ставропигиальный женский монастырь в поселке Зосимова пустынь поселения Новоефедоровское (теперь Троицкого округа Москвы). Основан схимонахом Зосимой (Верховским) с его духовными дочерьми как монашеская община (1826); в 1856 году преобразован в монастырь. Окончательно закрыт в 1929 году. Возрожден (1999) как подворье Новодевичьева монастыря; в 2000 году преобразован в монастырь.

церковь возьмет обратно этот, я им объяснил, оплот имяславия в начале XX в., до разгона женского монастыря в 1927-м. Под его стенами мы познакомились с семьей, три женских поколения которой, даже среднее, родившееся в 1941-м и коммунистическое, ждут не дождутся возобновления монастыря. Они читают старую — переизданную в 1994-м — книгу о Зосиме (Захарии) Верховском, подаренную им дамой по фамилии Верховская, из того же рода; она нашла колодец Зосимы. В начале прошлого века Зосима и 20 монахинь пришли сюда, в имение помещицы Бахметьевой, и некоторые женщины, хотя пришли из Сибири, приуныли от вида места: как и теперь, сыро, холодно, сплошные болота — но солдаты вырыли каналы, они действуют и сейчас, там появилась хорошая вода (и я тоже, когда еще не зная об этом вырыл большой пруд, увидел чистую высокую воду), «легкая», в каналы пустили рыб, там же и стирали, вокруг храма, вокруг идеи церкви сложился остров, который и сейчас, после всех вихрей (госпиталь, детский дом, пионерский лагерь) остается единственным осмысленным и притягивающим в широкой округе. — Почему же прочного укоренения не произошло, почему революция так много снесла, несравненно больше чем во Франции или даже в Мексике? Может быть из-за болота, которое все-таки теми рвами было оттеснено, потоптано людьми, которые *искали где и как скрыться от мира*. Т.е. хотя их подход к болоту был лучший из данных исторически, он не был вживанием в страну, а опять родом бегства от нее, в запредельные выси. — Удавалось ли вырасти в вещество этой страны язычеству?

Сейчас она стоит явно бесхозная, и хуже, кирпичные причудливые торты на 4, 5 и 6 этажей на крошечных участках, по 500 и 1000 кв. метров площади, рядом с сарайчиками и большинством все-таки средним и серым, кричат о новом не фатальном ли промахе, уже не просто диком, но смешном. Как эти карточные домики из миллионов кирпичей на одну семью надеются быть после цивилизации бревенчатых изб и храмов на горе, которая — даже и она! — без дорог и владения пространством не пустила бесспорных корней, нечего даже и спрашивать: окаменевший тупик. — Если за ошибку той тысячелетней цивилизации расправа была страшной, то что будет теперь. В двенадцати метрах от хибарки Ренаты, которую обшивает вагонкой мой брат,²³⁸ к югу, быстро сложили высокую и совершенно глухую, без единой прорези, стену гигантского кирпичного дома (но всё же не из самых абсурдно громадных), и Рената конечно взглядом ее давно разрушила.

Ошибка той цивилизации была в надежде внушить всем один уклад мысли, пусть верный и благочестивый. Раскол сейчас в кро-

238 Валентин Вениаминович Бибихин
(1940–2006).

ви, в кости и не он имеет причины, а он ищет себе к чему себя приложить. Одна из дам, нетерпеливо ожидающих возобновления Зосимовой пустыни, косо смотрит на теперешнего патриарха, потому что он «убил Мёню»,²³⁹ и надеется на петербургского Иоанна. Т.е. в храм войдут уже со смиренным признанием раскола, как паломницы, шедшие к старцу Тавриону под Елгаву,²⁴⁰ сообщали нам с отрешенным спокойствием, что католиков уже крестит бес, а в наших православных верхах согласились, чтобы вера была католическая. Раскол произошел как-то давно, и даже могу сказать когда: когда с концом античной патристики кончился слух к библейскому слову или вообще к слову. Раскол тогда стал обязателен, чтобы истина хоть так дала о себе знать, а то ей больше нет щелочки просунуться. Есть ли в русском языке еще запас слова? Чувствуешь себя как в катакомбах (Хайдеггер: как индеец в резервации), и поневоле вытолкнет из культуры в природу.

Ольга [...] на св. Владимира [...] снова говорила с о. Димитрием, он с ней любезен [...]. Я передал ему через Ольгу своего Паламу,²⁴¹ без пояснений, думая, что он сразу увидит, где огонь и где дым.

Алексей Родионов (он слушал Вас и меня) понимает у Вас строки

И что было, того не будет.

Будет то, чего лучше не бывает.²⁴²

в том смысле, что не будет «даже того, что то, что было — было», «может ли иначе быть то, чего лучше не бывает».

Володик не слушает чтения, только «страшные истории», и воинственно нерелигиозен, но это только когда идет через меня, и я сам на его стороне, тем более что событие, всякое, его захватывает, и приблизившись у о. Дмитрия к чаше, он, чему его не учили, важно и отчетливо сказал: «Меня зовут Володик». — Олег, которому полтора года, ничего не говорит (а Володик в таком возрасте говорил как мы), и для всего у него, прямо по Волошинову — Бахтину, только один

239 Имеется в виду о. Александр Мень, убитый в 1990 году. Виновные в убийстве по-прежнему неизвестны.

240 Архимандрит Таврион (1898–1978) — Тихон Данилович Батозский. В 1920 году принял монашество. В 1929–1935, 1940–1948 годах — в тюрьме и лагере, 1948–1956 годах — в ссылке. С 1969-го года духовник Свято-Преображенской пустыни Свято-Троицкого женского монастыря Рижской епархии. Его духовный авторитет и проповеди привлекали множество паломников. В. Бибихин описал свою встречу со старцем: В. Бибихин. Старец Таврион // Наше положение: образ настоящего (сб.). М., 2000. С. 226–241.

241 Св. Григорий Палама. Триады в защиту священо-безмолвствующих. Пер. и послесловие В. Бибихина. М., 1995.

242 О. Сedaкова. «По дороге длинной, по дороге пыльной...» (из цикла «Старые песни») // Сedaкова, 2010. Т. 1. С. 213.

страстный, до хрипоты выкрик: «Там!» (у Бахтина идея языка, состоящего только из одного слова).²⁴³ Ни «папа» ни «мама». Хотя однажды, забывшись с кем говорю, я его подошедшего с поленом бегло поправил, «нет, это мы пока рубить не будем», и он тотчас умненько взглянув повернулся и отнес полено на место. Он не *хочет* говорить, как, начав было правильно пилить (а Володик в раншем возрасте чуть не перепилил лестницу в доме), снова стал демонстративно водить тыльной стороной. Чем дальше тем больше мы с Ольгой удивляемся и умываем руки. За Рому всего спокойнее, когда он скажем влетает во двор на велосипеде и на половину поселка поет «Полна коробушка».

Всего Вам доброго. Я пишу Вам, пользуясь Вашим любезным разрешением, собственно как себе в дневник. Не бойтесь меня задеть; на «разногласия» я не способен, самое большое — на утрату интереса, до чего в том, что касается Вас, очень далеко у меня и у Ольги. В Вашем письме из Рима, я Вам говорил, есть сам Рим. — Мы решили не отдавать Рому в этом году в школу и жить глубоко до октября, с моим выездом ненадолго во Фрейбург в конце сентября. А как Вы?

Ваши О., В.

Азаровка, 12.8.1995

Дорогой Владимир Вениаминович,

Дорогая Оля,

(хочется обратиться к мальчикам: Рома, Володик, Олежек! — но вряд ли последующее им интересно. Тогда вот как: обратившись к ним, кончу их часть письма пожеланием: Добрый день! или, как говорят в Вашем скором Фрейбурге, *Grüß Gott!*²⁴⁴ — между прочим, Аверинцев говорил это каждому из швейцарских гвардейцев на лестнице, ведущей в покои Папы).

243 «Та стадия человеческой культуры, когда появляется речь, называется магической. Здесь вырабатываются те элементы языка, которые ложатся в основу вообще всякой звуковой речи. Это еще не слова в нашем смысле, не звуковые обозначения, не знаки какого-либо явления или группы явлений, нет, это — группы определенных звуков, сопровождавших магический обряд, который являлся формой общественного трудового процесса. (...) Здесь, вместе с постепенным переходом к скотоводству и земледелию, мы уже вступаем в новые стадии языкового развития, в тотемистическую (...) и в космическую (...). Первич-

ный звуковой комплекс становится многозначным словом, словом, в начале применявшимся во всех значениях, которые только знало человечество. (...) И слово это: „Рука“ — рука трудящегося человека». — В. Н. Волошинов. Стилетика художественной речи. Статья первая. Что такое язык? // М. М. Бахтин (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 522.

244 Здравствуйте, привет, прощайте (нем.).

Ваше письмо — опять чудесный подарок, кроме другого, настоящая проза и от нее веет этим болотом с «легкой» водой в глубине. После Италии я не перестаю чувствовать здесь: Какая низина! как низко и вязко, как хочется повыше! Во Фрейбурге Вы насладитесь нормальной — по моим понятиям — высотой места. Где повыше, там, кажется, и слышно, и видно... Голландия, впрочем, еще ниже и пропитанней водой, а там Рембрандт и Вермеер. И в них есть бодрость, какой ноющая русская кисть не знала (исключение — Венецианов, которого я втроем с Глинкой и Пушкиным считаю непродолженной российской возможностью: сухость, чистота, точность). А потом как завыли: Мусоргский, Достоевский, передвижники... Кончилось *staccato*. Да, ничего здесь не вживается, как Вы пишете, никакого мандельштамовского «эллинизма».* (*Я не очень поняла, что Вы называете «расколом»: с кем? с католиками? с собственными верхами? уход в свое сектантское подполье? Как я ненавижу эту подвальную сырость наших низовых мнений, их хитрое слабоумие

как при царе Горохе,
Как в предыдущие эпохи.²⁴⁵)

Мне кажется, это очень серьезная вещь, здешняя светобоязнь, и никак не переводится. «Мы люди маленькие...» Про этот лукавый агностицизм мне и хотелось написать Вам в ответ на «Власть России»: это вторая, по-моему, сторона «непротивления», лучезарного в Борисе и Глебе. Кикимора болотная. Кстати, один из номеров Д. Пригова²⁴⁶ — он умеет кричать кикиморой. Все говорят: похоже. Все мы откуда-то знаем, как кричат кикиморы.

Вот, кстати, об укорененности язычества. Сколько я им занималась, могу сказать: его хтоническая часть несомненно укоренена, даже глубже, чем корни.²⁴⁷ А всё повыше — шатко-валко. Космической мысли фактически нет — эвенкийская мифология по сравнению с этим Эмпедокл. Такого же рода, считают, была автохтонная римская мифология, до адаптации греческой. Аверинцев говорил, что все мы *déraciné*²⁴⁸ (вследствие революции) и поэтому разговоры о «корнях»

245 *А лес, как при царе горохе,
Как в предыдущие эпохи,
Не замечая суматохи,
Стоит и дремлет по сей день.*

— Б. Пастернак. Поездка // Б. Пастернак. Собрание сочинений: В 5 тт. М: Худ. лит., 1989. Т. 2. С. 122.

246 Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) — поэт, скульптор, деятель московского концептуализма, одного из течений неофициального искусства (первая публикация в СССР — 1986 год).

247 Диссертация О. Седаковой «Погребальная обрядность восточных и южных славян» (1983) включает в себя реконструкцию картины мира славянского язычества и его отношения к христианской традиции. Книжная версия: Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.

248 Выкорчеваны, вырваны с корнем (*франц.*).

нелепы, и что единственно где теперь можно *enraciner*²⁴⁹ — это в небесах. Но кажется, так оно было и до комиссаров. При Борисе и Глебе. Вы знаете, однажды, лет 10 назад, я гостила в Грузии и грузинские хозяева повезли меня смотреть монастырь в небольшой пустыне недалеко от Тбилиси. Мы потеряли дорогу, и все всерьез забеспокоились: даже в небольшой пустыне бывают песчаные бури и можно не выбраться. И тут мы увидели прохожего, русского, немолодого, почему-то в старой гимнастерке и с вещмешком. С простым лицом, как из военного фильма. Он объяснил, как выехать, а в машину не сел. Мои хозяева развеселились, а я оглянулась на нашего проводника: видели бы вы, как он смотрел нам вслед! Нет, не как Экклезиаст, по-своему даже весело, но *понимающе* что-то. То, о чем не было понимания ни в беспокойстве моих хозяев, ни в их успокоении, ни в нашей машине со снедью для пикника, ни в идее ехать в монастырь через пустыню. Что-то вроде того, что «мир-то кончился, а вы еще волнуетесь». Вроде того. И я подумала: да, с этим российским «знанием» что делать на земле, с землей? Но небесно ли это знание? я не уверена. Оно и с небес слетает по касательной. Потому что «небо» — не менее твердая вещь, чем «земля», и их напрасно так противопоставляют, там тоже жители, а не беглецы.

Мне так много хотелось бы Вам рассказать, но устно легче. Я заметила, что не боюсь Вашего слуха, не боюсь наскучить, как большинству людей, «рассказами из жизни», вроде этого солдата. И Ваши рассказы мне так приятно читать. Про пустынь, про «Умелые руки». Они (рассказы) оставляют предметы свободными: вроде где-то близко что-то вроде «морали» — а нет, уходит. Отец Димитрий сказал Вике,²⁵⁰ что ему мои письма приятны: «Она, — говорит, — не называет словами, а как будто проводит словами по вещам, как кистью». Не знаю, правда ли, но такое письмо я и люблю, хотя так точно — двигателью: «проводить» — и жест — не назвала бы. Да, это противоположно магии имени, магическому, властному именованию (чье дурное и сниженное подобие — афоризм). Я *так* рада, что Ольга встретила с отцом Димитрием: это неисчерпаемое даяние, он дает столько, сколько человек может взять, и еще впрок (за годы знакомства я убедилась, как это «впрок», «навырост» потом выявляется)* (*Между прочим, на моей памяти Ольга — первый человек, с кем получилось так, как хочет о. Д. Когда я просила его внимания к кому-нибудь или для себя назначить день и час, он отвечал: «Если нужно, найдете». Видимо, было не нужно, поскольку никто и не пытался искать, поняв такой ответ как отказ.) Вы говорите: раскол: Но эта линия *единства* проходит через/сквозь все бездарные времена, из

249 Укорениться (*франц.*).

250 Вика (Валида) Навериани — подруга О. Седаковой.

рук в руки, очень немногие руки, наверное, и мало знаменитые. Я чувствую это же в Иоанне Павле II, он тоже по-настоящему там, где единство.* (*И в Патриархе Афинагоре²⁵¹ (я читаю беседы с ним Оливье Клемана: когда-то это доходило до меня в самиздате, пер. В. Зелинского²⁵²). Очень утешающая книга.) Он сказал, листая мою гнозисную книгу, в точности те же слова, что о. Димитрий: «Боясь, я не всё пойму». Я чуть не засмеялась от такого повтора. И если это есть, единство как единство с собой, прежде всего, и, как оказывается, тем самым — единство с теми, кто так же един с собой или хотя бы любит это (а я не больше, чем люблю издалека и вовсе не имею в себе), то при чем здесь спор и разногласие? Это тишина вокруг того, о чем не только не спорят, но и не говорят.

Что до катакомб культуры, я давно и спокойно понимаю, что к этой актуальной культуре, публичной, не имею отношения. И зачем мне этот мир, где всерьез обсуждают Эдичку Лимонова,²⁵³ а Бродского считают метафизиком?²⁵⁵ Это высокомерие? После всех моих европейских странствий картина «современной» культуры, точнее, гуманитарного творчества у меня очень определенная. Пустота и холод, но не высокая пустота и не священный тонкий хлад, а заурядность. Viltà,²⁵⁵ назвала это дантовским словом моя итальянская

251 Афинагор I (Аристоклис Спиру; 1886–1972) — архиепископ Константинополя, Патриарх Вселенский. Энтузиаст примирения Восточного и Западного христианства. В 1964 году встретился в Иерусалиме с Папой Римским Павлом VI, в результате чего произошли значительные изменения в отношениях Римской католической и Православной церквей. Можно считать их началом преодоления схизмы, начавшейся в 1054 году.

252 Оливье Клеман. Беседы с Патриархом Афинагором. Пер. с франц. В. Зелинского. Брюссель: Жизнь с Богом, 1993.

253 Эдуард Вениаминович Лимонов (Савенко) (1943) — писатель, поэт, колумнист, политический активист. Деятель неофициальной культуры, в 1973-м эмигрировал из СССР в США. Получил скандальную известность после публикации романа «Это я, Эдичка» (1976). В начале 1990-х вернулся в Россию, основал Национал-большевистскую партию. Основатель и первый редактор газеты «Лимонка». В 1995 году участвовал в оппозиционном движении просоветского левоимперского толка.

254 «Мне кажется, что метафизическое (не в обсужденном выше, а в привычном смысле метафизики) толкование Бродского преувеличено (не говоря уже о попытках обна-

ружить в нем какую-то буддийскую мистику). С английскими метафизиками если что и роднит его, то острое и неотступающее переживание смерти, конечности, распада (барочная травма тления, во всей силе представленная, скажем, в „Надгробном слове самому себе“ Джона Донна, где вся человеческая жизнь, начиная с утробного состояния, представлена как череда смертей). В этом свете действительность, несомненно, выглядит смещенно („вид планеты с Луны“) — но метафизическое ли это смещение (во всяком случае, в традиционном смысле метафизики)? Скорее уж радикально физическое, причем произведенное по законам ньютоновской механической физики (по словам современного британского физика, исходящей из „богословия скупости“: ср., между прочим, размышление Бродского о том, как Некто Великий экономит на нас свои мозговые клетки). Это ее время, пространство, масса, трение, скорость и т. д. оказываются каркасом образности Бродского, перекрывая частности мира, черты лиц, очерки вещей. Мир метафизики в традиционном понимании — совсем другой». — О. Седакова. Иосиф Бродский: воля к форме // Седакова, 2010. Т. 3. С. 500.

255 Трусость, низость (итал.).

подруга. О, клянусь: если где еще и есть жизнь, то в христианских кругах, только там я видела настоящее. Что у Данте противопоставлено *vile: generoso? franco?*²⁵⁶ У нас-то как раз с «реставрацией» Православия заурядность, *viltà* хлынула туда. Надеюсь, ненадолго. Этот процесс напоминает мне попытку из искусства сделать советское искусство: как у Шекспира, но «наше». А это «ихним» не бывает. В «Новом мире» № 10 должна появиться разгромная статья про мою книжку, что это вообще не искусство.²⁵⁷ Я знакома с ее автором, он меня предупредил. *Let them.*²⁵⁸ Не знаю, в природу или еще куда меня вытолкнуло из «культуры». Наверное, Алексей Родионов (я не знаю, кто это) понимает правильно, «небывшее становится бывшим, и бывшее — небывшим», так приблизительно.

[...] Как хорошо для меня знать Вас. Неужели мы не увидимся до Вашей Германии?* (*А для меня у Вас останется Палама?) Я собираюсь оставаться в деревне, сколько можно, до осени.

Я думаю о Вашей жизни, «жительстве» (это в славянском значит: общежитие), люблюсь и желаю Вам во всем помощи и охраны.

Ваша кума

и крестная

О.

P. S. Мне грустно было прочесть последние слова об утрате интереса, несмотря на отрицание при них. Когда-то на лекции по поэтике я показывала слушателям, что отрицание в словесном ряду ничего не значит. Например: «Снег не падал большими хлопьями». Всё. Большие хлопья падают перед нашими глазами. Не дано назвать и не вызвать. В самом деле, я давно заслужила утрату интереса.

Зосимова пустынь, 13.8.1995

Дорогая Ольга Александровна, сначала я подумал, что Ваше о равнине ответ на мое о болоте, но потом сообразил, что Вы это писали 30 июля, а я свое послал 3 августа. Тогда, раз мы думаем об одном, я приободряюсь продолжить свою мысль. Оттого, что первое утреннее настроение от ветра, тумана, свежести, сырости вытесняется как лишнее деловыми заботами (даже дворянская культура была к этому только походя, проезжим образом чутка), оно тем надежнее переливается в характер пространства.

256 Низкий: щедрый? свободный? (итал.).

258 Пусть их (англ.).

257 Николай Славянский (псевдоним Н. В. Внученко). Из полного до дна в глубокое до краев. О стихах Ольги Седаковой // Новый мир. 1995. № 10.

Человек благодаря культуре и технике свободнее от химии и физики окружения чем муравей, но именно поэтому к духовному тону пространства он чутче, и попробуйте скажите что пространство везде однородно. Даже Гачев,²⁵⁹ не то что я, не расшифрует эту тайнопись, и не надо; но спросить, почему деловой замысел переселенца, поселенца (вспоминаю Вас) должен обязательно идти так вразрез с тем, что он чувствует или вернее единственно по-настоящему знает (ведает), об этом стоит спросить. Допустим, мы были в исторической горячке, строили державу, армию, спешно коммунизм. Но наконец проснуться, осмотреться вокруг, как в Венеции и в Голландии отвоевать пространство *у себя самих*, однажды его растоптавших, как Зосима разделить сушь и воды, т.е. почувствовать под ногами то море, которое в нашем например районе под нами и есть, оно только ушло на полметра или метр под почву, прорыть те каналы, которые и лопатой было сделать нетрудно, очистить в других местах реки. Когда-то, скорее всего даже довольно скоро, это всё у нас будет, только сейчас это преобразование надо держать в секрете, чтобы никто не узнал и не сглазил.

О Гаспарове. Его книга мне кажется волшебная, именно тоном, неспособным между прочим ничего сглазить, и главное говорящим невыговариванием. Или даже наивностями и промахами. В толковании мандельштамовского «За то, что я руки твои...»²⁶⁰ только намеренным топтанием вокруг да около, почти ритуальным камланием вокруг святыни, можно объяснить нелепые, прямо сказать, различия, как между «реальными» и «условными» образами стихотворения, словно у поэта есть реальность и потом обстраивание ее символами.²⁶¹ Реальным у поэта мужчины тогда будет скажем «мужская любовная тема», когда «женщина уходит после ночного свидания», «ночь и жар томят его» и т.д., словно Мандельштам Гаспарову станет всё это совестливо переносить «в поэзию» «из жизни», чтобы не оторваться от почвы, или чего? «Губы» тут «реальный план», «дремучий воздух» условный символический, причем не без тонкости, когда один «мрак» расслаивается на реальный в «реальном плане» и условный во «вспомогательном». Кстати, то же несчастное воображение

259 Георгий Дмитриевич Гачев (1929–2008) — филолог, философ, культуролог.

Исследовал «национальные образы мира».

260 М.Л. Гаспаров. «За то, что я руки твои...» — стихотворение с отброшенным ключом // М.Л. Гаспаров. Избранные статьи. С. 212–221.

261 М.Л. Гаспаров, ссылаясь на Б. Ярхо, предлагает различать самостоятельные (основные) и вспомогательные (орнаментальные) образы стихотворения. Для этого нужно:

«сперва установить, что буквальное понимание сказанного поэтом (одушевленный парус и т. д.) в реальной действительности невозможно, и, стало быть, данный образ является не реальным, а условным вспомогательным; а затем определить субстрат, т.е. предположить, какие реальные образы и ситуации могут стоять за этими условными. И то, и другое часто бывает очень сложно». — Там же. С. 214.

«реальности», вокруг которой «искусство», было и у Лотмана,²⁶² боюсь что какая-то дань политике, эпохе, материализму. И вот, я говорю, долго и обстоятельно идет это сухое пересыпание из одного короба в другой, которое конечно Гаспарову нравиться не может самому и явно его дисциплина, самовоздержание — кстати, и когда он спокойно и медицински говорит о «мужском» или однажды о совсем нецензурном, то это опять его странный способ воздержания. И разумеется не что другое как это воздержание, когда он скоморошески будет топтаться на заведомой глупости скорее чем выдаст заветное, и завораживает в разборе. — От «легко обозримой любовно-лирической композиции», даже известна фамилия дамы, актриса и художница О.Н. Арбенина, Мандельштам будто бы ради приглашения читателя к «сотворчеству» переходит к «троянской теме», чисто символическому т.е. плану и сугубо условному, нереальному, нарочно отбрасывая словечко «как», которое было ключом, как надо всё понимать, символически. Дальше у Гаспарова совсем уже скомороший или даже мазохистский выверт: «При первой публикации стихотворения... ему было придано заглавие „Троянский конь“ — то есть у читателя не только отнимался истинный ключ к смыслу стихотворения, но и вручался ложный: прямая подсказка, что основной темой стихотворения следует ощущать не настоящую (!), любовную, а вспомогательную, троянскую».²⁶³ Какую школу самораздавливания, страшную, надо иметь, чтобы вот так, без надобности, круша себя, говорить в угоду времени то, во что никогда сам явно же Гаспаров не верил, что «настоящая» тема это «любовная» в смысле мужская, ночное свидание, томный жар. — Он словно марсианин, который понаслышке или из наблюдений заметил, что у землян вроде бы бывает такая вот любовь как «реальность» и у поэтов тоже. В настоящем своем опыте Гаспаров не может же не знать другое, *неужели он видит себя настолько одним единственным на белом свете?* — Но, я говорю, это всё тоже жесты его крупной игры. Условия игры те, чтобы так до конца и сохранить видимость, будто он Гаспаров честно верит в привлеченность, вторичность, ненастоящность «троянского плана». Обстоятельность выстраивания этого сценария тоже завораживает. Гаспаров говорит, что поэт «шифрует» свою «настоящую тему», но еще тщательнее шифрует сам Гаспаров. Он не выдаст себя до конца разбора, и потом долго после конца разбора всё равно будет говорить, что тексты строятся прилепливанием слова к слову — всё только для того чтобы скрыть главное, свой же тайный огонь, так вот растраченный. Ах не о Мандельштаме, о себе им это сказано и сладострастно повто-

262 Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) — филолог, историк и теоретик литературы, культуролог, основатель Тартуско-московской семиотической школы.

263 М.Л. Гаспаров. Избранные статьи. С. 219.

рено: «...Воочию видно, как постепенно зашифровывал Мандельштам это свое стихотворение, начав от образов.... а затем, от ассоциации к ассоциации, уходя всё дальше и дальше и обрывая одну за другой все связи с исходным (!) текстом». И дальше уже просто формула своего всего метода: «литературная техника герметической поэзии». Ах «мы хотели лишь напомнить о важности различения основного и вспомогательного планов... и о такой отличающей черте вспомогательного плана, как разорванность и несвязность».²⁶⁴ Всё это о себе. — Но именно это чистое скоморошество, этот колдовской танец вокруг дела и минуя его дразнит и манит, очищает глаза, приглашает читать впервые пристально, и самому, без подпорок. — Всё это вместе я назыву добрым скоморошеством, настоящим учительством, тайноводчеством. — Какого у Аверинцева уже правда не стало. — Гаспарова в его сумасшедшем, головокружительном упрямстве заносит крупно, слепо, и прочерчиваемая им схема по признаку силы вдруг начинает совпадать с поэзией, промахнувшись мимо нее — как бы, если можно так сказать, промахом совпадать с ней. Прибавьте любовь к той, с которой разминулся, готовность служить. Ах всё это красиво. — Интересно еще, что Гаспаров в свою схему принимает, что у Мандельштама может быть «троянская (Т) тема», или вообще античная. Это опять личное: античность для Гаспарова вся рисованная, чтобы смотреть со стороны, и отдельная от живого, настоящего, современной поэзии. Это особая и длинная история, когда Гаспаров и знает и описывает, как античность для Мандельштама деревянная как Москва, и всё равно относит ее у него к «условному плану».²⁶⁵ Непоправимо мешает слишком короткое знакомство с античностью: она тогда оказывается невозвратно другая. Наглухо запертая античность как санкция запереться самому: если такая культура ушла — он думает что ушла, — то уйти путь всякой вообще культуры. Здесь мне становится уже грустно, и я опять думаю, что обстоятельствами, временем Гаспаров — или, Вы скажете, его поколение — прочно вытолкнут с воли. «Мы редуцированные»,²⁶⁶ говорил Лосев. Аверинцев в этом отношении уже на воле.

²⁶⁴ Там же. С. 220.

²⁶⁵ «Во-первых, странным кажется нагнетание „деревянных“ образов: деревянные здесь не только конь и стрелы, но и акрополь и стены, без упоминания о дереве не обходится ни одна строфа. Это расходится с традиционным (и в данном случае правильным) представлением об античности как о времени каменных крепостей. Но это, может быть, можно отвести ссылкой на навязчивое представление Мандельштама этих лет о теплой обжитой домашности всего

настоящего „эллинизма“ (статья „О природе слова“)). — Там же. С. 215.

²⁶⁶ Из разговора В. В. Библихина

с А. Ф. Лосевым: «Я живу в моей иррелевантной сфере, никому не мешаю... Мы же люди редуцированные.

— Как?

Как концы слов редуцируются. Мы же не можем делать всего, что хотим. (28.3.1975)».

— В. Библихин. Ужасные вещи // В. Библихин.

Другое начало. С. 173.

3 августа уходя из Университета, получив там пособие на деток, по 50 тыс. в месяц, я встретил Аню Журавлеву,²⁶⁷ после двадцати лет. Она, пополнившая, пожилая (в прошлом году Севе Некрасову²⁶⁸ было 60, сколько ей?), осталась той же чистой идеалистической озабоченной девочкой, ах в немыслимом, непредставимом по-моему больше нигде кроме как в русской литературе служении, одному человеку, таланту, лирическому поэту, как она говорит, жалуясь, что этого не замечают. Сева дважды напечатался, но как-то неудачно, один раз с опечатками, другой малым или, боится Журавлева, даже тайно уничтоженным тиражом. Он сейчас пишет очень сердитые статьи о современном состоянии культуры, которые не печатают.²⁶⁹ В хорошей поездке по Германии он много читал, его вообще перевели на 8 языков, на первый чешский; в Германии же показывали и свою коллекцию, из которой я давно видел, и сейчас хорошо помню, «Паспорт» Рабина.²⁷⁰ Пригов пользуется, продавая и раздавливая направление, Севины вещи 60-х годов. Седакова? не нравится Ане повторение вещей, сказанных в прошлом веке, средствами того века. — Мне понравилось, что за полчаса разговора она ни полсловом не спросила о моих делах, она вся собрана как курица на яйце, Сева собственно высижен ею, в его трудные и безденежные годы она его кормила. Теперь она профессор филологического факультета, читает прошлый век, получает 250 тыс. в месяц или может быть чуть больше, при том что их дворник в кооперативе 280. Ее дед был священник, но как ей не нравятся неофиты, пуристы православные — возможно, это было в мой огород, за «Св. Григория Паламу», но я только слушал. Грустно, что всё, совершенно всё из сказанного, из самой почвы московской филологии, было вполне вычислимо, предсказуемо, и недовольство ситуацией то же. Все реминисценции, и новизна времени для Ани в том, что при виде черных машин во дворе она может не бояться, что приехали к ним или за ними.

Что делать, мне тоже хочется говорить об апостольском послании *Lumen orientale*, но сначала услышать Вас. Цвет для меня *закрыл-*

267 Анна Ивановна Журавлева (1938–2009) — историк русской литературы XIX века, театральный критик. С 1967 года жена Вс. Некрасова. Сотрудник кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ с 1970 года (профессор с 1992-го).

268 Всеволод Николаевич Некрасов (1934–2009) — поэт, критик, литературовед, один из основателей московского концептуализма. Входил в состав «лианозовской школы» поэтов и художников (одного из ранних явлений независимого искусства в СССР). До 1989

года стихи публиковались только за границей и в самиздате. С 60-х годов собирал коллекцию работ неофициальных художников. Литературоведческие работы — в соавторстве с Анной Журавлевой.

269 Статьи Вс. Некрасова схожего тона стали потом появляться в «Русском журнале». См., например: «Художественный беспорядок» (http://old.russ.ru/culture/literature/20040810_vn.html — дата обращения: 20.2.2018).

270 Вс. Некрасов устраивал выставки своей коллекции в Бохуме и Бремене в 1992 году.

ся а не открылся после двух месяцев говорения о нем, стал как неведомое живое существо в подаренной мне коробке, «черном ящике».²⁷¹ Природа черный ящик, внутри которого свет и цвет, загадочные вещи. Опять я жду Вашего о Рембрандте; как «Похвала поэзии» путеводитель по заманчивым неведомым вещам, так будет и это. О Риме как центре. Продумайте вот какой неожиданный ряд: Греция была с самого начала до конца провинцией не хуже Германии, и центральность Рима не связана ли как-то с его государственностью, просвеченностью мира дорогами, опережающей простотой формул, всеми этими крайне заразительными вещами? А Греция и Германия не заразительны, они просто зараза.

Спора для меня не существует, как для Вас, ни честного ни какого. Другое дело, что кого со мной спорит или меня не принимает я буду ценить больше чем согласного, и опять же никогда не поверю что мне удалось попасть в точку или другой инициирован куда мне доступа нет — *вовсе не потому что думаю что мне всё доступно*, а потому что знаю, не совсем просто понаслышке, что начинает происходить, какое возвращение к гераклитовскому *общему*, на первых же ступеньках всякой настоящей инициации. Загадка, что мы разные; и никакого обмена валют здесь не придумают, зря тратить силы. Истина тогда будет существовать в несоизмеримости, и кто ломает голову над квадратурой круга, лучше бы нашел себе занятие такое же ламанчское, но не такое пустое.

Вы затрудняетесь писать, Вам кажется что «того не стоит» потому, что Вы видели написанным, пишущимся Вашей рукой и не совсем Вашей то, что «стоит» (или с обоими ударениями); воспоминание делает второсортным всё что Вы пишете бегло, от себя. У меня нет того опыта первичного писания («первичного автора», Бахтин?²⁷²), тот опыт всегда срывался, был как бы с самого начала обгорелый, сбитый, поэтому беглое писание для меня наоборот как переход от того что не стоит по крайней мере к тому что хоть не-

271 Цвет был темой последних лекций курса о Л. Витгенштейне 1995 года. На их основе В. Библихин написал статью «К цвету» (сб. ст. «ПОЛУТРОПОН» к 70-летию В. Н. Топорова. М.: Индрик, 1998).

272 «Проблема „образа автора“. Первичный (не созданный) и вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором). <...> Когда мы стараемся образно представить себе первичного автора, то мы сами создаем его образ, т.е. сами становимся первичным автором этого образа. Создающий образ (т.е. первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ. Слово первичного автора

не может быть собственным словом; оно нуждается в освящении чем-то высшим и безличным (научными аргументами, экспериментом, объективными данными, вдохновением, наитием, властью и т.п.). <...> Поэтому первичный автор облачается в молчание». — М. М. Бахтин. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов // М. М. Бахтин. Собрание сочинений: В 7 тт. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. С. 412.

множечко чуточку стóбит. Т.е. я собственно не пишу а говорю, и все что печаталось до сих пор это тоже наговоренное, потому что когда я пишу для университета, я как бы уже говорю, а потом в аудитории читаю как чужое. У меня есть и вещи по-настоящему написанные, их немного, и насколько я спокоен давать наговоренное в печать, настолько я сдерживаюсь и боюсь в отношении того написанного. Может ли быть, что Вы не записываете просто всего что думаете от давно въевшейся цензуры? С другой стороны, в норме всё что Вы говорите должно было бы записываться другими, как и всё что Вы делаете, театр Вашего поведения. Я записываю как могу то что Вы говорите, возможно так же делают другие или все, и тогда Ваше «затрудняюсь писать» опять оказывается правильным. С другой стороны у нас не Париж и не те «коммуникации», как знает Кирилл Великанов. На равнине всё не гладко и не ровно.

Появление Вашего письма для нас с Ольгой событие из тех, какие мы в последнее время единственно только и ценим, а скажем приглашение Фрейбургской католической академии скорее досада, я знаю Людвиг Венцлера, мне не нравится расходовать деньги немецких католических налогоплательщиков. Слава Богу для меня есть деньги и в Москве, а во Фрейбурге в это время будет Федье, в конце сентября. Ах грустно и ненужно всё что «реальность». У деток я не вижу к моему счастью и намека на реальность, отношение к ней сразу превращается в гимн, как у Вашей племянницы Гели. Поклон ей, и Даше, и Нине Васильевне, которую мы очень хорошо помним, около пончиков и парка культуры. [...] — Как многие вещи грустны, как растревляет нищета письма, но и крошку подберешь в русской скудости, в надежде на почту.

Скандинавские облака, которые только что, уже четвертое утро подряд, снова заслонили яркое утреннее солнце, очень скоро, возможно те же самые, будут над Вашими местами. Всего Вам доброго.

В.Б.

24.8.1995

Дорогой Владимир Вениаминович,
опять мне в подарок почтальон (то есть, пастух из соседней деревни) принес Ваш издаleine узнаваемый конверт. Больше никто в нашей Азаровке почты не получает. Мне как всегда на всё хочется отвечать — и прежде всего, благодарностью. Мне так дорого Ваше внимание и то, что Вы дарите мне возможность встречаться с Вашей мыслью.

Вы знаете, неделю назад я написала М.Л. Гаспарову как раз про шифровку у ОМ — и уже получила ответ. Он, МЛ, пишет, что *снаружи* иначе как шифровкой эту метаморфозу текста описать нельзя — а я, говоря об углублении в тему, о погружении в другое, сновиденческое или виденческое сознание в поисках ее (темы) реального смысла, говорю о том же, но изнутри; это гносеология, а его описание — поэтика. Мне не кажется, что это различие такой природы. Идея «шифровки» тоже гносеология, или психология, которую Вы так пластично описали. И я совершенно согласна с Вами: в этих промахах есть какое-то величие, они похожи на поэзию! Об этом я тоже говорила МЛ — на первых Пастернаковских чтениях. Они тонули в бесформенных мыслях «о высоком», я бы сказала, постыдно неталантливых и распушенных. И доклад МЛ, эпатирующе формальный (о версификационных моделях «Сестры моей жизни»),²⁷³ был единственно созвучным цитатам из Пастернака, которые в других речах звучали как землетрясение среди пейзажа. В письме МЛ есть это,

на разрыв аорты
С кошачьей головой во рту.²⁷⁴

Или же, из Пастернака

подобно Этне
В предгорье трусов и трусих.²⁷⁵

И это обладает поучительной силой, это что-то обезвреживает, а не только «не сглазит», как Вы заметили. Это героическое утаивание напоминает о насущной прямоте, без которой всё размазывается в посредственность. Другой путь целомудрия, но тоже лично оплаченный, как открытость лирика. МЛ очень много для меня значит; в прежние годы он был для меня тем, чем позже стал отец Дмитрий, «голосом совести», говоря языком прошлого века. И я счастлива, что он (МЛ) оказал мне также доверие, что был взыскателен (я видела, как он спускает многим любой вздор) и много раз ставил на вид разные погрешности. Я знаю, что при предъявляемой им марсианской позиции он прекрасно знает, как всё на самом деле, причем с проницательностью духовного человека (в терминологическом смысле, то есть, страстотерпца, стилита²⁷⁶ или в этом роде), того, кто

273 М.Л. Гаспаров. Семантика метра у раннего Пастернака // Пастернаковские чтения. Вып. 1 (сб. статей). М.: Наследие, 1992. С. 84–91 (то же: Вестник АН СССР, серия литературы и языка. Т. 47. 1988. № 2. С. 142–149).

274 О. Мандельштам. «За Паганини длиннопалым...» // Мандельштам, 1993/4. Т. 3. С. 86.

275 Б. Пастернак. Смерть поэта // Пастернак, 1989. Т. 1. С. 390.

276 Стилит (греч.) — столпник.

по-настоящему воевал с собой. На этом месте Ваш Розанов должен возмутиться? Мне кажется, его (МЛ) ждет такая же Встреча, как Симеона,²⁷⁷ я даже вижу ее в рембрандтовском исполнении (Вы знаете, что последняя незаконченная живописная работа Рембрандта — «Сретение»?). Я люблю величие, что делать.

Мне нравится глубоких ран
кровь, украшающая ласку.²⁷⁸

Может быть, как раз *ласки* в сочинениях МЛ не слишком много, флагеллянтство преобладает. О. Димитрий как-то говорил, что воздержание нарушается в обе стороны: невоздержание от дурного — и воздержание от хорошего, которого люди обычно не замечают и в вину себе не ставят. Вот, наверное, из второго рода воздержания, допущения себя до хорошего, и возникает ласка. Нет, я не только верю в возможность посвященности, но просто видела посвященных людей. И в какой-то мере очень, очень многие люди посвящены (вообще-то говоря, все). Просто мы удаляемся от собственной посвященности, нам кажется удобнее о ней не вспоминать — почему-то. Может быть, потому, что представляется, что, если принять ее, то, что начнется, будет уже не жизнь, а смерть. Может быть, об этом Вы и говорите, когда пишете о том, «что начинает происходить на первых же ступенях всякой настоящей инициации»?

На Преображение я была в Поленове у Великановых. 4 года назад (они еще были тогда французскими гражданами) какие это были дни! Мы были счастливы в самом деле, как будто тюрьма рухнула — или как в тогдашнем послании Патриарха, бесноватый успокоился, а свиное стадо рухнуло в море. [...] Ах, конца не случилось. Ваши слова, начинающие письмо, о секретном преображении — мне тоже это приходит в голову, и я счастлива такому совпадению. На виду, конечно, всё другое, новая форма той же агонии, и всё и все (или большинство) кажутся часто заживо отжившими, и не только былые, вроде Севы Некрасова, но и самые новые, как «новые русские» — явно не жильцы. И скандальный образ, который принимает массовое благочестие. А оттуда ждали правды и жизни, из Церкви, согласитесь, что ждали. На Западе (*Lumen orientale*) до сих пор ждут, а мои соседи по деревне, бывшее партначальство, а теперь столпы благочестия, говорят, что Папа — главный слуга сатаны. Кто разделит это болото на твердь и воды? Веничка предлагал другой, не ирригационный план: выжечь всё — и начать с пепелища. Но и такое здесь уже бывало.

277 Имеется в виду Симеон-богоприимец.
Как ни удивительно, это предчувствие исполнилось. (ОС)

278 «Раненый Тристан плывет в лодке» из
книги О. Седаковой «Тристан и Изольда»
(Седакова, 2010. Т. 1. С. 162).

Что до «исходного», «зашифрованного» смысла, до «реальности» — разве не к поискам того же сводится всё традиционное пушкиноведение (и ахматовское, в том числе), и все другие персональные разыскания? (да и сам Гёте не так ли разделял *Dichtung und Wahrheit*?²⁷⁹) Когда Элиот пишет, что поэзия выражает «опыты, которые не являются опытами для практической личности»,²⁸⁰ или Валери, что она — «развернутое в слове междометие»,²⁸¹ кто им поверит? что она — не пиво, а нектар богов, не египетские котлы, а манна пустынная? Нет, всё это только вторичные, «вспомогательные» образы. А первичные — «как у нас». Я не думаю, что идея «реальности» и ее «шифровки» — дань официальной доктрине. Сама эта доктрина (за вычетом совсем безумного революционного пафоса) не столько формировала, сколько отражала то чувство жизни, которое куда старше ее. Я это со всей ясностью понял, когда читала подряд к экзамену тексты Маркса и особенно Энгельса. Это не доктрина, а рационализация посредственности, которая обходится и без специального «научного метода» в виде истмата и диамата. Так обычно чувствует «нормальный» человек — это безысходным ужасом исполнило меня при чтении то ли Диалектики природы, то ли Происхождения семьи.²⁸² Так чувствует и «анти-идеологический» постмодернизм. В «тьме низких истин», и это и есть «реальность». Остальное — возвышающий обман, сублимация, надстройка и т.п. Выговаривая циническое, чувствуют себя *честными*, «беспощадно честными» — или освободившимися от «репрессивных норм». О, какая скука эта честность и эта освобожденность — и какие они однообразные. Может быть, это подростковый шок от встречи с расколдованным миром? после начального волшебства. В материализме есть большая обиженность, что-то вроде мести. «Что есть истина?» — и вышел.

279 «Dichtung und Wahrheit» — «Поэзия и правда», автобиография И. В. Гёте.

280 «(...) это концентрация, и новая вещь возникает из концентрации опытов, которые для активной и практической личности вообще не покажутся опытами». — Т. С. Элиот. Традиция и индивидуальный талант // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986. С. 482.

281 «Поэзия есть попытка представить либо восстановить средствами артикулированной речи то *единое* или же *многое*, которое смутно сияется выразить крики, слезы, ласки, поцелуи, вздохи и т.д. и которое, очевидно, стремятся выразить предметы, поскольку

им присуща видимость жизни или скрытой целенаправленности. (...) Лирика есть развернутое восклицание». — П. Валери. Из тетрадей // П. Валери. Об искусстве. М.: Искусство, 1976. С. 114–115.

282 Работы Ф. Энгельса «Диалектика природы» (1872–1882, 1886) и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) — входили в обязательное чтение по «диамату» и «истмату», то есть диалектическому и историческому материализму, которые должны были изучать все студенты и аспиранты в СССР.

Общее лето у нас кончается, Гелю с Дашей увозят, Великановы переезжают в Москву, и мне очень хотелось бы провести здесь пустынный сентябрь. У меня нет никаких замыслов на эту зиму, не знаю, что делать в Университете и вообще. Путешествий, кажется, не предвидится.

Поздравляю Вас и Ольгу с Успением, очень хочется повидаться с крестниками и Ромой. Поцелуйте их, пожалуйста.

P.S. Да, я внимательно прочла стихи Папы.²⁸⁴ Они в духе Аверинцева, называют и размышляют, а не являют. Главное ощущение от личности автора — *воля* — и знаете ли? какая-то надломленность (это из формы), героически преодолевается надломленность. В стихах Аверинцева ее нет, они не доходят до того места, где человек испытывается на надлом, они в благополучном пространстве. Не странно ли, что это место испытания проходят такие безответственные люди, как Моцарт, а великие духовные мужи выходят с увечьем? Наверняка я слишком много на себя беру, так рассуждая и оценивая. Но форма мне очень много говорит, больше, чем я бы хотела. Мне кажется, по форме я узнаю об авторе всё — но узнаю в виде междометия, которое не хочется превращать в членораздельную речь. Но при желании это междометие можно распутать вплоть до медицинских диагнозов.

Да, вспоминая Рим и его центральность. Нет, она не в пресловутом рационализме, легализме, дорожной сети — скажу, как непосредственный ее зритель. Она таинственна, не меньше, чем Греция и Германия, и не человеком построена, она явно спустилась с небес, как апостольская слава. Если у меня было предубеждение до встречи, то как раз «от Греции». Но стоит увидеть его темно-рыжие стены... или посмотреть с Авентина, из апельсиновой рощи у св. Сабины... или вечером с Эскуриала... слов нет. То, что Рим сообщает, — не волнение (как Греция или Германия), а покой, идущий далеко в будущее, в *saecula saeculorum*. Так я запомнила, во всяком случае.

Еще раз прощаюсь,

Ваша

О.

Поклон Вам от тети Нины и от Даши с Гелей.

283 А. Ахматова. «Вместо мудрости — опытность, пресное...» // А. Ахматова. Собрание сочинений: В 6 тт. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 1. С. 145.

284 О. Сетакова читала в оригинале, польски. Русский перевод: Кароль Войтыла. Кримта. Избранная поэзия. 1939–1978. Составление, пер. с польского А. Базилевского. Предисловие С. Аверинцева. М.: Вахазар, 1994.

Дорогая Ольга Александровна, настоящие вещи проходят так уверенно, что в них вмешаться невозможно. Радость, жест, задумчивость, углубление, покой — всё то, что только и сообщается в поэзии или в слово поверх и помимо слова, — и, главное, освящение умеют сами себе найти вход где им надо и как им надо («большая вещь сама себе приют»²⁸⁵), и неумелой человеческой сообразительности тогда лучше хоть и совсем не поднимать голову и терпеливо ждать, когда и ей в свою очередь будет отпущена грация. — Наш летний дом был одно до Вашего приезда и стал другое после; как и «Азаровка», мифическая невидимая, создана и держится Вашим взглядом, и у меня было и остается (потому что «Азаровка» западает в восприятие пространства как место всегда близкое) ощущение, что я видел не дом, иву, лощину и гору, а Ваш постоянный взгляд из него на них. Как и машина освящена Вашим задумчивым странным принятием ее сползающей по скользкой дорожке, так что Вам не надо было бы к ней и притрагиваться, она была поднята наверх Вашим удивленным запоминанием, которое кроме того еще передалось нам и тоже осталось навсегда вместе с теплым мокрым вечером и туманом. — Всю дорогу в тумане мы и ехали, и она стала как бы существом, протяженным и собранным одновременно. — Я верю что и детки тоже [...] впитывали что-то, что возвратится, странно сказать, даже и не обязательно в их жизни. Какие-то звенья в цепи поколений имеют право оставаться неразвернутыми. Или, как мы говорим с Ольгой, человек имеет право быть посредственностью. Другое дело что надо дать ему что можешь. Хотя и тут как сказать. Совсем маленькая девочка, которую средневосточная мама таскает невымытую по душному метро, мирная висит у нее за плечами, словно так всегда и надо. Другая, Володикиного возраста, с детской деловитостью протягивает сидящим вязаный башлык ведерком, никто ничего туда не кладет. Я достаю 500 (5 копеек), она подходит, отходит, смотрит, улыбается как все дети, и может быть у нее навсегда останется сложное, родственное отношение к этому народу, уже не совсем чужому. Однозначно плохо только когда в часы восприимчивости, воображения она должна будет вяло томиться в несвежем углу, вагона или чего-нибудь. Или останется недокормленной, как детки двое нашего двора, которых Ольга когда-то (Вы помните) брала на несколько дней к нам жить и теперь почти каждый день угощает — они едят медленно, старательно, [...] порядливей наших и всегда всё съедают до конца [...]. Их мама пришла из ИТЛ и родила [...] четвертого Максима, при том

что третья, Маша, после года в «доме ребенка» взята какой-то семьей оттуда. Эти двое боятся идти домой со двора, где они от утра до поздней темноты [...]. — Я беру их в лес с нашими; добрая Катя [...] прыгает от радости на мосту, когда в сумерках подкатывает электричка; совсем тощий Коля, когда я показываю, как солнце под нами перейдет за ночь с запада на восток, прислоняется к земле и всерьез уверяет, что сквозь нее видит просвечивающее солнце [...]. Опять, и с этим опытом жизнь; непоправимое происходит, когда месяцами зимой они томятся в пыльной комнате или когда такого ребенка забивают в школе, считается что дети, я уверен что учителя.

Но я еду в Германию (туда 22-го, оттуда 29-го, хотя приглашен на месяц; и на свои деньги, хотя они предлагают дать на всё), где мне будет остро стыдно за мою и нашу неухоженность, где дети только что не перекормлены и не переобучены — и что? уверена та Европа, что она на более правильном пути чем русские или цыгане? Правда, я пишу на немецкой машинке по финской бумаге, греческими буквами в романтическом стиле под римско-юридической защитой внутри того, что пытается быть англо-саксонской демократией — но в целом трехтысячелетнее предприятие Европы ведь если не останется навсегда, а вот уж это будет чудом почище европейского, то будет провалом, до которого далеко всем бывшим цивилизациям. И независимо даже от этого всего, вилами писаного конечно еще на воде, уже сейчас я душой с немереной водой наших ванн и с моим систематическим безбилетным проездом на трамвае троллейбусе в электричке метро (тоже), а не с 6 марками за одноразовый душ и жесткой невозможностью «шварцфорта» в немецком ЭС-бане; я хоть и делаю вид что как все получаю свои доллары в сияющем электронном «Диалог-банке», но вдруг улыбаюсь понимающе охраннику с автоматом и спрашиваю, кто всё это устроил, наши или западные, и с него маска спадает, куда-то девается, мы оба деревенские. — Кстати, посмотрите место из архитектора, который мне показался хорошим, похожее на то, что мы говорили о деревянной цивилизации и современных диких замках. — Ах я и рад бы искренно и по-честному признать, что путь у человечества только один, не тот, что упирается в ссылку, тюрьму, голод и психушку, но ведь и Федье, который, к моей радости и спасению, во Франкфурте или где-нибудь меня скорее всего встретит на своей роскошной Ксантии, которую очень любит, тоже смотрит подозрительно на Запад. Сейчас он переводит Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны»²⁸⁶ и попадает, как и немецкий переводчик, в обличительную сатиру. Я попробую ему объяснить, в чем дело: у Мандельштама звучит неотвратимо, непоправимо, как

286 О. Мандельштам. «Мы живем, под собою не чуя страны...» // Мандельштам, 1993/4. Т. 3. С. 74.

сам язык, и здесь не обличитель зла, а два равных, даже еще владеющий словом не сильнее ли того в Кремле. Федье говорит, что *le texte de Sedakova commence à m'intéresser furieusement*,²⁸⁷ и я ему повезу большой кусок моего подстрочника (Ольга перепечатала всё на машинке с большим интервалом, я вписываю между строк). — 20 сентября у Зенкина в НЛО «круглый стол» «Философия филологии»,²⁸⁸ объявлены присутствующими Аронсон,²⁸⁹ Гаспаров, Мильчина²⁹⁰ — я просил меня в объявлении не писать. Вас Зенкин хотел бы пригласить, но знает что Вы едва ли захотите — а вдруг? Зенкин смущается, что до сих пор не напечатал Ваше интервью.²⁹¹ Боюсь, пока этот журнал идет вслепую, но он попал на такое богатое в России место.

Всего Вам доброго в «Азаровке»; поклон Нине Васильевне; нам очень бы хотелось подъехать к Вам, не лишайте нас этого шанса. Может быть не сразу со всеми детьми.

Ни на что из Ваших длинных, драгоценных писем я намеренно не отвечаю. Кроме одного. Когда я говорю, что непохоже что потеряю к кому-то интерес, то значит возможность потери уже была и значит больше никогда не будет.

Ваши Владимир и Ольга

Яуза, 20.9.1995

Дорогая Ольга Александровна,
с Рождеством Богородицы! — Я сегодня был на «круглом столе» «Философия и филология» в НЛО, безусловно лидировал Михаил Леонovich, которого все единодушно чтили как мировую знаменитость, но неожиданно вдруг фамильярно трепали, задевали. По бестолковости всё казалось безнадежным, но Ирина Прохорова,²⁹² главный редактор, Сергей Ник. Зенкин и Вера Арк. Мильчина здраво оттесняют совсем уж несусветную ерунду, и, конечно, держат профессиональный филологически-литературоведческий уровень, насколько сегодня возможно. Что такое «филологическая концепция слова»,

287 «Текст Седаковой начинает меня страстно интересовать» (*франц.*). Обсуждается перевод на французский «Похвалы поэзии» О. Седаковой.

288 Материалы круглого стола «Философия филологии» // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 45–93.

289 Олег Владимирович Аронсон (1964) — философ, теоретик кино.

290 Вера Аркадьевна Мильчина (1953) — филолог, исследователь французской культуры, переводчик с французского.

291 «Чтобы речь стала твоей речью», Ольга Седакова беседует с Валентиной Полухиной // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 318–354. Публикация этого интервью откладывалась из-за долгих споров в редакции.

292 Ирина Дмитриевна Прохорова (1956) — российский литературовед, создатель и главный редактор журнала «Новое литературное обозрение» (1992), глава одноименного издательского дома.

спросил сразу Гаспаров. Зенкин: она в кризисе, как вся филология. Гаспаров: у меня не концепция а вопрос. Зенкин: нельзя дать общепринятого ответа. Гаспаров: хоть ваше. Зенкин: предмет филологии слово сакральное, выделенное из профанной массы текстов. Гаспаров: это гипербола. Зенкин: может быть даже ошибка. Мильчина: мы филологи и философы делимся надвое, разговор неизбежно перейдет на личности; человек традиционных взглядов, я сравню философов с лириками. Деррида выплескивает свои ощущения; и в пост-модерне есть капризность, когда как ребенку все цветы надоели и хочется разобрать будильник. Литературоведение скорее как роман. Гаспаров: драма. Мильчина: во всяком случае, в филологии есть обстоятельность изложения; в газете 1837 года нет повышенной ценности, но изучать ее нужно. Гаспаров: а всё нужное это и есть большая ценность. Сергей Козлов:²⁹³ всё начинается с удивления, и филология с того, что она есть, и великая; вообразите, какую была бы наша ситуация, не будь у нас Гаспарова. Что происходит, кризис филологии или филологов? Надо отличать строгую филологию, которая не больше чем подбор параллельных мест, и их интерпретацию, так по крайней мере у Гаспарова. Была идея вообще печатать только параллели без концепций, «скоропортящегося продукта», по Лотману.²⁹⁴ И Топоров советует набраться выдержки и уметь обходиться без интерпретации. Кризиса филологии нет, но интерпретация в кризисе вместе с идеологией вообще, филология теряет роль ведущего дискурса, конец эпохи Лотмана. Но главное, метод параллелей и точной справки, у филологии не отнять. Подорога:²⁹⁵ философия тоже в кризисе, разрушение и там. Что-то произошло с текстами, снова нужда в связи с реальностью. Надо вернуться к чтению; интерпретатор профессиональный киллер, убивает всякое удовольствие от текста. Подорога еще долго пресно фантазировал на эту тему. Гаспаров: правильно ли я понял, что чтение это индивидуальный акт переживания, знакомый каждому человеку, и это хорошо, а интерпретация попытка сообщить о своем переживании другому, и это большая гадость? чтение есть перевод текста на язык моего внутреннего мира, и это хорошо? Подо-

293 Сергей Леонидович Козлов — российский филолог, исследователь французской культуры и литературы, истории гуманитарных наук Нового времени. В 1995 году редактор отдела теории «НЛО».

294 «Схематизм иногда достоинство, а не недостаток. Однако жесткое следование биографа своей концепции опасно: концепции — скоропортящийся материал. Они быстро стареют». — Ю. Лотман. Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 236.

295 Валерий Александрович Подорога (1946) — российский философ, создатель «аналитической антропологии». Глава лаборатории постклассических исследований ИФ РАН (1987), с 1997 года — сектора аналитической антропологии.

рога: чтение — вхождение в мир произведения. Гаспаров: вы уверены, что входите в мир произведения? вы, философ, входите, а филолог втаскивает его в свой внутренний мир? Подорога: вы, величайший филолог, тоже переживаете. Гаспаров: но своими переживаниями я не поделюсь ни с кем! начиная говорить, я занимаюсь такими же вещами, как $2 \times 2 = 4$. И когда я читаю, то натываюсь не на правила, а на слова, одни из которых более, другие менее понятны. Подорога: из моего долгого чтения Достоевского я сделал один простой вывод, в его мире запрещено касание; тема касания, поверхности, телесного меня занимает. Козлов: у тебя, Валера, магия. Гаспаров: ботаник не ставит вопрос об удовольствии от цветка. Филолог читает тексты, да, но дает себе и другим понять не *что* он чувствует, а *почему* он чувствует. А так — все тексты имеют один общий знаменатель, тот, что мы их читаем почему-то. Почему знание, что я читаю пятистопный ямб, должно убить всякое удовольствие от текста. — На перерыве Гаспаров говорил мне о цвете у Белого, об исследованиях цвета в античной литературе. Он вспомнил о Вашем внимании к цвету, «и у Седаковой, которую я люблю, хотя знаю мало». Совсем уж бессмысленная девица О. пристала к Гаспарову со своими потоками сознания из последнего читанного о Канте и Гуссерле, и Гаспаров старательно и упорно спрашивал ее буквально о каждом ляпсусе, «что такое ситуация с временем», «должен ли я уметь действительно воссоздать кантовскую мысль даже в отношении предметов, Кантом не рассматривавшихся», и т.д. Вообще было больно видеть, как он вслушивается в бессмыслицу и добивается отчета от людей, которым важно одно, говорить в течение остатка их жизни, что они полемизировали с Гаспаровым. [...]

Гаспаров: Мой текст написан в ответ на листочек с тезисами. Прошу прощения у Веры Аркадьевны; буду во многом ее повторять.

(Боже мой! я забыл сказать, что позавчера умер Александр Викторович Михайлов;²⁹⁶ только сегодня мне об этом сказала О., и почему-то именно с позавчера я много говорил о его болезни с Хоружим, Ахутиным, Ольгой, с Нестеровой.²⁹⁷ Последний раз я говорил с Михайловым по телефону год назад, и он поразил меня тогда мягкостью и любезностью. Я надеялся встретить его на самолете во Фрейбурге, из всех ожидаемых там русских он был бы мне единственным

296 Александр Викторович Михайлов (1938–1995) — филолог, специалист по истории немецкой литературы и гуманитарной науки; культуролог, переводчик с немецкого. Создатель своеобразного сплава исторической поэтики и герменевтики. Знарок классической музыки. С. Аверинцев считал его своим учителем. Михайлов умер 18 сентября 1995 года.

297 Ольга Нестерова — филолог-классик, специалист по античной и средневековой философии.

симпатичным... И еще я забыл сказать, что на том же перерыве Гаспаров надписал мне свою новую книгу «Занимательная Греция»: ²⁹⁸ «Дорогого Владимира В. за неожиданное внимание к этой книжечке искренне благодарит сочинитель». Его рецензия внутренняя в «Лит. энц.» на мою «Литургическую поэзию» ²⁹⁹ начиналась словами «Неожиданно хорошая статья...». Я сказал ему, как хорош его сборник статей, чистое различение переживания и «2 × 2», толкающее, посылающие чистыми открытыми глазами читать вещи. И было видно, что он так сам хочет. «А вот здесь думают иначе...»)

Гаспаров (продолжение): я старый бурбон викторианец. Филология наука, а философия и наука вещи взаимодополнительные, но совсем разные; философия творчество, преобразующее свой объект, цель научного исследования оставить предмет как он есть. Филология разъедает философию в истории философии; философия разъедает филологию, как и вообще всякую науку. Садомазохистский клубок. Говорят, что филология особенная наука? По Аверинцеву, что он часто говорит, имеющая особо интимное отношение к предмету? Но ведь нет, не так; если хотите, зоолог относится к лягушкам и червякам интимнее чем мы; так же филолог к Данте и Дельвигу, не более того. Толща взаимонепонимания неустранима. «Диалог»? И тоже нет. Есть ли диалог между минералогом и его камнем. Неверно, что филология о «мертвых» языках. Она о чужих языках, и мы всё более готовы понять теперь, что всякое слово по существу чужое. Современные темпы развития делают службу понимания, филологическую интерпретативную, всё важнее. Комментарий должен начинаться с простого: «в этой вот системе красивым считается то-то». Прежде всего надо правильно понять слово; в таком-то жанре, стиле и т. д. это вот слово значит то-то, вернее с такой-то вероятностью значит. Вероятность устанавливаем, подсчитываем. С чего началась расшифровка иероглифов Шампольоном, ³⁰⁰ с подсчитывания, сопоставления сочетаний. Но ведь и современная культура на 3/4 чужая для нас. Фундамент науки филологии остается и в отношении современной культуры тем же. Ах сделано мало; стыдно говорить, сколько у нас словарей индивидуальных языков писателей. Развитие филологической концепции слова еще и не начиналось. Наше дело охрана памятников старины. Литературная критика может пребывать в за-

298 М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция.

Рассказы о древнегреческой культуре. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина; Новое литературное обозрение, 1995. Научно-популярная книга, предназначенная автором для школьников.

299 В. Библихин имеет в виду свою статью «Тропарь» в «Краткой литературной энциклопедии» (Т. 9. М.: Сов. Энцикл., 1978. С. 734).

300 Жак-Франсуа Шампольон (1790–1832) — французский востоковед, основатель египтологии. Расшифровал надпись на Розеттском камне (196 год до н. э.), положив начало чтению египетских иероглифов.

душевном альянсе с философией, но наука занята строгим различением евклидова пространства от другого. — В самоутверждении нуждается только то, что не требует утверждения. Пусть философия и филология занимаются самопоеданием, лишь бы это не отвлекало их от дела; их дело разное, творчество усложняет мир, наука упрощает. *Творчество деформирует свой объект.* Рыклин:³⁰¹ а я вот читаю текст Леви-Стросса³⁰² как эротический, «Мифологические»,³⁰³ знаете вы эту книгу? Гаспаров: любой текст, и научный, может быть прочитан как эротический. На деструктивистских текстах я учиться не могу. Рыклин: а пост-структурализм, если вам этот термин более понятен чем постмодернизм? Гаспаров: Пост-структурализм, пост-модернизм это чисто временные рамки. Определите качественные особенности. Рыклин не сумел, он процитировал место в НЛО, где Гаспаров называет себя эпигоном Ярхо.³⁰⁴ Гаспаров: Да, так себя называю.³⁰⁵ Дань философии? Нет, я не отдал дань философии. Если она у меня присутствует, то на вне-сознательном уровне, не больше. Надо охранять памятники, а не чей-то метод. Методов мне не жалко. Рыклин: вы знаете Фейерабенда?³⁰⁶ Гаспаров: я викторианский позитивист. Андрей Зорин:³⁰⁷ мы точно по Ленину не знаем чего мы хотим, мастера культуры.³⁰⁸ Философия ведет всё время арьергардный бой с то-

301 Михаил Кузьмич Рыклин (1948) — российский и германский философ, культуролог. Переводчик К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ж. Делёза.

302 Клод Леви-Стросс (1908–2009) — французский этнолог, социолог, культуролог, этнограф, изучавший индейские племена Южной Америки; исследователь мифологий и архаических систем родства; создатель структурной антропологии. Один из крупнейших представителей структурализма.

303 *Claude Lévi-Strauss. Mythologiques.* — К. Леви-Стросс. Мифологии: В 4 тт.: *Le Cru et le cuit* (1964, рус. пер. Сырое и приготовленное, 2000); *Du miel aux cendres* (1966, рус. пер. От мёда к пеплу, 2000); *L'Origine des manières de table* (1968, рус. пер. Происхождение застольных обычаев, 2000); *L'Homme nu* (1971, рус. пер. Человек голый, 2007).

304 Борис Исаакович Ярхо (1889–1942) — российский филолог, историк средневековой литературы, стиховед, теоретик литературы, переводчик. Полагал, что литературоведение должно стать точной наукой, основанной на формализации различных параметров текста и их количественном анализе. М. Гаспаров вернул идеи Ярхо в научный оборот и обращался к ним во многих своих работах. См.: М. Л. Гаспаров. Работы Б. И. Ярхо по теории литературы // Семиотика. № 4. Тарту: изд. ТГУ, 1969.

305 «Много лет спустя я обидел однажды Н. Брагинскую, предположив, будто она сама себя отождествляет с О. М. Фрейденом, которую она издавала. Она написала в ответ, что и я также отождествляю себя с Ярхо. Я ответил: „Нет, мое к нему отношение проще: я — его эпигон, и вся моя забота — в том, чтобы не скомпрометировать свой образец“». — М. Л. Гаспаров. Взгляд из угла // Ю. М. Лотман и московско-тартуская семиотика (сб.). М.: Гнозис, 1994. С. 300.

306 Пол Карл Фейерабенд (1924–1994) — философ и методолог науки, создатель концепции «эпистемологического анархизма». Оспаривал существование универсального научного метода: различение научного и ненаучного опирается на традицию и может замедлить прогресс науки.

307 Андрей Леонидович Зорин (1956) — российский филолог, историк русской культуры. Автор книги о русской поэзии «Кормя двуглавого орла», по поводу которой В. Библихин написал статью «Кормя Зевесова орла».

308 «С кем вы, мастера культуры?» — статья М. Горького (1932).

талитаризмом, мы ничего другого не умеем. Проявление совкового мышления — обличение в совковом мышлении. Последним говорил я: мне попался немецкий перевод известной вещи Мандельштама, его филологической компетентности я могу только завидовать:

Und wir leben, doch die Füße, sie spüren keinen Grund,
Auf zehn Schritt nicht mehr hörbar, was er spricht, unser Mund,
Nur zu hören vom Bergmenschen im Kreml, dem Knechter,
Vom Verderber der Seelen und Bauernabschlächter.³⁰⁹

Эта вещь, названная эпиграммой, по-немецки сатира, горькая, интеллектуальная, нравственно в своем праве, может быть и едкая. Но как поэт выкрикнул те строки, так что каждая зазвучала как поговорка, — а известно, как в поговорках с моралью, по меньшей мере двусмысленно, — и сам поэт знал, что зазвучал страшно громко, так, что хочет или нет, он отныне в поединке с тираном. И тот, другой, тоже знает, что произошло исторически непоправимое, неизгладимое, что он отныне должен делить свою весомость с Поэтом, хочет или не хочет а наделил поэта своей мощью; поэт своим нечеловечески вдруг громким, вместе с самим языком звучащим словом ограбил его силу. Хищение у высшего правящего лица, а по-серьезному — удавшееся покушение на него как на исторического деятеля. Преследовать грабителя — значит признать факт, и могущественный имитирует жест пренебрежения, но недолго может скрыть жажду мести. Со своей стороны поэт, отпустивший сам язык говорить, не может ничего уже изменить, и его усилия, сделать примиряющий жест, составить хвалебную оду тирану, ничего уже не значат. Волшебство развеялось, слово не звучит. Оба эти человека может быть и хотели бы возвратить тот момент высвобождения языка, по напрасно: оба по-своему прикоснулись к тому, что выходит далеко за даже самый широкий человеческий размах. Эта мгновенная *встреча с языком*, такого рода, какая питает собой всю филологию и не только ее, в филологии, в частности в филологическом переводе, превращается в *работу с языком*. Какою была и та ода. Я так понял Михаила Леоновича Гаспарова, что филология способна чувствовать, как высоко проходит, протянута эта линия высокого напряжения, в ней *много* вольт.

После этого все почти разошлись, Гаспаров с Мильчиной, Прохоровой, Зенкиным остался. Мне было грустно, я ушел, хотя меня тоже просили остаться. [...] Грустно от блестящей одинокости Гаспарова. И жалко своей немоты, я как ребенок старый, которого никак не слушают взрослые, когда он лепечет свое.

309 Первое четверостишие стихотворения
О. Мандельштама «Мы живем, под собою
не чужа страны...»

Смерть Михайлова. Как бы что-то осыпается. Я с ним виделся раза два в жизни, он был тягучий мечтатель. Почти хорошо, что его поздний русофильский фундаментализм не был длительным. — Меня очень тянет к Гаспарову, но его круговая оборона располагает на оборот к дуэли, и раза два я его задевал. В текстах; а на Круглом столе я молчал, кроме соображения о Мандельштаме. — Много говорили о Лотмане, больше как о символе структурализма, и я вспоминал Ваш его портрет, словесный, в начале Вашей короткой статьи о нем.³¹⁰ Лучше, точнее собственно любой фотографии.

Я всё жаднее хочу продолжения Вашего расположения; о чувстве Ольги к Вам я уже говорил. Она передает Вам поклон. Хорошо, если бы Вы написали, когда можно приехать — если можно — в Азаровку; допустим, Вы захотели бы вернуться с нами в Москву. 29 сентября в пятницу я уже снова в Москве. — С гордостью говорю, что еду во Фрейбург целиком на свои деньги, т.е. они собрались там наоборот всё мне оплатить, но я смогу отказаться. Приятная, ранее незнакомая мне независимость. Хотя с другой стороны все-таки платит американец, Сорос, из-за моего «лауреатства» в конкурсе 1994 года. — Я хочу говорить о том, как в поэзии и философии отбрасывается язык как инструмент, средство и проступают признаки говорящего языка, не орудия.

Мне тепло думать, я догадываюсь, что в «Азаровке» в эти дни что-то происходит, является чего не было никогда. Вещи приходят как-то так, сразу, и известны уже когда еще не известны. От их появления

310 «Ореол Пушкина и пушкинской легенды сопровождал Юрия Михайловича. (...) Юрий Михайлович, видимо, не принимал разграничения жизни на зоны „значашего“ и „не-значашего“ поведения. Он, изучавший исторический быт как текст, как сообщение, как произведение искусства, явно не хотел, чтобы текст его собственного бытования получился дефектным и дилетантским. Когда он вальсировал с Анн Мальц, это было тоже сообщение. Ленивым людям виделась в этом некоторая театральность, но это была просто добросовестность присутствия в мире. (...) Неизменная элегантная — точнее, изящная — собранность Лотмана была как будто не совсем из профессорского обихода: она напоминала о старом офицерстве и о том, глубже многого другого забытом при советском режиме явлении, которое называлось „хорошим обществом“. Быть может, в таком постоянстве и есть „преодоление косности русской“, вернее, чем в пламенных „жертвах“. (...) мне горько думать, что Юрий Михайлович, по видимости,

не оставил наследников в искусстве жизни, в „самостоянье человека“. Что отсвет пушкинской эпохи вместе с ним как будто покинул наше просвещенное общество. Что неизвестно, кого теперь можно назвать „невольником чести“ и кому постыдно низость. Зато постыдно то, чего Юрий Михайлович не подумал бы стыдиться: чувствительность.

*Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...*

Мне случалось оказаться свидетелем таких его слез при встрече с высоким, в поэзии и в жизни. Я думаю, без этих слез не могли бы быть созданы ни его анализы поэтических текстов, ни жизнеописания Карамзина и Пушкина. — О. Седакова. «Вечные сны как образчики крови». О Ю.М. Лотмане и структурной школе в контексте культуры 70-х годов // Седакова, 2010. Т. 4. С. 757.

в одном месте немножко сдвигается всё и везде. Я не буду удивляться, если кто-то скажет что в космосе. Никто не знает, чему в конце концов равно человеческое присутствие. Простая логика и математика велит заметить, что ошибка воображать его частицей бесконечности пространства и времени.

У Лейбница монада и недостижима и только она действительно существует. Не могу удержаться, чтобы еще раз не записать все-таки решение загадки метафизического зла у Лейбница, которое нам с Ольгой не давалось года три. Идея зла. Идея коварного, свирепого стирания, сметания всего развернутого добра, мгновенно, злорадно, не от человека идет. Бог не хочет и не будет ее убирать. Без нее мир стал бы сразу пресным, он нуждается для своего блеска в том, чтобы была причина, почему невозможно ему быть и он всё же есть. И больше: всё должно быть, если сделано прочно, выверено огнем. Дальше, человек, которому подарено всё от Бога, может нести идею зла? И в святости, и в мысли, и в поэзии на пределе зло — тоже как очистительный огонь. В рыхлом существовании человека несет от идеи зла. Но опять же он не учитывает прочности, с какой всё устроено. В конце концов, как говорит владыка Антоний, ад («идея зла») будет вечно пылать, но там не окажется ни одного человека.³¹¹ — После этой разгадки я уже не боюсь кошмара согласившегося доброго человечества: такого просто никогда не будет, идея зла ради свежести и остроты мира никогда не угаснет. И нелепо бояться, что злой человек разрушит игрушку мира: материально, прав Лейбниц, Бог наоборот умеет мгновенно подхватить и направить всё «зло», оно не успевает даже быть, к добру.³¹²

Еще раз, с сегодняшним уже Рождеством —

311 Из одной из бесед вл. Антония. (ОС)

312 Бог «производит столько счастья и добродетели, сколько может вместить наилучший образец мира, и допускает только те из пороков и зол, которые необходимо было допустить в наилучшем ряде вещей. (...) Здесь мы должны вместе с ап. Павлом прибегнуть к сокровищам высочайшей премудрости, которая не могла позволить Богу нарушать порядок и природу вещей без всякого закона и меры, расстраивая всеобщую гармонию и выбирая ряд вещей, отличный от наилучшего

ряда. В последнем же заключалось то условие, чтобы все были предоставлены своей свободе, а следовательно, некоторые своей злобе, — заключение, которое мы можем вывести из того, что в действительности так и случилось». — Г.В. Лейбниц. Защита Бога // Мартин Лютер. 95 тезисов. Сост. И. Фокин. СПб: Роза мира, 2002. С. 260–262.

[Окт. 1995]

в руки³¹³

Дорогой Владимир Вениаминович,
 Вы теперь, должно быть, где-то у Швабских ворот, у темно-блекло-красного Мюнстера. Я получила два Ваших щедрых письма, и никакой благодарности не хватит. Ваш дом — это событие, не верится даже после того, как увидишь. Я рассказывала о нем тем, кого встречала (Анюте, Корноуховым³¹⁴), и они вежливо старались поверить. О, я понимаю Вашу печаль, что не слушают, как старого ребенка. А хорошо ли им-то быть такими взрослыми? По-моему, Вы вдохновенно описали «Мы живем...» Похожее случилось с поздним Пастернаком, времен Живаго. Ситуация из сновиденческих: отмечено какое-то место — куда, если ступишь, *всё случится*, и назад этого не возьмешь. С языком это встреча, с судьбой, или Творцом, или вселенной, но ты выходишь из невидимости — и «на меня наставлен сумрак ночи»,³¹⁵ это Вход в Иерусалим. Если филология не отличает таких высоковольтных слов от других, то что она такое. При всей важности газет 1837 года. Записанный Вами круглый стол — такая знакомая мне грусть. [...]

О смерти Михайлова я узнала от Аверинцева, представьте себе. Мне пришлось оказаться в Москве, как раз на Рождество Богородицы (чтобы срочно написать тезисы для софиологической конференции³¹⁶ и отдать с оказией — помните, Вы звали и я отказывалась? а пришла бумага, и мне так захотелось на Авентин, что я написала «Беатриче и Лаура»³¹⁷), и мы шли из храма с Великановыми, и в каком-то закоулке у метро покупая ватрушки, увидели С.С. и Н.П., они шли на отпевание Михайлова. Я его знала только по статьям и уважала его ученость. Его поздний роман с «нашими» произошел, по-моему, на почве той же нелюбви к беспочвенной цивилизации, что у Рильке и других. Нет, мне нравится, что отец Димитрий так любит водить машину и сожалел, что у храма нет своего самолета, а то он бы его тоже водил, и с гордостью сообщил, что его внушка ходит на дискотеку (для меня дискотека — самое наглядное изображение ада). Но конечно, не техника и не дискотека (хотя этот ритм что-то да значит,* и это освещение, и эта пластика и эта мимика) отгоняют от цивилизации...

313 Подписано рукой ВБ. (ол)

314 Александр Давидович Корноухов (1947), известный художник-мозаичист, и его жена Вика Навериани — друзья Ольги Седаковой.

315 Б. Пастернак. Гамлет // Пастернак, 1989. Т. 3. С. 511.

316 Международный симпозиум «София: русская идея, идея Европы», Рим, 1995.

317 О. Седакова. Беатриче, Лаура, Лара: прощание с проводницей // Седакова, 2010. Т. 2. С. 224.

(* Между прочим, о знаках. В начале горбачевских перемен вдруг стали печатать названия книг не горизонтально, а под углом: Вы заметили? И я вздрогнула: этот угол вверх явно производил впечатление кружения, подъема, который нельзя взять. Они-то хотели обозначить оптимизм, наверняка: но знак читался как неподъемность. И, конечно, самые ходовые знаки «цивилизации» — ее ритмы, тембры, обращение со светом, с цветом — мрачные знаки. Но цыганщина разве спасает от этого? она сама такая, повеселее, может, чем heavy metal, но той же породы. Однажды, когда Дашенька была маленькой, я ей напомнила с «выражением» цыганскую песню с элементами пляски

«А говорят, кольцо к разлуке
А я надену сразу два-а...»

Она сказала: «Никогда больше так при мне не делай. Это так страшно, как будто Бога нет». Теперь она часами слушает «группы», которые несут точно то же сообщение, что «я чучерэла, я паравэла и т.п.», самое простое погружение в символы зла, по-моему.)

Вы знаете, я вообще не читала Лейбница, не пришлось. Стыдно, но я много чего не читала вообще. Я думаю, как Вы, что на его грунте мы можем пережить блеск и чудо не только добра, но простого существования, просто того, что что-то есть, а не должно было бы быть, как будто. Но как *цель* его — зла — наличия такое усиление свежести добра и бытия кажется мелко. Я не знаю про зло, но мне хочется что-то сказать про добро, которое почему-то представляется пресным и плоским. Я думаю, потому что «добром» считают приблизительно то, что Иуда, когда он комментирует поступок Магдалины с миром³¹⁸ (столько нищих — а тут такая трата) — или, помягче, что Марфа (столько дел, а она — Мария — сидит и не помогает). Но, в обоих случаях, ясно сказано, что было добром. И для такого добра, полной мерой, как вытереть ноги волосами или забыться и сидеть у ног, — для него не нужно контрастирующего ада. Для «морального долга», для «альтруизма» и т.п. он нужен, конечно, как стакан для воды. Но другие вещи я не назвала бы добрыми, разве что благонамеренными (это тоже не брань, это получше, чем злонамеренное). Мне кажется, Л. Толстой это имел в виду в контрасте Наташи Ростовской и Сонечки, и даже Наташи и княжны Марьи (между прочим, Владыка Антоний говорил, что княжна Марья — его любимый персонаж, но в расположении «Войны и мира» она явно меркнувшая возле Наташи звезда).

318 Описания помазания миром в четырех Евангелиях разнятся в деталях: Иуда соблазняется им в Евангелии от Иоанна (Ин. 12:1-8). Женщина, помазавшая Иисуса, в трех Евангелиях

безымянна, а Иоанн называет ее Марией, сестрою Лазаря и Марфы; в католической традиции долго отождествлялась с Марией Магдалиной.

Вы можете заметить, что есть в такой оценке добра противоречие с тем, что я писала о цыганщине? Чем это не цыганщина? Не могу объяснить, но чем-то самым главным. Не-оторванностью от целого. Может, так... Или как Гёте выражался: *Der Fall nach oben*.³¹⁹

Сегодня празднуют юбилей С. Есенина. Хотя я к нему отношусь много лучше, чем принято в хорошем обществе, мне грустно, что именно его избрала народная душа (Пушкина так не любят и столько наизусть не знают). В этом избрании есть какой-то отказ от простора, от холодного чистого света (глас хлада тонка), того, что в Гёте, в Гёльдерлине, в Пушкине, в Хлебникове, в Мандельштаме. Жаль, что про это широкий читатель поэзии в России скажет: это чужое, это не наше. Вот *наш* идеал поэтичности: «Не жалею, не зову, не плачу», «Отговорила роща золотая». Ничего плохого собственно про Есенина я не хочу сказать. Мне нравится его язык. И я не против мелодрамы.

Если бы Ваше чувство про Азаровку сбылось! Я так измучилась без «событий», без «гласа хлада тонка».

Когда я писала про эпизод с миром, я думала про Ольгу. Я с первой встречи с ней почувствовала эту способность к добру полной мерой, которое с точки зрения другого «добра» выглядит как безумие. Но — обратите внимание — только об этом поступке и сказано: «Где будет проповедано Евангелие во всем мире, там расскажут о том, что она сделала, в память ее».³²⁰

Такое прочно — мне нравится это Ваше слово. Удивительно, что прочнее всего то, что принято считать самым хрупким, самым незащищенным, не защищенным даже разумным обоснованием и целесообразностью.

Те постулаты М. Л. Гаспарова, что Вы передаете, я знаю много лет (про искусство и науку, про червяков и Данте) от него, и никогда с ним не соглашалась. Но я его и труды его чту как род героизма и как школу аскезы (именно аскезы, а не абстиненции), как борьбу с некоторым бесформенным безымянным чудищем (он сам назвал свою работу «обезвреживанием посредственности в себе»). Он его отлично различает, и мне, бывало, доставалось, когда в моих высказываниях оно шевелилось — в форме бездумности или кокетства или повторения плохо усвоенных вещей. Он удивительно чуткий педагог (мистагог, Вы писали) — и одинокий, как педагог среди школьников. Н. И. Толстой³²¹ когда-то мне сказал, что приближаясь к М. Л. он чувствует то же, что гимназистом — подходя к священнику. Зона повы-

319 Падение вверх (нем.).

320 Мф. 26:13.

321 Никита Ильич Толстой (1923–1996) — филолог, славист, фольклорист. Занимался историей славянских языков, диалектологией и лексикологией. Основатель этнолингвистики в советской науке. Научный руководитель дипломной работы Ольги Седаковой в МГУ.

шенной ответственности и собственной обозримости, прозрачности.

Начав письмо Вам, я не могу кончить — о столько еще хочется написать (я бы сказала: сказать, потому что это — как устно произнесенный текст, с позволением себе говорить начерно, как можно в беседе и как — будучи ученицей М.Л. в самобичевании — я не могу обычно писать на бумаге). Так что извините, что Вам приходится читать такую сырость.

У нас сейчас 11 кошек: Ксюша окотилась пятью и четыре Лялиных. Таинственные существа.

Через три дня нас уже перевезут отсюда. Жаль.

Тетя Нина кланяется Вам и Оле, благодарит за ножи.

С ожиданием встречи,

всегда для меня праздничной —

цитируя Гаспарова, предвкушаемой неожиданности.³²²

Ваша О.

Рому, Володика и Олега,

Пожалуйста, поцелуйте от меня

Надеюсь еще показать Вам Азаровку. Сейчас она в особом блеске, предпримем. После отлета журавлей, разъезда жителей, умирания цветника здесь удивительно.

P.S. Мне пришла книга от Федье, *Écrits politiques*.³²³ Его любезность поражает. Мне неловко писать ему по-английски, и я не могу всерьез сообщить ему те отзвуки, которые вызывают его мысли. В *Regarder voir*³²⁴ меня многое трогает, особенно тема *pudeur*.³²⁵ Не говоря уже о зрении вообще.

И само вещество поклянется,

что оно зрением было и в зренья вернется.³²⁶

Может, ему были бы интересны эти мои строчки? О, как Вы правы, что в такой степени свободны в других языках. У меня нет и тени Вашего дара. Кстати, к тому, что Вы говорили о времени: какой природы, Вы думаете, мандельштамовский образ времени — почвы, паш-

322 Например: «Такое построение стиха как бы побуждает читателя останавливаться после каждого прочитанного четверостишия и примериваться к намеченной в нем перспективе дальнейшего изложения, а потом проверять себя дальнейшим чтением; подтверждение или неподтверждение является ощутимым художественным эффектом (аналогичным ощущению звукового ритма при чтении строки)». — М.Л. Гаспаров. Антиномичность поэтики русского модернизма // М.Л. Гаспаров. Избранные статьи. С. 302.

323 M. Heidegger. *Écrits politiques*: 1933–1966. Paris: Gallimard, 1995 — политические тексты Хайдеггера в переводе Ф. Федье.

324 F. Fédier. *Regarder voir*. Paris: Les Belles Lettres-Archimbaud, 1995.

325 Стидливость, застенчивость, целомудрие (франц.).

326 О. Седакова. Странное путешествие // Седакова, 2010. Т. 1. С. 76.

ни («время вспахано плугом, и роза землею была»³²⁷)? Я предполагаю, из обычной для ОМ грамматической мысли: время — семя → затем образ сеяния → затем земля. Это гипотеза, конечно.

Р.Р.С. Про северную избу. В самом деле, архангельская изба — одно из самых сильных архитектурных впечатлений, какие у меня были (я даже писала о ней Б. Хазанову в ответ на его наблюдение, что в России болезненное неумение справиться с пространством: или пустые заброшенные немереные просторы — или скученная теснота неуклюжих времянок.³²⁸ И я написала: да, но архангельская изба!). С ним сравнится впечатление от старинного сванского дома, каменного. Тоже дом как царское место. Но знаете, в обоих случаях эта царственность предполагает не только живую вселенскую символику (которая забыта), но и другую утилитарность. Огромное центральное помещение (и у сванов, и на севере) предназначено для общежития, к какому мы неспособны. Три поколения обитают в неразделенной зале, спят вместе и т.п.! и скотина не очень-то от них отделена (там же до некоторого времени держат ягнят, козлят). Необходимость уединения всю внутреннюю архитектуру убивает: как ни расставляй перегородки, всё это будет хорошая мина при плохой игре. А я, например, не вынесла бы такой киновии.³²⁹ Вот и расплата за индивидуализацию: дом как храм уже невозможен, не практичен. Но я не могу и не хочу в индивидуальный обиход!

Яуза, 13.12.1995

Дорогая Ольга Александровна, после разговора на кухне у нас со 2 на 3 декабря, из тех, которые неожиданно касаются важного, я заметил, что думаю как бы в вашем присутствии, спокойном и внимательном (вы можете быть беспокойны, но ваше внимание всегда спокойно), и пишу так же. Я обрадовался этому как хорошей, хотя и требовательной, встрече; однажды привыкнув к такому, я как школу никогда не хотел бы терять это присутствие. — Но с тех пор мы оба с Ольгой, слава Богу не дети, так и продолжаем болеть, и я уже поправляюсь, а Ольга еще нет. Странное слово «поправляюсь», я впадаю в болезнь всегда как в родное, с незапамятного детства естественное, свое. Возвращающееся здоровье не воспринимается как в такой мере знакомое возможно отчасти потому что вообще менее воспринимается чем болезнь, но может быть еще и потому что не так вечно и не так надежно как болезнь. Рожде-

327 О. Мандельштам. «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» // Мандельштам, 1993/4. Т. 1. С. 142.

328 Имеется в виду книга Б. Хазанова «Миф Россия». Первое издание: New York, 1986. (ОС)

329 Общежитие (греч.).

ние, метаморфозы всегда прохождение через боль, и задашься вопросом, что такое жизнь и не подозрительна ли так называемая радость жизни.

После того как Вы дали мне адрес Гаспарова я несколько раз, и особенно последние сутки, был словно в обращении к нему и в конце концов ничего не смог ему ни послать ни написать. В каком-то письме к Вам (я заметил, что пишу это местоимение сначала со строчной, потом с прописной, но не знаю почему) я придиричливо говорил о нем, задел его стиховедение в семинаре о Вас, его переводы в «Языке философии»³³⁰ и давно в «В мире книг» и поэтому заговаривать с ним без упоминания о несогласии уже нехорошо, а упомянуть как? Его «Занимательная Греция» душераздирающе мила и в корне порочна, он закрывает и губит античность хуже Н.А. Морозова,³³¹ считающего ее изобретением возрожденцев. Я не говорю подробнее, потому что Вы смотрели эту книгу и я почти уверен что увидели то же что я. У Гаспарова есть черта, сближающая его с Ивановым:³³² их подчеркнутая наука это средство политической защиты, глухой обороны от мира; их мысль, их сердце надо дешифровать из-под свалки приемов и методов, которые у Гаспарова конечно корректнее и дисциплинированнее, но оттого только плотнее закрывают суть, бунт среды несвободы, судороги тонущего, и только ли на обломках корабля России, не корабля ли Европы или целого мира. У обоих самое затаенное — это ими самими непонятое русское как именно бунт против такой культуры, принимающей облик обволакивающего обнимания культуры. Мне больно об этом говорить и не хочется вдумываться дальше этих догадок, как ходить по кладбищу, да еще и такому, которое обречено на снос. («Снос кладбища», такая русская вещь, едва

330 «Ксенофан, гомеровых кривд бичеватель зазорный. Мы привели этот стих Тимона (Диоген Лаэртский IX 18) в переводе М.Л. Гаспарова, представляющем виртуозную попытку приблизить древний текст к нашему разговорному языку. Надо спросить однако, не следует ли считать недостатком этого перевода успокоительное чувство доходчивости, которое он производит. Кажущейся свойкостью говорка он прикрывает глубину философской мысли, всегда по существу бездонную, даже в искажающей передаче доксографа-популяризатора Диогена». — В. Биbihин. *Язык философии*, 2002. С. 220. Критика не только стиховедения М.Л. Гаспарова, но и его поэтики подробно развернута в книге В. Биbihина «Грамматика поэзии» (см. с. 367–390, 462–503). Ее вторая часть «Новое русское слово» представляет собой лекционный курс, посвященный поэзии О. Седаковой.

331 Николай Александрович Морозов (1854–1946) — революционер-народник, член исполкома «Народной воли». В 1882–1905 годах находясь в заключении, создал множество трудов по химии, физике, математике, астрономии, философии, авиации, политэкономии и пр. Поставил под сомнение традиционную хронологию, отметив ее несовпадение с астрономическими данными; предположил возможность фальсификации исторических данных и дублирование исторических лиц и событий под разными именами (Юлия Цезаря и Юлиана Отступника, Иисуса и Василия Великого) в книге: «Откровение о грозе и буре» (1907), «Пророки» (1914), «Христос» (в 7 тт., 1924–1932). Его идеи были опровергнуты профессиональными историками. Морозову наследует «Новая хронология» математика А.Т. Фоменко.

332 Вяч. Вс. Иванов.

ли с такой ясностью бывающая в мире в такие сроки. Русская история короче других из-за гибели памятников, но можно посмотреть и иначе, сказать, что она ускоренно моделирует крушение и смену цивилизаций, в мире требующую тысячелетия, у нас одного поколения.) — Только слово с нездешней вестью стоит у нас века, но оно не «вымысел» при «реальности», как бездумно и деревянно, сам не веря, проговаривает за кем-то Гаспаров.

Но Гаспаров, если ему так сказать, повернет всё к топосам и к перебору взглядов. Его мнения о «философах» в «Занимательной Греции» тем более нелепы, что выговариваются с уверенностью. Горечь, с какой я это говорю, не от моего недовольства Гаспаровым, я его теперь как раз люблю как никогда, а от абсолютной, опять же я теперь ясно понял, невозможности заговорить с ним. — Не «спорить» же, жалкое тоскливое занятие. Спор впрочем так или иначе, только другой, настоящий, всегда уже идет, и он такой, что может быть уравновешен только безусловным согласием, уступчивостью и вниманием в общении. Тут я на волне (в диапазоне) Гаспарова, т. е. единственно где мог бы к нему подойти, ничтожен по своему невежеству до невидимости и смотрю на него с восхищением издалека. Ваш «мир как волшебная сказка», и мой тоже, всегда, Гаспарову конечно тайно близок, но бессмысленно, ненужно замаскирован, на его маскировку растрачены лучшие силы, а зачем. Самое волшебное открыто на виду у всех, лучший способ его скрыть — самым ясным, простым, прямым образом открыть.

Я перелистываю Ваши письма конца лета и осени, на которые я полностью не ответил. И уже в августе Вы пишете о Фрейбурге. Как Париж мне казался театральной декорацией, весь, так Шварцвальд — парком, почти искусственным. Даже там, где мы поднимались к высокому водопаду, цветаевской Ниагаре,³³⁴ мне было жалко игрушечности места, после дикого Кавказа, где я свалился в непроходимое ущелье. Возможно в Альпах это чувство парка отступило бы, хотя полностью не уверен. Сразу после Фрейбурга мы помчались [...] во Владимирскую область, где были наши, и те просторы, слегка волнистые, показалось мне, не уступали в размахе старым шварцвальдским горам, по нетронутой затаенности были чище, свежее, по откровенной запущенности честнее чем надломленная изнутри (гибель леса, изменение верхней почвы) ухоженная чистота перенаселенной Германии. На поезде Фрейбург-Майнц я всю дорогу говорил с опрятной, умной, доброй дамой, которая ах всё понимает и с улыбочивой уверенностью готова к скорому концу света, до свидания, Земля. Она только выговорила то, что я всю дорогу в Германии чувствовал за за-

334 М. Цветаева девочкой жила во фрейбургском пансионе.

видным порядком. Настоящее, живое в этой Германии мне виделось в небольших опозданиях поездов, в расхристанности молодых, а главное в уверенном, теплом единодушии немцев, нерастраченной исторической силе. Та же неброская сила — в спокойствии, Вы правы что уже южном, Фрейбурга, я сказал бы даже в его мудрости. Как этот покой заряжен, показал Хайдеггер, чья мысль была одна во всей Германии вровень с до сих пор не понятым сдвигом тех десятилетий; я был в семье Хайдеггеров, говорил с его сыном, сидел в библиотеке «философского семинара» перед двумя его большими портретами и было так ясно, что он прошел будоража всех по всему миру, а ведь у себя дома он ни перышка не сдул, разве что от скопления народу в университетской аудитории при его первом после запрета выступлении (1949? 1950?)³³⁵ кому-то сломали руку или ногу, но там могло быть много приезжих специально для события.

Вы спрашивали, что я называю «расколом». Очень въевшуюся вещь, неизбежность расхождения в вере среди христиан, едва ли не более обязательную чем между христианами и явными иноверцами. Диаспора (перенимаю и продолжаю мысль Ани Великановой) христиан по разным вероисповедным толкам теперь не имеет (давно уже не имеет) альтернативы другой кроме как неисповедимое подвижничество как у о. Дмитрия и возвращение к раннему христианству как у Вас и у немногих. Старообрядческий раскол, сектантство, окостенение официального слоя — это уже только посильные и необходимые реакции на тот «не мир, но меч».

Единство? Например у нас с Вами. Раскол ему не грозит, но потому, что мы уже слишком хорошо знаем что это такое. Т.е. он для нас уже позади, и то если только мы в него не сорвемся, а чтобы в него не сорваться, надо его видеть. Единство в том, о чем мы умеем не говорить, помня о неумелости этого умения. А так — раскол совсем близок (рыхлость, безразличие его в массе скрадывают, но тогда становится еще хуже). В самом воздухе, которым мы дышим, нет единства. Я конечно должен уточнить о каком единстве я мечтаю. Западные впечатления (особенно Фрейбург, отчасти Париж) не в счет, я там могу ошибиться. Впечатление единства новгородского полиса, флорентийского, венецианского, ранее пизанского, совсем рано афинского, римского может быть наведенным, литературным. Впечатление

335 М. Хайдеггер был членом национал-социалистической партии с 1933 года. После капитуляции Германии он проходил процедуру «денацификации»: до 1949 года ему было запрещено преподавать, позже он несколько раз выступал с докладами. Хайдеггер вернулся к чтению университетских лекций в 1951–1952 учебном году.

райского единства Руси при чтении в 7–8 лет «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, когда само перечисление (в начале) несчастных деревень воспринималось как право свободно идти по этому золотому пространству, может быть отнесено к детскому раю. Того же рода могут быть другие воспоминания из литературы и рассказов старых людей о семейной теплоте России до кризиса общения. С моим личным впечатлением единства, неэкстатического, молчаливого, простого большой толпы, которая в 1956 году, в дни международного фестиваля³³⁵ ночью, когда уже не работал транспорт, расходилась по домам после встреч и концертов на улицах и в парках, дело обстоит странно: по-честному я не знаю, действительно ли у меня был такой опыт или я видел такой сон. Но вот 21 августа 1991 года. Я возвращался от нашей Василисы, которую вы видели, с молоком, велосипед с проколом пришлось везти, в магазине на полдороге все смотрели верховный совет по телевидению, на шоссе из Москвы шли сплошь танки, один водитель мне заговорщически улыбнулся; уже по дороге от шоссе к нашему шалашу мы заговорили о чем-то с дамой, которая пасла коз. Всё пространство в течение нескольких часов было другим, вольным, не оккупированным, разомкнутым. Свобода длилась несколько часов, но осталась во мне навсегда, и мне с тех пор не снятся сны об оккупации, а раньше они повторялись (хотя и не так часто как сон, что меня взяли снова в армию и я пробую доказать что это ошибка и я там уже три года служил). — Я допускаю, что у патриотов именно тот же опыт, но уже то, что они о нем говорят, показывает снова раскол. Для меня этим опытом как раз говорение о нем, и вообще многое говорение, делается ненужным. В той мере, в какой церковь, православная, католическая, любая, опутывает себя устройением сверх таинственного евангельского, она выдает себя расколу. Что церковь уже никак не стоит сама, уступив искание Бога миру, мне ясно видно из немыслимости того, чтобы в каком-то приходе, среди какого-то клира, на собрании епископов, в патриархате, в среде богословов проявилось единство другое чем вокруг готовности хранить святыню, но о путях хранения начнутся разногласия и для спасения надо будет поскорее уйти от слов к делу, как о. Дмитрий. Но мы с Вами можем рисковать, искать, давать слово молчанию, миру. — Шифровка Гаспа-

335 VI всемирный фестиваль молодежи и студентов открылся в Москве 28 июля 1957 года. Созданная в 1945 году Всемирная федерация демократической молодежи с 1947-го проводила фестивали под антиимпериалистическими и антивоенными лозунгами; в них участвовали, в основном, представители левых молодежных организаций со всего мира. Московский фестиваль 1957 года, в котором

участвовало 34 000 человек из 131 страны мира, стал важным событием хрущевской оттепели, разрушившим почти полную изоляцию позднесталинского СССР: советские люди получили возможность непосредственного контакта с иностранцами и встретились с явлениями современной культуры на фестивальных площадках.

рова, возможно, как новое масонство, хитрая конструкция с тем же единством в мечте. — Масонство, от единства старых каменщиков, строителей готической Европы, мне однозначно симпатично, как у Моцарта в «Волшебной флейте»,³³⁶ у Коллоди-Лоренцини,³³⁷ которого мы сейчас дочитываем по-итальянски, и даже Володик слушает, чудовище самостоятельности. Я Вам рассказывал, что он уже крошкой нарочно переиначивал стихи, чтобы не повторять несвоими словами. «Там котик усатый По садику бродит, А козлик рогатый?» задавала полуторогодовалому наводящий вопрос Ольга. «За ним идет», отвечал упрямый Володик. [...]

«Это героическое утаивание напоминает о насущной прямоте, без которой всё размазывается в посредственность», Вы пишете, и это имеет уже общий смысл и разгадывает для меня загадку посредственности, откуда она берется: от непрямоты (не от неодаренности); я никогда не слышал такого ответа, и вдруг согласен с ним. — Как-то связана эта непрямота с «расколдованием» волшебного мира, дающим, как Вы пишете, подростковый шок? Связь парадоксальная: сказка, миф, словом литература, в чем живут дети, это прямое и не дает места посредственности, посредственность начинается с якобы восприятия «прямой реальности», которая на самом деле вся косвенная, условная, чем-то как-то опосредованная. Дети не бывают посредственностями, пока не будут научены различению между сказкой и реальностью. «Прищуривай глаза», т.е. не гляди так доверчиво, учил меня десятилетнего отец. [...] Видеть «реальность» я никогда не умел и уже не научусь. — Мне поэтому непонятны Ваши две реальности в конце «Медного всадника...»³³⁸ Я их никогда не видел две, никогда не сравнивал «какая дороже». Когда Пушкин говорит о возвышающем обмане, то он говорит именно об обмане, который, хоть и обман, всё равно выше низких истин, т.е. не истин никаких, а поэзию и чудное мгновение он обманом не считал, считал единственной правдой, к которой относил и «заржавую трубку» Бахчисарайского

336 «Волшебная флейта» (1791) — опера-зингшпиль В.А. Моцарта на либретто Э. Шиканедера. И Моцарт, и Шиканедер были масонами; опера полна аллюзий к мистической традиции, начиная с имени главного героя — жреца Зарастро (ср. Зороастр) вплоть до отсылки к масонским посвятительным церемониям в испытаниях, которые проходит принц Тамино, чтобы победить власть Царицы ночи и стать защитником храма мудрости.

337 Карло Лоренцини (Карло Коллоди) (1826–1890) — итальянский журналист и писатель, борец за независимость Италии, масон. Его сказка «Приключения Пиноккио.

История деревянной куклы» (1881) представляет собой мистическую аллегорическую историю: путь грубого, подверженного всем порокам деревянного существа к вочеловечению проходит через череду соблазнов и возмездия, следующего за ними. Лейтмотивом пути Пиноккио является просвещение, обретение разума и добродетели через учение. Ср. масонское противопоставление грубого и отесанного камня. В пересказе А.Н. Толстого («Приключения Буратино») все эти мотивы устранены.

338 О. Седакова. «Медный Всадник»: композиция конфликта // О. Седакова. Проза. С. 457–489.

фонтана,³³⁹ которая интереснее и полнее всякой золотой, как Ваша падающая чашка — порхающей на крыльях.³⁴⁰ Не видя никакой другой реальности кроме одной, Пушкин по-моему никогда и не мог в ней «часто сомневаться»; может быть, у Вас тут какое-то иносказание или я главного не понял.

Тем более что Вы знаете, что если кому посчастливилось видеть «место, куда, если ступишь, всё случится», он как поверит еще в какую-то другую реальность? Я честно не понимаю как Вы такое можете говорить, похожее на позорную капитуляцию Гаспарова в предисловии к «Занимательной Греции», где он сразу сдает город, разделяет античность на реальность и культурный вымысел.³⁴¹ Боже как от этого тоскливо, как уже не хочется с Гаспаровым ни о чем кроме технического говорить. Вы явно имеете в виду как раз противоположное, единство, а не разделение; но слово о двух реальностях уже уронено, помогите мне его подобрать. В конце I раздела Вашего «МВ...» у Вас схема трехчастная («МВ двутемен» я невольно читаю «двутёмен», как бывают дву(х)светные залы), состоящая из дикого хаоса, злого порядка и «Божией стихии», тогда и в конце реальностей должно быть три?³⁴² Но если, что скорое всего и было, Пушкин видел «Божью стихию» не поодаль, а в самой сшибке («здесь натиск пла-

339 См. вывод статьи: «Легенда Поэта и легенда Петра составляют нетрагическую лучезарную область пушкинского мира. (...) Действие же МВ помещено в теньевую область жизни, в область безысходного конфликта и обоюдной мести, в трагическую тень союза власти и вдохновения, закона и свободы, Царя и Поэта. Первая область реальна в том поэтическом смысле, который Пушкин назвал „нас возвышающим обманом“, в вечности и чудном мгновении. Вторая реальна, как „заржавая трубка“ Бахчисарайского фонтана, как „тьма низких истин“. В первой реальности Пушкин часто сомневается; в чем он не сомневается никогда — это в том, что она *дороже*». — Там же. С. 487–488.

340 «Ничего нет приятней законов и закономерностей. Например, меня не перестает радовать, что выроненная чашка полетит в любом случае на пол, а не будет порхать по комнате или писать в воздухе вензеля. Даже если чашка разобьется, ее падение не перестает меня радовать. Чем? Да тем, что мы еще дома. Чтобы оценить такое преимущество — быть дома, — нужно иметь нечто для сравнения, конечно». — О. Седакова. Похвала поэзии // Седакова, 2010. Т. 3. С. 84.

341 «(...) первым вопросом, который Вы зададите, будет, наверное, такой:

„А это правда так и было?“

Я отвечу: и да, и нет (...) Здесь много выдумки. Чья же это выдумка?

Выдумал это сам греческий народ. Так ведь бывает всегда: когда случится какое-нибудь интересное событие, вести о нем передаются из уст в уста, обрастая новыми и новыми живописными подробностями, и под конец факты так тесно сплетаются с легендами, что ученому историку приходится много трудиться, чтобы отделить одно от другого.

— М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция. С. 3.

342 «Вместе с С. Б. Рудаковым отказываясь от тематического противопоставления этого Петра и этого Евгения, мы всё же не отказываемся от старой идеи „сонатного построения“ МВ — только двутеменность поэмы представим иначе. (...) будем иметь в виду три силы, распределенные по этим двум темам: не „закон“ и „стихию“ (или „деспотизм“ и „вольность“ или „неподвижное, мертвое“ и „подвижное, живое“), но:

1. светлую стихию, стихийную законность, живую стройность;
2. 2а. хаотическую темную стихию, бунтующую против — 2б. мертвого закона.

менный, а там отпор суровый»³⁴³), в отчетливости дуэли. Тогда все три части сливаются в одну мировую войну (войну мира), и реальностей остается все равно одна: волшебная победа мира в любой честной войне, а о нечестной говорить скучно, тем более величать ее реальностью. — Я чувствую что говорю то самое, что Вы думаете, и к «двум реальностям» придираюсь как старательная собака на всякий случай лает, но все же не из литературоведения ли, структурализма и формализма они взялись.

Но все-таки что-то другое, второе есть? Кроме одной волшебной сказки? — Зло, которое с такой свирепой яростью наслало на всё, во всё внедрилось, что между добром и злом просунуть щупа невозможно, они одно во всем и всегда — не контрастируя, а сплетаясь и сливаясь интимно, так что только настоящая любовь и ненависть смеет в этой свалке на что-то рискнуть, а расчет, мораль даже не суйтесь. И любовь и ненависть рискуют там молча, и ставка всегда целый мир, никак не меньше, или ничто. — Это я к Вашему «контрастирующему аду», в отношении которого будто можно применять нравственные меры. Добро есть зло, зло есть добро, Шеллинг прав, и выйти на свободу значит оказаться в зле не меньше чем в добре.³⁴⁴ — Мне кажется, что например лес, куда ходит молиться ему моя сестра, не мень-

Размещены они таким образом, что первая сила целиком противостоит двум другим, составляющим одну тему. (...) История столкновения внутри Второй темы (условно: „темы Евгения“) и составляет основное действие петербургской повести». — О. Седакова. «Медный Всадник»: композиция конфликта. С. 465–466.

343 А. С. Пушкин. К вельможе // Пушкин, 1959. Т. 2. С. 289.

344 «Радости нужно страдание, страдание должно преображаться в радость. Поэтому то, что исходит только из условия существования или из основы, исходит не от Бога, хотя оно и необходимо для его существования. Однако нельзя также утверждать, что зло исходит из основы или что воля основы — источник зла. Ибо зло может возникать лишь в сокровеннейшей воле собственного сердца и никогда не совершается независимо от собственного деяния человека. Возбуждение основы, или реакция на сверхтварное, пробуждает только влечение к тварному или собственную волю, но пробуждает ее лишь для того, чтобы была независимая основа добра и чтобы воля была преодолена добром и проникнута им. Ибо не возбужденная самость сама по себе есть зло, но лишь постольку, поскольку она полностью отрывается от своей противоположности, от

света или универсальной воли. Именно этот отказ от добра и есть грех. (...) Если воля человека охватывает активизированную самость любовью и подчиняет ее свету как всеобщей воле, то из этого только и возникает актуальное добро, которое становится ощутимым благодаря заключенной в человеке силе. Следовательно, в добром реакция основы ведет к добру, в злом — ко злу; как сказано в Писании, в благочестивых ты благочестив, в нечестивых нечестив. (...) Поэтому диалектически совершенно верно утверждение: добро и зло суть одно и то же, лишь рассмотренное с разных сторон, или зло само по себе, т. е. рассмотренное в корне своей тождественности, есть добро, как и обратное — добро, рассмотренное в своей раздвоенности или не-тождественности, есть зло». — Ф. В. Й. Шеллинг. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Ф. В. Й. Шеллинг. Соч.: В 2 тт. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 143–144.

ше чем нарисованный лес, например у Ван Гога, мог возникнуть уже только после войны, я не знаю какой, потому что даже Ван Гог знаю мало (Акира Куросаве приснилось, что Ван Гог отрезал себе ухо потому, что оно у него не получалось на автопортрете, тогда он спокойно его как проблематичную деталь убрал),³⁴⁵ но знаю, что там до слов и всякого сознания сцепились, не картинно, а смертельно как в дуэли (как в пушкинской жесткой дуэли) сначала те первые персонажи и только вокруг целый мир. Война там ведется, мне кажется, голыми руками или вернее еще раньше, вообще до всяких рук и ног и (против Дунса Скота) даже раньше воли:³⁴⁶ всё решается в мгновение еще во сне. — Я, похоже, говорю то, что Вы знаете, поэтому просто продолжаю словами Вашего письма: «Удивительно, что прочнее всего то, что принято считать самым хрупким, самым незащищенным, не защищенным даже разумным обоснованием и целесообразностью».

Интересно, что «естествоведы» приходят на это поле поздно проснувшись и протирая глаза до тех пор, пока им как Эйнштейну или Гейзенбергу или как Вольфгангу Паули не начнет мерещиться что-то «в глубине», а М.Л. Гаспаров наоборот к искусству хочет подходить как естествоиспытатель. Наверное, значит, человеку позволено для своего пропитания, позволено Творцом и позволено творцом, собирать грибы в лесу, ставить картину на выставку, с религией и ритуалом конечно. Если М.Л. назвал свою работу «обезвреживанием посредственности в себе», то значит он уже успел посредственность, непрямоту допустить. Он уже сдал без боя, с первых полутора страниц «Занимательной Греции», город, а потом будет под оккупацией обезвреживать злоупотребления врагов. На что он надеется. Не гарантировано, что его будут еще читать через 50 лет: угол зрения может показаться слишком ломаным, подсчет ударных и безударных после электронизации библиотек со сканерами и пейджерами устарелым. А не надо было спешить говорить, что есть реальность и есть вымысел (в Ваш огород). В той войне, о которой я говорю, всё происходит раньше разделения на реальность и вымысел, и «мифы народов мира» неизбежно придется пересмотреть, не окажется ли решающей (т. е. принимающей решение) «реальностью» всегда как раз какие-нибудь Заратро и Царица Ночи.³⁴⁷

345 Фильм «Сны Акиры Куросавы» (1990, США, Япония), режиссер Акира Куросава.

346 Иоанн Дунс Скот (1266–1308) — францисканский богослов, философ, крупнейший представитель концептуализма. В отличие от Фомы Аквинского, полагавшего, что воля с необходимостью стремится к Высшему Благу, Дунс Скот утверждал абсолютную недетерминированность воли, ее свободу от необходимости.

347 Персонажи оперы Моцарта «Волшебная флейта». См. прим. 336 к письму Владимира Библихина от 13.12.1995.

«Начав письмо Вам, я не могу кончить», опять цитата из того же письма. С Вашей стороны (страны) я чувствую вызывающий простор, но такой, в котором со временем всё решится, всё чутко ожидает, а не просто дает волю, — и это лучший подарок для думания и говорения, какой может быть.

Я у Вас выхожу в специалисты по времени, когда как раз время для меня уходит в такую же загадку как «бытиё». «Время вспахано плугом» у Мандельштама, наверное, прежде всего и ближайшим образом потому, что у него «остается одна забота на свете: Золотая забота, как времени бремя избыть».³⁴⁸ Т.е. если бы время и не было вспахано плугом, оно было бы вспахано этой заботой, единственной на свете. Если эта забота единственная потому, что «вчера́шнее солнце на черных носилках несут», солнца уже нет и «Словно воду я пью помутившийся воздух», то это уже похоже на рационализацию, а убить или избыть «времени бремя» надо как-то обязательно, почему-то, как поднять камень, наверное тяжелый могильный. Осы присосались к тяжелой розе как к земной оси и повторить когда-то звучавшее имя, чтобы оно снова звучало, теперь трудно как воскрешение несомого на черных носилках, Ахматова думает что Пушкина, но ведь не обязательно только его, может быть всех расстрелянных в Крыму.³⁴⁹ (Однажды в Судакe летом мы раскинули палатку километрах в полутора от города, на площадке над морем, уже вечером, и всю ночь у меня был жуткий тяжелый сон; утром я зачем-то начал разрывать землю и там оказались человеческие кости, я подумал — от расстрелов гражданской войны, мне почему-то не пришло в голову что могло быть и от более поздних. Крым для Мандельштама в том же 20-м году оказался связан с его собственным более чем вероятным расстрелом как высланного туда из Аджарии.³⁵⁰) — Я не понимаю, по-

348 Эта и следующие цитаты — О. Мандельштам. «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»

349 После эвакуации армии Врангеля и установления в Крыму Советской власти с ноября 1920 до мая 1921 года проводились массовые расстрелы людей, объявленных врагами нового режима: от бывших военных до «представителей буржуазии». Погибло не менее 50 000 человек.

350 В 1920 году во время пребывания в независимой Грузии, в Батуме, Мандельштам собирался вернуться в Москву, но был арестован и должен был быть выслан туда, откуда приехал — в Крым. В ситуации гражданской войны это представляло для него смертельную опасность: «В эти дни Грузия была единствен-

ной отдушиной для Крыма, единственным путем в Россию. Визы в Грузию выдавались контрразведкой сравнительно легко. Связь меньшевицкой и врангелевской контрразведки была прочно налажена. Людьми бросались туда и обратно. Отпускали в Грузию для того, чтобы поглядеть, куда и как он побежит, — а потом сгребали — и обратно в ящик. (...) В городе предупреждают: не ходите в советскую миссию — выследят и схватят». — О. Мандельштам. *Меньшевики в Батуме* // *Мандельштам, 1993/4*. Т. 2. С. 318.

чему «роза землею была». Разве что под притяжением рифмы. Если роза, тяжелая и нежная сеть, сама земля, то она не была а есть. Тогда ее можно пахать как землю, и что же еще пахать как не неподъемную тяжесть. Мандельштам и пашет как может, и нечего другое делать. Время тогда бремя или хуже, камень, но оно же, вспаханное, не будет, а уже есть роза, тяжелая и нежная, сама тяжесть «бытия». «Роза землею была» — не то же ли это «была», как у детей (Володик играет с Романом подушками дивана: «Рома, давай это была моя дверь? Ром, давай это моя дверь? Рома, давай это была моя дверь?»). О семени речь не заходит, потому что в самой неподъемной тяжести камня-пашни-бремени-времени, лишь бы только вспахать, семя уже содержится. Правда, «человек умирает, песок остывает согретый» его немного еще теплым расстрелянным телом, и залогом «повторения имени» (сравнить с мужиками-имяславцами, «имябожцами» из стихотворения 1915 г. «И поныне на Афоне») только и остается что сама двойственная роза. — Совсем о другом: мужикоборец из «Мы живем...»³⁵¹ возможно идет и против мужиков-имябожцев, первым из которых идет сам Мандельштам: «Но от ереси прекрасной Мы спастись не должны. Каждый раз, когда мы любим, Мы в нее впадаем вновь. Безымянную мы губим Вместе с именем любовь»³⁵² (связано с коктебельским вариантом «Легче камень поднять, чем вымолвить слово — любить», хотя я не назвал бы окончательный вариант, «Легче камень поднять, чем имя твоё повторить!» шифровкой, а наоборот, прояснением: не надо уточнять какое где может быть имя, и так яснее, чем с уточнениями, что имя имеет отношение к «одной заботе на свете», даже «любить» для которой всего лишь именование).

Дорогая Ольга Александровна, что-то я заболтался, а за окном прекрасный декабрь, и скоро праздники, общие и Ваши, с которыми Вас поздравляю я и Ольга, которая думает о Вас с нежностью, и детки, в чьем мире Вы постоянно присутствуете.

В.Б.

351 «Только слышно кремлевского горца —
Душегуба и мужикоборца» — вариант 3-й
и 4-й строк стихотворения О. Мандельштама
«Мы живем, под собою не чуя страны...»

В таком виде оно попало в НКВД и было показано Мандельштаму на допросе.

352 О. Мандельштам. «И поныне на Афоне...» // Мандельштам, 1993/4. Т. 1. С. 113.

Дорогой Владимир Вениаминович!

Ваше последнее письмо — снова мне радость. И прежде всего мне об этом и хочется написать: как радостны все встречи с Вами. И Вы, и Ольга, и мальчики, каждый по отдельности, и все вместе — как только я увижу, оживаю. Может быть, главное в этой радости — ощущение надежности (не того избегания риска, которого Вы не любите), уверенность, что тут *это* (что это? от чего как-то вымираешь: чем полно наше общество: что грозит всё, что мне мило, свести на нет: что противоположно празднику — «Мудрый Эдип, разреши!»),³⁵³ я не могу назвать) не грозит. Может быть, это то же, что Вы пишете об отсутствии раскола между нами, однако, помня, что «враг силен» и ничего хорошего обычно не оставляет без попыток вмешаться (а кажется, одно из его имен и этимологизируется как «раскольник»), лучше помалкивать, а то позавидует нашему единству.

Начну с ближайших событий. После нашего Сочельника я утром пошла на службу о. Георгия.³⁵⁴ Он говорил чудесную проповедь: что с Рождеством, с Воплощением, мы стали слушаться не внешнего закона, а того, что требует самая глубина нашего сердца. Что Бог хранит нас, когда мы храним друг друга. И что это покровительство не так просто, как мирское или языческое, где от сильного зависит слабый и под. А тут весь Петербург, быть может, хранился безумной Ксенией.³⁵⁵ И это хранение слабейшим сильных — уже в самом Рождестве, в беззащитном младенце, рожденном в хлеву. Так вкратце.

В службе же его нет ничего от о. Димитрия, от его покоя. Наверное, это приходит с опытом. Он показался мне изможденным до крайности, едва на ногах держится, и сам сказал (объясняя, почему не узнал меня сразу), что в этот момент усилием воли удерживал себя в сознании. Страшно за него — но восхищает: он явно решился на всё. И отзыв огромный: все тянутся, стараются как-нибудь его потрогать, но никакого кумиротворения в этом нет. Вместо священника-жреца (как у нас привыкли) он показывает собой священника-друга, без «чуда, тайны и авторитета». Вы говорите: Церковь уже никак не стоит сама? Вот на этом она и стоит, и, наверное, иначе не бывало. Остальное в ней держится на этом, как Петербург на Ксении: и офи-

353 «Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!» — А. С. Пушкин. «Кто на снегах возрас-тил Феокритовы нежные розы?» // Пушкин, 1959. Т. 2. С. 245.

354 Георгий Петрович Чистяков (1953–2007) — православный священник, историк, филолог, богослов, проповедник. Священник в храме св. Космы и Дамиана в Шубине (1993),

настоятель открытого в 1994 году храма Покрова Богородицы при Российской детской клинической больнице.

355 Имеется в виду св. бл. Ксения Петербургская (до 1730–до 1806) — Ксения Григорьевна Петрова, юродивая, похороненная на Смоленском кладбище Петербурга.

циальные решения, и структуры, и богословие в словах. А в основе: «и нет в нем никакого лукавства».³⁵⁶ Помните из жития Франциска: как Папе приснился сон, что этот неизвестный ему нищий поддерживает накренившееся здание латеранского собора? после чего он и дал разрешение «беднячкам» проповедовать.³⁵⁷ Другое дело — я согласна с Вами — что Церковь (даже если представлять ее не как собрание высшего клира, как Вы описываете, но в сумме всех членов) давно не говорит, не рисует, не поет. Вера в верующем молчит и самое большое что делает, очищает его высказывания по другим разным поводам от чрезмерной грубости. А ведь это она говорила в зодчестве, живописи, литургической поэзии, богословии: то, что она говорит в этих областях теперь, это, как сказал бы патриарх Афинагор, «благочестивая археология».³⁵⁸ В лучшем случае. А то и не археология, а симулякр, и не благочестивая, а перепуганная насмерть. А вера делает и воспринимает, как в отце Димитрии. Не говорят, кажется, не поют и не рисуют давно и две ее сестры,³⁵⁹ и мать их София. Это, наверное, и называют в западном богословии «зимующей Церковью»? А что говорит в том, что можно назвать творческим и что располагается за церковной оградой, за этим зимним кругом и по-своему цветет и плодоносит? Поиск, как Вы пишете? Знание об удаленности от центра, о его необладаемости? Не сама любовь, а любовь к любви, не сама надежда, а надежда на надежду, не вера, а предощущение веры... «Предощущенье света», как в давних стихах Вани Жданова:

И в жилы смертные войдет
Предощущенье света.³⁶⁰

Конечно, «расчету и морали» нечего делать в различении, как Вы пишете. Давно я слышала от отца Димитрия, что инструмент, различающий добро и зло, — ум... Ум, — сказал он с неуверенностью, — тупится и перестает рассекать, а острит его, как точильный круг, покаяние. Я тогда уже написала из «Стансов»:

На твой точильный круг, на быстрый шум,
исчезновенье! пусть наложит ум
свой нож тупой...³⁶¹

356 «Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израиль-тянин, в котором нет лукавства» (Ин. 1:47).

357 См.: Второе житие Фомы Челанского // Истоки францисканства. Assisi: Movimento Francescano, 1996. С. 347.

358 Косвенная цитата из книги бесед Оливье Клемана с Патриархом Афинагором («Roma — Амог»: эта книга в переводе Вл. Зелинского ходила в самиздате еще до публикации). (ос)

359 То есть Любовь и Надежда. (ос)

360 И. Жданов. Ода ветру (из цикла «Или смерти коснуться и глаз не закрыть», 1974) // И. Жданов. Воздух и ветер. М.: Наука, 2005. С. 64.

361 О. Седакова. Стансы вторые. На смерть котенка (из цикла «Стансы в манере Александра Попа») // Седакова, 2010. Т. 1. С. 280.

и очень удивилась совпадению картины (точильщик, из детства: они тогда ходили по улицам с криком: Ко-МУУ ножи-ножницы точить! или стучали в московскую кухню с черной лестницы). Правда, покаяние и исчезновение — не совсем одно, но и недалеко друг от друга.

Про «Занимательную Грецию» я думаю так же, как Вы: представить себе, что такая Греция вдохновляла Гёльдерлина! Или Китса, «Оду греческой вазе».³⁶² Хорошо было бы написать что-то вроде «Греция после Греции», обо всем, чем она вдохновляла последующие времена и что историки сочтут замутнением, смещением ее образа, — а было его жизнью. Но такая, гаспаровская Греция, наверное, тоже нужна. Как хронология, которой Вы не жертвуете «внутреннему времени», — или я неправ? Вероятно, я компромисснее Вас. Меня скептический подход Гаспарова задевает только в отношении к Мандельштаму («шифровка»). А о Греции я чистосердечно написала М.Л. глубокую благодарность (которой он, как выяснилось, не получил). Прежде я ему говорила, что такого естествознания, на которое он хочет равнять гуманитарную работу, давно уже нет! я это поняла просто по популярным изложениям физических теорий, не говоря уже о «Номогенезе» Л.С. Берга³⁶³ (не приходилось Вам заглядывать? это альтернатива дарвинистской картине эволюции, и такая красивая — в отличие от «борьбы за существование»!). Но М.Л. продолжал настаивать, что, если для меня есть ценностное различие между Блоком и Евтушенко, скажем, то я не филолог: для биолога ведь нет ценностного различия между слоном и клопом.

Про пушкинскую «прямую реальность» не я придумала: он сам неоднократно говорит об этом и в стихотворении «Демон»³⁶⁴ описал свое искушение: «Он звал прекрасное мечтою etc.» (этот описанный

362 В стихотворении английского поэта

Джона Китса (1795–1821) «Ода греческой вазе» (*Ode on a Grecian Urn*, 1819) сама ваза, «нетронутая невеста тишины», сообщает без слов каждому новому поколению: «Красота — это истина, истина — красота, — это всё, что вы знаете на земле, это всё, что вам нужно знать».

363 Лев Семенович Берг (1876–1950) —

русский биолог, ихтиолог и географ, создатель учения о ландшафте и оригинальной теории эволюции. В книге «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей» (1922) подверг критике дарвиновскую теорию эволюции как результата случайных мутаций, поддержанных отбором: «Образование новых признаков идет не случайно, а на основе закономерностей: новые признаки появляются в определенном, ограниченном количестве, в определенных местах органа или организма, с определенной амплитудой изменчивости.

⟨...⟩ Мало того, новые признаки и новые формы образуются в определенном направлении. Это направление, или иначе — закон эволюции данной группы, можно открыть, если проследить развитие конвергентных форм. Особенно ярко осуществляется определенное направление в явлении предвараения признаков. ⟨...⟩ В мире мертвой материи господствует принцип случайности, т.е. больших чисел. Здесь осуществляются вещи наиболее вероятные. Но какой принцип лежит в основе организма, в котором части подчинены целому, мы не знаем. Равным образом, не знаем мы и того, почему организмы в общем повышаются в своем строении, т.е. прогрессируют». — Л.С. Берг. Номогенез. Л.: Наука, 1977. С. 92–94.

364 А.С. Пушкин. Демон // Пушкин, 1959. Т. 2.

С. 13.

им род демонизма убедительнее лермонтовского). И «демону» своему, цинику, он только и нашел ответить: ну что же, пусть мечта, но «Ах, обмануть меня нетрудно: Я сам обманываться рад».³⁶⁵ Простой детской доверительностью он, видимо, обладал, только когда писал. Или так: знал, что недоверительность есть, что на слово ему не поверят. И Данте так же. Он постоянно обращается к читателю: «Ты можешь не поверить, но вообрази...» Я думаю, возвращенный рай — не тот же, не первый; возвращенный уже прошел через огонь (а таким огнем можно считать и посредственность, и опыт «прищуривания глаз», которому Вас учили в детстве, а меня и теперь не перестают учить: как чего остерегаться, как не упустить какой-нибудь возможности и т.п.). Да, в стихах, наверное, и в мысли эта доверительность та же, первая... Вы скажете, что я разделяю, как Гаспаров, как структуралисты? может быть. Мне никогда не приходилось освобождаться от структурализма, его настроение всегда мне было далеко, и потому я не боюсь, если что-то мое примут за это. В структуральном анализе мне нравилось то, что он не внушает, а показывает свое понимание, что он исключает внушающее, околдовывающее, жреческое слово, которое я слышу в Лосеве. Речь сакрального строя о том, о чем сакральное слово обыкновенно не говорит (о строении слова, которое Вы так едко разобрали,³⁶⁶ или о Ренессансе). А «идейную» основу структурализма, что реально, а что нет, я никогда всерьез не принимала. Ни то («расколдованную действительность») ни другое (волшебную) я не назову «вымыслом». В ответ на Буддову «горящую солому»,³⁶⁷ о которой Вы говорили, можно вспомнить, что и по Воскресении язвы остаются, что и они воскресают. И именно их хочет потрогать Фома для полного уверения. Это, помню, Аверинцев заметил на Пастернаковских чтениях, когда все взялись радоваться, что всё хорошо, что хорошо кончается: Пастернак с нами, и мы с Пастер-

365 А. С. Пушкин. Признание // Пушкин, 1959. Т. 2. С. 147.

366 Например: «Когда русское имяславие и его защитники П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, С. Н. Булгаков говорят, поднимая непрясленный язык до онтологической весомости, что „имя Божие есть Сам Бог, хотя, конечно, Бог не есть имя, далеко не только имя“, то как не хватает здесь платоновского Сократа, чтобы он призвал создателя этой глубокомысленной формулы не успокаиваться на ее загадочной диалектике, вообще не верить никакой ахинеи, даже если это благочестивая ахинея, даже если это очень благонамеренная и культурная ахинея, а, отпустив ум на свободу, спрашивать и спрашивать то, что само собой спрашивается.

Платон предупредил в „Софисте“ 244 d авторов формулы „имя Божие есть Бог“. Если имя есть сама вещь, то, произнося имя вещи, мы произносим прямо и непосредственно ее. Тогда, если бы вещь была только именем, получилось бы, что именую ее мы произносим имя *ничего*, коль скоро вся вещь перешла в имя и за именем в ней ничто. Если же имя есть все-таки имя *чего-то*, это последнее остается за границей имени, имя до него не дотягивает, ускользнувшая от имени вещь остается безымянной. Через эту поставленную Платоном решетку должно было бы пройти всякое рассуждение об имени». — В. Библихин. Язык философии. С. 14.

367 Изречение Будды, что зло — не больше чем горящая солома. (ОС)

наком, и решение о его исключении из СП отменили... Да и было ли то, другое — гонения и т.п.?

Мне очень важно читать Ваши беседы о Поре.³⁶⁸ Я говорила Вам, что без Ваших вещей можно было бы подумать, что установился мертвый сезон. Если позволите, мне не нравится одно (в лосевской статье особенно, в первой половине): запальчивость. Может, это просто различие темперамента, и моменты едкого «вопрошания» задевают меня даже в Сократе. Может, это мой дефект. Мне всерьез нравятся изречения, которые тебя ни о чем не спрашивают, а тихо забирают в свою изменчивую глубину. Вроде китайского: «для благородного горы и воды — одно». Не противоречит ли это тому, что я только что написала — о внушающем жреческом слове? Я понимаю, что речь не может быть построена из изречений, а их субститут — афоризмы, *aparte dictum*³⁶⁹ и под. — совсем не люблю. Не хочется, изо всех сил не хочется помнить то, что заведомо делается, чтобы быть запомненным: вроде Володикиной неохоты повторять метры.

Да, мне очень нравится Ваша полемика — в последней лекции — с тем, что «истинным» полагают только «глубинное», не хронологическое. Ваша апология календаря замечательна.

Да, я еще не говорила о «Мире».³⁷⁰ Конечно, теперь я понимаю Ваше употребление «надрывного»³⁷¹ и совершенно с ним согласна. Но я продолжаю утверждать, что мир присутствует *не только* в надрыве по нему: я думаю, что он в полноте присутствует в Евхаристии, если принимать ее всерьез («Милость мира», как там говорится), он излучается из «мирной жертвы», если такая приносится и вне храмовых условий, из «жертвы хваления». Но она — милость, харизма, *Gratia gratis data*,³⁷² и поэтому, кого она коснулась, тверже всех знает, что ей не обладает. Вы не примете меня за безнадежную клерикалку? Но мне в самом деле странно, что в «Мире» дается образ мира,

368 Курс «Пора (время-бытие)» читался В. Библихиным в МГУ в 1995–1996 учебном году.

369 Меткое выражение (лат.).

370 В. Библихин. Мир. Томск: Водолей, 1995.

371 «Неупущение упущенного целого — это возвращение „мировоззрения“ в старом кантовском смысле, заставляющем глядеть на всё в мире в свете того, на что взглянуть никогда и ни при каких обстоятельствах невозможно. Целого мира мы не видим. Но уже видеть вещи в свете целого значит спасать честь целого. На таком видении всего в свете упущенного и всё равно не упускаемого в этой своей упущенности целого только и могут еще стоять человек и общество-мир. Потому что ведь и

общество-мир — это целое, которое упущено, и сохранить себя оно теперь может только как место, где ушедшее еще продолжает существовать в существе времени, возвращении.

Целое этим еще, конечно, не возвращается. Но уже говоря о мире как веке, полнота которого отсутствует во времени, и о мире как обществе, упустившем целое, мы даем миру присутствовать как упускаемому. Не нужно думать, будто сто́ит нам занять ту или иную позицию, как произойдет что-то вроде хранения мира. Целое присутствует только в нашем надрыве от того, что его нет». — В. Библихин. Мир. С. 144.

372 Благодать, данная даром, то есть без заслуг (лат.).

в котором как будто нет Евхаристии. Или это целомудренное умолчание? Ах, мне на каждой литургии чувствуется, что жертвенник и молящийся священник перед ним и есть центр мира, и он является не только символически, он здесь.

Мне очень хочется увидеть Ваш текст о *Lumen orientale*,³⁷³ и с корыстной целью тоже: может, это мне поможет начать.

Вчера я была на презентации роскошного итальянского тома «Русские в Италии» (для которого писала о Блоке в Италии:³⁷⁴ я не показывала Вам?). Там выступали Е.С. [...] и Ю.Д., который показался мне чудовищным. Он обличал все богостроительства последних веков, начиная с Ницше. Со злорадством *знающего* истину: так вам и надо! я же говорил! Но об этой истине, о «христианских ценностях» он не скажет ни одного примечательного слова (мне кажется, почти та же пустота позитива и у Р.: она как будто что-то благородно охраняет — но кажется мне, если бы знала, что, то знала бы, что этого и охранять не надо). Ох, слишком злословлю. Среди всех участников тома так приятно было видеть Пастернаков, Евгения Борисовича³⁷⁵ с нездешним (я имею в виду: неместным) благожелательством на лице. Как у Страды,³⁷⁶ как у европейцев. Приятно было и послушать Моцарта (Страда изящно пригласил камерный ансамбль; дирижер, впрочем, был в подпитии, которое отгоняло мусическое опьянение). Все-таки уму непостижимо: как человек может извлечь на свет («сочинить» это нельзя назвать) такие вещи, как первые фразы «Маленькой ночной серенады»? Кажется, они такого же возраста, как сам мир. С третьей попытки — вверх и, только верх взят, с третьей же попытки вниз, но иной дорогой, чем вверх. Крайне умно и беспечно. Вы знаете, однажды весной слышала каких-то птиц, которые точно пели начало Сороковой симфонии: ми бемоль-ре-ре, ми бемоль-ре-ре, ми бемоль-ре-ре — соль!

373 Имеется в виду энциклика Иоанна Павла II «*Orientale lumen*» («Свет с Востока», 1996), посвященная восточнохристианской традиции, отклики на которую нам предложили написать. Впоследствии собрание этих откликов (С. Аверинцева, С. Хоружего, В. Бибикина и мой) были изданы по-французски и затем переведены на итальянский. — *Sergej S. Averincev e AA. VV. L'occidente visto dall'Oriente: reazioni di intellettuali russi all'ecumenismo occidentale*. Magnano BI: Edizioni Qiqajon, 2001. (OC)

374 О. Седакова. В поисках взора: Италия на пути Блока // Седакова, 2010. Т. 3. С. 277.

375 Евгений Борисович Пастернак (1923–2012) — военный инженер, литературовед, текстолог, старший сын Б.Л. Пастернака. Составитель и комментатор первого полного 11-томного собрания сочинений Пастернака (М: Слово, 2005); автор первой отечественной биографии Б.Л. Пастернака. Его жена, Елена Владимировна Вальтер (1936) — филолог, соавтор и сотрудник Е.Б. Пастернака в его научной и издательской деятельности. Внучка философа Г.Г. Шпета.

376 Витторио Страда (1929–2018) — итальянский литературовед, славист, историк русской литературы и мысли. В 1992–1996 годах директор Итальянского института в Москве. О. Седакова написала предисловие к книге В. Страда «Россия как судьба» (М.: Три квадрата, 2013).

Впрочем, меня так же изумляет и Ваша жизнь: как Вы со стольким справляетесь? И как будто не заметно изнурения. Дай Вам Бог счастливого продолжения!

Видите, я опять не могу кончить писать Вам.

Нежный привет Ольге — и я жду обещанного ею текста о Лейбнице, мне неведомом.

Поцелуйте, пожалуйста, Рому, Володика и Олега! К сожалению, наш мираклъ в этом году не состоялся. Может, в святки будущего...

До скорой встречи, надеюсь,

Ваша

О.

P.S.

Вот новый стишок котенку, на мотив той же колыбельной:

А я Джоника люблю

А я котика хвалю

За его трехцветный хвост

За его заметный рост

За медову губку

За пухову шубку

За румяны ушеса

За туманны очеса

За усы, за лапотки:

Не узки, не коротки.

И вот такой, с изысканной строфой:

Мой дивный друг, мой Джон, эсквайр!

Ты не зверок, ты мост над бездной:

Когда блеснет твой взор любезный (*вариант: полезный*),³⁷⁷

Я мигом остаюсь в живых.

И потому коробку сайр

Изволь принять — мой дар смиренный:

О утешитель несравненный!

Ты можешь есть за четверых.

Дорогая Ольга Александровна, в той инициации, какой оказываются для меня все разговоры с Вами, самое захватывающее то, что Вы без всякого подобия путеводительства ищите — итератив от общего индоевропейского «идти», как бы идете вдвойне, замечая и с вниманием. Так «религия» — это этимологически «двойное чтение», прочитывание знаков как их почитание, почтение к ним. Чаше встречаешь другую манеру, уверенного экскурсовода. Наверное, такой же посвяtitель о. Дмитрий. Именно об этом внимании постоянно говорит владыка Антоний, но он именно говорит, а Вы и о. Дмитрий молча это делаете. Я давно не нахожу и не вижу ни в чем покоя, кроме как если успеть сразу вернуться, сейчас и в каждом сейчас, к «этому», которое конечно «не то и не это», как бы ни горько отрезвляло открывающееся. В писании, в говорении, если не «тянет», если вдруг прерывается какая-то тяга, я никогда уже не договариваю ни до точки, ни даже до следующего слова, бросаю, и, как ни странно, тогда — и только тогда — ниточку словно кто-то подхватывает снова, хотя ведет ее может быть уже в другую сторону. Это то, что называется «бросить слово», «уронить»?

В о. Георгии Чистякове то же искание, по-моему, не в слове, которое у него все-таки филологическое, а в поступке, подвиге проповеди, выступления перед народом, в чем он, кажется, нашел себя. Я смотрел на него, и время и Москва словно раздвинулись, словно одновременно ожил конец XVII в., возродился в этом храме и вокруг, и вместе открылось то, чем Москва будет. Он тут — именно в поступке и подвиге — кажется даже и пророк новой Москвы. Между прочим, мне кажется, о. Георгий вписывается в новые отношения, в скорое богатство и его причуды широкой Москвы, в соединение денег и религиозного порыва. Он первый, он рискует, он несет на своих плечах уже раскол, т. е. не в том смысле, что его начинает, а именно способен вынести. Он именно реформатор, и ни о каком «покое» ни теперь, ни в будущем вокруг него мечтать не приходится. Поразительно, что в Вас есть размах для принятия таких противоположностей — о. Георгий и о. Дмитрий.

То, что Церковь теперь, Вы правы, давно не говорит, не рисует, не поет, это как небеременная женщина, которая не носит ребенка, только уже или пока. «Зимующая Церковь», как опять же Вы говорите. Острота именно в чередовании. Я когда говорю, что Церковь сама не стоит, то раздражаюсь только на тех бездарей и клопов, которые приспособливаются к статусу кво и не имеют воображения ви-

деть, как всё их устройство (икономия), которое они выдают за устройство самой Церкви, будет снесено, как Христос снес столы менял. Вовсе не обязательно, что за церковной оградой будет только любовь к любви и надежда на надежду: там и настоящая вера, и софия, в полноте и признанности, и широко войдет в новую или обновленную Церковь и уже входит.

Я не думаю, что «Демон» 1822 года имеет хоть какое-то отношение к «прямой реальности». Он «на жизнь насмешливо глядел» и принадлежал к тому же пространству войны, «там натиск пламенный, а тут отпор суровый», что и всё настоящее у Пушкина, без — все-таки — какой-то третьей примиряющей силы. Какая же демон прямая реальность, он спасение как раз от нее, способное раз навсегда отшибить всякую заманчивость «заржавой трубки»³⁷⁸ и ее якобы настоящесть. Или я Вас как-то не понимаю. Ни посредственность, ни уроки благоразумия я «огнем» считать никак не могу, ни соблазном, ни даже просто силой, только скукой. Гаспаров признаёт «реальность», как перевешивает номерок на табельной доске, придя на службу и конечно табельную доску не любя, но считая необходимой, как отчет сектора. На мое счастье, кроме армии, как тюрьмы, где за неподчинение я и сидел на гауптвахте, это особая статья и там подчиняешься невольно, вольного подчинения ничему, кроме почитаемого, я всю свою жизнь не знал и расплату за это, которую я плачу, вовсе не считаю слишком большой, да она и не большая. «Ты знаешь, кто я? Я про-раб», — печально сообщал Аверинцев Ренате, когда был заведующим сектором; я бы никакой отчетности и планирования не потянул, административные пассы Иванова на кафедре мне казались смехотворными и позорными (бумага с обоснованием Института культуры), и я не хотел бы под них попасть. Из этой крохи своего по моему удачного и нетрудного опыта я догадываюсь, как легка и весела была, должна была быть Пушкину его свобода от «прямой реальности» и как он принял плату за нее, смерть на дуэли. «Демон» в этом свете вполне принадлежит «тайной свободе», восторженному стоянию «у бездны на краю».

Мне нравится, что Вам не нравится то, что Вы эвфемистически называете «запальчивостью» моей статьи о Лосеве. Пусть она, на самом деле шпанистая (шпанская? как сказать?) останется мне памятью о годе, когда я, нищий и раздерганный, сидя за чужим верстаком, странным образом вернулся к давним годам, когда, тоже нищий, выгнанный со всех работ, я брел темным вечером после секретар-

378 Прозаическое описание Бахчисарайского фонтана из письма Пушкина Дельвигу.

См.: А. С. Пушкин. Отрывок из письма к Д. // Пушкин, 1959. Т. 7. С. 281.

ства у Лосева, получив пять рублей за 30 страниц сложных рефератов по Аристотелю, неприкаянный и безнадежный, потому что, честно, никогда, ни тогда, ни теперь, у меня не было стратегии и тактики устройства; только те крохи, которые после наблюдения никто уже не брал, я подбирал. И дальше, что-то от шпаны, от ростовского детства или от принудительных работ на канале, было и у Лосева, и мой тон миметический. — В свое оправдание я могу сказать, что те тексты, с которыми я про себя связываю всё, что пишу, не объясняя и не договаривая, и которые как бы ключ к неглавному, вроде замечаний о Лосеве, не напечатаны и Вы их не читали. Многие из-за этого понимаются прямо наоборот, но я нарочно — мне это как-то кажется интересным и необходимым — оставляю недоговоренности. — Как и в несуществующем «Мире», который, конечно, тоже вызов, только не благородное «целомудренное умолчание», которым Вы меня готовы щедро наградить, а скорее просто упрямство, из-за которого я с детства почти никогда ни в каком случае не оправдывался. Мне самому неловко и беспокойно, что я «состарился, а жить не устался», как говорила мне мама, и я хотел бы солидности и глубины.

Ю.Д. и мне кажется чудовищным, или скорее бодрым инвалидом на протезах. Вы еще не слишком злословите, а я так люблю сплетню, о себе в том числе. Д. хочет быть всегда острым, как Маркс, и разить умом. Привычка говорить с блеском и — это особенно в последние годы — нравственно делает каждую фразу только подтверждением того, что и требовалось доказать. — Так же у П.П. уверенность первого мыслителя современности только и оставляет каждому ее слову быть торжеством разума. Торжество оно и есть, потому что П.П., особенно тоже последние годы, отстаивает рационализм против темноты, и несравненная рациональность каждой ее строке обеспечена опять же ее умом.

Как когда Вы перестарались и очистили Москву на ночь вообще от всех милиционеров,³⁷⁹ так Ваше пожелание нам счастливого продолжения нашей авантюры мне уже слышится обещанием. Хотел бы я с такой же действенностью желать Вам подобного.

Ваш

В.

379 Бибихин вспоминает, как он не мог бы проехать по Москве (из-за отсутствия водительских прав или чего-то в этом роде), а я сказала: «Ничего, обойдется!» Наутро он рассказал, что не видел в городе ни одного милиционера. (ОС)

Дорогой Владимир Вениаминович, мне хотелось сразу же написать, что Ваша лекция произвела на меня самое сильное впечатление, которого я устно не выразила вполне (говорить по-русски хорошее в глаза так трудно!). Мне стало жаль, что предыдущие лекции я читала, а не слушала. Ваше произнесение — готового — текста удивительно облегчает контакт с ним: попадаешь в движение мысли. Писанный текст настраивает на результат, сам по себе, одним фактом своей беззвучности, *n'est pas?*³⁸⁰ И на лекции я вполне ощутила переживание чистой мысли, живой и настоящей. Слушая, я со всем соглашалась, с точкой и целым, с их единственным видением, с дугой между ними... Вы передаете опыт внимания к таким вещам, которыми, мне кажется, русская мысль не занималась — и мне казалось, что у нее к этому таланта нет, что она какая-то неизлечимо бытовая (это к разговору о Соловьеве и других), в отличие от нашей же поэзии и живописи (я имею в виду, старой: вот сейчас я люблю репродукциями карельских икон, и это да!).

С «третьей силой» у Пушкина какое-то недоразумение: Вы говорите то же, что я, — но возражая мне!³⁸¹ Вероятно, я как-то не могу выразить, что имеется в виду. Третья сила состоит из этих же двух противоборствующих, но в их чистом виде, а не в теневом. Опять непонятно? Есть поэзия покоя — и проза покоя; поэзия порыва — и проза порыва и т.п. Есть, наконец, поэзия прозы (как в «мой идеал теперь хозяйка»³⁸²) — и проза прозы (о которой говорит «историк строгий»³⁸³). Что из этого считать мечтой, а что правдой, дело выбора. Вот примерно об этом я пишу в «Медном всаднике». Я не могу понять, что Вы не принимаете или чего я не выражаю.

Редактор НЛО поделилась со мной таким замыслом: публиковать живые отклики на происходящее, заметки из дневника, обсуждение чего-нибудь происходящего в переписке. Я сказала, что мы с Вами переписываемся, — и она предложила, чтобы мы переписались на какую-нибудь тему из нынешних и отдали ей в журнал. Как Вы думаете? Мне кажется, это не совсем естественно: обсуждать что-то, имея в виду читателя? Или так можно, как на старинных диспутах, которые любил посещать Данте — и потом мог пересказать все реплики во всех их связях, как об этом писал Боккаччо.³⁸⁴

380 Не так ли? (франц.).

381 Мы обсуждаем мою работу «„Медный всадник“: композиция конфликта». (ОС)

382 А. С. Пушкин. Евгений Онегин // Пушкин, 1959. Т. 4. С. 188.

383 А. С. Пушкин. Герой // Там же. Т. 2. С. 320.

384 См.: Дж. Боккаччо. Жизнь Данте // Мир Данте: В 3 тт. М.: Терра, 2002. Т. 3.

Еще мне хочется снова сказать, как хорошо и родно у Вас дома, с Ольгой, с мальчиками... Давайте не расставаться, пока это возможно.

Всей душой желая Вам доброго продолжения

Ваша

ОС.

28 февраля 1996 (а писала неделю назад)³⁸⁵

18.5.1996

[...] ³⁸⁶

Москва, 26.6.1996

Дорогая Ольга Александровна, спешу добраться через приятные (разглаживающие, наводящие порядок) хлопоты до письма Вам — которая вся потонула в Риме, как мне кажется отсюда, почти теряясь из виду, отслаиваясь от далекой и в сущности не такой уж важной страны на северо-восточных задворках Европы. С Вами могло случиться важное, неожиданное, что как-то сместило бы центр Вашего существования. Пишу, надеясь, что все-таки это не непоправимо. Моя Ольга просит передать Вам сердечный и трепетный, кажется, так она сказала вчера за городом, поклон. — Мы живем там давно уже — приехав в город только на два дня для Олиного экзамена — в каком-то постоянном, осязаемом счастье, посмотришь — так беспричинном, но от этого более прочном; хотя ведь и не беспричинном, а полном, полновесном. — [...] Никаких тревог не осталось у Олечки, только благодарность за часы увлечения, с университетом связанные, и прощение всем. Это было примитивное прощание, нечаянно она получила четверку — потому что сказала, что не учила Ломоносова и Радищева, а ведь неправда, она читала их философию в свое время, разве что не осталась о ней блестящего мнения — и приехала домой легкой и свободной. Так Бог дарит, из воздуха воздух. — Еще счастье связано, только никому не говорите, у меня с предчувствиями, общими и личными, они те же, что все чаще появляются за последние 2,5 года (т.е. как раз после жутко-

³⁸⁵ Подписано от руки. (ОЛ)

³⁸⁶ Пропускаю целиком «сердитое письмо», о котором речь заходит в дальнейшем: это была моя попытка уговорить В.В. обратиться к врачам. (ОС)

го конца 1993-го), о рае, может быть очень коротком, в России, а в отношении себя — что долгий кризис этой весны, как трудный экзамен с неясными билетами, вопросами и экзаменаторами, я прошел, как всегда, все экзамены на пятерку, и теперь куда-то пропущен. Куда? я не знаю. К мелочам вроде «продолжения жизни» это не имеет отношения [...] главное другое, что не скажешь, и что опять же похоже на воздух, но *другой*, чем тот, о котором много говорят и который испорчен машинами. Какой? [...] В проповеди в Лазареву субботу о Димитрий спокойно говорил о чуде, которое совершилось «накануне крестных страданий» и словно рядом с ними, от их близости не делаясь меньше, оставаясь «делом силы и могущества», рядом вещи, которые пошлому сознанию кажутся контрастом («раз ты сильный, сойди с креста»). О. Димитрий говорил спокойно и наивно, т.е. со святой верой, «все умершие и истерзанные зверями примут свой облик; мы причащаемся телу Христа, потому что (!) и мы имеем надежду жить вечно — дай Бог всем радости». Это та же радость, как на древних мозаиках, которые я почувствовал благодаря Вам, не имеющая отношения к близости «смерти». — А со мной, может быть, просто экзаменатор заметил, что я по слабости не люблю и не выношу телесного дискомфорта, и милостиво снял его, как он умеет, вдруг и совсем, восстановив легкость, как в детстве.

Славянский (я не ошибся в фамилии?)³⁸⁷ прислал мне письмо с угрозой («я пожалею скоро») и обиженное, хотя там же зачем-то хвалит меня за мои переводы (?!). Я ему ответил, сказав честно, что меня огорчило его читательское мнение, что мое письмо в «НМ» «бездарно», но всё равно я благодарен ему за отзыв, какими нас вообще редко балуют — и что сам разбирать его статью не мог, не уловив главного: как это он пишет, что поэзия всех приводит в «гармоническое движение»? Статистическое большинство начинает наоборот открыто или про себя глумиться, о том же говорит и его письмо. В конце концов я желаю ему успеха, и это понравилось Ольге. — Вы видите, я пишу Вам в нетерпении без особого дела, просто от суеверного страха, что Вы так в Риме и останетесь. — Мне очень нравится эта правда, которую Вы говорите о Пушкине, что его драматургия, критика, историография (! особенно! этого чистого тона просто *никто* не принял у нас и не понял, все ударились в горячку «исправлений»!), письма не имели продолжения. — Кстати, из наших писем я не думаю, что можно что-то извлечь для НЛЮ, всё неизбежно будет встроено

387 Николай Славянский (псевдоним). Речь идет о его разгромной статье в «Новом мире», посвященной моим стихам. Биbihин ответил на эту статью, но его ответ не был опубликован. (ОС)

в жанр, т. е. если они спокойно дадут страниц 100 для того, чтобы можно было давать полные тексты, — но этого мы сами не захотим. Что возможно: что мы действительно возьмем себе намеренно темой, например, читать какое-то время подряд новые журналы, не так уж долго, словно выглянув в окошко на двор ненадолго. Но получится слишком хлестко и едко, и для кого? Так что из идеи отдать что-то в журнал *реально* может получиться только одно: выписать за годы из писем и дневников просто *лучшее* из наблюдений о литературе, только с этим критерием *лучшего* — это будет краткое, т. е. соревноваться с Гаспаровым, что теперь, после его вызова (имею в виду его заметки в конце № 16 и 17 НЛО³⁸⁸), вроде бы даже и необходимо. Ваши путевые заметки,³⁸⁹ которые я бегло видел и к которым у меня такая жадность, как если бы вдруг были обнаружены новые письма и дневники Пушкина, — я мог бы выбрать из Ваших записок и дневников, а Вы из моих, зря Вы их боитесь, там нет ничего личного и никаких «самоанализов», я и начал писать сплошной дневник, когда отслоился от себя, и пишет словно рука со стороны, проверки и наблюдения. Это вот только и могло бы получиться, короткие фрагменты, как афоризмы, без связывания, без темы. — Я не жалею, что не поехал в Рим, мне там все-таки себя не виделось иначе как на улицах бродящим с Вами, за городом, у моря, а по-честному ведь платили бы мне за «теологию истории», «отклики об энциклике», и тут бы у меня появлялся скверный дискомфорт, а я так люблю комфорт. Я почти рад, что рецидивы весеннего, теперь уже совсем редкие, все-таки дают мне честное право жить, как Цинциннат.³⁹⁰ — Вот перечитывать Ваши письма, тысячу раз предвкушать рассказы и может быть новые письма — другое дело. — Теперь мне вдруг кажется, что с Вашего разрешения подборку мест из Ваших писем такого рода, как я сказал, я мог бы для НЛО сделать уже теперь. — Федье всё равно хочет переводить «Похвалу»,³⁹¹ уже просто для себя, потому что он думает, что Вы юридически передали права на перевод Жислен Барде, так что появление любого другого перевода будет пиратским, но я ему сказал, что Вы и ему тоже дадите право перевода, не правда ли? в конце концов, он начал раньше.

388 «Записи и выписки», затем вошедшие в книгу: М. Гаспаров. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

389 Дневниковые записки о путешествии по Германии. Не опубликованы. Премия Топфера (Alfred Toepfer) (Пушкинская стипендия), полученная Ольгой Седаковой в 1994 году, представляла собой оплаченное путешествие по Германии, маршрут которого выбирает сам награжденный.

390 Римский патриций Цинциннат (ок. 519 до н. э. — ок. 439 до н. э.) был оторван от сохи и призван сенатом на пост диктатора для борьбы с племенами эквов и вольсков. Через две недели, одержав победу, он вернулся к своему хозяйству.

391 «Похвала поэзии», которую Франсуа Федье начал переводить с французского подстрочника В. В. Библихина, вышла в переводе Жислен Барде: Olga Sedakova. Éloge de la poésie. Traduit du russe par Ghislaine Capogna Bardet. Lausanne: L'Âge d'Homme, 2001.

Прошу Вас, передайте от меня поклоны Сергею Сергеевичу, скажите, что мое отношение к нему такое же точно, как 30 (!) лет назад, когда я сидел замороженный на его лекциях по эстетике отцов Церкви, — и Константину Борисовичу Сигову тоже, с теми же мыслями, что мое удивленное и восторженное отношение к нему никогда не переменится. — С пожеланиями счастливых встреч в Риме, с надеждой увидеть Вас в Москве уже 4 или 5 июля, с поклонами от Олечки —

В.

[Из Рима, 2.7.1996]

Дорогой Владимир Вениаминович,

Che peccato che non è qui!
mi spiace tanto, davvero!³⁹²

Пишу Вам эту записку, пьяная *fisicamente, anche moralmente*³⁹³ (так выражается автор книги, которую я перевожу, про *Fuga mundis*).³⁹⁴

В конце дня, когда мы встречались с Папой.³⁹⁵ Что сказать: он понимает всё. *Miracolo!*³⁹⁶

Спасибо Вам за письмо. Я Вас так люблю, и Ольгу, и деток. Пия Пера³⁹⁷ (автор итальянской версии «Онегина») шлет Вам открытку из своей родной Лукки, где мы о Вас говорили, и мальчикам Вашим приобрили плавательную черепаху (надеюсь, довезу).

Надпись на открытке с видом Лукки (S. Michele, Sec. XIII):

Лусса, 22.6.96. Владимир Вениаминович, мы с Ольей очень о Вас беседовали — может быть, мы когда-нибудь встретимся — вот архангел Михаил, который нас похранил в городе Лукке — Пора, пора! Всего хорошего Pia Pera.

Несмотря на то что Рим мне дом родной, скоро я вернусь (не знаю пока числа, может быть, 8 июля, а может, через неделю еще).

392 Как жаль, что Вас тут нет! Мне в самом деле жаль! (*итал.*).

393 Физически, а также морально (*итал.*).

394 Речь идет о книге Т. Шпидлика «Духовная традиция восточного христианства. Систематическое изложение» (изд. Paoline, 2000). Ольга Седакова переводила главы о видах монашеской аскезы.

395 Речь идет о «Соловьевских встречах» у Иоанна Павла II. (ос)

396 Чудо! (*итал.*).

397 Pia Pera (1956–2016) — итальянская писательница, переводчица, славистка. Моя давняя подруга. Изучала старообрядчество, переводила «Житие протопопа Аввакума», переписку Курбского и Грозного. Ее перевод «Евгения Онегина» стал бестселлером. Последние годы писала о садоводстве и сама им практически занималась в своем саду в Лукке. (ос)

Простите за каракули!
Поздравьте Ольгу с окончанием (ее просьбу я исполнила до отъезда).

Не болейте, пожалуйста.

Целую Рому, Володика, Олега, Ольгу и Вас.

С нежностью

Ваша

О.

Посылаю Ольге подарок от Папы, четки

Вложена открытка «CITTÀ DEL VATICANO — Guardie Svizzere all' Arco delle Campane», с надписью Ольги Седаковой:

В эти ворота мы сегодня входили.³⁹⁸

Азаровка, 28.7.1996

Дорогой Владимир Вениаминович,
я жду, что Вы, как собирались, навестите нас на днях — и наконец я увижу Ольгу и мальчиков (очень соскучилась), и при этом берусь писать письмо. Я читаю Ваше, полученное в Риме, и вновь думаю: какое счастье, что мы знакомы — и для меня поучительное счастье: помнить о вашей (Вашей и ваших) постоянно живой жизни — плодотворной в гётевском смысле.

На Ольгин день слепой Вадим, которого мы провожали, исповедовался, и очень громко, так что мне, ожидавшей очереди, было по-неволе слышно: «Грешен в неисполнении евангельской заповеди: „Продай имение и раздай нищим“». — Ну, это потом, — спокойно сказал отец Димитрий, — а пока... — и тут они заговорили тише. Со мной он был милостив — как всегда? нет, не всегда.

Здесь в Азаровке римское время захлопнулось в какой-то мимолетный миг, едва ли и бывший. А ведь в нем — благодаря колоколам Santa Maria Maggiore, слышным в моей келье, — отбивалась каждая четверть часа. А за ужином на крыше близко над столами пролетали ласточки.³⁹⁹ Все-таки жаль, что Вы туда не приехали. Мне кажется, Папа непременно полюбил бы Вас. Я прочла тут его книгу «Переступить порог надежды» по-русски, и мне так нравится! Такой личный опыт за этим. Например, в ответ на вопрос: «почему Бог не обнаружит Себя как-нибудь пояснее?» — он говорит: «мы вправе сказать,

398 Также вложены еще открытки: «SACRE GROTTIE VATICANE Veduta generale della „Confessio Sancti Petri“», «PARIS, Montmartre, Au Lapin Agile», «SUBIACO — Sacro Speco — (Sec. XIII) Il primo ritratto di S. Francesco d'Assisi».

399 Речь идет о жизни в Centro Aletti, задуманном как место встречи восточной и западной традиций христианства. Постоянные насельники этого центра — преподаватели Папского восточного института (Istituto Orientale).

что Бог слишком много открыл людям самого важного, внутреннего, Божьего; открыл Себя в Своей тайне, не считаясь с тем, что *откровение это в известной мере заслонит Его от наших глаз*, ибо нам не вынести избытка Тайны». ⁴⁰⁰ По-итальянски, думаю, это сказано еще точнее. Вам, конечно, не понравится, что Хайдеггера он зачисляет в общий ряд послекартезианской мысли, «рационализма». Но в целом в его словах я слышу то же предчувствие — счастья? величия? — как то, о чем Вы пишете, только что у него оно касается не России, а всего мира: он видит нашу эпоху не как конец* (*при этом бездарно понятый конец; физиологическое дряхление, выветривание, растрачивание последних сбережений — как во всех этих пост-настроениях), пост-..., а как канун. Этого я не чувствую в словах владыки Антония: кажется, что будущее, здешнее будущее, перед ним закрыто. Или это бодрость западного христианства, недоступная нам?

6.8.1996

Теплые дни прошли, похолодало, а Вы не появились. Я надеюсь, не из-за чего-нибудь плохого.

Вчера был сороковой день Никите Ильичу,⁴⁰¹ и я знала, что собираются в Ясную Поляну, где его похоронили. Но из Азаровки, которая на полдороге в Ясную, мне выбраться невозможно. Жаль.

Теперь мне стыдно, что я написала Вам то письмо. Извините. Нельзя, наверное, вмешиваться в чужие экзамены...

Кстати, в Риме я сказала Сергею Сергеевичу, что, по-моему, самую серьезную мысль содержит — во всей нашей книжке ⁴⁰² — Ваш отклик. «Я не могу сказать, что это за мысль, — ответил Аверинцев. — Вероятно, я слишком глуп, чтобы понимать Володины писания в целом. Мне *очень* нравятся кусочки, которые я понимаю, но целого никогда не могу схватить». Я рассказала ему, что среди видов «побега от мира», о которых я переводила, есть и такой: ксенитея, добровольная жизнь в чужих странах. Он оживился: «Видимо, это и есть моя жизнь теперь, ксенитея». У кардинала Ратцингера он не сразу смог назваться (нужно было быстро представиться профессионально) — и потом объяснял, как его смущает этот вопрос. «Нужно начать с того, что была такая страна, Советский Союз, где некому было делать множество вещей. И это множество вещей я делал; вероятно, хуже, чем требуется... И назвать себя, как другие, — „специалист по агиографии“ и т.п.

⁴⁰⁰ Иоанн Павел II. Переступить порог надежды. М.: Истина и Жизнь, 1995. С. 27.

⁴⁰¹ Н. И. Толстому, который умер 27 июня 1996 года.

⁴⁰² Книга откликов на папскую энциклику «*Orientale Lumen*» (см. письмо Ольги Седаковой от 17.1.1996).

не могу...» Этот момент разрыва с прошлым, ухода прошлого часто появляется в его словах. Я читала там по-итальянски его сочинение о христианской ценности брака, написанное не как ученый обзор богословия брака, но из личного опыта. [...] Если бы я была сторонницей свободной любви, такая похвала браку меня бы только утвердила в этом прискорбном мнении. Книжка о богословии брака называется «Ребро Адама», «Costato d'Adamo», и состоит из двух частей: упомянутого сочинения С.С. и общего обзора темы иезуитского ученого.⁴⁰³ Между прочим, мне очень нравятся молодые стихи Ахматовой с таким живым опытом этого ребра:

из ребра твоего сотворенная,
как могу я тебя не любить?
И когда замираю, смиренная,
на груди твоей снега белей,
о как бьется оно, вдохновенное,
сердце, солнце отчизны моей!⁴⁰⁴

Чье это сердце? А С.С. толкует «в плоть едину» совсем не так, как-то по-немецки... В Евангелии, в противопоставлении «отцу и матери», брак выглядит как предельная свобода, правда? Забвение свободы. «Сердце, солнце отчизны моей». За границами такой отчизны — ксенитея. Но у Ахматовой это писано не про законный брак (кажется, посвящено Недоброву).

Позавчера за мной заехала Аня⁴⁰⁵ и увезла в Поленово. Там был детский спектакль и всё, как прежде и почти как в прошлом веке. Хорошо бы когда-нибудь привезти туда, на спектакль Ваших мальчиков. Там, бывает, участвуют и ровесники Олега. Кстати, большой спектакль назначен на 24–25 августа. Я уверена, они были бы рады Вашему приезду.

Пожалуйста, передайте мой нежный привет Ольге. И поцелуйте Рому, Володика и Олега.

Храни вас всех Господь.

Ваша

О.

404 Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?
<...>
Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!

— А. Ахматова. «Долгим взглядом твоим истомленная...» // Ахматова, 1998. Т. 1. С. 368.

405 А.И. Шмаина-Великанова.

403 *Sergej S. Averincev, Marko I. Rupnik. Adamo e il suo costato. Spiritualità dell'amore coniugale. Roma: Lipa, 1996.*

Дорогая Ольга Александровна,
Ваше присутствие, разговоры с Вами, Ваши письма действуют на меня, как, наверное, настоящие лекарства на людей, которые их принимают (я медицинских никогда и никаких): бесцветно, безвидно и незаметно всё исправляют эффективно и без эффектов. И еще я кажется догадываюсь: Вы любезны ко мне от боли, от усталости от человечества (посредственности), радуясь всякому, кто всерьез не любит посредственности и хочет вырваться из нее. — Ваш текст о Бродском на 6 страницах⁴⁰⁶ — это сжатая энциклопедия о нем или обстоятельный портрет; как обычно, Вам удалось написать компактно, сказав в малом собственно всё. Это и есть, наверное, собственно письмо: в каком бы объеме не пиша, сказать целое? Тогда объемность, длина приобретают другую полноту: не суммы деталей, а орнамента, музыки, молитвы, архитектуры, скульптуры под открытым небом (как в Древней Греции). Вы не говорите почти ничего о технике Бродского, о его искусстве, не входите в разборы, и правильно делаете: явно нобелевский лауреат, как многие поэты, многое умеет. Вы говорите о первых решающих движениях воли, человеческого существа, принятия или отталкивания Целого (тут мне вспомнилось, что Ваше имя этимологически то же слово, что «целое»), добра-зла, зная, что этим всё всегда определяется в жизни или в искусстве (жизнь, которая не стала искусством, зачем? она не самостоятельна, она должна ждать, когда о ней подумают и скажут). Мира с миром или просто мира у Бродского нет, есть зоркость, тоска, ум. Бог его как бы коснулся, не повернувшись к нему лицом, не успокоив. — И я невольно снова, как и вообще часто, думаю о том, что дает Вам право и обязывает так говорить, как в Швеции о Бродском: Ваше продолжающееся незаметное стояние в славе — говорю как «в слове», в слышании, и это противоположно телевизионной славе. Такая вот открытость и дает Вам дарить, и делает Вас подарком — как например для моей Ольги, которая только в Вас, но не в близких даже, видит внимание прямо к ней.

Все-таки мне грустно, что Вы до сих пор боитесь с моей стороны еще каких-то мнений, позиций, суждений, решений: ничего такого у меня давно уже нет и никогда не будет. Мне не может не понравиться, что Giovanni Paolo II зачисляет Хайдеггера в общий ряд послекартезианской мысли. Я, смею сказать, теперь, долго следив за каждым поворотом мысли Хайдеггера, т.е. словно слушая его мысли (перевод это позволяет), вижу, какой он тонкий, бесконечный, лу-

406 О. Седакова. Кончина Бродского // Седакова, 2010. Т. 3. С. 477–490.

чик в широком спектре, и как малейший сдвиг этого лучика сразу всё сбивает и замутняет, и у него самого тоже. Он это прекрасно знает, отсюда дисциплина *nur auf einen Stern zu gehen*,⁴⁰⁷ требующая строгой настройки луча на точку почти без объема. Так и всякий великий, так и сам Giovanni Paolo II, чей единственный луч может быть в улыбке, в жесте благословения, в разговоре наедине с Вами. Тонкая настройка, а рядом сразу невразумительные шумы. От иллюзий излечивает негордыня, смирение.

Мне грустно еще, что Вы можете жалеть о своем сердитом письме 18 мая 1996. Не оно ли было незаметным лекарством? Может быть. Что было бы, если бы Вы его не подали? Я действительно освободился, как после экзамена, этой осенью. В этом сентябре я чувствую себя... как в сентябре, с ожиданием октябрьского волшебного тепла, ноябрьской пустоты, декабрьского снега — густой снег на ветках в начале декабря всегда завораживал меня на 2–3 дня, когда я не мог говорить, только идти, думать, читать на ходу, писать. Когда я напечатаю написанное за последние 5 лет, книг 10, я начну печатать старое, не говоря, когда это писалось, и люди скажут, что я с годами сильно изменился. — Вы правы, я не способен оторваться от себя; как графоманию, я несу это иго, и помогите мне его сбросить, не вместе со мной самим. — Между прочим, главная, постоянная мысль Ханны Арендт: настоящее начинается только там, где оставлена забота о жизни,⁴⁰⁸ как Вы пишете в «Круге чтения» о Ерофееве.

Аверинцев. Он, кажется, отстраняется от себя, когда пишет стихи, словно смотрит в зеркало. Он уходит тогда в невидимость, т.е. где нет настоящего Аверинцева, так это в его стихах, как он жутко говорит. «Сергей Сергеича маразм Себя окутал в плеоназм: но порождает плеоназмы В умах соблазны и сарказмы» — здесь о слишком многом говорит «но» вместо неслышанного «и»: об оглядке на других человека, глядящегося в зеркало, при, казалось бы, безразличии к мнению толпы. Сейчас (полдень 14.9.1996) Аверинцев у о. Георгия, но не Чистякова, а Кочеткова, на открытии гимназии или лицея при общине. Я звонил Наташе, она осталась дома, хотя сегодняшняя по-

407 Только одной звезде следовать (нем.).

408 Ср.: «Всякий отваживавшийся войти в политическое пространство должен был прежде всего быть готов рисковать своей жизнью, и слишком большая любовь к жизни могла лишь встать на пути свободы, считалась явным признаком рабской души. <...> „Правое и хорошее житие“ <...> как Аристотель называл жизнь в полисе, было таким образом не столько благополучнее, беззаботнее или благороднее чем обычная жизнь, сколько иного ранга

и иного качества. Хороша она была только в той мере, в какой ей удавалось подняться над жизненными нуждами, избавиться от труда и работы и в известном смысле преодолеть жажду жизни, природную у всех живых существ, в значительной мере избежав порабощения биологией жизненного процесса» // Х. Арендт. *Vita activa*, или о деятельной жизни. Пер. с немецкого и английского В.В. Библихина. СПб.: Алетея, 2000. С. 48–49.

года для Сережи нехороша, потому что подвернула ногу в квартире и не может ходить. Ваня, оказывается, все-таки не в Москве, а в Швейцарии после операции, хорош и счастлив. Маша, 20-летняя, самостоятельная, на 4-м курсе, никем, говорит Наталья Петровна, не увлечена: «Ты знаешь, мама, мальчики-филологи все или тупицы, или уроды, или то и другое вместе». Она вела в еврейском университете английский и с гордостью принесла 200 долларов. Сережа боится здешней сырости и не будет в Переделкине, разве что на день, до отъезда 27 сентября. Наташа говорит неспокойно, у нее много проблем, в том числе как всегда с кошками. [...] Вы спрашиваете о стихах Ахматовой «И когда замираю, смиренная... О как бьется оно, вдохновенное, Сердце, солнце отчизны моей!», чье это сердце. На самом первом уровне понимания это сердце Адама, и может быть с этого уровня не надо уходить. Бьется сердце Адама, из которого было вынуто ребро, а не сердце потомков, из которых ребра не вынимали. Когда Ахматова любит, то становится Евой и дарит другому быть Адамом. В этом божественном преображении основа брака, о чем помнит обряд крещения. Божественное подходит настолько близко, что плотское оказывается уже вторичным. В Другом просвечивает божество. Но Аверинцев с самого начала, я говорю, слишком взял дело брака в свои руки, человеческого решения и хранения, самого возвышенного и благочестивого конечно, и божество осталось вне такого брака: двое в браке стоят перед Богом. У Ахматовой двое видят, как один, друг в друге богов, как одного Бога. Это событие происходит до брака, всё равно, законного или нет, а иначе брак будет не то. Со своей стороны, само по себе откровение божества в другом всегда именно *то*, даже если брака никакого нет или он извращен. Брак оформляется уже как исповедание, как подтверждение, что то событие было, принято. Оно вне времени, поэтому брак может быть долгим, всегдашним. Он мог бы быть нарушен, если бы богов было много и одно божество должно было бы вытесняться другим, но этого как раз нет. Увидеть в том человеке больше, чем в этом, всегда можно, но сказать, что в том, допустим, храме хоть и была встреча с Богом, а все-таки я перейду в этот, где встреча будет полнее, — это уж какая-то непроглядная тупость и непонятливость. Потому не совсем корректно видеть подтверждение правильности брака в том, что другой оказался очень хорош [...]: главное подтверждение происходит до времени и вне времени.

Я знал одного человека, который в браке увлекся другой дамой, но, чувствуя, что это еще не достаточная причина ломать семью, словно бросил жребий, в самом разгаре своего увлечения сказал

жене, решившись очертя голову быть верен слову: попробуем любить друг друга. Ей передалось настроение, и она серьезно ответила: нет, это связывает по рукам и ногам. Это уровень, на котором люди сходятся и люди расходятся, и беда их не в том, что сходятся и расходятся (стать друг для друга колодками было бы хуже), а в том, что бедняжки взвалили на себя тяжесть решения. Я не уверен, что не разрушительно для человека брать на себя решение о браке (браки заключаются на небесах, кто так сказал?). Женщины ближе к правде, потому что они гораздо реже здесь решают, берут на себя решение. Сомнительным был прогресс, когда вместо родителей о браке стали решать сами молодые. Здравее, по сути дела вернее, если бы решали не вступающие в брак, хоть бы и родители, раз уж инстанции выше не видно.

Желаю Вам спокойной осени в Азаровке. Ваши письма для нас всегда события. Поклон Нине Васильевне.

Ваши Владимир и Ольга

Р.С. Сегодня новолетие, «венец лета»; поздравляем с наступающим праздником Рождества Богородицы. Мне кажется, что она держательница софии или сама софия мира.

Азаровка, 21.9.1996

Дорогой Владимир Вениаминович, как я рада Вашему письму — еще и по-новому красивому! (шрифт, композиция листа). Поздравляю Вас и Ольгу и мальчиков с сегодняшним Праздником! Ахматова опять приходит мне на память, в связи с Софией: «Буду черные грядки холить»⁴⁰⁹ — помните? там идет речь о полевых цветах, а потом о своих выращенных:

А мои — для святой Софии... —

и дальше об Успении:

Принесу покаянную душу
И цветы из русской земли.

Известный, но не объясненный факт: почему на Руси очень рано Успение связалось с Софией (в посвящениях храмов). В Ахматовой удивительно жива церковная мысль (в ранней, мне кажется; дальше не так) — и об этой Софии Успения, и о сердце Адама в стихах, которые мы прежде обсуждали (по-моему, Ваше чтение — единственно возможное: «отчизны моей!»). И не только в таком богословствова-

409 А. Ахматова. «Буду черные грядки холить...» // Ахматова, 1998. Т. 1. С. 271.

нии, но в том, что она называет грядки «черными», а грудь — «снега белей». Эпитеты тихого исступления. С ними я сравнила бы пушкинские:

В синем море волны плещут
В синем небе звезды блещут...⁴¹⁰

От этих двух «синих» можно сойти с ума. Синий — и всё!

Да, Вы очень ясно назвали различие «благочестивого» брака и божественного (наверное, что-то похожее имел в виду Элиот, различая *devotional* и *religious poetry*:⁴¹¹ *devotional*, продолжая Ваш образ, это со своей поэзией, хорошей, доброй и т.п., перед Богом, прежде «взяв дело в свои руки»). Возвышенное и благочестивое взамен божественного принимается, видимо, как *minimo male*⁴¹² (как любят говорить итальянцы) в педагогических целях, чтобы не вышло полного безобразия. Но все-таки: 5 или 36 в качестве ответа на вопрос «сколько будет дважды два?» — одно и то же. [...]

Пока я пишу Вам, вокруг скачут шесть котят (Ксюшины), еще два у тети Нины. Если Вы не передумали взять котенка, как Ольга говорила, выбор богатый.

Приехав сюда, я проболела неделю — простудой и депрессией. В какое позорное ничтожество я время от времени впадаю — если бы Вы знали. Вы не говорили бы тогда о «стоянии». Ваша бодрость и неимоверные труды — я даже не завидую этому, это потустороннее. Я описала это так отцу Димитрию, это уныние: «Ничего хорошего не помню». Он усмехнулся и сказал: «Это неплохо». Что значит это «неплохо», не понимаю. По-моему, хуже не бывает. Праздность.

Теперь разведривает. Приехала в гости Мари-Ноэль,⁴¹³ я водила ее по здешнему раздолью, которого Вам еще не показала.

410 А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане... // Пушкин, 1959. Т. 3. С. 315.

411 Элиот говорит, что благочестивое (*devotional*) прямо обращено к предмету, связанному с обозначенной религией, а религиозное (*religious*) — то, что вдохновлено какого-то рода религиозным чувством. См.: T. S. Eliot. *The Devotional Poets of the Seventeenth Century*: Donne, Herbert, Crashaw // *The Listener*. Vol. III. № 63. 26th March 1930. P. 552. Так же: «Для большинства людей, любящих поэзию, „религиозная поэзия“ есть разновидность поэзии второго ряда: религиозный поэт для них — не тот, который трактует весь предмет поэзии в религиозном духе, но поэт, имеющий дело с ограниченной его частью; он просто оставляет вне поля зрения всё то, что люди считают своими

главными страстями, тем самым признавая свое незнание этой области. <...> Мне же хотелось бы иметь такую литературу, которая была бы христианской литературой скорее бессознательно, нежели преднамеренно и вызывающе: ведь вся соль произведений Честертона именно в том, что они появляются в обществе определенно нехристианском». — Т.С. Элиот. Религия и литература // Т.С. Элиот. Избранное: Религия, культура, литература. М.: РОССПЭН, 2004. С. 212; 213–214.

412 Наименьшее из зол (*итал.*).

413 Мари-Ноэль Пан (1973) — в то время студентка-славистка, сейчас преподаватель русского языка. М.-Н. Пан переводила стихи и прозу Ольги Седаковой («Путешествие в Брянск»).

Мне хотелось написать Вам о Хайдеггере, и вроде бы было что, но после этой отключки как-то забыла. Да, я еще в первых прочитанных мной в самиздате листках почувствовала тот луч, о котором Вы пишете, — и что этот его луч уже вошел в нынешнее состояние мира — и вне его, до него быть уже нельзя. Можно подумать, что позднейшее увлечение дзенем и всем в таком роде, восточным и не восточным в активизм и рационализм, пошло дальше, «другая мысль» нашла свою историческую родину. Но, вероятно, это не так?

Вы знаете, а мне нравятся нелюбимые Вами слова: решить, решение. По-славянски это значит: «освободить», «освобождение», «Страсти решительные».⁴¹⁴ А представить себя в золотые времена, когда родители выбирают супруга, — ох, нет! Вероятно, это было более здраво, но я рада утрате такого здравия!

Спасибо Вам за Хайдеггера. Такой строгий и нежный перевод, удивительно.

Я писала бы и писала Вам дальше — мне всегда хочется это делать. Есть обычный испуг, что всё хорошее «здесь» не задерживается. И слава Богу, что это не закон и что мне столько дано общаться с Вами и с Ольгой и со всем Вашим домом. Дай Вам Бог всего доброго!

Ваша

О.

Москва, 25.9.1996

Дорогая Ольга Александровна,
отвечаю на Ваше письмо, которое принесла вчера в университет француженка Мария, сразу, потому что мне кажется, у нас одинаковое настроение и по одинаковой причине. От беззащитной щедрости Вашего письма я почти плачу. Напоминая Ахматову, Вы вводите меня в неведомый для меня мир поэзии, как в свежий деревенский дом в детстве. «Буду черные грядки холить», я этого не понимаю иначе как сказанное Ахматовой о своем черном, как облик, как сне, как грозном напряжении, которое она не хочет уступить, хранит, как грядку в своем огороде. Она настаивает на своем праве быть черной, выхаживать в себе невидимое, ни для кого кроме как для тайной Софии. В черном она себя хоронит, как в земле, и верит, что через смерть невидимое вернет всё и больше, с избытком. «Цветы из Русской земли» — в 1916 году это значит не из немецкой, т.е. с ревностью о правде всего мира, не частной; говорит Русской как именно не только русской, не русской, а всей Земли. Она, поэт, вынашивает через смерть

Софию, этим Ахматова спасает, через гарантию самой собой, своей посвященностью и искренностью, тогдашние неосторожные речи о «народе-богоносце». Почему при всем том она несет «покаянную душу», когда речь идет о посвящении себя и служении, понять невозможно иначе как в том смысле, что душа всякая покаянна уже теперь и значит всегда. Я слышу это уже через современную ситуацию, считая ее опять же всегдашней в России, где жить и не влипнуть в грязь невозможно. Черные грядки и ее женское черное, обеспечивающее снежную белизну Адама, хранимую, чем Ахматова может гордиться, чернотой ее грядки. Тихое исступление, которое Вы здесь слышите, идет от откровения мужского-женского, которые должны оставаться отчаянно непримиримы, чтобы был мир («полюса»). У Гёте в *Farbenlehre*⁴¹⁵ синева неба (и воды), настаивает Гёте, создается только примесью черного к белому как свету,⁴¹⁶ так что пушкинская синева («В синем море волны плещут В синем небе звезды блещут») должна тогда быть одновременным присутствием черного и белого.

Невозможность в России честно делать свое дело и жить без надобности каяться наваяна, конечно, нашим теперешним положением, когда я вроде бы постоянно что-то делаю, о чем меня вроде бы просили и за что меня одобряют, однако вот уже сколько времени мы живем без денег за счет мудрой экономии Ольги, т. е., скажем, билет на метро и марка на конверт для меня проблема. Совсем рядом с этим сытенькие светские дамы на новеньких машинах с собачками создают, издают в некоем издательстве «Глобус» или «Рипол» серию классики, неряшливо собирая в красивые переплеты старые советские переводы, Урнова и Солоновича или Микушевича. Подметают они и моего Петрарку, с предисловием, я догадываюсь, какое оно, — без примечаний и с массой опечаток. И в моем теперешнем трезвом состоянии самое простое мне — не подписывать договор (5% мне, т. е. девятнадцать ложек протягиваются к моей каше), но нечестно строить из себя невинного теперь, когда их мародерское поведение открывает мне глаза на то, что и старый мой академический Петрарка⁴¹⁷ был

415 Учение о цвете (нем.).

416 См., например: «Противоположность теплых и холодных красок живописцев обнаруживалась здесь в отдельных синих и желтых краях. Синева оказалась как бы вуалью черного, желтизна — вуалью белого. Чтобы явление могло наступить, светлое должно надвинуться на темное, темное — на светлое: перпендикулярная граница не окрашивалась.» — И. В. Гёте. Очерк учения о цвете // И. В. Гёте. Избранные сочинения по естествознанию. М.: Изд. АН СССР, 1957. С. 136.

«Синевя неба открывает нам основной закон хроматики. Главное — ничего не искать за феноменами; они сами — учение». — Там же. С. 152.

417 Ф. Петрарка. Эстетические фрагменты.

Перевод и примечания В. В. Библихина.
М.: Искусство, 1982.

мародерством государственного вполне «научного» и солидного, чистенького издательства «Искусство», большевистским присвоением чужого наследства, и с моей стороны не совсем честным: зачем я соглашался на шапку «эстетики» над нравственной литературой, почему не потребовал поездки в Италию для работы в архивах (это было невозможно) и, допустим, в драке отстоял упоминание обязательного Маркса, но против присутствия Д. и Ш. в «редколлегии» даже не возражал и т.д. Т.е. я грязненький. Представлять из себя чистенького сейчас я очень мог бы и именно хотел бы (не подпишу договор, не буду участвовать в грабеже, в частности меня самого), но деньги от пассажира, которого я ради хлеба для детей подвезу на машине, или от богатенького в проходе метро за игру на скрипке опять будут не совсем чисты. Заведомое согласие Ахматовой на покаянность души мне непонятно не потому, что безгрешность возможна, а потому что к Русскому как мировому здесь нечаянно примазывается русское (прокатывается за чужой счет) как неизбежно грязное (славистка Мария Карлсон: ⁴¹⁸ в России сразу шокирует плохой запах).

Эта тоска от неисправимости России, от ее глухоты, немного развеваянная новизной до примерно поздней осени 1993 года, сейчас, по моему, имеет прочно утвердиться, и тут причина может быть одинакового настроения у Вас и у меня, отъезда Аверинцева и многого другого. Мое предсказание о неизбежной проблеме с передачей власти оправдалось в самом худшем, зловещем виде, как невозможно было даже и вообразить: под ковром подозрительно благополучных «выборов президента» уже такая возня, ⁴¹⁹ что старая начинает казаться эффектной по крайней мере. Об общей ситуации я сужу по тому, как мы с Ольгой мечемся в поисках решения о своем издательстве, об отношении к мародерам, о подаче заявок на гранты и везде тупик, невозможность чистоты и ясности. Хорошее во всем этом именно необходимость постоянно принимать решения, что мне нравится в противоположность Вашему мнению обо мне. Другое дело, что обычно я даю себе принять решение только в самый последний момент, но от этого тем определеннее.

«Депрессия...» Если бы я мог так назвать свое всегдашнее уже теперь почти состояние, но оно хуже любой неименованной серой бо-

418 Мария Карлсон — филолог, русист, специалист по творчеству Андрея Белого и истории теософского движения в России.

419 Летом 1996 года проходили выборы президента РФ, потребовавшие двух туров голосования (16 июня и 3 июля). Перед вторым туром противостояние двух групп в окружении президента Ельцина достигло максимального напряжения: «силовики», стоящие за отмену

выборов, арестовали представителей другой группы (обеспечивавшей победу на выборах использованием политических технологий) с коробкой наличных денег в руках. В итоге Ельцин отправил в отставку «силовиков» и победил во втором туре. Поскольку Ельцин начал кампанию с минимальным уровнем народной поддержки, чистота его победы над главой коммунистов Зюгановым часто подвергалась сомнению.

лотной грязи, и даже так я оскорбляю благородное болото и идеализирую себя. То, что еще дает мне право как-то дышать, уже давно не я, в котором «ничего хорошего не помню», а мне не принадлежащее, очень далекое и такое редкое. Как глухо всё. Надо смотреть, что с «сонным телом» моим и других людей, и оно такое, какое оно есть, косное и бегемотообразное («гиппопотам» Элиота⁴²⁰), т.е. живое и настоящее, только когда человек его заметил и при нем стоит сторожем. Вы заметили, знаете и стоите, это я называю «стоянием», поэтому о. Димитрий говорит хорошо о том, во что Вы «впадаете». «Хуже не бывает». Нет, хуже и жутко сразу становится, когда вместо депрессии начинается слепая, глухая и губительная паника, которую люди называют бодростью, активностью, жизнью, еще не дай Бог успехом и благополучием. Разумеется, нам теперь трудно выйти из нашей какой-то абсолютной нищеты [...] именно из-за затягивающей настоящести этого положения.

В Москве Айрапетян до 7.10. Завтра я пойду видеть Зализняка. Не пригласите ли Вы нас? Не продумав и части Вашего письма, я закрываю это мое с нашими постоянными мыслями о Вас —

В. и О.

Азаровка, 4.10.1996

Дорогой Владимир Вениаминович, сегодня принесли Ваше письмо, а завтра или послезавтра за нами приедут и перевезут в город. Но всё же мне хочется написать Вам, как всегда: Ваши письма каким-то удивительным образом выводят меня из обычной графобии — или даже логофобии. Не знаю, как у других, а по собственному опыту могу сказать твердо, что речь принадлежит не говорящему, а тому, к кому она обращена: и самый факт речи, и ее «содержание», и строение. Может быть, у Горация было похоже: я тут перечитывала том Горация — в ужасных в общем-то русских переводах — и почувствовала, насколько эти строфы вызваны слухом Мецената, состоят из этого слуха. Опять Ахматова:

Пусть всё сказал Шекспир,
милее мне Гораций:
Он сладость бытия таинственно постиг.⁴²¹

420 «Гиппопотам» — стихотворение Т. С. Элиота из сборника «Стихотворения» (1920), в котором иронически сопоставляются брутальное тело гиппопотама (в финале возносящееся на небеса) и тело Церкви, обреченное земле.

421 А. Ахматова. «Ты верно чей-то муж и ты любовник чей-то...» // Ахматова, 1999. Т. 2. С. 177. Эпиграф — из Горация: *Поздняя роза задержалась* (*Rosa moretur. Hor., I, посл. ода*).

С эпитафией: *Rosa moretur*. (Как Вы заметили, цитирую по памяти, с ошибками.) И в эту сладость бытия входит и возможность стихотворного послания живому и знакомому лицу — такая редкая: ведь это не то что писать в пространство, потомкам или еще куда-нибудь...

Читаю Вашего Паламу (которого раньше читала в переводе Мейендорфа⁴²²): мне так нравятся найденные Вами слова. Какой труд и внимание. Как я ненавижу эти названные Вами переводы. [...] Помню, Pia Pera⁴²³ прочла сонеты Петрарки по-русски, работы С. и валялась по комнате от смеха: «Это пародия? Удачная пародия». И сил нет от этих бойких.⁴²⁴ И здесь они, под новыми названиями (опять безобразными: бывший пропагандистский журнал «Советская литература» называется теперь GLAS⁴²⁵ и издает его та же дама!), и в любой стране я именно их встречаю (партнеры!), и по «Свободе» они же. «Ваше время и власть темная».⁴²⁶ Тот же Вознесенский читает на митинге: «Сборная духа, не проиграй!»⁴²⁷ *Pas mal*,⁴²⁸ как замечал Папа. А всего отвратительнее, пожалуй, русская тема (не Русская — и даже не та русская, грязная, о которой Вы пишете, а мордобойная: она доносится сюда по московской программе TV — и боюсь, именно за ней недолгое, но мрачное будущее). Пока что можно всё это выключать и устраниваться.

Вчера у нас в поле горела скирда. Я пошла туда и сидела у этого сооружения с едва пересиливаемым желанием войти. Не сгореть, а просто пройти сквозь, как Данте в конце Чистилища. Наверное, это вполне возможно. Танцуют же в Болгарии на углях.⁴²⁹ Вместо этого я сегодня испугалась в нашем святом ключе: вода сейчас почти как

422 Триады в защиту священнобезмолствующих святого Григория Паламы.: В 2 тт. Перевод и критическое издание о. Иоанна Мейендорфа. Лувен, 1959.

423 О Пии Пера см. выше. Переводчица «Жития протопопа Аввакума» и «Евгения Онегина», Пия могла оценить качество русского стиха. (ОС)

424 Бойкие — словечко Н. Л. Трауберг, подхваченное ею в детстве от няни. (ОС)

425 Ежемесячный журнал «Советская литература» выходил в Москве с 1946 года на английском, испанском, немецком, польском (с июля 1949), французском, японском (1964, ежекварт.) языках. С 1948 года — орган СП СССР. «Задача журнала — знакомить зар. читателей с новинками многонац. сов. лит-ры, с культурной жизнью СССР» (КЛЭ). Журнал «GLAS» был создан в 1991 году как дайджест российской литературы для англоязычного читателя. Главный редактор и издатель — переводчик Наташа Перова, работавшая еще для «Советской литературы».

426 «Ваше время и власть тьмы» (Лк. 22:53).

427 А. Вознесенский. Зал Чайковского // А. Вознесенский. Собр. соч.: В 5 тт. М.: Вагриус, 2002. Т. 4. С. 478. Стихотворение призывает не упустить новый исторический шанс:

*Зал этот строился для Мейерхольда.
Сборная духа пошла под дуло.
Нынче игра в обстановочке холода.
Не проиграй ее, Сборная духа.*

428 Неплохо (франц.).

429 Нестинарство в Болгарии — обрядовый танец, входящий в ритуал празднования некоторых церковных праздников. Танцоры, обычно принадлежащие династиям нестинаров, держат в руках иконы. Считаются «знающими» людьми, способными предсказывать будущее.

огонь. «Вода, огонь, меня не тронь!» помните эту приговорку от комаров в детстве?

Меня огорчает, что Вы подумали, что у меня есть какое-то мнение о Вас в связи с принятием решений. Я отвечала просто Вашим словам в связи с браком, разводом и т.п. И вообще Вашей теме амехании, которую Ваши слушатели (как Анятина Ира) вульгаризируют до практического рецепта. Конечно, это их дело: такое развитие, предостережение от суеты — принятие за руководство к бездействию. А мнения — у меня есть, и часто слишком грубо определенные, об отдельных действиях или мыслях, но о целом, клянусь, у меня нет мнений. Есть простейшее отношение, вроде отталкивания-притяжения, необдумываемое.

Ах, все-таки как мне жаль всего здесь — здешних мест, лугов, всей этой равнины до Перми и хороших людей, которые опять в заложниках у этих чудищ, у каких-то КРО,⁴³⁰ генералов, писателей, редакторов... Что за напасть. Мне кажется, покаянная душа — как раз то, чего недостает всем, кто у нас берется за дела, покаянная не после чего-то и не впрок, а в самом действии, потому что смущенность поправляет лучше, чем разумность, прагматизм. Может, покаянная — слишком сильное слово, достаточно — стыдливая. Моя бабушка, заглянув в газету или послушав светские речи, со спокойной задумчивостью говорила: «Бесстыдники...» Интересно, что то же она говорила о Есенине. Когда по ее просьбе («почитай что-нибудь»!) я ей прочла «Отговорила роща золотая», она так резюмировала этот лиризм. Тогда я ей прочла «Октябрь уж наступил».⁴³¹ — «Вот это стихи!»

Да, я скажу Вам по секрету: вчера, посмотрев «Маленького Будду» Бертоллучи,⁴³² я поняла, что мне всегда хотелось написать: сутру. Там читали — уже в тройном переводе — «В сердце сутры»,⁴³³ и это так похоже, не на то, что вышло, а к чему шло. И я поняла свою всегдашнюю неловкость в поэзии, сознание незаконности (у поэтов всегда есть «личный план», если и не такой тривиальный, как открывает

430 КРО (Конгресс русских общин) — общественно-политическое объединение националистическо-имперского толка (1993–2003). Основатель и лидер — Дмитрий Rogozin. В 1995 и 1999 годах КРО участвовал в выборах и не проходил пятипроцентный барьер.

431 А. С. Пушкин. Осень (отрывок) // Пушкин, 1959. Т. 2. С. 379.

432 «Маленький Будда» — фильм Б. Бертоллучи (1993). История поиска группой буддийских монахов реинкарнации их умершего учителя переплетается с историей Будды Сиддхартхи Гаутамы.

433 Сутра сердца — Праджняпарамита хридая сутра; сутра сердца совершенной мудрости — один из важнейших текстов-первоисточников буддизма Махаяны; провозглашает относительность установок раннего буддизма и утверждает, что сансара и нирвана — одно и то же, различие между ними — плод заблуждения. Первый русский перевод в сб.: Психологические аспекты буддизма. М., 1986. С. 6–8.

М.Л. Гаспаров в ОМ,⁴³⁴ но всё же; а у меня с этой «жизнью» как-то не сложились отношения — и, стало быть, не вымыслы ли всё это, не умствование без реальной основы? так мне часто представляется, и пугает, и стыдно). Но если тянет к чему-то вроде сутры, к закону в звуках, к «образу мира» в языке — то зачем здесь личная жизнь? Может, это просто самооправдание.

Мне очень хочется повидать Вас и Ольгу и мальчиков. Может быть, недолго ждать и письмо это я Вам передам сама.

Спасибо Вам

и дай Вам Бог всего доброго!

Ваша

О.

Яуза, 23.2.1997

Дорогая Ольга Александровна,
вот ответ на Ваше письмо, запоздалый, и продолжение (для меня не окончание) сегодняшнего разговора по телефону. В том письме Вы говорили вообще, а сегодня конкретно об Америке, что поэзия умолкает, когда никто не слушает. Да, слушанием, послушностью вызвана речь, и в этом смысле Пушкин и Гоголь созданы своим временем и не смогли жить, когда слушание кончилось. Но я говорю не о «состоянии общества», которое всегда примерно одинаковое, а о лице времени, или лице Бога, перед Ним отчитываются; как он дает талант, так наверное и пространство для звучания слова. А другое время требует молчания? Думаете ли Вы, что социальные отношения могут сложиться так, что поэту имеет смысл говорить, а в другое время нет? Это создало бы для поэта условную зависимость, его сделало игрушкой людей. Зависимость от слышания есть, но это слышание скорее божественное, поверх человеческих голов, и общество становится чутким, Меценат начинает быть внимательным к поэзии по тем же необщественным законам, по каким поэт начинает говорить. «Сладость послания живому и знакомому лицу», — говорите Вы, но чье лицо живо и знакомо, если мы его не «обожжаем». Просто приятному знакомцу писать поэзия не будет и не может, и никто. — Другое дело что разве Бог снаружи, и разве война, в которой по Гераклиту одно становится Богом, другое человеком,⁴³⁵ идет не всегда. — Страшный передний край, где смертный становится смертным, т.е. где для него

434 То есть в «расшифровке» стихов
О. Мандельштама.

435 Известные фрагменты Гераклита: «Война есть отец всего, царь всего. Она сделала

одних богами, других людьми, одних — рабами, других — свободными» (53 DK); «Война всеобща, правда есть раздор, всё возникает через борьбу и по необходимости» (80 DK).

самым близким определяющим становится бессмертие, проходит наверное не в смерти, а в ужасе, для всякого разном, имеющем лицо клинического безумия, или безволия, или ухода, как человечество массой может уходить в партийное и военное сумасшествие; или ночного коридора в отделе ветеринарного, якобы, надзора аэропорта⁴³⁶ — Думая о сумасшедшем Геракле Еврипида, о Гёльдерлине, Ницше, Мандельштаме, сходящем с ума, и об определении человека у Аристотеля и не только у него, человек есть ум, я отождествляю смерть, вернее *мор*, *чуму*, как у Альбера Камю,⁴³⁷ с уходом ума. Он, забегаю вперед, но и сразу провожу необходимую важную границу, открыт всегда и для всего человечества, в «коллективном безумии». Человек хранится чудом, и поэтому к немногим так тянутся все, когда немногие *умеют* спасти. По своему опыту я знаю, что *держит*, если вообще что-то держит, в этом уходе только готовность всё бросить и опереться, если такое слово подходит, на красоту, правду. Ужасно, если человек к критическому моменту не имеет опыта, или даже опыта мало, привычки опираться на это и только на это, тогда ему конец. Как собственно скончались многие, и к ним достучаться уже нельзя. Они еще ходят по разумным орбитам расчета, дискурса, но уже сорвавшимся и слепым, надежды для них нет.

Я на Вас очень надеюсь. Я совершенно уверен в Вашем уме, памяти, безотказных, с моей колокольни глядя, неограниченных. Остальное Вам дано. И кто-то же ведь должен нас хранить. — Это письмо хочет быть звеном в непрерывающейся переписке.

Ваш

В.Б.

436 Речь идет об истории с моим украденным в аэропорту паспортом, в которой Биби-хин принимал самое прямое участие. Паспорт украли непосредственно перед посадкой в самолет, летевший в Америку, куда я ехала читать лекции, а Владимир Вениаминович меня провожал. История продолжалась три дня и достойна отдельного рассказа. Здесь имеется в виду ее последний — как нам казалось, смертельно опасный эпизод. «Найденный» паспорт предложили получить ночью, в отделе «Вакцинация животных». Мы с Бибихиным оказались запертыми в этом коридоре, где ходили целый час, размышляя, на что это всё больше похоже — на Э. По или на Кафку. (ОС)

437 «Когда разражается война, люди обычно говорят: „Ну, это не может продлиться долго, слишком это глупо“. И действительно, война — это и впрямь слишком глупо, что, впрочем, не мешает ей длиться долго. Вообще-то глупость — вещь чрезвычайно стойкая, это

нетрудно заметить, если не думать всё время только о себе. В этом отношении наши сограждане вели себя, как и все люди, — они думали о себе, то есть были в этом смысле гуманистами: они не верили в бич Божий. Стихийное бедствие не по мерке человеку, потому-то и считается, что бедствие — это нечто ирреальное, что оно-де дурной сон, который скоро пройдет. Но не сон кончается, а от одного дурного сна к другому кончаются люди, и в первую очередь гуманисты, потому что они пренебрегают мерами предосторожности. В этом отношении наши сограждане были повинны не больше других людей, просто они забыли о скромности и полагали, что для них еще всё возможно, тем самым предполагая, что стихийные бедствия невозможны. (...) Они считали себя свободными, но никто никогда не будет свободен, пока существуют бедствия». — А. Камю. Чума (1947) // А. Камю. Избранные произведения. М.: Панорама, 1993. С. 111–112.

Дорогой Владимир Вениаминович,
я хочу Вам написать, как мне понравился Ваш доклад о дельфийской надписи.⁴³⁸ Мы делились восхищением с Марианной Казимировной.⁴³⁹ Мне кажется, Вы подходите к важнейшим вещам, к таким, о которых как будто договорились забыть. И в самом деле, их трудно выразить. Если это называют «апофатикой», то тем самым они уже попадают в готовый словарь, в область выразимого, выраженно-го, которое можно дальше «употреблять». Отрицательные приставки этого словаря дела не меняют. Может быть, дело не в самих словах, а в их соединении. В появлении *речения* — даже если это речение из одного имени. А если это речение, а не употребление имени, значит, тут целая драма с действующим лицом — говорящим. Стать таким действующим лицом трудно не из-за особых умственных требований, а из-за чего-то другого — может, из-за страха безопорности, о котором Вы говорите. Мне очень понравилось, кроме всего другого, как Вы открыли ницшеанский жест в Вяч. Иванове, в его «ты еси». Его видимое благочестие, которое С.С. Аверинцев принимает всерьез, мне всегда внушает недоверие, потому что ткань его речи говорит о другом, совсем не о безусловном «да» всему, которое он (Вяч. Иванов) декларирует.⁴⁴⁰ Ваше внимание замечательно. Спасибо

438 В. Биbihин. О надписи E на древнем храме Аполлона в Дельфах // Балканские чтения — 4. ЕЛЛАΔΕ (Древняя — Средняя — Новая) ГРЕЦИЯ. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1997. Текст написан на основе 2-й лекции из курса «Узнай себя» (философский факультет МГУ, осень 1989 — весна 1990 годов).

439 Марианна Казимировна Трофимова (1926–2016) — историк античности, раннего христианства и коптской культуры. Переводчик и комментатор коптских гностических текстов.

440 «У Плутарха и Иванова одинаково Бог и человек ведут между собой разговор. Разница однако в диаметральной противоположности происходящего. У Плутарха человек признает Бога, называет его верховным именем бытия. У Иванова человек делает то же, но главное событие в другом, чего у Плутарха нет и не могло быть: Бог признает в человеке бытие, утверждает человека. На первый взгляд что тут от Ницше? Для опрокидывателя платонизма Бог проекция человека, создание его творчества. У Иванова как будто бы прямо наоборот, человек создание Бога, Бог возводит человека из пылинки, из ничтожества к цар-

ству. На первый взгляд вовсе не Бог проекция человека, а тогда уж скорее человек проекция Бога. Творец сначала дает человеку бытие, потом царство, когда существом человека оказывается вторая божественная ипостась, новый Адам.

Но мы видим, как весь интерес Иванова сосредоточивается на том, как Бог обеспечивает человеку бытие и царство. Не меньше чем у Ницше, только не прямым, а косвенным шагом Бог у Иванова служебен по отношению к человеку. Он не объявлен проекцией человека, открыто — нет. Он однако всё равно в своем новом неожиданном акте делает всё для человека, на благо человека, придан личности для ее самоутверждения. Он та печать, которую бывшая пылинка ставит на себе, как если бы такое было возможно, для своей царственной легитимации. (...) Иванов привносит радикальное ницшеанство, но оно не больше чем обратная сторона плутарховской примирительно-почтительной философской религиозности». — В. Биbihин. Узнай себя. С. 34.

Вам. То, что Вы пишете в письме о независимости от общественного слышания, конечно, правда — в общем-то, всякое явление возникает вопреки невозможности, даже если есть близкая среда, как елизаветинская драма вокруг Шекспира или стильновисты вокруг молодого Данте: но вывести из этого круга их явление невозможно (если смотреть на главное, а не на общий язык, который умеет описывать филология). Но вопрос даже не в слышании, а в желании сказать нечто, растворенное в воздухе (как в письме Данте: «то, что я говорю, иные шепчут, иные думают про себя и т.п.»). И что же мы думаем про себя? что мы собираемся начать? не покончить с чем, не обнаружить ошибки в прошлом и настоящем, а начать? После Америки московские люди — на улице, в метро — кажутся прежде всего физически больными. Удивительная наглядная разница физического состояния. Не сужу, хорошо это или плохо, но как будто попадаешь в госпиталь. И глаза больные. И обращение друг с другом болезненное. В Мэдисоне я встретила Ю.К. Щеглова⁴⁴¹ (знаете его?), и он сказал как само собой разумеющееся: «Но в Москве же нельзя жить!» Я ответила: «Ну почему же? например, я живу...» Он сказал: «О подвижничестве я не говорю». Видимо, так же выбрала Т.: жить, где это не невозможно, и ругать страну обитания (Щеглов не ругает Америку, слава Богу, он хотя бы благодарен).

Владимир Вениаминович, мое письмо тоже хочет быть звеном в переписке, и извините, что оно не слишком содержательно. Постараюсь в дальнейшем исправиться.

Оленьке мой поклон и мальчикам привет.

Всего Вам и Вашему дому доброго!

Ваша

ОС.

P.S. Получила письмо от Marie Noëlle, она просит передать «почтительный привет доброму В.В. Библихину».

*Мой ответ на открытке с девочкой из церкви в страстной четверг*⁴⁴²

441 Юрий Константинович Щеглов (1937–2009) — российский лингвист и литературовед. Участник московско-тартуской семиотической школы, создатель (вместе с А. Жолковским) структуралистских «порождающей поэтики» и «поэтики выразительности». Эмигрировал в 1979 году. Преподавал в Висконсинском университете (Мэдисон, США).

442 Приписано В. Библихиным в уголке карандашом. Открытка не сохранилась.

Χριστὸς ἀνέστη!⁴⁴³

Дорогая Ольга Александровна, жизнь движется в двух пространствах, одно — встреч, другое — ожидания встреч. Конечно, пространство встреч не обязательно открывается при телесных встречах. Но храм — это место наиболее вероятного совпадения. Особенно когда там о. Димитрий. Всё больше верится в чудо, в самое лучшее, вернее, в невероятное — верится в невероятное, само оказалось, и без анализа видно, что противоречия здесь нет. Совсем жалко людей, надеющихся на какое-то земное устройство: кажется, что они старательно, угрюмо, сосредоточенно закапывают сами себя в могилу. — Поведение Вашего издателя и переводчика в Англии можно объяснить еще бессознательной завистью от ощущения, что у Вашей книги будет судьба. «Ей и так хорошо», — говорит что-то в них, и они начинают не чувствовать перед Вами обязательств⁴⁴⁴ — Ghislaine Bardet звонила из Парижа, что ищет уже издателя для Вашей похвалы.⁴⁴⁵ Мы с Ольгой, после того как я вчера отнес в типографию мой макет «S. u. Z.»,⁴⁴⁶ снова всерьез думаем об издательстве. Не посоветуете ли Вы название для него? Не дадите ли, если оно появится, что-то там издать? А пока Володик переписывает на листочках Ваши детские стихи. — Мне нравится, как Вам, идти против невозможности. Весь статистический состав нынешнего поколения может даже метнуться в сторону соблазна, обмана, но остается земля, язык, за которые/х/ мы отвечаем (оба падежа). — Весенний бродячий дух выветривает привычки, всё кажется открытым. Вы знаете, после смерти брата⁴⁴⁷ только и установилось, и прочно держится, его постоянное молчаливо говорящее присутствие, важное (он был очень талантливый человек), словно он ждал освобождения, как от тяжелой болезни. На 40-й день у целой общины его друзей, очень славной, только и было разговоров, что о нем. — Не знаю, в каком из двух пространств я Вам пишу, но хочется и в нем ответа и встреч наяву. — С Рождеством Христовым, нового Адама!

В., Ольга, мальчики

443 Христос Воскрес! (зреч.).

444 Речь идет о книге стихов «The Wild Rose».

Вероятно, я жаловалась Владимиру Вениаминовичу, что мне за нее не заплатили. (ОС)

445 «Похвала поэзии». Книга вышла в издательстве L'Âge d'Homme (2001).

См. прим. 391 к письму Биbihина от 26.6.1996.

446 «Sein und Zeit» — «Бытие и время», книга М. Хайдеггера, которую В. Биbihин перевел.

447 Е. В. Биbihин умер 17 марта 1997 года.

Христос Воскресе!

Дорогой Владимир Вениаминович, только я собиралась напомнить Вам о нашей переписке — как Ваше письмо. Да, встречи. Вы замечали, что некоторые моменты явно продолжают одну историю — она как будто излагается с большими перерывами, но в следующий момент из этой серии оказывается, что между ними перерыва не было. Так наш поход с куличами⁴⁴⁹ у меня сцепился с поездкой в Лавру. А какой сюжет в этом проходит, непонятно и, наверное, не должно быть понятно. Может, сама связность сцен и есть сюжет — как в эпосе? Не гнев же Ахилла — сюжет «Илиады». Скорее речь в гекзаметре.

Я тут вчера зашла поздравить отца Димитрия. Он принимал каких-то важных гостей в домике, но вышел («чадо, — говорит, — пришло!») и сердечно разговаривал. Я подарила ему том Франциска. Он сказал, что читает Ахматову. «Там *есть* глубина, — с некоторым удивлением, — так кажется, что всё просто, а нет...» В «Русской мысли» заметка о. Георгия⁴⁵⁰ о слове «ныне» в Евангелии — как раз о том, что я там люблю. Что будущее уже здесь, ныне, что бездарно ожидать его потом. От себя могу прибавить, что это «ныне», по-моему, в Евангелии синонимично слову «я» — например, в сцене воскрешения Лазаря. На ответ Марфы (после: «Брат твой воскреснет»): «Я знаю, что он воскреснет в воскресенье, в последний день», — Спаситель возражает: «Я воскресенье и жизнь». И это «я» значит «ныне», и это невероятно. Мне кажется, что то, что считают верой, по большей части — убеждение Марфы («знаю, что в последний день»). Но кого касается настоящее, как отца Димитрия и отца Георгия, кто знает «я» и «ныне», тот может практически всё невероятное. Нищевская мечта просто смешна по сравнению с этим «сверх-». Почему люди так запутались?

Вышел новый НЛО (22) про низовые жанры — естественно, с социологическим уклоном. Там сердитая статья Л. Гудкова⁴⁵¹ (отчасти справедливый гнев на филологию, на интеллигенцию, на «классику»

448 На листе картинка с календарем и рамочкой с изображением розы и стихами: «TIME, teach us the art / That breaks and heals the heart. Edwin Muir» (Время, научи нас искусству, которое разбивает и исцеляет сердце. Эдвин Майр) (англ.).

449 Мы ходили вместе святить куличи в храм Николы в Соломенной Сторожке. (ОС)

450 О. Георгия Чистякова.

451 Лев Дмитриевич Гудков (1946) — российский социолог, специалист по теории и методологии социологии, социологии литературы, этнонациональных отношений, социальным проблемам постсоветского общества. Речь идет о статье Л. Д. Гудкова «Массовая литература как проблема. Для кого?» (Новое литературное обозрение. 1997. № 22).

и безобразников вроде Вик. Ерофеева⁴⁵²) и моя статья⁴⁵³ про советское искусство как фундаментально «низовое». Мы с Анютой собираем рассыпанную прозу — и если Ваше издательство откроется, я с радостью отнесла бы в него эту смесь. Название мне пока не приходит в голову. Название и заглавие вообще сейчас очень обесценены, мне кажется. Каждое по-своему, «простое» — по-своему, элитарное — иначе, но все какие-то как написанные неоновыми буквами, все напоказ, как названия рок-групп. Самое смешное — у иезуитов, в Риме, где я жила: LIPA. В издательстве LIPA издают труды по православной и славянской «духовности» (spiritualità). Кстати, о. Димитрий пожелал мне «духовного» — и тут же поправился: «душевного мира». Что значит эта поправка?

Я тоже желаю Вам и Ольге не знаю какого, но мира. А дети, кажется, из него не выходят, даже когда заклиниваются [...].

Поцелуйте, пожалуйста, мальчиков. Очень горжусь Володиковой перепиской. Вот это успех!

Посылаю Ольге иконку, которую привезла с Валаама и забыла отдать.

Спасибо за рижские конфеты — чудесные.

Ваша

О.

Пока еще Москва, 22–26.5.1997

Дорогая Ольга Александровна, я хотел и должен был написать сразу в пятницу 16 мая, когда пришел из церкви, но мы собрались и быстро поехали за город. Я был наказан тем, что плохо — из-за разлома железа — на дороге отвалилось колесо и с 5 вечера до полуночи мы стояли, чинили под холодеющим небом, [...] мальчики вели себя как мальчики, день без сна и почти без еды в легкой одежде на холоду им нипочем, они жгли костер, и Рома даже ночью, когда мы снова ехали по пустой дороге к себе под луной, не заснул, [...] — Кстати, этот [...] мальчик кончил обе школы с преобладанием пятерок, с немногими четверками и вовсе без троек (а сегодня был красив и спокоен, как ангелочек, в сером костюме с жилеткой и галстуком на годовом концерте в музыкальной школе). Ему понравилась Вальдорфская школа⁴⁵⁴ на Серпуховской, но прием

⁴⁵² Виктор Ерофеев (1947) — российский писатель, литературовед, радио- и телеведущий.

⁴⁵³ О. Седакова. Другая поэзия // Новое литературное обозрение. 1997. № 22.

⁴⁵⁴ Вальдорфская педагогика основывается на философско-мистическом учении

Р. Штейнера (1861–1925) — антропософии. Первая Вальдорфская школа открылась в 1919 году. Ориентирована на содействие целостному духовно-душевно-физическому развитию ребенка, отвергает раннюю специализацию, не использует оценок и учебников.

туда уже закончен, шансы малы. Мы видели ее всю, классы, мастерские, занятие ритмикой под Бетховена с изображением бури, репетицию классической музыки с хором, школьный театр на немецком с кордебалетом черной и белой воды, с характерным рефреном *Höre auf den Meister...*⁴⁵⁵ Говорили со многими: мягкость, внимание, печальная человечность, боюсь, что слишком много болезненного отстранения от улицы, в частности в намеренном исключении технических занятий, «этого слишком много вокруг», а у Ромы страсть к электричеству (мой отец был кстати электрик, в частности конструктор ночного освещения сельскохозяйственных машин). (Сейчас главная в приемной комиссии школы на Серпуховской, Елена Петровна, говорила с Ольгой: мы не представляем, как строг отбор в школу, как ей важно выжить, как она должна для этого исключить случайности, как родители обязаны быть преданы вальдорфским принципам. Почти религиозную привязанность я почувствовал и в школе, разговаривая с одной молодой родительницей. Если бы Ольга в этом долгом разговоре сумела убедить, что безусловно уверена в своем выборе и знает, что хочет только одного для Ромы, то у него возможно появился бы шанс, небольшой, поступить туда в сентябре следующего года. — Неподалеку от нас есть лицей «Разум», где есть один небольшой второй класс, плата по существу 400 долларов в месяц, мы там были и видели настороженных, хотящих быть элитой людей. На следующий день по радио «Россия» было интервью с директрисой. Она исходит из упадка всего у нас, хочет возрождать слово, вокруг этого строит в литературном или по другому способу его называть лингвистическом лицее всё, ученики должны научиться владеть словом, с первого класса вводится риторика как искусство убеждения, два языка, поощряется поэтическое, литературное творчество, лицей гордится тем, что прошел конкурс и получил деньги Сороса. Подходя к лицей, мы поговорили с двумя молодыми людьми из него, одна была молодая девица, которая, сказала Ольга, имела сразу несколько выражений лица. Ответ владения словом? Я бы предпочел, чтобы слово владело людьми).

В пятницу утром я встал вдруг уверенный, что еду к Николе, словно меня кто повел. Привычные слова читались совсем по-новому, однозначно, празднично и весело: «Господь пасет мя и ничтоже мя лишит»,⁴⁵⁶ стало быть пасет и не лишит. «На месте злачне, тамо всели мя», и разве не вселил, и с какой надежностью, с каким запасом. «Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла», еще чего не хватало, конечно. «Уготовал еси предо мною трапезу против стужающим мне», совершенно очевидно, им на зависть, пусть

455 Слушайте Учителя! (нем.).

456 Здесь и далее псалом 22. Владимир Вениаминович читает «Последование ко святому причащению». (ОС)

терзаются. «Возмите врата князи ваша»,⁴⁵⁷ так и надо, чтобы всё впустилось. «Господь крепок и силен, Господь силен в брани». Еще как, сильнее всех, и вся сила какую я знаю — Его, и если надо размахнуться, он и не то покажет. — И так далее, всё с какой-то уверенной однозначностью. Конечно, в храме не было и намека на о. Димитрия, но у меня мысли не появилось что я ошибся. — К нему подошло всего трое, когда он появился, потому что всего в храме и было едва десять человек, и те две были старушки, одна, вы ее знаете, низенькая, детского вида и нрава. О. Димитрий удивленно подошел ко мне: вы на исповедь? Ну да, если можно. И стало ясно, что он меня допустит, т. е. не было страха осуждения, а помощь мне была нужна, и ситуация даже требовала, чтобы я сказал о самом тяжелом. Это конечно гордыня и сластолюбие, но и осуждение других: неверие не в веру конечно, а в Церковь, которая, как я говорил у о. Георгия Чистякова на круглом столе «Религия и культура», будет другая, если всё продолжится так, как есть.⁴⁵⁸ О. Димитрий не сразу понял меня, он вспомнил о «мудровании», привел слова Паскаля, что, будь у меня веры больше, я верил бы уже не как бретонский крестьянин, а как бретонская крестьянка; и сказал с быстрой умной усмешкой, что (я так его понял) сомнения тут бывают или от крайнего невежества... или (совсем быстро, поч-

457 Здесь и далее псалом 23.

458 Сохранились записи этого круглого стола:

«Всякое пророчество условно, потому что говорит о том, что будет, если все будет так как есть, и перестанет работать, если люди поведут себя иначе, хотя неверным не станет: пророчество Ионы, хотя и не сбылось, но оно не было лживым. — В этом плане не нужно быть большим пророком, чтобы предсказать: церковь уже не сможет выйти из состояния раскола, т. е. церковь как институт каким мы ее знаем должна будет уступить свое место или по крайней мере потесниться для *другой* церкви, которая появится или уже появилась, но мы об этом не знаем. Не для другой веры! Вера одна, из тупиков расколотой церкви один — что будто вер может быть больше чем одна.

Это имеет самое прямое отношение к культуре и вот какое.

Церковь какая она есть, расколотый институт, стоит в *отношении* к культуре. Это может быть и очень хорошо, что она не дикая, смотрит туда, не отстает. — Но это может быть и грозный признак. Евангельское христианство не имеет никакого отношения к культуре, и это не в плохом смысле отделения, а в том

смысле, что культура для раннего христианства не проблема. Не то что еще не стала проблемой, а нет проблемы в том, чтобы вся она, не в своем содержании, а в остроте своего искания, была уже внутри *этого* Искания.

Одно вообще искание или их много. Искание наверно все-таки одно, поэтому оно такое широкое, разными путями.

Откровение продолжается тоже одно, в мысли, в музыке, живописи, в кино. Оно только еще не сложилось, не отстоялось.

Новая церковь (та, *новая* церковь или *эта* церковь новая — но не в смысле «обновления»). Никакого «обновления» сейчас уже не хватит) будет открыта к этому продолжающемуся откровению.

Тогда сидеть и ждать. Просто сидеть и ждать *новой* церкви лучше, чем еще пытаться в усилиях, все менее интересных, заклеить что-то в организме, который поскольку *относится* к культуре, относится к культуре, уже только к ней.

Отношение соли. Соль относится к пище?»
(ОЛ)

ти съедая слова) от очень высокого ума. Церковь прямо идет от апостолов, утверждена мученичеством, стоит соблюдением строгости. Он, о. Димитрий, даже если забудет некоторые слова своих учителей, священников, прошедших через лагерь и тюрьмы, вернувшихся и продолжавших служение, то никогда не забудет их тона, настроения. Люди могут быть разные, но Дух не уходит, на архиерейском собрании он веет. Церкви многое грозит, секты, расшатывающие влияния, Церковь и сама во многом виновата. Но ее свобода еще такая недавняя. О. Димитрий говорил, что никогда не представлял себе ничего, кроме нашей православной церкви, и не потому что священник. В молодости его приглашали баптисты, но сомнений у него не было никогда. Он говорил и другое, спросил о нашей семье, вспомнил мое состояние в прошлом году и упомянул вас, не назвав имени, обозначив жестом, взглядом в сторону и вверх, что вы были обеспокоены. Как с утра всё оказалось другое даже до встречи с ним, так осталось после разговора от этого разговора больше, чем слова: приобщение к его Церкви «единой, святой, апостольской» и конец наваждения церкви как человеческого института или сообщества людей; не стало этого фантома и другой церкви кроме той, в которой свидетели и святые, о. Димитрий и свои, о. Георгий Чистяков, собственно все, пока не соблазнены. Нас из нее никогда не выставят, потому что она и есть мы; а мы мягко отлучить, терпением, строгостью, можем. Я словно принят в общину, сообщество, причем единственное, в каком я хочу и согласен участвовать, самое древнее на свете, потому что ранняя христианская община была прямым продолжением библейской, а та может быть шла вообще от первой семьи. Это моя церковь, другой нет. Словно чтобы подтвердить, о. Димитрий потом на службе (она оказалась такая короткая, и во всё время разговора я странным образом не слышал *ни одного слова* литургии, ни даже общих *Отче наш* и *Верую*) незаметно подошел ко мне слева, выждал момент в молитве и дал с улыбкой молча большую просфору. —

Что-то произошло еще кроме этой инициации, потому что и на улице потом всё упростилось: моя деловитость, успех, разумное поведение стали тем же самым, одним с «ничтоже мя лишит» псалма, кончились раздвоенность на кое-какой мир и тайную верность, и главное люди перестали делиться на близких и чуждых и все искали Бога, одни зряче, другие слепо. — Теперь прошло уже десять дней, проблем не убавилось, но эта принадлежность к Церкви как общине, куда входят все, осталась.

Как вы хорошо и кратко говорите, что «не гнев же Ахилла сюжет *Илиады*, скорее речь в гекзаметре». Причем весь этот эпос кажется

фрагментом, и если бы полный эпос греков был принят редакторами (при Солоне?), то и тогда остался бы отрывком, словно от какой-то древней исторической магнитофонной ленты остался один кусок. Входит ли, входила ли Библия в неведомое целое? и Ригведа? Нелепо уверять, что нет, хотя реконструкция по-видимому дело не человеческого ума. В младограмматических⁴⁵⁹ реконструкциях праязыка и первотекста, я теперь думаю, мерещилось это восстановление первой вести, большого сообщения или обещания, о котором я говорю. Наверное, реконструкция невозможна потому, что сам текст еще не дописан, Откровение продолжается. И присутствует будущим.

Вы пишете, что «будущее уже здесь, ныне, что бездарно ожидать его потом». В этом смысле я говорил, что апокалипсис уже был, и мой семестр⁴⁶⁰ 20-го я закончил тем, что самость человечества (которое должно еще узнать себя) распространяется на его экстазы, отстояния доистории, архаики, античности, Средневековья, Нового времени, настоящего, настоящего. Человечество *одинаково* расположилось в античности, Средневековье и будущем. Этим «эпохи» не релятивизируются, наоборот, и их отошедшее в «прошлое», неприступность надо понимать как отдельность сна: сон — это тоже мы, и не ночью только, но и сейчас, не обязательно в одном *daydreaming*,⁴⁶¹ а и всегда: эпохи отошли так же от нас, как наше полное существо от нас ускользнуло. В этом причина, почему античность не стареет. — О развитии можно говорить в сторону того, что уже есть, т.е. не в меньшей мере в сторону сбывшегося, чем наступающего. Ваша догадка об однозначности *я и теперь* в Евангелии западает сразу как несомненная и далеко ведущая. По вашей слишком понятной подозрительности к философии вы не верите, что Ницше в «возвращении того же» может думать, как вы, но ваша недоверчивость пойдет мне в урок: значит, и я виноват, если у вас еще остаются схемы, что чья-то мысль до чего-то не дошла. Мысль, если она есть, идет сразу очень далеко, она только часто нарочито ведет себя юродиво.

Об издательстве. Пока я дошел вот до чего, и назад уже не пойду, да и с чего бы. Я набираю, Олечка сверяет текст, книгу, и поскольку тексты у нас пока просят, мы ведем себя в отношении издательства как заказчики, т.е. пользуемся только их издательскими правами, их связями с типографией и их авансом, оплачивая всё это, не так дорого. После издания мы берем нашу часть тиража, в случае с «Бытием и временем» 2800 экземпляров из 5000, и ничего не платим из-

459 Младограмматики — ведущее направление в мировой лингвистике 1870–1910-х годов. Строго позитивистская установка младограмматиков предполагала историзм и психологизм в исследовании языка.

460 Курс «Начала христианства» (весенний семестр 1997 года, философский факультет МГУ).

461 Греза (англ.).

дательству (оно берет себе грант Сороса, выданный на эту книгу), с «Узнай себя» все 2500 экземпляров (такой тираж) и платим ленинградскому издательству около 30 миллионов. Со сборником «Новый Ренессанс»⁴⁶² сходные, хотя менее выгодные условия из-за того, что издательские дамы, давно нам знакомые, должны как-то кормиться и откровенно просят на это. Я не уверен, что они по-честному имеют право. Из-за трудности отказать имело бы смысл купить лицензию на издание (как вам нравится название «Основы»), но это лишние хлопоты, и кроме того придется платить сразу за издание 20 книг в год, минимальное количество для нового издательства, т.е. значит переплачивать, потому что на столько книг просто не хватит самих приличных текстов.

С названиями и заглавиями, вы правы, что-то происходит. Все-го надежнее вернуться к античной и средневековой тупой прямоте: «О душе», «О государстве», «О природе вещей», «Книга песен», «Божественная комедия» или вообще без названия по первому слову текста. «О.А. Седакова, Рассыпанная проза». Или: «Записи».

Я почему-то ожидаю неожиданности — какой?! — от этого приезда Иванова. Тем интереснее узнать новости. Напишите! 29 мая мы окончательно переезжаем за город, но каждую неделю будем появляться в Москве. После срочных работ на огороде и с домом к 10 июня примерно начнем выезжать в гости — и хотелось бы к вам.

Поклон Нине Васильевне. И удачи вам — ваши
Владимир и Ольга, Роман, Володик и Олег
В.Б.

Азаровка, 7.6.1997

Дорогой Владимир Вениаминович,
спасибо Вам за письмо! Как я рада Вашей встрече с отцом Димитрием — то есть, с Преданием. Про бретонскую крестьянку говорил Пастер, а не Паскаль. Анята вспоминала это высказывание в связи с Папой, с его верой, которую я пыталась описать как нечто меня изумившее. «Ну да, — сказала Анята, — не как бретонский кюре, а как бретонская крестьянка». Меня удивляет, что многие в обычном смысле церковные люди не знают этого чувства причастности — и я не понимаю, что же понуждает их при этом исполнять различные предписания и т.п. Вы пишете, что каждый по-своему ищет Бога — мне понятнее другой оборот: что каждого ищут на небесах. Может, потому, что искание мне в общем-то неизвестно, не из-за какой-то «найденно-

462 В. Бибихин. Новый ренессанс. М.: МАИК «Наука»; Прогресс-Традиция, 1998.

сти», а по лени и косности, наверное. Может, для меня в «искать» есть что-то, чего Вы не имеете в виду, то, что имел в виду Рильке, противопоставляя *suchen* и *finden*⁴⁶³ (это посредственные поэты ищут того, что только находится, а не ищется), как «помнить» и «вспомнить» у Ахматовой.⁴⁶⁴ Но это не так существенно.

Я приехала в Москву, но проспала заседание кафедры. Иванов не приехал. О. Димитрий говорил чудесную проповедь на Вознесение. В частности, обратил внимание на то, что Христос покидает землю во время благословения, исчезает благословляя — и связал это со Страшным Судом, с его первой фразой: «Придите, благословенные Отца Моего».⁴⁶⁵ Это то самое благословение. Грех отделяет от него — но путем исповеди мы можем «пресечь течение греха» (отлично, да? течение греха).

Ваша картина антропософской школы похожа на какой-то заколдованный остров, сады Армиды. Я всегда подозревала в них что-то такое, но и моя Ира, и Анюта уверяли, что ничего там особенного нет. Куда же тогда исчезла бы тень основателя?

Наша встреча по случаю Аверинцева не состоялась: о. Георгий неожиданно уехал в Милан. Я перечла три книги СС и больше всего люблю «Византийскую поэтику»,⁴⁶⁶ как прежде. Схема «Риторики»: ⁴⁶⁷архаика — синтез архаики с рационализмом — научный рационализм — мне не кажется безусловной, скорее это выглядит не синтезом, а компромиссом. «Древний хаос» и метафизическая дисциплина как-то слишком несоизмеримые вещи. Страсть по-настоящему может измениться под действием другой страсти, а не «порядка», так считал даже А. Роре, классицист, в «*Essay on Man*»,⁴⁶⁸ который я начала переводить, но не кончила.⁴⁶⁹ Можно ли «синтезировать» юг и север?

Нет, я не думаю, что мысль до чего-то «не доходит» (это про Ницше), но представляю, что она может просто идти не туда или не идти, а оставаться в руках автора, в его воле. К таким вольным мыслям

463 Искать — и находить (нем.).

464 *Между помнить и вспомнить, други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут.*

— А. Ахматова. Поэма без героя //

Ахматова, 1998. Т. 3. С. 53.

465 Мф. 25:34.

466 С. С. Аверинцев. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Наука, 1977.

467 С. С. Аверинцев. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996.

468 Александр Поуп (1688–1744) — английский поэт, представитель классицизма, переводчик Гомера. Автор философской поэмы «Опыт о человеке» (*Essay on Man*).

Из моего незаконченного перевода Поупа:

*Пусть вялым упразднением страстей
Гордясь, как добродетелью, и в ней
Преусекая, стоик обретет
Свой вечный идеал: он пуст, как лед,
Он прям и мертв, как воздух ледяной.
Но сила духа — страсть, а не покой... (ОС)*

469 От попытки перевода «Опытов» я перешла к сочинению своих — тем же героическим куплетом «Стансы в манере Александра Попа». (ОС)

для меня относится и федоровское воскрешение отцов⁴⁷⁰ — которое Вы переводите в своем толковании, как стрелку — в другой мир, моему, совсем не федоровский.⁴⁷¹

Мне очень хочется увидеть Ольгу и мальчиков, соскучилась по Вашему кругу. Говорят, Хайдеггер уже в магазине?

Я взяла в деревню компьютер, но без принтера, поэтому пишу по старинке от руки.

С наступающей Троицей Вас!

Поцелуйте, пожалуйста, Рому, Володика и Олега

и нежный поклон Оле

Ваша

О.

Зосимова пустынь, 22.6.1997

Дорогая Ольга Александровна, почтовый ящик, дом, приезд в Москву приобретают явный смысл оттого, что я нахожу там Ваше письмо; но только какой смысл? Можно было бы задохнуться от безнадежности, если бы «духовная жизнь» сводилась к «литературному процессу», который состоял бы в выражении каких-то смыслов, продвижении светлых идей, отстаивании позиций, пробивании написанного в печать, или еще хуже, получении «гонорара», — отравленное слово, из-за одного которого уже стоило, как я и сделал, рискованно отказаться вообще от всех денег Сороса и Иванова, «издательства ад маргинем» («философия побо-

470 Николай Федорович Федоров (1829–1903) — русский религиозный мыслитель, один из основоположников «русского космизма». Полагал, что человечество призвано активно участвовать в обещанном религией воскрешении мертвых, и потому должно сосредоточить свои силы на воскрешении предков средствами науки.

471 В. Биbihин, рассматривая ситуацию современного нигилизма, говорит об исходно сомнительном положении «отцов», находящихся во власти «сыновей»: «Мы узнаём в отцах отцов не потому что они явились и обозначили себя „мы отцы“, не потому что они подтвердили это заслужив уважение. Мы еще прежде того искали их, искали рано, так что может быть ничего раньше чем их не искали.

Найденные нами отцы настолько не причина нашего почитания их, что скорее наоборот, наше отношение к ним превращается в суд над

ними за то, что они оказались не те, кого мы искали. Чем туманнее, чем громднее нависают над сыновьями *те*, искомые отцы, тем острее, жестче становится суд сыновей над *этими*, найденными. <...> Мы приходим к мысли что отцы — и в узком, и в широком, имеющем право расширяться смысле — нас не обеспечили». Требуется воскрешение настоящего: «Возвращение отцов. В каком смысле? разве в том что отцы должны прийти сюда к блуждающим сыновьям? Конечно нет. Толкователи Федорова мало замечают что сыновьям у него предстоит измениться не меньше чем отцам. Возвращению отцов должно предшествовать возвращение сыновей. Пока это еще не исключено, констатировать смерть отцов рано». — В. Биbihин. Возвращение отцов // В. Биbihин. Другое начало. С. 237 (лекция 11.2.1992 из курса «Чтение философии» с небольшими изменениями. Заглавие и примечания добавлены 19.1.1993).

ку», переводит Хоружий в том русском привеске к выходящему сейчас его Джойсу, который вы видели и одобрили, чего он стоит, у Татьяны Толстой⁴⁷²) и взять домой пачки с «Бытием и временем», пачки ведь нельзя назвать гонораром? Но вы к моему счастью, похоже, все-таки вне «литературного процесса», это видно хотя бы из того, что вы тратите время на меня, который уж заведомо вне. Неясно, как и что Вы извлекаете на свет. Допустим, простор, пустоту (от «пусть»). Ясно только, что без вашей работы (работы ли? или это больше, чем работа, простое присутствие?) задыхание всей страны было бы уже предсмертным. Это удушье должен был чувствовать Окуджава в позднем стихотворении, которое он был показан по телевизору читающим, где говорится, что он уже не видит вокруг себя русских.⁴⁷³ — Окуджава очень хорош, подчеркнуто хорош, до задыхания (я не сразу заметил, что сказал, но отменять не буду). Его все-таки тоже, хотя кажется намного меньше, чем других, коснулась эта отравка хранения грустного достоинства хорошесть среди вывихнутого плохого мира. Но даже в малой мере быть лучше других — как удавка на шее, —

[Там же, 30.6.1997]

поневоле вспомнишь Макиавелли, который хотел научить людей не быть добрыми.⁴⁷⁴ Я говорю *male de mortuo*?⁴⁷⁵ Вовсе нет, как раз наоборот, хорошо. Но дело вообще, похоже, не в чьей-то хорошесть или плохости, а в пространстве, где эти и подобные вещи могут вписаться.

Написав это, я сам по-новому проверяю и уже не осуждаю вчерашнее скопление народа на нашем «участке» (сейчас-то в четыре часа утра безлюдная тишь под ясным большим небом и тоненькой совсем старой, старой луной). [...] Спокойная, в сложных ситуациях всегда безупречно ровная Ольга среди всего этого следит за главным, поддерживает культ чести и достоинства среди детей. Я вылез к народу из-под машины, разобранный до голого ржавеющего остова, и вел откровенно светский разговор. Столько спящих существ, и я, видящий свои странные сны. Один из последних навел мне, что всё равно в жизни ниче-

472 Татьяна Никитична Толстая (1951) — писатель, журналист, эссеист, телеведущая (с 2002 года).

473 *И с грустью озираю землю эту, где злоба и пальба, мне кажется, что русских вовсе нету, а вместо них — толпа.*

— Б. Окуджава. «Мне русские милы из давней прозы» (1996) // Б. Окуджава. Стихотворения. СПб: Академический проект, 2001. С. 518.

474 «Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради

должного, действует скорее во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности». — Н. Макиавелли. Государь // Н. Макиавелли. Избранные произведения. М: Художественная литература, 1982. С. 345.

475 «Плохо об умершем» (лат.).

Ср.: *De mortuis aut bene aut nihil.*

го не поймешь, не надо ставить вообще никаких целей, а обязательно нужно только заботиться в каждом движении, чтобы оно было во всю меру возможности правильным и отстраненным. — А что делать, если всё расплывается, рушится и разлетается? — Ровным счетом ничего, это не моя забота.

Я сам себе, другой, неприступен, как сон и как двойник. Похоже, Гоголь не был раздавлен своим двойником, гуляющим носом, потому что принял его вызов и смертельную игру всерьез, а Достоевский безнадежно размазал Голядкина и отмазаться от него никогда уже не смог. Вскоре после выхода «Двойника», вначале Достоевскому нравившегося, он стал расстроен из-за этой своей «петербургской поэмы» и называл свое отчаяние тогда, задолго до ареста и суда, словом «*каторга*». Семипалатинская вещественная каторга получается тогда попыткой спасения от этой, настоящей.

Между тем куда девались вдруг чистое предрассветное небо и старая луна, от земли поднялся утренний туман и всё заглушил. Надо вернуться к реалиям. Я их не знаю. Судя по рассказам приезжающих молодых людей, в Москве ничего особенного не делается. По телевизору мы видели о. Георгия Чистякова, он шел впереди на похоронах Окуджавы и подчеркнуто кадил вокруг. Наша Зосимова пустынь в этом году все-таки к нашему счастью окончательно будет от бездельного пионерского лагеря передана монахам, 10 августа будет молебен на святом источнике, из которого, боюсь, по благословению патриарха начнут продавать воду. Монахи, боюсь, ломают статую Ленина между колокольной и храмом. Но поля гречихи они скорее всего восстановят. Мое «Бытие и время» встречено похоже плохо, «нарушение всех правил приличия» (Подорога), «буду писать критику» (Молчанов⁴⁷⁶), «основопонятия, такого слова по-русски нет; *присутствие* ничего не говорит, Dasein⁴⁷⁷ лучше; страдаешь от отсутствия запятых» (Ахутин,

476 Виктор Игоревич Молчанов (1948) — российский философ, специалист по феноменологической философии, переводчик Гуссерля, руководитель проекта «Русская Гуссерлиана» и Центра феноменологической философии РГГУ (1996).

477 Dasein — центральный термин книги Хайдеггера «Бытие и время». Словарное его значение — присутствие, бытие, жизнь, существование. Варианты перевода, использовавшиеся другими учеными: «вот-бытие», «здесь-бытие». В. Бибихин говорит о своем выборе: «В отношении Dasein окончательный выбор определила фраза православного священника на проповеди, „вы должны не словами только, но самим своим присутствием нести истину“.

Применение *присутствия* у Мераба Мамардашвили уже только подкрепило сделанный выбор. (...) Разумеется размах немецкого Dasein остается недостижим (...) Разные применявшиеся у нас способы передать Dasein, к каким принадлежит и включение немецкого слова в русский текст, ведут и недалеко, и совсем в другую сторону, к искусственным формам. Из них мы берем, в основном когда Хайдеггер делит Da-sein дефисом, только *бытие-вот*, одинаково допуская прочтения „мое бытие в качестве *вот*“ и „бытие моего *вот*“, а в нашем *вот* слыша прежде всего открытость, очевидность, фактичность, указывание». — В. Бибихин. Примечания переводчика // М. Хайдеггер. Бытие и время. С. 450.

который предсказывает громадное количество разговоров вокруг этого перевода), «будем устраивать круглый стол»⁴⁷⁸ (Надя Трубникова⁴⁷⁹ из «Вопросов философии»). Мне судья Бог и Вы, на чье чтение я надеюсь, потому что нашли же Вы время посмотреть сборник «Время и бытие». В моем новомодном переводе есть подвох: он сделан не по смыслу и повертывается при перечитывании. Если это заметят, я сумею продать пачки, сложенные в комнате детей, если нет, останусь с горой макулатуры, туда мне и дорога.

Мне нравится думать, как Вы пишете, что каждого ищут на небесах, в том смысле, что стараются увидеть, как Вий старался увидеть Хому Брута. Беда была не в Вие, а в том, что Хома Брут имел причины прятаться, оставаться неувиденным. Ваша «лень и косность» на искание — то же, что мое спокойное знание, что сном всё равно не распорядишься. (Другое дело, что если правильное ведешь себя наяву, лучше сделаются и сны, по Платону). Вот боюсь, что Достоевский искал все-таки слишком много («искания Достоевского»), — но всё равно, конечно, гораздо меньше, чем посредственные поэты, о которых вы упоминаете.

Сомневаюсь, что мысль, настоящая, может идти «не туда» или оставаться «в руках автора». Где мысль, там нет уже «туда» и «сюда», а есть, приходит в голову Хайдеггер, *вот*, Да; и кто кого держит тогда в руках.

Вы говорите, что пишете «по старинке от руки». Значит ли это, что вы чувствуете, что с компьютером изменится слово? Мне кажется, что так. В то время как бесы пойдут плясать на интернетной планетарной свалке (ничего страшного, еще Аристотель говорил, что Земля — вселенская свалка), слово, оторвавшись от ручной вязи, плетения, как-то срастится с молчанием и криком, т.е. произойдет возвращение к евангельскому стилю. Отчасти уменьшение числа запятых по совету Айрапетяна указывает в эту сторону. Интернет смешивает языки (не в том ли заключался Вавилон, что все люди наоборот научились говорить на всех языках, смешали их, как в Интернете, и вконец перестали понимать что бы то ни было), а будущее по-моему за простой чистотой своего языка, который так, прямоотой, впитает всечеловеческий языковой жест. Мне уже самые ходовые иностранные слова ненавистны (как Толстому, приходит мне в голову), но не так, что я, как Солженицын, подыскиваю тогда для них русские соответствия, а начинаю подозревать, что где нет хорошего

478 См.: «Бытие и время» Мартина Хайдеггера в философии XX века: Материалы обсуждения // Вопросы философии. 1998. № 1. С. 110–121.

479 Надежда Николаевна Трубникова (1970) — философ, специалист по японской культуре и философии буддизма. Работает в журнале «Вопросы философии» (1993); с 2002 года — ответственный секретарь.

своего слова, там нет и вещи. So lernt ich traurig den Verzicht: Kein Ding sei wo das Wort gebricht.⁴⁸⁰

195

ПИСЬМА / 1997

Снова вдруг солнце пробилось сквозь туман, только луны уже совсем нет, и начинается странный день, по прогнозу и по такому началу жаркий. Мы прикованы к месту тем, что машина вся разобрана на мелкие грязные детали. Все-таки царственно пойти и купить новую мы еще не можем, и это наводит сначала на разные печальные сообщения о времени. Но у дня находится сотня карманов, если имеешь что вложить,⁴⁸¹ — сказал Ницше. Неверно, что его положение было другое, одинокого молодого человека и в обеспеченной стране. Под видом «необходимых жизненных и семейных забот» протаскиваются вот уж действительно скверные, а не ваши лень и косность. Дети на самом деле так мало требуют и так много дают тем, что свободно растут.

Привет Вам от них и особенный поклон от Ольги и от меня.

В.

Азаровка, 18.7.1997

Дорогой Владимир Вениаминович, *che disastro!*⁴⁸² За время между нашими письмами я успела побывать в Риме, где ждали и Вас — и Патрик⁴⁸³ не нашел Вас по телефону. Всё было на этот раз устроено аврально, за неделю — и я по случайности (приехав в Москву устраивать пятерых котят) оказалась на месте. Состав был новый, без К. Сигова и С. Хоружего, но с Н. Котрелевым⁴⁸⁴ [...], Муравьевым-филс⁴⁸⁵ и еще одним молодым человеком, не знаю чем знаменитым.⁴⁸⁶ Аверинцев прилетел из Вены. Pontifex

480 «Итак, я печально выучил роковой закон:

Нет никакой вещи там, где употреблено слово» (нем.). Это финальное двустипие из стихотворения С. Георге «Das Wort» («Слово»), многократно обсуждалось в немецкой мысли, в том числе, Хайдеггером.

481 Ф. Ницше. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов. Аф. 529.

482 Вот беда! (итал.).

483 Патрик де Лобье (1935–2016) — швейцарский социолог и теолог, автор трудов по социальному учению Католической церкви, профессор женевского университета. В начале 1990-х создал при университете Международный центр христианского образования, где учились молодые люди из бывших социалистических стран. Глава международного Общества В.С. Соловьева. В 2001 году рукоположен в священство Папой Иоанном Павлом II.

П. де Лобье организовывал соловьевские встречи, которые должны были способствовать сближению западных и восточных христиан. Об одной из них и рассказывает Ольга Седакова.

484 Николай Всеволодович Котрелёв (1941) — филолог, историк русской литературы, переводчик с итальянского. Поэт, в советское время участник неофициальной культуры, публиковался за границей и в самиздате.

485 Алексей Владимирович Муравьев (1969) — российский историк-востоковед, религиовед, специалист по истории восточного христианства, публицист. Сын филолога и переводчика Владимира Сергеевича Муравьева.

486 Александр Павлович Козырев (1968) — философ, историк русской философии конца XIX — начала XX веков, специалист по творчеству В.С. Соловьева.

Maximus,⁴⁸⁷ видно, ждал Вас, потому что спросил молодого человека, не он ли переводил Хайдеггера. И огорчился, услышав, что Вас тут нет. Мне в самом деле, всерьез горько, что Вас не было. Всё могло бы быть иначе. [...] Я не произнесла ни одного разумного слова. Они же говорили не смущаясь. Чтó говорили!

Всё вместе было похоже на эпилог трагедии в шекспировском роде, с буффонным аккомпанементом. Папа был как будто в трауре по своему замыслу примирения с Востоком — после такого грубого удара из Стамбула (Вселенский Патриарх впервые за много лет не приехал на Петра и Павла), из Москвы и отовсюду [...]. В конце обеда он сказал мне: «Остается искусство. Искусство может быть не мелочным. Мы, видимо, нет». Среди разговоров и как бы поперек их ходу он сказал: «Есть силы, которые хотят, чтобы всё было по-старому, с недоверием, враждой, злобой... Что это за силы...» Я хотела было процитировать из его энциклики (*Ut unum sint*⁴⁸⁸) о том, что в раздорах заинтересованы силы посредственности⁴⁸⁹ (*mediocrità*⁴⁹⁰) — но поглядела на соседей и промолчала. Патрик пытался утешать: «Когда вы, Très Saint Père,⁴⁹¹ приедете в Киев...» Папа просто сказал: «И я, и мой преемник останемся при конфессиональном железном занавесе». Никогда прежде речи о преемнике не заходило.

Прощаясь, он сказал мне: «Я много читал вас, много думал. Я многое узнал от вас и о вас. Спасибо вам за всё».

Тут я начала плакать и не кончала еще два дня. И до сих пор не могу без слез думать об этой разрушенной возможности высокого разговора.

Всё благородное обречено,⁴⁹² — как сказал Шекспир в переводе Пастернака.

Ах, я думаю, с Вами мы сказали бы что-нибудь.

Однако мне привелось увидеть бесспорное величие души, простоту и вес этого величия. Присутствие, да. Мне очень нравится эта Ваша передача Dasein.

487 Папа римский (*лат.*); буквально «Высший строитель мостов», языческое именование верховного жреца в Риме. (ОС)

488 «Да будут все едино» (*лат.*). (ОС)

489 «*Ut unum sint*» — двенадцатая энциклика Иоанна Павла II (25 мая 1995 года), посвященная экуменизму. В русском переводе слово «посредственность» выпущено: «Католическая церковь знает, что благодаря поддержке, исходящей от Духа Святого, слабости, несовершенства, грехи и даже предательство некоторых ее чад не уничтожат того, что Бог даровал ей в соответствии со Своим благодатным замыслом. „И врата ада не одолеют ее“ (Мф. 16:18).

А потому Католическая церковь не должна забывать, что в ее лоне есть и те, кто искажает замысел Божий» (<https://www.fjp2.com/ru/john-paul-ii/online-library/encyclicals/127-ut-unum-sint> — дата обращения: 24.9.2018).

490 Посредственность (*итал.*).

491 Пресвятой отец (*франц.*).

492 У. Шекспир. Отелло. Акт III, сцена III, монолог Отелло.

Аверинцев усталый и ворчит на нынешние времена, New Age⁴⁹³ и т. п. Все вместе они ворчали так, что Мари Ноэль, сидевшая с нами за ужином, была в шоке от таких тривиально правых бесед. Потом все разъехались, а я задержалась на неделю, и мы с Мари Ноэль обходили мои любимые римские места — катакомбы, Авентин, S. Alessio, S. Clemente, Trastevere... И вспоминали Вас — нет, с Вашим присутствующим отсутствием втроем.

Теперь я пишу из Азаровки, в стороне от литературного и других процессов (про которые мне хочется неприлично процитировать о «мертвых, хоронящих своих мертвецов»). Жизнь идет в другом месте, может, во многих других местах, но не там, где нет простоты, где всё десять раз перекручено.

Очень хочется увидеть Вас, Ольгу, мальчиков.

За этим отчетом о римских делах я ничего не ответила на Ваши мысли о вавилонских языках. У меня просто нет мнения на этот счет.

Желаю Вам успеха с тиражом (я в нем уверена)! Поцелуйте от меня, пожалуйста, Олю и деток.

Поклон Вашему дому

О.

Иерусалим, 20.4.1998⁴⁹⁴

Христос Воскресе!

Дорогой Владимир Вениаминович, Оленька! Я счастлива, что могу сообщить об этом с места событий. На открытке — Голгофа, где я бываю ежедневно, а Пасху встречала в Гефсиманском саду, над долиной Иосафата. Это звучит дико, как, в общем-то, любая правда. Я много чего здесь узнала и повидала, расскажу, надеюсь, при встрече.

Вспоминаю Вас здесь с любовью и желаю всем, и Роме, и Володику, и Олежке всего доброго.

Целую

Христос Воскресе!

Ольга

493 New Age — совокупность духовных практик современности, восходящих к рецепции восточных мистических учений, теософии, астрологии и пр. Их массовая популярность возрастает по мере секуляризации общества и исчезновения традиционной христианской идентичности.

494 На открытке «Jerusalem, Church of the Holy Sepulchre Calvary». В Израиле О. Седакова была в качестве гостя университета Бер-Шеба в связи с выходом на иврите книги «Старые песни» в переводе Хамуталь Бар-Йозеф.

Дорогой Владимир Вениаминович, поздравляю Вас и Ольгу со всеми прошедшими именинами и с днем венчания! Я так рада, что нам удалось поговорить хотя бы по телефону. Хочется, конечно, повидать Вас и Ольгу и мальчиков — и Ваш дом, который наверняка не развалится [...] Когда-то отец Дмитрий сказал [...], что художник обязан быть здоровым, не то он передаст свои недуги произведениям и тем, кто будет их смотреть. Неужели это до такой степени буквально? Вообще-то мне давно кажется, что по сочинениям можно ставить медицинские диагнозы авторам, в каком-то роде то, что называют стилем, — что-то вроде кардиограммы. Ах, всё устроено слишком строго, никуда не скроешься. А хочется сказать: «Чур, не считается! Во вдохновении я превосхожу себя! При чем здесь мой насморк?»

Видели ли Вы мою речь в «Русской мысли»?⁴⁹⁵ Она чуть-чуть сокращена. Мне важно было бы услышать Ваше впечатление. Я оставила текст отцу Дмитрию: интересно, как ему это покажется. Интересно — не то слово: страшно. Он никогда всерьез не говорил мне, что думает о моих сочинениях; не знаю даже, считает ли он это достойным думанья. Или мудреностью, что скорее всего. Тем описанным Вами «третьим подходом к уравнению», «самозванным гностицизмом».⁴⁹⁶ В Вашем описании этого третьего беснования я вижу много своего. Во всяком случае, природную склонность к этому «волшебному зеркалу». Конечно, не в духе Гоголя — но тут возможно множество вариаций. Можно так же глядеться не в «правильную», а в «трагическую» веру. Настоящее должно быть проще. Когда мы последний раз разговаривали с отцом Дмитрием, какая-то женщина, подведя де-

495 Речь при вручении Ватиканской премии.

Публикуется под названием «Счастливая тревога глубины». (ОС)

496 «Поскольку отношение между светом и тьмой, добром и злом не симметрично, не линейно, не дает умозаключать на основании пропорции и вообще рассуждать логично, перед умом встает загадка, которую он не может разрешить своей силой. (...) Ошибки ума от невозможности своими силами развязать узел добра и зла, тьмы и света бывают в основном трех видов. (...) Третий, самый тонкий подход к загадочному уравнению — это увлечься его бесконечными решениями. Человек избегает здесь и тупой гордости и лукавой беспринципности. Он верит, что зыбкая пучина должна уступить место тверди, что узел добра

и зла развязывается и открывается страна мерцающего света. Но вера в твердь остается пустой без дел. Человек уверяется в своей вере вместо того чтобы утверждаться в тверди. Он никак не может вступить в последнюю и непоколебимую твердь, она мучительно ускользает в бесконечность, когда казалось бы всего яснее видна. (...) Разбивший зеркало, кажется, выпадает в пустоту. Отвернуться от него кто в силах? Не слабый блуждающий человек, которому так важно уверение, так хочется опоры, что он рад обмануться ради иллюзии истинного водительства. Это зеркало самозванных гностиков, людей, ведущих в тайниках сердца секреты с Богом». — В. Биbihин. Узнай себя. С. 228–229, 233–234. «Третий подход» Биbihин видит в Гоголе.

вужку, спросила: «Батюшка, вот она не знает, где здесь Николай Угодник?» Он поглядел на нее — милое лицо, в самом деле, испуганное, как в чужом месте, — и засмеялся: «Миленькая! Ты с ним еще не знакома? Пойдем, представлю тебя Святителю!» Обнял ее и повел к его образу, не тому, что в иконостасе. — Вот это не волшебное стекло.

Он спрашивал о Вас, починили ли Вы машину. Я сказала, что нет, но выпустили книгу. Он с большим вниманием спрашивал о ней.

О Риме. [...] Как жаль, что Вы так там и не побывали. В книге о жизни Папы я прочла, что он с юности мечтал о затворническом монастыре, чтобы там принести — как он говорит — holocaust⁴⁹⁷ Господу. И он приносит это всесожжение, это видно и страшно видеть. Как мелко выглядит рядом с этим всё другое... Между прочим, из застольных разговоров. Патрик говорит: «Святой Отец, вот Вы всё о христианских корнях Европы, а как же мусульмане? их теперь много в Европе, и что им делать с этими корнями?» Папа невозмутимо: «Им нужно напомнить про Пуатье. Это ведь, кажется, недалеко от Женевы». «Так Вы, Святой Отец, благословите новый крестовый поход?» Папа убежденно: «Да». Общее молчание. Папа: «Против нас!», ударив себя в грудь. *Pas mal?*

Мне много еще чего было бы рассказать про Италию. Про Франческу⁴⁹⁸ и город Senigalia,⁴⁹⁹ про мозаики Равенны. Войдя в S. Apollinario in Classe,⁵⁰⁰ я закричала от восхищения! Даже римские мозаики еще не то (или уже не то: на два века позднее). Кроме прочего, это откровение зеленого цвета. Дальше зеленый уже никогда так не являлся в храмовом искусстве, исчез. А там — сияющая зелень и на ней белые овцы. Становится очевидно, почему у «золотого» и «зеленого» может быть один корень. Да, «белые ягнята на горе зеленой!» Совсем еще античность, но по-другому окрыленная.

И потом — тот же сверкающий зеленый на склонах гор Умбрии. Вот там я сказала: здесь мне и нужно жить не отлучаясь. Здесь можно писать. Кажется, в России больше нельзя. — Мы были там в горной деревушке, по ту сторону горы, за которой Ассизи. — Я рассказала отцу Димитрию о том, как наконец нашла себе место на земле: в Умбрии. Он ни секунды не удивился, спросил: «А крестьяне сдают дом?» Если бы мне такую дали премию: хижину в Умбрии... Старуха пекла там лепешки среди тяжелых скамей и столов, и пахло, как в детстве в русской деревне. Крестьянство вненационально, я дав-

497 Жертва всесожжения (*греч., англ., франц.*). Разговоры с Папой шли на французском языке.

498 Франческа Кесса — итальянский филолог, преподаватель университета Сассари (Сардиния), подруга Ольги Седаковой.

499 Сенигалия — порт на адриатическом побережье Италии, провинция Анкона. Основан в IV веке до н. э. Первая римская колония на Адриатике.

500 Христианская базилика VI века со знаменитыми мозаиками рядом с Равенной (Италия).

но в этом убедилась: в Шотландии, в Сванетии, в Умбрии оно то же. Как аристократия? потому что из того же феодализма? И именно крестьянский мир кажется мне поэтическим. Наверное, потому, что это первые впечатления, безоговорочно одобренные моей душой: такой ритм, такая речь, такие люди и вещи... Как ни странно, и меня там обычно любят — совсем не крестьянское существо, но, наверное, для такого там отведено свое место: странник, бобыль... «мирской человек», как говорила бабушка, что значило: «тот, кого держат всем миром» (как был «мирской бык»). Интересно, на каком языке заговорила бы под горой Субазии Муза? Конечно, пришлось бы завести и мотоцикл — *motorino* — или лошадь, как там у всех. Ездить в умбрийский сельмаг. И изредка навещать Рим. Знаете, каждый раз, как показываются Аврелиановы стены, сердце замирает. Проверено, хотя и непонятно, почему.

Я читаю здесь в Азаровке Вашу книгу.⁵⁰¹ Лекции прочла, записи еще не все. У меня складывается впечатление об этой книге как об учебнике аскетике. Вы думаете о целом, но самое острое впечатление — как раз от различения, от навыка различать (начиная с разбора Вяч. Иванова⁵⁰²). Жесткого, в общем (более жесткого, чем привычный мне), но очень изящного. Поэтому это трудное чтение: за ним трудная жизнь. Особенно важными — в том, что я пока прочла, — мне показались два различения: «видеть» и «быть увиденным», «вызвать весь свет на себя»⁵⁰³ — и «быть не с Ним, а под покровом Его чудес».⁵⁰⁴

Теперь я понимаю Ваше состояние при подготовке издания. Мне кажется, мы с Вами делаем что-то похожее, похоже недозволительное, обнаруживая то, о чем принято молчать, интимное (помните мою панику в связи с эпизодом в «Похвале»?). Смелость, с которой Вы взяли это издать, удивительная. Я надеюсь позже написать Вам больше о книге, пока я в нее вникаю. В ней столько поразительно

501 В. Бибихин. Узнай себя.

502 В основном вторая лекция.

503 «Мы представляем себе Бога в скроенных по нашей мерке образах и вообще представляем в образах, когда Он не образ а образ образов, не явление а явность. Чем отчетливее, как нам кажется, мы видим Бога, тем злее обманываемся. Тут всякий придет в отчаяние. Между тем нам всеми силами следовало бы желать не увидеть Бога, а быть увиденным Им. Быть не прячущимся искателем света, а просить всего света на себя». — Узнай себя. С. 255–256.

504 «Когда человек спешит упасть от божественного страха на колени и с перекошенным лицом кричит, не убивай, ведь Ты же мне отец, а я Тебе сын и Ты меня, говорят, любишь, а я готов тебе служить, потому что чувствую по своему страху Твое присутствие, то уже это я и ты выдает в нем скверное намерение совершить сделку, вступить в договор, и с кем? Я или Ты: только с таким лицом достойно встать перед страхом Божиим. Если стоять останусь я, значит Ты не истинный Бог. Если победишь Ты, а я останусь только отсветом Твоего торжества и славы, значит Ты Бог истинный и твори надо мной что знаешь». — Там же. С. 261.

чуткого, прозорливого! О Белинском, например, о «духе неосознанной реформации с печальным бессловесным Христом...»⁵⁰⁵ И может быть, Вы сказали об этом потому, что дух этот еще бродит и ждет воплощения?

(Прилагая к другой ситуации, которой я была свидетелем: таким же «петушиным криком» казался мне в юности структурализм против глубоководной мудрости вроде Лосева: в нем как будто было больше простой правды совести. И я его выбрала, а не «идеализм» — в лосевском ли, бахтинском ли духе. Интересно, что Вас, кажется, структурализм никогда не увлекал? Меня увлекал своей вызывающей нелиричностью. Чистый холод, мне казалось: парадигмы, синтагмы, доминанты... как в музыке, куда домысливать «образы» излишне, да просто неприлично.)

Многие вещи в книге мне поразительно знакомы, по опыту — и ни у кого, кроме как у Вас, не встречались. О многих вещах я никогда не думала: например, о двойничестве и о двойственности.* (* Впрочем, нет. Вдруг вспомнила стишок, который сочиняла лет в 14 и тогда переживала как что-то важное, но не понимала, что:

Похожи, как медяки,
живут на земле двойники.
Я кутаюсь в воротник:
а если и я — двойник?
Уйду от людей, уйду,
лучше жуком в саду,
мышонком и сквозняком,
но только не двойником!

Приношу извинения за художественные достоинства. Но интересно: почему из первого предположения следует побег в жуки и мышата?)

О добре и зле тоже, между прочим. Как это возможно? И теперь-то для меня это несколько отвлеченные слова. Я думала о «хорошо» и «плохо», наверное, причем не в оценочном смысле («это хорошо»), а в диагностическом («здесь мне хорошо» — что прежде всего значит:

505 «Рядом с замороженной праведной благостью „Переписки“ насколько трезвее и целомудреннее петушиный крик Белинского в его „Ответе“. Белинский выставляет здесь словно напоказ, словно больной свои болячки, тоску как раз того нового бродячего и дикого духа, который дальше пошел с таким перекосом расти в России, духа неосознанной реформации с печальным бессловесным Христом, маячащим во вьюжной дали, — и вот Гоголь,

который возможно один был в силах почувствовать, куда идет дело, не смог пересилить нелюбви к самому себе, не смог или не посмел разгневаться на явную, вызывающую неправоту Белинского, не нашел в себе силы оторваться от зеркала, сам превратился в волшебное зеркало, в котором всё было гладко, и явись тут какой угодно еретик, Гоголь снизошел бы к нему как к шаловливому подростку». — Там же. С. 235–236.

«не больно»). Как написал Миша Гронас⁵⁰⁶ (помните его?) в недавних стихах:

Время делится на колющее, режущее, тупое —
И с тобою.⁵⁰⁷

Вот что мне пришло на ум, читая, — и ни с чем конкретным, кажется, не в связи — что есть еще одна вещь, кроме той, которую Вы называете «Молнией».⁵⁰⁸ Такая же понятийно неуловимая, но другого рода, я назвала бы ее «Эфир», например. Блок назвал «цветным туманом», помните?

И снова мир предстанет странным,
Закутанным в цветной туман.⁵⁰⁹

Это не облако мечты и подслеповатости, наоборот. Когда говорят о «личной жизни», то я представляю что-то голое, не окруженное этим эфиром, который не молния, а нечто постоянное. Не разбивающееся границы, а окружающее. Когда мы с Франческой и мужем ее англичанином Гавином,⁵¹⁰ математиком, обсуждали равенские мозаики, Франческа сказала что-то о неисчерпаемости их сообщения. Гавин возразил, что неисчерпаемых сообщений не бывает: коммуникация, запас информации, реципиент и т. п. Франческа сказала: «Но искусство не коммуникация, не передача информации от одного другому! Когда я читаю Данте, самые звучные строки, например,

*La gloria di Colui che tutto muove,*⁵¹¹

я не получатель сообщения, а его автор! Это во мне говорится, от моего лица. И Данте, в свою очередь, не отправитель этого сообщения, это в нем говорится. Между кем и кем эта коммуникация? Между

506 Михаил Бенъяминович Гронас (1970) — поэт, переводчик, филолог. В университетские годы — слушатель курсов В. Библихина и О. Седаковой. Занимается социальной историей культуры, социологией литературных вкусов, поэтикой, историей кино. С 1995 года живет в США.

507 М. Гронас. «Настоящее...» // М. Гронас. Дорогие сироты. М.: ОГИ, 2002.

(<http://www.vavilon.ru/texts/gronas1.html> — дата обращения: 24.3.2018).

508 Например: «Угадывание целого происходит внезапно, *par des fulgurations* („Монадология“ написана по-французски), вспышками молнии. Это молния Гераклита, которая должна вырваться из времени и пространства, чтобы прорезать темноту неготовой монады, пройти до нее сквозь закрытые веки. Через эти

озарения, из-за образованности монад целым, они, каждая, отзываются во всех и „всякое тело ощущает всё, что делается во вселенной; так что тот, кто всё видит [не глух к тому, что до него доходит в колебаниях мира], может читать в каждой вещи всё что делается везде, и даже то что было и то что будет“ (§ 61). Доходит до всех всё». — В. Библихин. Узнай себя. С. 147. См. также гл. «Правящая молния» в книге «Язык философии».

509 А. Блок. «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» // А. Блок. Стихотворения. Поэмы. Театр. М.: Художественная литература, 1968. С. 426.

510 Гавин Брелстафф.

511 «Слава Того, кто всем движет» — первая строка Третьей Кантики, «Рая». (ОС)

каким-то облаком в Данте и каким-то облаком во мне». Я подтвердила ее ощущение. Гавин сказал, что не понимает нас, что таких вещей в схеме информации не предусмотрено. Вот это и есть то, о чем я хотела сказать в связи с Эфиром. Раздетый от этой оболочки человек мне кажется странным. У него всё свое. И когда своим «своим» он общается с таким же «своим» в искусстве (приведенная Вами история про «скорчившегося мальчика»⁵¹²), мне это кажется неправильным. Я, пожалуй, поручусь, что это неправильно. По-моему, искусство создается не из натурального человека, а из этого, в эфирном или слабо-световом коконе. Он (этот кокон) из того же вещества (или анти-вещества), что Молния, но в отличие от ее «вдруг» он непрерывен, в отличие от ее зигзага — по сути шаровиден. Это мандорла? нимб? слава? радуга? как раз ее образ Вы называете в связи с этим эпизодом в музее: «окаймил невидимой радугой»⁵¹³ — то есть у Вас это вернулось в искусство. Искусство не берут голыми руками, даже если это руки такие чуткие, как у Розанова: только воздушными руками, не «своими». Мне кажется, я понимаю исходное значение «своего» как «хорошего». Но еще лучше для меня образ хорошего как «чужого», чудного, неприступного. Кроме того, чему я не могу сочувствовать, это жалости к загнанному (как и в стихах о щенке), в которой слишком ясно обвинение другим.⁵¹⁴ — Почему в их сострадании униженным и оскорбленным столько обиды и злобы? — спрашивал Шаляпин в записках о революции. Я не люблю обличения равнодушных и гладких куда больше, чем самих этих гладких! Я никак не могла объяснить этого Веничке. Вы скажете: а библейские инвективы пророков? Не знаю, что-то другое.

512 В. Библихин цитирует стихи, героиня которых, придя в Эрмитаж, хочет обнять скульптуру скорчившегося мальчика Микеланджело:
*«Как во сне, доносились слова экскурсоводов
 О великом Микеланджело, о шедеврах искусства...
 А мне хотелось погладить мраморные кудри
 И обнять за плечи... чтоб не было так больно».*

— В. Библихин. Узнай себя. С. 556.

513 «Загнанное тринадцатилетнее существо, когда счет идет уже на минуты, когда страшно, жутко, прикасается к другому, страдающему, загнанному так же; скрыться некуда, они выслежены, опознаны, будут добыты; этим прикосновением обреченных они спасены, Бог взглянул на них, окаймил невидимой радугой, миру в этом месте быть, — тому же, обещание которого ты увидел тогда, двадцать четвертого мая, на повороте (левом) под стрелку, с Университетского на Ленинский».
 — Там же. С. 556.

514 «Восьмилетняя Р. написала стихотворение «Щенок»:
*«... Прошла мимо бабушка:
 „Фу! что за тварь!“
 Щенок проскулил ей в ответ.
 Прошел мимо дедушка
 И говорит: „Кыш! кыш!“
 Щенок молчит».*
 — Там же. С. 443.

Я перевожу сейчас Джона Донна,⁵¹⁵ его последнюю проповедь *Death's Duell*. Уговорили. Но это совсем не тот род благочестия, который мне нравится.

Я очень рада была бы Вашему письму. Передайте, пожалуйста, Ольге мой нежный поклон, Рому поцелуйте и Володика и Олежку.

Ваша

ОС

301002, Тульская обл., Заокский р-н, п/о Малахово,
дер. Азаровка.

P.S. Привет Вам от Кости Сигова, его письмо пришло в Азаровку.

Ожигово — Зосимова Пустынь, 2.8.1998

Дорогая Ольга Александровна, так не хватает Вас, в Москве на Вашей квартире отвечает только автомат, а Вы далеко, отгороженная от нас, странно сказать, техникой, прежде всего транспортной, которая делает трудным, нелепым естественное медлительное передвижение по почве и вынуждает пользоваться ею. Она якобы помогает, но платить за ее удобства надо, вписавшись в нее. Я придаю большое значение Вашим неладам с документами, паспортом, билетом, чеком, Вы не включаетесь в расписание. Мне, человеку с неярко выраженной индивидуальностью, как меня давно определили, приходится с нерешительной завистью стоять на пороге технического, академического, почвенного устройств, с равной тягой во все стороны, с жалкими попытками определиться самому, в недоумении, которое прекратит смерть.

Всё перекрывает небо, громкое, свирепое. Оно требует себе человека, ему в меру только сумасшедший Иоанн Креститель в пустыне, или хан Батый — сатана на коне, или тысячи пушек; и этого мало, а хватит только смирения смертного на кресте. К нам пришли молодые люди, вполне интеллигентные, просили мак, показывали следы укулов на руке, доказывали, что не могут без наркотика, напоминали, что все музыканты и певцы колются, и всего их вздора и губительства было вопиюще мало, небо было такое яркое, сплошное, так гремело. По дорогам без всякой нужды с сумасшедшей скоростью шли машины, лишь бы не снизить риск, процент смертей на этом показательном фронте технического наступления — на что? Заносчивость

⁵¹⁵ Джон Донн (1572–1631) — английский поэт и священник, знаменитый проповедник, настоятель лондонского собора святого Павла. Представитель «метафизической школы» английской поэзии. «*Death's Duell*», надгробное

слово себе самому, произнесено в Уайтхолле перед королем Карлом I незадолго до смерти Донна. Перевод: Схватка смерти, или утешение душе... // *Седакова*, 2010. Т. 2. С. 245–278.

перед вызывающим молчанием земли и демонстративная, самоубийственная глухота к грому неба. Стало быть, наступление ведет человечество само на себя, и «наркоманы» скорее бегут от его массового опьянения. Но что делать мне? Писать письмо Вам, Вы почувствуете и пожалеете, из своей беды тем более.

Босой выхожу утром косить в ровное поле — как на кладбище поколений, которые то же делали тут же еще с крупницей надежды и смысла. Подкосила последняя война, когда на поле был аэродром, в Сотникове, растянувшемся вдоль нашей маленькой речки, стояли летчики, после чего деревня оказалась нелепо пустой и ее снесли, места домов обозначены холмиками и крапивой. — В Ильин день в середину этого поля на холм, накрытый над бывшим складом ГСМ, мы пошли смотреть на хозяина неба и его облака, говорящие. Володик с Олегом и с соседским Володей убежали вперед по совершенно безлюдной дороге и пропали. Ольга [...] сразу бросилась их искать, мы с Ромой выслеживали с холма хоть какое-то движение в квадратных километрах кукурузы, и я понял, что найти блуждающих в ней детей можно только с вертолета. Я не догадался, отпуская их одних, что с их высоты изнутри кукурузы никаких ориентиров не видно, а вскарабкаться не на что. Ольга, изрезав [...] ноги в траве, чутьем сразу вышла на детей, которые ушли страшно далеко, но бодро держались вместе. Воссоединились все (странным образом даже Ваш воспитанник Граф был с нами, только крошка красавица новая Ася не пошла) на вершине холма для пикника, и Олег был так заворочен простором, что объявил, что тут останется, — так мы и видели наверху его одинокую стройную задумавшуюся фигурку, уходя, прощаясь. Потом разум победил, и он бодро догнал нас по следу в кукурузе. Кукуруза — это мое детство, но на Кубани она без подлеска травы, одни желтеющие стволы из растрескавшейся жесткой земли. — На этот пикник, обернувшийся таким рискованным, я шел в грустном конце жизни, возвращался оттуда с Олежеком на плече в начале. Что всё это значит, такие случаи? что жизнь случайна? Конечно. Кто, что дает шанс? Он сам себя, в каждом шансе распылен, рассредоточен Бог, которому интересно только неожиданное и невозможное.

На Владимира я был у о. Димитрия, он исповедовал (а на Ольгу Ольга, он служил). Он очень помолодел и поздоровел, в разговоре с исповедниками был как нетерпеливый успешный мастеровой, отметающий лишнее, берущийся за дело. Одного этого смотрения было достаточно, чтобы со мной стало что-то происходить. Отвалилась, как отлипшие куски, поза кающегося, самообвиняющего,

о. Димитрий словно бездвижно выступил из ауры исповедника, встал вровень с нами, статус разговора представился непредписанным, словно стены церкви раздвинулись и мы встретились на улице среди толпы. Он очень подбодрил меня, мало ли какие перепады бывают, мало ли что приходится терпеть, не бранил, не стеснял, словно расширил простор.

Когда у вас приращение семьи, — спрашивает с великолепной улыбкой о. Димитрий; скоро увидите у себя в храме, — отвечаю я беззаботно.

Каждый день мы начинаем, готовые вдруг сняться отсюда все. Для поддержания этой постоянной готовности мы ничего не планируем, говорим условно о Преображении и Успении, многое зависит от терпения Ольги, я думаю о 21 августа. О том, как Вы живете, тоже можно было бы догадываться, но Вы уходите летом так тихонько в джунгли, что становится страшно идти по следу, как за пантерой, вдруг она оглянется. Вы ведете себя наоборот, чем номенклатура, главные силы тратящая на удержание себя в кадре, как было ясно видно на лице Вознесенского недавно в телевизоре; даже отталкивает от себя чернь он для привлечения. Штукатурка с этой культуры не может не осыпаться. Есть обещание в том, что здравого смысла и чутья в людях больше, чем сколько экранная культура дает им хотя бы просто признать.

Ваши Владимир и Ольга

Азаровка, 22.8.1998

Дорогой Владимир Вениаминович,
я так рада Вашему письму (оно шло 20 дней). 21-е, намеченное Вами, уже миновало — и как узнать здесь, в тульской глуши, что у Вас? На всякий случай пока не поздравляю.

Вам кланяется Аня, которую я навестила на Преображение (накануне была годовщина смерти Тани⁵¹⁶) в ее тарусской скворечне. Это в самом деле домик для птиц или эльфов, таких маленьких — снаружи — я не видела. Он стоит на высоком берегу Оки, над моей любимой русской скульптурой — спящим мальчиком на могиле Борисова-Мусатова. Вы видели эту вещь? Чудо, и манерность начала века ее миновала, целомудренный тихий камень, кроткий. Из Тарусы с Поленовыми мы на веслах доплыли до Поленова — полтора часа речного блаженства. А оттуда уже по суше я возвращалась восвояси. Очень со-

⁵¹⁶ Татьяна Шмаина (1962–1997) — художница, младшая сестра А.И. Шмаиной-Великановой. Погибла в августе 1997 года в Москве.

ветую Вам провезти таким путем Ольгу и мальчиков. Это не «Россия, нищая Россия», скорее, барская, пейзажи из «Родной речи», «Виджу чудное приволье».

Вы пишете о безвестности, а кажется, я наоборот выхожу на люди. Я согласилась вести на «Софии» регулярные передачи о словесности. Первую, интродукцию, мы уже сделали с И.А. Иловойской.⁵¹⁷ У меня нет принципиального решения бежать публичности. Если не марает, пожалуйста. «София» кажется мне чистым местом. [...] Кстати: в первый же день, как я добралась в Азаровку, сюда явилась телебригада.⁵¹⁸ Сняли меня на крыльце и показывали в «Новостях культуры». Я не видела и не знаю, передавали ли мой монолог. А был он о том, что колониализм кончился совсем недавно и расовая сегрегация тоже. Не знаю, почему я решила сообщить об этом с азаровского крыльца.

Но в общем-то, если говорить серьезнее, то публичность меня всегда отталкивала. Про знаменитых публичных людей, которых я видела, мне казалось, как будто они совершили еще одно грехопадение, по сравнению с обычными детьми Адама. В ту же сторону, что первое, еще шаг: обмануть Господа, спрятаться. В «имидж», которого у обычных людей нет. В этом «имидже» они чувствуют себя еще невидимее, чем Адам в кустах. Возможна ли другая публичность? На Западе я увидела, что да. Там известного человека (не поп-модель и т.п.) не покидает достоинство скромности и бескорыстного, непоказного поведения. Он не превращается в массовика-затейника, как у нас.

Вы так чудесно и точно рассказали про отца Димитрия — о «расширении простора». Да, я то же самое чувствую каждый раз, как будто открывают клетку. «Хорошо», вот что остается. И среди этого «хорошо здесь» — столько возможностей! Это и есть «отпущение», да? Вы пишете об «отваливающих кусках поэзы»: в моем случае происходит что-то вроде растопления льда, как в «Снежной королеве» с Каем, помните, когда он выплакивал осколки зеркала тролля. Я при-выкла с детства чувствовать себя этим персонажем, потому что мой отец меня с ним сравнивал. Осколки зеркала или — словами Бунина —

517 Ирина Алексеевна Иловойская-Альберти (1924–2000) — журналист и общественный деятель. В течение нескольких лет вела передачи на радио «Свобода», была одним из ближайших сотрудников Александра Солженицына. С 1979 года главный редактор газеты «Русская мысль» (Париж). В 1987 году организует вещание экуменической радиостанции «Благовест». В 1995-м «Радио Благовест» начало совместное с «Радио София» вещание в Москве

под названием «Христианский церковно-общественный канал», где Иловойская в течение нескольких лет вела ежедневные передачи. Постоянным автором «Софии» был о. Георгий Чистяков. В 1998–1999 годах Ольга Седакова вела там еженедельные часовые передачи о поэтике.

518 В связи с Ватиканской премией «Христианские корни Европы» имени Вл. Соловьева. (ОС)

«мертвая печаль», вот что уходит от меня — вынимается из меня, честнее сказать, — при отце Димитрии.

Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
То, что я от всех таю.
Холод, блеск, мистраль.
(Ледяная ночь, мистраль)⁵¹⁹

Так что Вам, видно, нужен только внешний ремонт (штукатурка), а мне хирургия, операция на сердце и на глазах.

Мне хотелось бы писать и писать Вам, в связи с тем, что Вы пишете... Про небо, которое здесь вопиюще присутствует, — но не скажу, что свирепо, нет. Как юность.

Но спешу к оказии и кончаю. Скучаю по Вас, по Ольге, по мальчикам. Поцелуйте их, пожалуйста. Христос с Вами.

Ваша
ОС

Зосимова пустынь, 12.8.1998⁵²⁰

Дорогая Ольга Александровна, как в наши поворотные годы, 1992-й, 1993-й, я узнавал новости в метро из Ваших стихов (от тех лет всей стране и осталось собственно только несколько стихов и слов), так из всех деловых новостей и вестей в мой очередной московский вторник вчера главным было Ваше письмо. (Раньше я еще говорил себе и другим, что такие вещи остались единственными событиями, а теперь даже и не говорю, само собой разумеется). Мы читали его поздно вечером (я третий и четвертый раз) с Ольгой у открытой печки (и присылка, чтение письма как много значили, в том числе литературно, еще совсем недавно, в начале даже прошлого века, но странным образом уже не в начале этого, не с ускорением ли почтовых сообщений), слыша дождь, который непрерывно идет уже вторые сутки, так что наше озеро вышло из берегов. Утром я долго спал (потому что перед поездкой в Москву спал три часа), и мне приснился райский сон. Сам патриарх, он совсем хороший, служит в нашем шалаше, подзывает меня с братом ближе к себе, я потом так от него и не отхожу, целую ему руку; он тих, задум-

519 «Ночь», одно из последних стихотворений И. Бунина (И. Бунин. Собрание сочинений: В 9 тт. М.: Художественная литература, 1967. Т. 8. С. 25).

520 Письмо было отправлено вместе со следующим 27.8.1998 из Москвы. (ОЛ)

шевно мил, обаятелен. «Что же вы за мной ходите», спрашивает он любезно. «Мне хочется быть с Вами, отвечаю я, и может быть я пригожусь». Место, где устроен походный иконостас, не прибрано; я убираю оттуда лишние вещи. Разбор этого сна нелишний раз показывает, как Вы пишете, что «всё устроено слишком строго, никуда не скроешься». Мы выносим всё свое (или ничего, это хуже) в то, что пишем; чтобы не заметить это, нужна неинтересно большая доля наивности; смелость здесь не в откровенности, которой в мире и так больше, чем надо, а в согласии понести потом объявленное самому, не сваливать на других. Принять свою болезнь. Пушкин жаловался на «аневризм»,⁵²¹ но имел, я думаю, соглашение со своим телом, какое я вижу у Вас: я не замечаю у Вас внимания к собственной усталости, голоду, болезни. Зависимость от сигарет — другое дело. Она как зависимость от духа, Вашу привязанность к дыму можно понять как обозначение неотрывности от того «тумана», в который человек выходит, уходит, как в настоящее. Во всяком случае, отслоить Вашу привязанность к дыму от принадлежности к эфиру, к воздуху, к «цветному туману» я не смог бы, хотя могу представить, как Вы могли бы догадаться об этой взаимосвязи и отказаться от символа ради чистой сути дела. Данте — такая сильная электрическая искра, что когда я много читал его, давно в Румянцевской библиотеке, то однажды, сбегая вниз по большой лестнице из «зала 3» к милиционерам, почувствовал по наведению, через 7 веков, такой договор, соглашение с телом, когда оно послушно делает, что надо, когда надо, не заявляя вовсе своих требований и интересов, но и само оставлено вполне в покое, с ним никто не возится, не «тренирует», бросает его на свободу. Потому что такие вещи, как швыряние железной палки у Пушкина, или переплыть реку, или, сегодня, кто-то взял бы за правило всегда быстро подниматься по эскалатору, — выходы, как прыгать или бегать в детстве, чисто духовные, объясняла мне Наталья Леонидовна.⁵²² Иначе как погружением в «цветной туман» я Ваши сигареты понять во всяком случае не могу, и в этом смысле Вы назвали их Ольге своей родиной. Как зависимость от вещей они нехороши наверное, но это я говорю, имея в виду не здоровье, а необходимость движения потянуться за спичками и подобное. Что касается привычек, то мне самому за всю свою жизнь не удалось избавиться ни от одной скверной или хорошей привычки, похоже, что мы не приобретаем привычки, а они

521 Аневризм А. С. Пушкина, вероятно, был вымышленным: ссылаясь на эту болезнь, он пытался получить у Александра I разрешение на выезд для заграничного лечения. От организованной Жуковским операции Пушкин отказался.

522 Наталья Леонидовна Трауберг (1928–2009) — российский переводчик, эссеист, мемуарист. Переводила с английского, испанского, французского, итальянского. Терциарий доминиканского ордена. Ее переводы Честертона, Льюиса и других «новых апологетов» ходили в самиздате.

нам врождены, изменить здесь так же невозможно, как рисунок линий на пальцах или руке. Как если бы я решил изменить усилием воли расположение кровеносных сосудов у себя в руке. На самом деле мы ежечасно, постоянно меняем свою биологию, но именно захваченные настоящим, которое, Вы пишете, просто, и в меру этой захваченности. Здесь настоящая война, настоящий успех; в меру простоты, возвращения к тому самому еще есть жизнь. Конечно она не в теле, а в воздухе, в «тумане». В связи с тем договором с телом я думаю, что зрение Данте было вещественное, то, от которого, с разделения света и тьмы, началась жизнь (бытие). Иногда, бывает, кажется, что всё вообще взвешено без верха и низа, без пространства и краев, в неразличимом потоке или вихре. Возможно, наркоманы и вообще эстеты любят это состояние, «в созерцательном покое», но интересно и важно, что в нем поступок не только не отменяется, но очищается от *Machenschaft*:⁵²³ когда невозможно ничего сделать, нет ни рук ни ног, эстет обнаруживает свою принадлежность к миру промышленности, он думает и рад, что «ничего не поделаешь», но только здесь пространство для настоящего поступка. На кресте, кто-то мог бы подумать, человек несвободен и уже ничего не может сделать; по настоящему там у него таинственная власть — божественная?

Конечно, мне жаль, что я не был в Риме. Еще больше мне хотелось бы ходить с Вами по сельской Италии. Но мне неловко было бы перед окружением Папы, не представляя ничего и ничего не знача, быть обузой на его влиянии, авторитете. Пространство вокруг него все-таки силовое, и даже мнимая сила там уместнее, чем никакая. Бедный Петер Козловский,⁵²⁴ ища, на что бы опереться среди «влиятельных московских интеллектуалов», в свой однодневный приезд в Москву 17 июня с чиновником Fred Fransen⁵²⁵ из богатого фонда Liberty fund⁵²⁶ пригласил меня, спешащего и озабоченного, с Франсеном на деловой обед в ресторан патриархии в Даниловом монастыре. Совершенно скользкие цепко-заискивающие, истертые официанты в лягушачьем зеленом с бурой окантовкой принесли гигантские меню с ценами вокруг 100 тысяч каждое блюдо. Я разозлился на такой монастырский ресторан. Франсен взял за 70 тысяч пельмени, которые оказались, кажется, просто магазинными. Козловский в испуге

523 «Делание делишек», махинации (нем.).

524 Петер Козловски (1952–2012) — немецкий экономист и философ. Специалист по философии управления и хозяйства.

525 Фредерик Джон Франсен (1965) — американский политолог, специалист по развитию высшего образования, исполнительный директор The Center for Excellence in Higher Education; представитель (Senior Fellow) Liberty fund.

526 Liberty fund — благотворительная организация, созданная П. Гудрихом в 1960 году, спонсирует книгоиздание в сфере гуманитарных и социальных наук, создание образовательных ресурсов, проведение конференций и пр.

от того, что я просто перелистываю меню, с немецкой отчетливостью предупредил меня, что без меня они есть не будут, но я спокойно взял себе тоже «хлебушек», таков стиль меню, за 2 тысячи и чай за 4 и прилично ел вместе со всеми. Liberty Fund устраивает сотни семинаров ежегодно, и наконец решили сделать это в Москве. У них много денег. Мне понравилась идея. Pierre F. Goodrich, an Indianapolis businessman and lawyer, founded Liberty Fund in 1960. Upon his death in 1973, Mr. Goodrich left most of his estate to the foundation for the purpose of exploring the many dimensions of liberty... Mr. Goodrich observed that human beings are far from perfect and have only a partial understanding of their own nature. Institutions, in turn, are fraught with imperfections... He believed that education in a free society requires a dialogue centered around the great ideas of civilization... the best way to promote the ideal of a society of free and responsible individuals is through a process of full and open discussion.⁵²⁷ Вот они тогда и собирают по всему миру, тщательно отбирая, по 12 человек на семинар, чтобы они сначала прочитали какой-то текст, скажем, св. Августина или Адама Смита, а потом обсуждали. Тема свободы в России, и встроиться в деловитость американцев из глубинки, чуждых академизма, действительно свободу на своем горбу выносящих («американцы не дураки», говорит Хоружий). Я сказал, что это трудно, обещал предложить, что придет в голову, и думаю, что настоящий разговор возможен — я подумал о Вас, о Фазиле Искандере,⁵²⁸ возможно, об Ахутине, может быть молодой человек Александр Иванченко, Василий Моров,⁵²⁹ на Западе мне подумалось о Джордже Стайнере,⁵³⁰ Франсуа Федье, конечно Peter Trawny⁵³¹ из Вупперталя, иезуит Helmut Dahm,⁵³² о Вашем друге американском издателе со скандинавским именем, которое я забыл.

527 «Пьер Ф. Гудрих, бизнесмен и юрист из Индианнополя, основал Фонд Свободы в 1960 году. По смерти (1973) мистер Гудрих оставил большую часть своего состояния для исследования разных аспектов свободы... Мистер Гудрих полагал, что человек весьма далек от совершенства и слишком мало понимает собственную природу. Институты, в свою очередь, тоже чрезвычайно несовершенны... Он полагал, что образование в свободном обществе требует диалога, центр которого составят великие идеи цивилизации... Лучший путь продвижения к идеалу общества, состоящего из свободных и ответственных индивидуальностей, проходит через процесс полной и открытой дискуссии» (англ.).

528 Фазиль Абдулович Искандер (1929–2016) — российский писатель, поэт. Многие его тексты складываются в эпос абхазского села Чегем — родины писателя.

529 Василий Георгиевич Моров — историк русской культуры, писатель, кандидат богословия.

530 Джордж Стайнер (1929) — американский литературный критик, писатель, эссеист, теоретик культуры. Писал о русской литературе (Tolstoy or Dostoevsky: An Essay in Contrast (1960) и пр.) и М. Хайдеггера.

531 Петер Травни (1964) — немецкий философ, феноменолог, специалист по философии М. Хайдеггера, политической и медиафилософии.

532 Хельмут Дам (1925) — исследователь русской и советской философии, политики и идеологии СССР и восточного блока.

Но тут на «деловой обед» пришли А. и Г. Если еще П. и Р. будут участвовать, то я со слезами уйду (из элитарного журнала «Россия» я свой текст конечно взял, раз они не взяли Ваш). Как всё грустно. Что Вы об этом думаете? имею ли я право, оставаясь пока в цветном тумане, назвать Франсену Вас? Смешно, абсурдно, что меня спрашивают, будто у меня есть какое-то имя. Я годен только на то, на что годен в эту минуту, и обычно годен только на наблюдение странности всего происходящего. — Ваше участие и Аверинцева в конференции Патрика в РГГУ⁵³³ сделало ее событием. Как мне рассказывали, Аверинцев был бодр, говорил скорее хорошо, подытоживающе. Его «постромантизм» — это поправка названия «постмодерна»? Удачно.

Мне так ценно, что Вы читаете «Узнай себя». Имея такого читателя, имеет смысл издавать книгу (как для кого-то издавали книгу в одном экземпляре). Мне лестно то, чего Вы не знаете: Вы одинаково относитесь к написанному в 1990-м и в начале 1970-х. Но Вы неправы: я был заморожен даже техническим и схематическим структуризмом, в начале 60-х, тем более зализняковским; Зализняк был моим главным учителем (не Иванов), из-за его семинаров я не поехал за границу, куда почти весь наш курс уехал. Моя чума и беда — «домысливание образов», как Вы пишете. Как я завидовал отчетливой чистоте Зализняка, как страдал от невозможности ее держаться, сколько раз пытался и срывался. Я принял свою вредную привычку нарушать границы как крест и стараюсь внести в нее строгость, изо всех сил.

Еще раз о «цветном тумане», вещи очень важной. Ваше постоянное инстинктивное усилие, о котором я говорил, удержать его, показывает, что он приходит и уходит. У меня такое ощущение, что о том, что приходит и уходит, у меня не может быть больше заботы, чем о молнии или о моей физиологии. Дело можно иметь только с тем, что есть надежно всегда; я должен позаботиться о парусе, а не заколдовывать ветер. Всегда есть, в отличие от моего богатства, моя оставленность, нелепость, странность. Как Вы верно говорите, «раздетый от этой оболочки человек мне кажется странным». Еще каким, неуместным. Но почему «у него всё свое»? У него ничего своего нет, вообще ничего нет. Не думаю, что он может при этом указывать на других, которые его обездолили, кинули, оставили в нищете. Из ничего конечно человек ничего не создаст; искусство, Вы правы, создается не из натурального человека, а из эфирного, но натуральным, брошенным человеком, который не может вернуть себе воздух по желанию. Разве что накачает его технически. Или возможен опыт «непрерывного» нимба не технического? Тогда за него надо панически хватать-

533 Патрик де Лобье. См. прим. 483.

Почетный доктор РГГУ (1998), Патрик часто выступал в университете. (ОС)

ся, чтобы он не ушел? Вот в чем всё дело, по-моему. То загнанное существо в музее, о котором я пишу, само по себе и неинтересно, помимо чуда вот этого: что в тесноте, в несвободе, без светового кокона, когда счет идет на минуты, восстановите в себе дух за десять минут или станьте, как все, кривляющейся куклой. На дне отчаяния, задыхания, безвременья за счет готовности опуститься в смерть актом веры восстанавливается, берется в божественные руки ситуация. Так в конце 30-х одна дама на ночных допросах в аду восстанавливала себя и следователя принятием ситуации как всей, божественной. Наоборот, в стихах семилетней девочки о никому не нужном щенке вполне впитано уже взрослое, только еще наивно откровенное, циничное отчаяние, согласие выпустить всё из рук.

Ваши четырнадцатилетние стихи о двойнике и контекст, как Вы их вставили, поразительные. От двойничества Вы бежите из человечества в жуки и мышата, т.е. знаете, что человек — двойник неизбежно, т.е. человек как он живет на земле, ходя по улицам, в сознательном стало быть пространстве, двойник. Навязчивое общее место современной культуры о «неповторимости», «уникальности» каждой «индивидуальности» призвано скрыть ужас двойничества. От него можно уйти вот уж действительно только в сквозняк, продувающий человечество насквозь. Кушнер, похоже, в те же годы писал о сквозняке, но спасался от него не в нем, а в бумагу и лампу над столом,⁵³⁴ т.е. обычным и характерным образом сваливая заботу на читателя.

Я написал Вам письмо якобы, как сумасшедший, 2 января, на самом деле 2 августа, эту ошибку я хоть заметил, а сколько не замечу. Витгенштейн прав: сказать «я вижу» значит одновременно заявить «я не вижу».⁵³⁵ Как я мечтал бы, чтобы Вы не сердились на меня и не поканчивали со мной, из человеколюбия, а написали еще.

534 Например, «Кружево»:

*Проколы эти, пропуски, зиянья,
Наполненные плачем содроганья.
Что жизни наши делают? Сквозят.*

— А. Кушнер. Избранное. СПб.:

Художественная литература, 1997. С. 186.

«Мне боль придает одержимость и силу»:

*О, шелест листвы, сквозняка дуновенье,
Ладонь у виска!
Не знать бы, что муза и есть замещенье,
Сухая возгонка, тоска.*

На что не хватило души и отваги

В томленьях дневных —

То скорый и горький реванш на бумаге

Берет в бормотаньях моих.

— Там же. С. 95.

535 В. Биbihин так разворачивает парадокс Витгенштейна: «В каких случаях

утверждают? Когда существует возможность противоположного утверждения, чтобы вытеснить его. Всяким утверждением предполагается противоположное. Кому-то пришлось в голову сказать: „У меня не болит живот“. Он в принципе не мог этого сказать, если бы у него никогда не болел живот. Сказать, что у меня не болит живот сейчас, значит сказать, что у меня болит живот временами, причем, возможно, и сейчас тоже, но так, что я не ощущаю». — В. Биbihин. Витгенштейн и Хайдеггер. Один эпизод // Историко-философский ежегодник 2003. М., 2004. С. 315–332. См. также книгу В. Биbihина «Витгенштейн: смена аспекта» (М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005).

Вы и написали, сейчас пришло роскошное письмо 22 августа. Мы тем временем благополучно перебрались в Москву [...] Поскольку, похоже, всё вошло на этот раз в идеальную колею, а не в довольно трудную и немного спешную, как раньше, штиль может продолжаться даже и до середины сентября. У нас в семье небывалое спокойствие, уверенность и обеспеченность, прямо наоборот бурям в Маркизовой луже (помните, так Блок называет политику).⁵³⁶

То, что мы остаемся невыездными, мы постараемся компенсировать, и Ваш рассказ о путешествии по Оке нас будет дразнить. Давайте купим два дома в Тарусе, или еще спокойнее и гораздо дешевле просто землю и построим что хотим, по любому проекту, у меня отлажены инструменты, о каких может мечтать плотник (мы этим летом доделывали у нас крышу из оргстекла с витражами), Рома сделает электрику с вкопанными в землю фонарями, а я, как уже когда-то на Волге, парусную лодку. Мы заведем спутниковое телевидение и мобильный телефон, через который получать электронную почту. Четыре мальчика вас охранят, взяв лишних журналистов на себя. Всё возможно сразу, ожидать постройки не придется: на нашем Ожиговском участке мы за два дня построили шалаш, тоже с прозрачной крышей, в котором и жили с комфортом год, с печкой, даже и в октябре. Ока — река моего нижегородского детства, я всегда мечтал о возвращении. При нашем теперешнем благополучии купить землю мы можем без труда, с нашим прицепом легко завезти почти любой тес. Ожиговский дом останется для кратких приездов и для одной из будущих семей, Азаровку сделают музеем, Вам не захочется жить при собственном музее.

Вышедшие на люди Аверинцев, Иванов, Зализняк, теперь даже отчасти Хоружий, санитарно отодвигают меня. Чуть-чуть боюсь я чего-то подобного и от Вашей известности, и какая радость будет каждый раз видеть напрасность опасений. Хотя кто знает...

Мне привиделись странные вещи недавно, из-за которых я решил назвать свой новый курс, если меня окончательно не погонят из Университета, не «успех», не «спасение», не «оправдание», а «правда», имея и всё то в виду. Разрешите подробнее об этом написать уже на Ваш московский адрес. Вы не знаете, как мы постоянно о Вас думаем. Передайте поклон любезной Нине Васильевне, которая нам звонила. Ваши

Владимир [и Ольга]

536 «Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда пронсящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой

жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политической; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря». — А. Блок. Записка о «Двенадцати» // Литературная газета. 28.11.1990.

Дорогая Ольга Александровна,
позвонил Эрих Клейн,⁵³⁷ с которым я вчера неожиданно разболтался в Институте философии и потом около австрийского посольства, куда я его подвез, и сказал, с предупреждением о деликатности сообщения, что Вы не захотели говорить в один вечер с известными Вам поэтами из России в Вене, и мне нравится Ваша открытость и понимание Эриха. Он думает после этого, что Вы можете читать стихи 19 ноября, в тот же вечер, что я читаю там текст на тему «Eine Reise in die Zukunft».⁵³⁸ Я в восторге от идеи, что Вы можете согласиться, и уже в другом ключе пишу. Завтра я увижу Эриха — сказать ли ему, что Вы согласны?

Не успеваю написать ничего больше и так срываю, очень грустно, возможность переписки вот уж действительно если не из двух углов, то с двух берегов Яузы.

Ваш В.

Schloß Wiepersdorf, 10.3.1999

Дорогой Владимир Вениаминович,
письмо от Вас, наверное, еще не скоро придет, и я пишу, не дожидаясь. Я не помню нелепее предприятия, чем эта поездка. Я совершенно не здесь душой, а там, где тетя Нина мучится. И вся наша общая жизнь проходит передо мной (ведь с ней мы провели больше времени, чем с кем-нибудь еще: одной Азаровки 25 лет!). Как всё изменяется ввиду конца: не своего, чужого конца, это всегда на меня больше действовало. В Москве Великий пост, здесь ничем похожим не пахнет. Зачем я здесь? Никакого «рабочего настроения» в таком положении быть не может. Я плачу и жду вестей из Москвы — и наверное порчу настроение соседям своим видом. А необходимо встречаться три раза в день на трапезах (обильнейших!). Устной немецкой речи я не понимаю, говорю по-английски с теми, кто может. Могут те, кто из западной Германии. А кругом бывшая восточная. Они говорят, что до объединения еще очень далеко: даже дети, родившиеся после сноса Стены, — другие люди, чем их ровесники с запада. Здесь во всей чистоте можно изучать антропологический эксперимент, произведенный коммунизмом: один этнос, один язык, одна история (за ис-

537 Erich Klein (1961) — австрийский журналист, переводчик. Много лет жил в Москве, писал о российских делах. Переводчик моего «Путешествия в Брянск». (ОС)

538 «Путешествие в будущее» (нем.).

ключением 40 лет) — и Вальтер,⁵³⁹ мой переводчик, говорит, что для него Лейпциг — более экзотическое место, чем любая Испания. Поработали. А нам все эти экзотические черты (вроде разбитых улиц, сломанных телефонов, злых взглядов) знакомы, как говорят, до боли. Кем становится человек в рабской зависимости от кретина и наглеца. Да, дело не только в рабстве самом по себе, а в качестве рабовладельца; это я поняла. Наш был

Как сумасшедший с бритвою в руке,⁵⁴⁰

словами Арс. Тарковского. Кто хозяин «свободного мира»? они им тоже недовольны, но кто это? *Necessitas?*⁵⁴¹ *Das Man?*⁵⁴²

Окрестности здесь совсем как в России, даже запах от земли, как у нас в апреле. Уже верба распустилась, подснежники цветут, но пасмурно. Последний владелец Wierpersdorf'a, как написано на стене часовни, умер в Туле в 1946 г. Наверное, его вывезли наши войска, в которых была и тетя Нина. Они через Бранденбург шли в Берлин. На надгробии стихи А. von Arnim, в которых он просит у Бога

ein frommes Herz und einen festen Muth⁵⁴³

Хорошо, правда? Мне нравится, кроме прочего, что две эти вещи разного грамматического рода.

Такие места, как этот Künstlerhaus,⁵⁴⁴ довольно странная вещь. Сбывшаяся мечта о Касталии, всё для художников и интеллектуалов, только пиши. Но их странная непосвященность ничему (как и в гессевской Касталии⁵⁴⁵) беспокоит, их безрелигиозность. Рабочие, сгибающие листву в нашем парке, и повара, готовящие нам еду, кажутся куда больше оправданными, чем деятели культуры, стипендиаты. Я говорю это на основании картин, которыми украшен замок, — произведений гостей. А также разговоров между композиторами. — Я делаю шокирующие вещи, — говорит один, — но аудитория утратила возможность переживать шок. Они готовы принять всё. — Да, — отвечает другой, — шокировать не удастся.

539 Walter Thümler (1955) — немецкий поэт. Переводил мои стихи. (ОС)

540 А. Тарковский. Первые свиданья // А. Тарковский. Стихотворения и поэмы. М.: Профиздат, 2000. С. 175.

541 Необходимость (лат.).

542 Das Man — термин философии М. Хайдеггера, переведенный В. Бибихиным как «люди»: «(...) присутствие как повседневное бытие с другими оказывается на посылках у других. Не оно само есть, другие отняли у него бытие. (...) Человек сам принадлежит к другим и упрочивает их власть. (...) Их кто не этот и не тот, не сам человек и не некоторые

и не сумма всех. „Кто“ тут неизвестного рода, люди. (...) Дистанция, середина, уравнивание как образы бытия людей конституируют то, что мы знаем как „публичность“. Она ближайшим образом правит всем толкованием мира и присутствия и оказывается во всем права». — М. Хайдеггер. Бытие и время. С. 126–127.

543 «Кроткое сердце и твердый дух» (нем.).

544 Дом художников (нем.).

545 Касталия — образ из романа Г. Гессе «Игра в бисер» (1943); страна, в которой сообщество посвященных предается игре в бисер, соединяющей науку и искусство.

Богатая творческая задача, да? Уж лучше варить суп или сгребать листья.

Я не написала Вам того, что думала, про «Правду» — но, говоря совсем просто: мне так хорошо от того, что Вы это пишете. Ваш «Ренессанс» со мной. Правильно отец Димитрий назвал Вас подвижником. Как много Вы делаете!

На будильнике у меня местное время, на ручных часах московское. Они показывают сейчас *Mahlzeit*.⁵⁴⁶ После обеда возьму велосипед и поеду в соседнюю деревню Nonnendorf, горе развеять.

Нежный привет Оле!

Поцелуйте, пожалуйста, мальчиков

Вы с Димочкой у меня перед глазами

Всего Вам доброго!

Жду письма

Ваша

О.

Яуза, 15.4.1999

Христос Воскресе, Ольга Александровна!

Здесь сейчас тепло и яркое солнце, [...] я думаю о том, что прокралось в мир и всё губит и одновременно делает присутствие острым: ищущая, слепая, коварная сила, для которой нет неба, и, как преступник в камере, она тысячекратно, до немыслимой проницательности пробует — и всегда находит, что сломить, в конечном счете все-таки душу. У меня странное ощущение, что мне не хватает органа чувств, чтобы почувствовать появление и способ действия зла, которое прокатывается на логосах и резонах, так что они все уже заражены. Никто не противится, потому что не видит быстроты действия. Я сейчас заморожен тем, что текущая литература занята тонким доносом, литературные журналы, печатные страницы — как отдушины для *сообщения*. Почему-то вспоминается рассказ арабского путешественника по нашим просторам, это до Владимира, что оккупированные скифы уходят с камнем под воду и дышат через тростник; враги с силой ударяют по выступающим концам сверху и протыкают горло. Ахутин посоветовал мне прочесть Маканина «Герой нашего времени»,⁵⁴⁷ он получил премию за читаемость («читательский интерес»), и я действительно не пропустил ни одной страницы. Интрига

⁵⁴⁶ Время обеда (*нем.*), то есть 13.00.

⁵⁴⁷ Владимир Семенович Маканин (1937–2017) — российский писатель.

Получил премию фонда «Знамя» за 1998 год

(В. Маканин. Андерграунд, или герой нашего времени // Знамя. 1998. № 1–4). В. Биbihин написал об этом романе: В. Биbihин. Герой нашего времени // Наше положение: образ настоящего. С. 88–103.

там честное отчаяние, Писатель (персонаж) избавляется от доносителства, должности божественного шпионажа, и становится сам инстанцией, принимающей исповеди и истории жизни, с презрением к населению. Маканин умен и думает, т.е. меняется, когда пишет. У кого это еще есть. Самойлов в «Знамени» 1, 1999, открывает номер (я заказал все вышедшие номера, но Вашего еще нет): публикация Александра Давыдова, стихи 17.1.–15.2.1946.⁵⁴⁸ Ровно крупно, уверенность в своем несомненном уровне. Но везде чуть отчетливее прочерчены линии, чем они видны, слишком командирски («командирским голосом»), в военных школах есть такая дисциплина) оформлена надежда поколения на послевоенную свободу, оформляется сама как надежда поколения, «атака пролетала перед каждым, горячим дымом била по лицу, из подданных выкраивая граждан по своему лихому образцу». Солдаты врут, распоясавшись в бане, тогда можно и придраться: «Пусть не со мной, а с кем-то это было, раз так бывает — будет и со мной»: *было* сменено на *бывает*, «лирический герой» становится фантастикой. Собственно пишет, конечно, всегда другой, чем кого я знаю, но не мной придуманный, а продумывающий меня, в чем неправда «лирического героя» у Ирины Роднянской.⁵⁴⁹ Это поэма войны Самойлова. «Первая повесть»: «Познав бои... мы выросли. Мы стали поколеньем. Сухие ветры наши губы гнут». До всякого разбора, по моему, жутковатая двусмыслица последней фразы в настоящей поэзии недопустима, т.е. всё словно нарочно спутано; в «боепознании» себе придумана инициация, не спросив, какие силы правят. И жалко и обидно за то молодое талантливое тело, которое влезло в слово — и ведь не скверное, честное сравнительно слово — как в кокон. Всё похоже на доклад, с поля сражения, но кому, Господи, доклад?! перед кем отчет? Перед каким-то строгим командиром наверху. Георгием Жуковым, прости Господи. — У других хуже гораздо, приематель сообщения, донесения и не чист и плывет, выйдя в режим доноса, обожженная злом душа позволяет себе уже всё, соглашается со всем, и тогда уже вынуждена насаждать на талант, седлать его, вывози, помогай воспоминания и убийные сюжеты. На этой скользкой плоскости талант, однако, уже не интересен, его только жалеешь, как инва-

548 Д. Самойлов. Первая повесть. Публикация А. Д. Давыдова // Знамя. 1999. № 1.

549 «Образ поэта в лирике, объективация реального авторского „Я“ в лирич. творчестве. <...> Л. г. — своего рода худож. двойник автора-поэта, выступающий из текста обширных лирич. композиций (цикл, книга стихов, лирич. поэма, вся совокупность лирики) в качестве лица, наделенного жизненной определенностью личной судьбы, психол. отчетливо-

стью внутр. мира, а подчас и чертами пластич. определенности (облик, „повадка“, „осанка“). <...> Др. словами, этот лирич. образ сознательно строится не в соответствии с полным объемом авторского сознания, а в соответствии с предзаданной „участью“». — И. Б. Роднянская. Лирический герой // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.: Советская Энциклопедия, 1981. С. 258–262.

лида. Я бы вообще мерил талант способностью удержаться от доноса, т. е. создать мир здесь и теперь. Фазиль Искандер, ему это удастся. В нем, правда, тревожит глухота, как только он дойдет до рифмы. Где вдруг сразу чистота и свет, всё сбой, безнадежность. У Елены Шварц, Олечка заметила, наоборот сбой в прозе (в книжечке «Определение в дурную погоду», 1997, вернее МСМХСХVII, что ее переносит во все времена и одновременно в вечность). На ее тексте, между прочим, я почувствовал, как русская заботливая пунктуация создает готовый формуляр, куда остается только вставить слова. «Во всем остальном же я — человек вполне обычный. Как видишь, — я не умею уже меньше (тема умения, по поводу шнурков) чем не умел мой папа, но кто поручится, что мои дети, внуки и отдаленные потомки не будут не уметь еще больше, чем папа, то есть будут носить в самих себе звук и осколки того взрыва, происшедшего 1 марта 1881 etc.»⁵⁵⁰ Если вынуть запятые, всё зашатается. В пунктуации заранее, как в качествах, в колыбельке: «Чтобы всё вспомнить — всю жизнь, если бы вдруг память так заработала — всё — до того, что зевнул, встал, сел, лег, то надо было бы прожить, сколько прожил — на всю длину памяти, а потом еще столько же, чтобы вспомнить, как вспоминал, и так — до бесконечности». Эта готовность колыбельки в России меня бесит. Человек пишет, и уже перед глазами литературный процесс, надежда остаться в учебных курсах по истории культуры, и вся проблема, как туда попасть и там зацепиться. Ты и стоишь, а та история уже пишется, в России знают, как это делать, и за тебя постараются. Все как при деле, при большой барже, при процессе. Экономики, порядка нет, а литературный процесс идет.

Мы видели о. Димитрия в пасхальном потоке, подходили к нему терпеливому, он был любезен, и я думаю: вот уж кто никогда никому не посоветует резких действий, перемены положения, решимости. Вы называете поездку в Wierpersdorf «предприятием». Вы не знаете, где и когда оно завязано, что значит; всё может открыться в последний день и час, и Вы будете расставаться с этим немецким местом как с жизнью, отрывая от себя. «Рабочее настроение» Вы берете в кавычки, и правильно делаете: нерабочего у Вас нет, Вы просто не знаете, что это такое, и в потерянности может быть самая главная работа. — Это как с антропологическим сдвигом в восточной Германии: попробуйте думать об этом не во времени, столько-то лет назад коммунизм, а в продолжающемся отсутствии планеты, которая все переманила бы своим притяжением, Пруссии, почти орденой дис-

550 Е. Шварц. Взрывы и гомункулы // Е. Шварц.

Определение в дурную погоду. СПб.:

Пушкинский фонд, 1997 (<http://www.vavilon.ru/texts/shvarts6-1.html> — дата обращения: 26.6.2018).

циплины, на Востоке в принципе необходимой. Тут не столько след дурных влияний, сколько впускающая пустота. На Западе как-то легче заполнить жизнь смыслом, ближе к Востоку для этого всё нужнее становятся сначала ein frommes Herz und einen festen Muth, трудные вещи, отсюда провал Востока, но зато и его постоянный вызов Западу. Западная изоляция в его техническом совершенстве должна была бы кончиться, а так — три раза в день на трапезы вы должны приносить с собой всё новую закрытость, а Вам хотелось бы нести открытость. В ней есть бесстрашие перед злом, добытое различием духов. Запад и Восток встретились в Греции, не очень надолго, они не встретились в Риме, Россия и Германия разодрали между собой эту задачу, которую мужественно взялась в начале XVII века решать Польша. Мне недавно говорили, что надо проверить о польских связях Романовых и о том, что Отрепьев был их человек. Массовое присутствие немецких пленных в России после войны, да и сама война были подневольным, кричащим знаком трудности проблемы. То, что Вы не хотите говорить по-немецки, скорее говорит, что Вы чувствуете, как здесь всё непросто: английский Вам ближе, потому что он *далее*, даже и просто грамматически. В английском Вы приятный гость, в немецкий надо было входить, как в тело. Отрицательный или положительный, Ваш опыт Запада всё равно богатство, делающее из Вас полного человека, а мне было так стыдно, когда Федье звонил в нашу Пасху из Парижа: там новости, перемены. Недавно вышла переписка Hannah Arendt, Heidegger: Briefwechsel;⁵⁵¹ я потратил последние деньги на Email, Internet на моем PC и его upgrading. Мы с Ольгой думаем всерьез о постоянной жизни за городом, но уже с телефоном, т.е. теперь и с почтой, и с западными TV. Когда я встаю рано, до света, всё кажется возможно и получается. Боже мой, какие у нас планы, теперь у свободных: море, Волга, может быть Ока, если Вы там будете — на Волге дом Хоружего, пока или снова пустой. Мало что из этого сбудется, но мы все-таки гораздо подвижнее, чем в прошлом году.

В университете я на тему *правды* читаю теперь «Государство» Платона,⁵⁵² вычитываю оттуда много нового, но в целом тревожиться есть причины. Искусственность минутного увлечения, привычка, да просто нехватка воздуха. Собственно, ощущение рыб, вынутых из воды, надо радоваться: так хотя бы не совсем изменяешь тем рыбам, которых в океане становится всё меньше. Но этого мало. «Крест свой» по-моему двусмысленно звучит, смягчает. А я живу лениво, и доста-

551 Hannah Arendt / Martin Heidegger: Briefe 1925 bis 1975 und andere Zeugnisse. Aus den Nachlässen herausgegeben von Ursula Ludz. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1999 — первое издание переписки М. Хайдеггера и Х. Арент.

552 Курс «Правда» (1998, осень — 1999, весна, осень (МГУ). На основе трех лекций из этого курса написана статья В. Биbihина «„Политик“ Платона и проблема правды» (Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 2001).

ток не в радость. Я замечаю и вокруг упадок: Хоружий прямо признается в нем, у Ахутина ничего не клеится, Айрапетян хочет обратно в Ереван. На Вас одна надежда. Задумайте совсем крупно работу и жизнь, как всегда, как раньше, и всё у Вас получится. Я Вам пишу, как сам себе. Все на Вашей стороне, и то, что Нине Васильевне немножго лучше, тоже показывает, что Вы не совсем ошиблись, поехав.

Христос Воскресе!

Ваши Владимир и Ольга

P.S. Для молодых людей Вы постоянно присутствуете, они всегда Вам безусловно радуются.

Москва, 8.5.1999

Дорогая Ольга Александровна, среди моего безумия и развала, заснув за столом под утро, вдруг отчетливый яркий сон с Вами. Вы приехали, или может быть наоборот собираетесь уезжать, во всяком случае Вы появились, в черном, мягкая, плавная, в столовой, где я не могу добраться до еды, мечась между накрытым столом и неприбранными солдатскими пожитками на койке и вокруг нее, ведь я демобилизован и должен собраться в тревожных мыслях о количестве хлама, принадлежащего мне или на мне висящего, и о заведомой нехватке денег расплатиться за гостиницу, потом отдать за возвратный рейс. Ваше появление сразу всё окрашивает в цвет спасительной тайны; вы совсем близко наклоняетесь, подойдя ко мне сидящему, так что можно подумать, видя ваш локоть на моей ладони, об интимности отношений, и что-то ровное и деловитое говорите, с чем я спокойно соглашаюсь. Но после вашего ухода та же неосиливаемая гора вещей, которые совершенно непонятно куда и зачем собирать и везти, сбивает меня на бездумные движения, рассовать носки по тапочкам. Дело осложняется жутким состоянием машины и собственно крайним риском проезда вдоль реки и болота по едва примятому мартовскому слипшемуся от влаги снегу. В одном месте колея вдоль крутого склона над обрывом вообще откровенно узка, и только идя левым колесом сползающей вправо машины по канаве, еще можно надеяться зацепиться. Хождения по мастерской, где мне нужен гвоздь для починки безнадёжной детали, тоже безутешны. Дамы, пожилые и старые, движутся по своим наполовину конторским, наполовину явно заботливым делам, только уже терпя мое присутствие. Голод и соображение, что больше до вечернего самолета есть не придется, а он проблематичен, заставляет вер-

нуться для новой попытки в столовую — и снова секунды освобождения, вы за одиноким столиком с листками в руке, я подхожу, рад вас видеть и склоняюсь к вам. Вы готовитесь к отлету и должны решить, распределение билетов уже скоро, какой этаж огромного jumbo jet⁵⁵³ вы должны взять. Вы по-прежнему в черном, та же аура, цветной туман вас окружает. Он снова снимает все заботы, и я просыпаюсь. То ли в этот момент, то ли чуть раньше уверенность, что денег на билет мне не хватит, обжигает меня.

Думая о цвете, что из него в сущности сплетены вещи, настоящему касающиеся нас только тоном, настроением, я не надеюсь избежать осложнения, удвоения цвета на, так сказать, технический и субстанциальный. (Рембрандт знает секрет различения). Раздваивается, похоже, и свет, как я и раньше замечал, например по поводу того ведийского гимна о ночи, где самая середина мрака блестя. *Белый свет* я тогда понимаю именно как *белый цвет*, как известно, вместе с черным единственный непрозрачный. Мы *ослеплены* им днем, и может быть самый большой вызов и испытание — не обольститься его ясностью, не забыть, что он не весь свет и есть совсем другой. Главное не забыть, что он непрозрачный, и через то, что мы видим, мы уж никогда не увидим то, что мы не видим, так что надо ослепнуть для белого света, как поэт Гомер. Вернее, ослепить себя, как Эдип. Не касаясь разных решений, которые есть в мифологии на эту тему, остаюсь при непроглядности среди белого дня. Раздвоение света кажется непростым, как бы *тот же самый* свет уплотняется в непрозрачное вещество, поскольку несет в себе непроницаемую белизну, и он же сам — своей *скоростью? предельностью отчетливости?* — разбрасывает ясность. Опять и здесь тоже, за шаткостью всех решений и странностью дела, определенным остается только жесткое расслоение. Небольшой результат. У меня перед глазами автопортрет стареющего Рембрандта, который мы видели в Венском музее истории искусств. Его растерянность как честный вопрос, на который не отвечено и теперь стало только гораздо труднее отвечать. Но в том, как он задан, есть уже и намек на то, что единственно важно то, как будет решаться или не решаться тот же вопрос теперь. В цвете.

Непонятность для меня Ваших стихов идет от огромной разности опыта движения в цветном тумане, терпеливого прислушивания. Часто они мне болезненны, как для косного тела отвычка от естественных движений или как приближение врача. Помимо стихов, как в этом моем сне, и без слов Ваше присутствие наоборот всегда легко и радует. Начинаются слова — и требуется работа узнавания, расчистки,

553 Реактивный самолет большой вместимости (англ.).

от которой становится тяжело и стыдно, «как боль в кишках, как соль в глазах». Именно то, что конца чтению поэзии не будет и ее смыслы не перестанут, она требует не иметь смысла, просто звучать, как музыка и окрик. Но всякие стихи, у Вас и не только у Вас, они же и автопортрет, или двойной портрет, или даже еще тройной, четверной, как у Вас «Памяти поэта». И, как у Рембрандта, откровение человека всегда непривычно и задевает, ведь мы так редко видим людей, почти никогда не взглядываем на них.

Уставившись в небо,
в пустые черты,
в прямую, как скрепа,
лазурь слепоты,
как взгляд берет внутрь,
в свой взвившийся дым
скарб, выморок, утварь,
всё, что перед ним, —
как лоно лагуны,
звук, запах и вид
загробные струны
сестер Пиерид
вбирают, вникая
в молчанье певца
у края
изгнания, за краем конца —
так мертвый уносит,
захлопнув свой том,
ту позднюю осень
с названием «при нем»,
ту башню, ту арку,
тот дивный проем,
ту площадь Сан Марко,
где шли мы втроем.⁵⁵⁴

Красота сравнения пугающая, взгляд несет на себе, вносит смерть; смерть задевает как вид, всякий, окончательный, последний; в каждом увидении мы умираем; и так далее, ниточка чтения будет разматываться долго, я бы сказал, без конца. Вы, которая не поклонница Бродского, сразу сделали для него больше, чем все восторги, задели его смертью, не прискорбной скоропостижной творца, а простой и всякой, человека. Я, читая, при событии воскрешения, возвращения, напоминания о том, сколько смерти в каждом взгляде.

554 О. Седакова. Памяти поэта // Седакова, 2010.
Т. 1. С. 391.

Но я не могу запомнить стихи, выучить их наизусть. Они не укладываются в своей словесной отливке; «уставившись в небо» расплзается, «уставившись» оживает одно и обрастает своим пейзажем, в котором «небо» оказывается только одной из возможностей. На слове «скрепа», признавая ее видимую прямогу, я по своему строительному опыту не могу отмыслить ее загнутые под прямым углом острые с рисками-зацепками концы. «Лазурь слепоты» поражает меня сходством с моим непроглядным белым светом, но именно из-за проблематичности близости я боюсь приблизительности и нахожу разницу. Из-за интерференции с моим белым светом «лазурь слепоты» не ложится на ум. «У края изгнания, за краем конца» заставляет думать о проблематичности, все-таки, изгнания Бродского, в какой мере оно было его замыслом и, значит, не изгнанием, как у Данте, побежденного в поединке. Зато надгробным камнем, прочно навсегда ложатся слова «Так мертвый уносит, захлопнув свой том, ту позднюю осень с названием „при нем“». У каждого целый мир, и смерть — конец его всего, но невидимо шатающаяся другой, такой же целый, и у Вас это с блеском и силой сказано в связи с небом, тонущим во взгляде. — Ваше принесение на могилу цветов от Ахматовой⁵⁵⁵ и Цветаевой,⁵⁵⁶ остроумное и безупречное, оставляет Вас при возложении венка в стороне, видно, как Вы внимательно смотрите и неслышно за них говорите — от себя выступать уже не нужно, трое у могилы четвертого говорящая фигура. Вы вообще не столько говорите, сколько делаете. «И над всею потравой над долинами слез... он встает на колени», дым, цветной туман. Поэзия измеряется количеством сделанного, Вы делаете и дарите всегда много.

Мне теперь уже кажется, что мы живем, пробираясь между могилами близких к своей. Хорошо, если она тоже окажется кому-то близка. На родительской могиле, где, кроме матери, она там тридцать два года, и отца, девятнадцать, еще брат и муж сестры, — наши четыре мальчика, которым продолжение чего бы то ни было, традиции Брянчаниновых, папиных занятий далеко, как марсианские каналы. Мы пробыли недолго, но потом этот клочок земли словно потянулся за нами. Сегодня показывали кадры умирающего Ленинграда, частый ливень смерти. Вы постоянно в этой плотности. Она начало строгой сжатости, которая возвратит к началам вещей. Время собирается в настоящем, ставшем и наступающем.

555 Стихотворению предпослан эпитафия:
«Главное — величие замысла, как говорит
Иосиф. Из письма А. Ахматовой». Ритмически
оно навеяно ахматовским «Путем вся земли».

556 «Рог, верящий в Карла? / Дым, ищущий:
вверх!» отсылает к «И сей пожар в груди —
тому залог, / Что некий Карл тебя услышит,
Рог!» — М. Цветаева. Роландов рог // Цветаева,
1994/5. Т. 2. С. 10.

Что-то случилось с Западом. В Югославии⁵⁵⁷ он обозначил, что с тем же и бóльшим правом логично делать с нами: методично разваливать весь хлам нашего кривого хозяйствования на земле. Мы не нужны, наш бытовой хлам ничего не стоит, без него лучше. Если мы будем заниматься на развалинах фольклором, нас полюбят и прокормят. И никто не виноват; просто пока мы занимались в рощах фольклором, Запад сидел в своих алхимических лабораториях и теперь умеет делать всё, а мы только то, что он научит и разрешит. Мы и не прочь заниматься фольклором, даже на развалинах, но в резервации? под присмотром? в специальных Künstlerhäuser? Я понимаю ваше чувство в замке Арнимов. И мне кажется, что Вы сумели, в конце срока, там найти, даже там, свободный выход. Россия должна была Вам при этом немного помочь испытанием холодного простора, равнодушия, одиночества. Вам трудно, и должно быть трудно; для меня Вы впереди, если не во всем, то в главном, и то, как Вам удастся пройти, служит мне. То, как Вам удалось назвать Бродского, ничуть не урезает и не прибавляет ему масштаба, не вредит ему, но как бы успокаивает бродящую тень, меня лично примиряет с ним. Тем, как Вы это делаете, Вы называете и себя, чего теперь, по-моему, уже никто не смог бы сделать, я тоже. На тепло сбегутся и слетятся многие, понять сделанное сможет только равный. Вы поэтому не должны сердиться на отклики, которые нелепы и беспомощны в массе, ведь единый еще может быть надо дожидаться десятилетиями. Различайте между умеющими почувствовать тепло, цените их по-человечески, и способностью видеть свет. Вам ведь тоже грозит потерять зрение и только чудом вернуться. Вообще впечатление такое, что после прохождения всё осыпается, почва обрушивается, становится только неувереннее и необеспеченнее, чем раньше, соседства меньше, прежние места, которые казались уютными, далеко. Плохо то, что край, к которому подходишь, не имеет названий, его сырой холод непривычен; «дело-то небывалое», как писал валаамский старец, книжку которого Вы нам дали.⁵⁵⁸ Сегодня к нам пришел последний живой родственник нашей Кати [...] и сказал, что умирает, просил вызвать скорую помощь. Он мог умереть. Мы были спокойны, я велел ему

557 В 1999 году (24.3–10.6) происходила военная операция НАТО против Союзной республики Югославия, имевшая целью остановить этнические чистки в Косово. Операция вызвала, по преимуществу, осуждение московской интеллигенции.

558 Схиигумен Иоанн (Алексеев) (1873–1958) — в 1921–1932 годах настоятель Трифоно-Печенгского монастыря в Петсамо. Принял схиму с именем Иоанн и стал затворником в

Свято-Иоанно-Предтеченском скиту в Финляндском Валаамском монастыре. Дух его веры близок Силуану Афонскому. «Письма Валаамского старца схиигумена Иоанна своим духовным детям» в советское время ходили в самиздате, (первое книжное издание — в Финляндии, 1956, неоднократно переизданы в России). «Однако страшновато умирать, ведь дело-то небывалое» — письмо старца Иоанна от 10.10.1954.

лечь, постелив на раскладушке, расслабиться и повторять свое имя. Он слушался, как ребенок. Врачи приехали, сделали уколы, он успокоился. Как малым держится жизнь.

Я жалуюсь Вам не для того, чтобы Вы меня пожалели, а просто потому что не видно другой царственной, богатой и свободной инстанции ни вокруг, ни вдали. Неслучайно у Вас в воспоминаниях о Бродском цари.⁵⁵⁹ Даже и не говорите мне о том, кого принято чтить в мире. Всё давно прояснилось. Это не значит, что цари обеспечены, не болеют, не страдают; может и хуже других. Если К. придворный дворник, то я нищий кликуша, который бредит о царских тайнах. Новый поворот темы «царь и поэт»: не цари ли подарены поэтами, как Петр в «Полтаве» и «Медном всаднике». Что был бы, чем остался Брежнев, если бы Вы не подарили его мне, например.⁵⁶⁰ Я еще жалуюсь Вам, чтобы Вас приободрить.

Кончилось райское время наших детей, начинается долгий или уже безысходный период, когда цветы уже опали, а яблоки зеленые, нестерпимо кислые и совсем несъедобные. Надо видеть и уважать восстание духа, «вначале шатаясь на ватных ногах, клубясь, утыкаясь, петляя в кустах». Дым то же, что дух. Надежда может оставаться только на то, чтобы не слишком много загубить, избежать бессмысленной склоки, такой частой в семьях. Анастасия Ивановна Цветаева говорила по телевизору, что в последнем доме Цветаевой, в глухих Чебоксарах, шли постоянные ссоры между матерью и сыном; кого-то из нас вынесут из этого дома ногами вперед, — сказал он, как бывает в горечи, а она услышала как пророчество, решила, что вынесут именно только одного из двоих. Я не думаю, что средненормальные семьи бывают иначе как в помрачении и равнодушии; острота близкого присутствия превратится в ад, если не станет раем. У патера Станислава Добровольского в Паберже,⁵⁶¹ автобусная остановка называется Tiltas, я видел человека с тридцатилетней лагерной школой. Он был не отдельный человек, а чуткий инструмент настройки на присутствие, вся функция которого к ней и сводилась. Говорят о «существовании человека», но тут оно было тактичной внимательностью и не оставляло себе ничего приватного: что оставалось от человека, стало

559 «Время, в лице своих авторитетных институций: комитетов по международным премиям, академий, университетов, муниципалитетов древних городов, безоговорочно признало в Бродском своего центрального поэта. И конечно, это же сделала читающая русская публика, не успевшая каким-то формальным, официальным образом короновать Бродского при жизни». — О. Седакова. Кончина Бродского // Седакова, 2010. Т. 3. С. 478.

560 Имеется в виду «Элегия, переходящая в Реквием» О. Седаковой. См. письмо В. Бибикина от 22.3.1995.

561 Станислав Добровольский (Станисловас Добровольскис, 1918–2005) — францисканский монах, настоятель храма в Паберже (Литва). Был узником сталинских лагерей. С 1960-х — известный проповедник.

прозрачным, и не чувствовалось никакой потери, пустоты; только надежная уверенность, что не встретишь в другом суда и подозрения. Вот мои мечты.

Последнее время я много читаю и листаю, но западает очень мало что: ваша классическая сердитая вещь об успехе в НЛО,⁵⁶² странным образом, — как запоминаются калек в метро — алфавитные мудрости Михаила Леоновича Гаспарова,⁵⁶³ роман Маканина о герое нашего времени: предсмертный хрип писателя, схватившего себя за горло, всё та же группа Лаокоона, но нервная, взвинченная. Я жду Вашей книги, она будет событием века.

С постоянными мыслями о Вас,
Ваш В.

Москва, 6.07.2001

Дорогой Владимир Вениаминович,
Мы как-то совсем потеряли связь. Не знаю, как ее наладить. Я пробовала искать Вас по телефону — *in vain*.⁵⁶⁴ Послезавтра, Бог даст, переберусь в Азаровку и надеюсь быть там безотлучно. Если вдруг Вы выберетесь, это будет мне великой радостью, Вы знаете. Скучаю по Оле и по мальчикам. Для них у меня лежат гостинцы от Мари-Ноэль.

Пожалуйста, отыщите какой-нибудь путь связи!
Поклон Оле
целую Рому, Володика, Олега, Димочку —
их *madrina*
и Ваша *comare*⁵⁶⁵
ОС

Вложена открытка: «ROMA. Basilica di S. Maria in Cosmedin — Mosaico del. sec. VIII „Adorazione dei Magi“», с подписью Ольги Седаковой:

Это одна из лучших римских мозаик — вероятно, греческая работа — хранится в греческом храме у подножия Авентина; рядом с ним — маленький и не по-римски изящный храм Весты.

562 О. Седакова. Успех с человеческим лицом // Новое литературное обозрение. 1998. № 34.

563 «Записи и выписки» М.Л. Гаспарова — краткие заметки, выстроенные в алфавитном порядке по комментируемому понятию. Сначала печатались в «Новом литературном обозрении», в 2001 году вышли книгой в издательстве «НЛО».

564 Тщетно (англ.).

565 Их крестная и Ваша кума (итал.). (ОС)

J. W. Goethe
Zum neuen Jahr

Zwischen dem Alten,
Zwischen dem Neuen
Hier uns zu freuen,
Schenkt uns das Glück,
Und das Vergangne
Heißt mit Vertrauen
Vorwärts zu schauen,
Schauen zurück.

Stunden der Plage,
Leider, sie scheiden
Treue von Leiden,
Liebe von Lust;
Bessere Tage
Sammeln uns wieder,
Heitere Lieder
Stärken die Brust.

Leiden und Freuden,
Jener verschwunden,
Sind die Verbundenen
Fröhlich gedenk.
O des Geschickes
Seltsamer Windung!
Alte Verbindung,
Neues Geschenk!

Dankt es dem regen,
Wogenden Glücke,
Dankt dem Gesckicke
Männiglich Gut;
Freut euch des Wechsels
Heiterer Triebe,
Offener Liebe,
Heimlicher Glut!

566 Дата штампа на конверте. (ОЛ)

Письмо, естественно, написано раньше — как новогоднее поздравление.

Andere schauen
 Deckende Falten
 Über dem Alten
 Traurig und scheu:
 Aber uns leuchtet
 Freundliche Treue;
 Sehst, das Neue
 Findet uns neu.

So wie im Tanze
 Bald sich verschwindet,
 Wieder sich findet
 Liebendes Paar:
 So durch des Lebens
 Wirrende Beugung
 Führe die Neigung
 Uns in das Jahr

E-mail переписка

15 апреля 2002

(Оригинал на итальянском, пер. О. Седаковой)

Дорогая Ольга Александровна,
 Только что Ирина Александровна сообщила мне Ваш электронный адрес. Надеюсь, что уже сегодня утром, прежде чем выйти из дома, Вы прочтете мое письмо. Не уверен, что Ваш компьютер читает кириллицу и что Вы умеете открывать приложение.

У нас — у всех — всё прекрасно. Правда, работы прибавилось и Ольге, и мне.

Ваше отсутствие остро чувствуется, но есть ощущение, что в Риме всё идет отлично — или я неправ?

Приветы от всех наших,
 В.

(Оригинал на английском, пер. О. Седаковой)

Дорогой Профессор,

Мне так приятно получить от Вас письмо на изысканном итальянском (*in italiano aulico*), потому что на вилле Сербеллони никто не говорит по-итальянски. *How are you doing?*⁵⁶⁸ — этим приветствием меня здесь все встречают каждое утро. Вилла Сербеллони — это фактически не Италия, а своего рода американское представительство, огромное и замкнутое — Земной Рай с оттенком американской мечты. Мой компьютер читает кириллицу, но писать на ней не может. Скучаю по Вас и Ольге и мальчикам. Вот бы Вы появились здесь и посмотрели на всё, что я тут вижу! Трудно описать. Я вспоминаю стихи Гёльдерлина о божественной невинности Альп,⁵⁶⁹ когда с балкона оглядываю холмы и озера (их тут два, Комо и Леко). Боже! Сегодня после завтрака у нас было занятие проектами и эвритмией.⁵⁷⁰ Вы слышали о такой? Я раньше не знала. Потом я бродила в наших садах (тут много замечательных вещей: древняя крепость, которую относят ко временам Плиния Младшего; бывший францисканский монастырь, древняя часовня Монсеррато, пруды, фонтаны, скалы и т.д., и т.д.). Потом за обедом мы говорили о Рембрандте с британским физиком. Потом я спустилась купить сигарет в селенье Белладжо, оно на берегу Комо, за стенами нашей Волшебной Горы. Так и проходит день.

В пятницу 19 апреля я уезжаю из Рокфеллеровского поместья во Флоренцию, а потом в Рим. А еще через неделю, в пятницу 26-го, из Италии и итальянской Америки — в Москву. Я ничего здесь не делаю кроме — как кто-то здесь это назвал — *being open*,⁵⁷¹ то есть глядеть во круг без малейшей мысли. По-русски я написала бы больше, но мне не нравится писать русские слова латиницей.

До Встречи!

Ваша

ОС

567 Это и следующие письма написаны с Виллы Сербеллони, принадлежащей Рокфеллеровскому Фонду (в древности — вилла Плиния Старшего, называлась «Трагедия»). Это центр, задуманный как место встречи художников, ученых, интеллектуалов, политиков из разных стран. Резиденты Виллы работают над своими проектами и обмениваются идеями. (ОС)

568 Как дела? (англ.).

569 Ф. Гёльдерлин. *Unter den Alpen gesungen* (Под Альпами пелось): *Heilige Unschuld, du der Menschen und der Götter liebste vertrauteste!* —

«Святая невинность, ты людям и богам любезнейшая и знакомейшая!»

(http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/19Jh/Noelderlin/hoel_0106.html — дата обращения: 2.4.2018).

570 Эвритмия — искусство художественного движения, пластически выражающее поэтический и музыкальный смысл. Основы искусства эвритмии были разработаны Рудольфом Штейнером (1861–1925). Подразделяется на сценическую, педагогическую, гигиеническую и лечебную эвритмию. Используется в Вальдорфской педагогике.

571 Пребывание в состоянии открытости (англ.).

(Оригинал на английском, пер. О. Седаковой)

Дорогая Ольга Александровна,

Ваше письмо своим тоном даже больше, чем словами, позволяет заглянуть в то, что происходит в Северной Италии. Хотя и не в Риме, как я почему-то решил, но Вы, видимо, «are doing» точно так, как я предполагал. К сожалению, 26 апреля у меня лекция в Католическом Колледже, иначе я действительно спрашивал бы о времени Вашего прилета в Шереметьево. Нет, я совершенно не представляю себе, что такое эвритмия в смысле практических занятий, даже не знаю, хорошая это вещь или не очень. Именно относительно этого предмета в Вашем письме какая-то зловещая непрозрачность. Вы также ничего не рассказываете о фауне Земного Рая. Думаю, весна прибавляет много прелести этому месту и времени. У нас тоже весна, слишком теплая и сухая для начала апреля, она началась несколько пугающе, хотя последние два или три дня — ненастнее и поэтому приятнее. Мы — я имею в виду Ольгу и мальчиков — вполне сносно справились с этими неделями (хотя все переболели какой-то странной ангиной, может быть, связанной с этой необычной погодой), а что касается меня, то упрямое чувство счастья всё растет во мне, переходя пределы возможных объяснений. Всё выглядит изумительно хорошо, мои прежние оценки и прогнозы прекрасным образом не сбываются. Рома занимается еще меньше, чем прежде, и получает оценки еще лучше. Володик каждый день выучивает по стихотворению из Матушки Гусыни или из Пушкина. Олег обнаруживает необычную способность трудиться. Димитрий дарит мир всему окружающему при помощи своего таинственного знания, как с ним управляться. Нашей Лапке⁵⁷² еще рано замуж, но она проводит долгие часы, задумчиво глядя в окно.

Спасибо за письмо, сегодня мы его будем читать за обедом как самые свежие новости.

Пожалуйста, пишите еще.

Да, мне пришло на память, что Вы прилетаете после 22-го, так что я снова смогу Вас встретить в аэропорту.

Всего вам доброго.

В

(Оригинал на английском, пер. О. Седаковой)

Дорогой Владимир Вениаминович,

Спасибо за письмо! Я вижу, you are doing well.⁵⁷³ Бог Вам помочь!

Пишу коротко. Я должна вернуть мой компьютер в течение часа или даже раньше: подходит последний для меня здесь обед с «последующим аперитивом» («following aperitives»). Вчера вечером у нас показывал свои работы американский композитор David Claman. Мне нравится его музыка: серьезная и в каком-то смысле теплая. Сегодня вечер его жены Сунниты (она индианка). Она исследует геометрические законы традиционного кельтского орнамента. Еще прежде мы слушали лекцию британского физика, который работает над «теорией горячих полей». Замечательно интересно. Я нахожу в его мысли больше поэзии, чем во всех современных стихах (за исключением, наверное, Ивана Жданова, у которого есть в уме что-то вроде этих «горячих полей»).

Что касается здешней фауны, мало что могу рассказать о ней. Звери, кажется, изгнаны из Эдема (хотя говорят, что вокруг виллы водятся горные волки). Множество птиц в садах, утки и лебеди в озере. Лягушки и золотые рыбки в прудах. Бабочки, ящерицы, муравьи. Больше я никого не видела.

Что до эвритмии, я покажу Вам первые упражнения. Они, должно быть, полезны в семейной жизни: они учат координировать движения и настроения в группе. Я бы предложила для всех постсоветских людей занятия эвритмией: мы нуждаемся в восстановлении простейших норм коммуникации.

P.S. Простите, я не закончила письмо. Мой рейс Люфтганзой LH 3326 26 апреля. Он прилетает в 00.35 по московскому времени, то есть в первый час 27 апреля! Очень неудобное время, да? Надеюсь, Ирина меня сможет встретить.

Как писали в девятнадцатом веке,
Believe me always your affectionate friend,
Верьте моей неизменной сердечной дружбе,
О.

Тема: «Ужасные вещи»

Дорогая Ольга Александровна,
ни разу не пришлось пока пожалеть что установил e-mail. Уверен, что у Вас со временем всё наладится.

All best

вб

P.S. В кормчих книгах⁵⁷⁴ формула Модестина из Дигест «Брак есть союз мужа и жены, общность всей жизни, единение божественного и человеческого права» (Дигесты Юстиниана, М. 1984, с. 370) переведена так: «Брак есть мужеви и жене сочетание и сбытие во всей жизни, божественныя же и человеческия правды общение». Понимать здесь сбытие как кальку, наверное не очень удачную, или это что-то оригинальное?

Приложение:

«Ужасные вещи»⁵⁷⁵

21 марта 2003

Тема: Re: «Ужасные вещи»

Дорогой Владимир Вениаминович,
спасибо за «ужасные вещи». Посылаю Вам Манна-Кереньи.⁵⁷⁶
Да, *сбытие*, видимо, — калька: со-бытие, совместное существование. Хотя у меня в словаре такого значения нет.

Могу в следующем письме послать докторскую речь.⁵⁷⁷

Best regards,

Olga

Приложение:

«Гермес. Невидимая сторона классики»

574 Кормчие книги — сборники апостольских, соборных и епископских правил и посланий, законов светской власти и других материалов, являвшихся руководством при управлении церковью и в церковном суде в славянских странах. Восходят к византийским номоканонам.

575 Текст вошел в книгу статей В. Бибикина «Другое начало».

576 «Гермес. Невидимая сторона классики» — работа, связанная с перепиской Т. Манна и К. Кереньи, опубликована в «Континенте» (2002. № 114). (OC)

577 Имеется в виду инаугурационная лекция при вручении степени доктора богословия *honoris causa* на Богословском факультете Европейского университета (Минск, 2003): «В целомудренной бездне стиха. О смысле поэтическом и смысле доктринальном» (Седакова, 2010. Т. 3. С. 127–141).

Тема: Christos aneste

Дорогая Ольга Александровна, посылаю совершенно сырого Франциска, который будет в три раза больше, но по тем же линиям, только с двумя новыми: театр, разыгрывание им сцен и целенаправленное, с самого начала, использование его церковью против «бедных Христовых» (вальденсов⁵⁷⁸). Он как отказывающийся от эгоизма. Но в этом отказе он рискует выплеснуть с грязной водой и младенца, затаенную божественную сакральность. Надеюсь, что если не этот эскиз, то продолжение Вас вызовет на ответ.

вб

Приложение:

«Св. Франциск Ассизский»⁵⁷⁹

578 Вальденсы — протопротестантское религиозное движение, возникшее во второй половине XII века во Франции и Пьемонте. Исповедовали добровольную бедность, возвращение к евангельской простоте нравов, право мирян свободно читать Библию и проповедовать. Впоследствии усомнились в церковном учении о таинствах. Папа Луций III отлучил их от Церкви (1184), а Папа Иннокентий II подтвердил отлучение в 1215-м. Церковь вальденсов несколько столетий подвергалась жестоким репрессиям, тем не менее, выжила и существует и сейчас.

579 В. Биbihин. Св. Франциск Ассизский. Опубликовано в книге «Культуры мира», серия «Энциклопедия для детей» (М.: Аванта+, 2004. С. 479–481).

Тема: Re: Christos aneste

Христос Воскресе!

Дорогой Владимир Вениаминович,
прочла Вашего Франциска — и в этой части ничего особенно нового не вижу. Пересказ биографии и не очень точный местами (на цепь Ф. сажал отец не за мотовство, которому потворствовал, а за раздачу милостыни⁵⁸⁰). Соблазн плотский, с которого Вы начинаете,⁵⁸¹ как все историки замечают (я имею в виду не францисканских биографов, а П. Сабатье,⁵⁸² Л. Сальваторелли⁵⁸³ и др.), был в случае Франциска менее заметным, чем у всех других подвижников. Другие его соблазны были поинтересней (например, отвращение к некрасивому и невкусному). Как писал Данте (Рай, 11, 43–117), его сжигала жажда мученичества, *per la sete del martiro*: а это другое, чем «готовность к смерти» или «желание расплатиться телом».⁵⁸⁴ Но вероятно, за этим началом еще последует многое.

Посылаю Вам маленький кусочек про Ф., давно написанный и вместе с переводами опубликованный в Финляндии.

Еще раз: с Праздником!

Ваша

О.

Приложение:

«Во всех вещах»⁵⁸⁵

580 «Запретил себе и всем пошедшим за ним прикасаться к деньгам юноша, любивший их тратить до того, что отцу приходилось сажать его на цепь». — Там же.

581 «Всего злее была конечно тоска молодого тела. Она нападала вдруг среди теплой молитвы, бросала на пол, внушала разуму, что грех-то простится милосердием Божиим, а медленное самоубийство голодным воздержанием не простится. Сладострастное искушение обострялось так, что слова молитвы уже не помогали. Однажды монахи при свете луны подглядели: Франциск прервав молитву горько бранит свое тело за стыдные мечты, сбрасывает рясу — похотливое тело ее недостойно, — и хлещет его веревкой-поясом до синяков. (...) Убеденный своим опытом в способности воли подняться над плотью, он постановил изгонять из ордена за любодеяние. Кое-какое пересиливание страстей ценилось им ни во что; значила только радость чистой победы, обращающей тяжесть в восторг». — Там же.

582 Пьер Сабатье (1682–1742) — монах-бenedиктинец, библиист, историк Церкви. Исследовал ранние францисканские документы. С его книги о Франциске началось «воскресение» образа «беднячка Христова» в европейском обществе. Л. Толстой полагал, что книгу Сабатье необходимо перевести на русский. (OC)

583 Луиджи Сальваторелли (1886–1974) — итальянский историк и журналист. Занимался историей Церкви и политической историей. Автор книги «Жизнь святого Франциска» (1926).

584 «У всех биографов мы видим Франциска страдающим телесно, до рвоты кровью. Он как бы спешил вперед заплатить телом, чтобы не упустить ничего из полученных им от Бога подарков. Вместе с тем в его речах и в рассказах о нем необыкновенно часты стихи из библейской любовной поэмы, Песни песней. Без готовности к смерти не было бы сумасшедшего ликования, рассказы о котором составляют самое удивительное в его жизнеописаниях». — Там же.

585 О. Седакова. Всё во всех вещах // Седакова, 2010. Т. 2. С. 92–98.

Тема: Poiesis: дело

Дорогая Ольга Александровна,
еще раз скажу, что сегодня снова целое утро читал Ваши вещи, и они вещи. Я стал больше понимать и поэтому меньше понимать. Всё сегодня было очень славно, Вы угадали своей одеждой цвет подаренного Вам букета.⁵⁸⁶

Федье просит именно еще сегодня передать Вам его текст, о котором он говорит, что он тайно посвящен Вам.

Всего наилучшего

вб

PS. Посылаю заодно и свой текст⁵⁸⁷

Приложение 1:

«APRÈS LA TECHNIQUE»

Приложение 2:

«Об ОАС»

1 сентября 2003

Дорогой Владимир Вениаминович,
емейл как будто работает. Посылаю Вам подборку стихов: она уже опубликована в последнем Континенте,⁵⁸⁸ хотя в главной вещи, Музыка,⁵⁸⁹ недостает двух стрóf. Но я их еще не дописала.

Жду Ваших текстов.

Всем поцелуйи и приветы

Best regards,

Olga

⁵⁸⁶ Имеется в виду церемония вручения

Премии А. Солженицына. Н.Д. Солженицына подарила мне букет из удивительных роз бледно-бледно зеленого цвета. (ОС)

⁵⁸⁷ В действительности два текста: текст выступления на презентации двухтомника и текст выступления на церемонии вручения премии А. Солженицына (см. в приложении).

⁵⁸⁸ Континент. 2003. № 116.

⁵⁸⁹ О. Седакова. Музыка // Седакова, 2010.

Т. 1. С. 388. В публикации «Континента» отсутствуют строфы между «Музыка, это транзит» и «Клекот лавы в жерлах действующего вулкана».

Тема: Poiesis

Дорогая О.А.,

спасибо за стихи: я еще не видел эту подборку. Они говорят как бы никому вдаль, не обращены, и вдруг задевают, словно сказаны изнутри. «Как я молчу с самого потопа»⁵⁹⁰ — бездонная и загадочная историософия. В этой вещи-воспоминании вы даете ключ, как просто вас надо было читать до сих пор. «Портрет художника»⁵⁹¹ напоминает рембрандтовские автопортреты, так же страшно и празднично. «В метро» хорошо расположено: становится видно, что это крупная вещь. «Начало»⁵⁹² открывает Библию, как я ее не знал, и историософией дополняет первую вещь, «Колыбельную», — только почему народ не видел лица Медузы?⁵⁹³ Чего он тогда мог бояться? С первого чтения эта неувязка не распутывается, что не значит, что не нужно второе чтение. «Музыка», мне кажется, самая богатая и сложная из всех вещей, которые звучат как простые прелюдии (кроме «Портрета») для подготовки (как я играю первые прелюдии к WTK Баха, а дальше не могу). Но в целом во всём — ваша новая прозрачная простота, звучание уже не камерное, т.е. из затвора вы вышли вдруг не просто в более широкое пространство, а в какое-то место без границ. Всё очень славно. — Из-за хлопот начала сентября не успеваю перепечатать вам перевод «Ангела»⁵⁹⁴ на немецкий, по-моему неплохой. Если вы вдруг не уедете в Азаровку (надвигаются дожди, показывали съемки из космоса сегодня), приглашаем на день рождения Димы 4 сентября. Пойдете ли вы на выставку-ярмарку книг 5 или 6 сентября? Я пойду. Там будут продавать питерского Эзру Паунда с вашими в частности переводами.⁵⁹⁵

В целом эта подборка блестящая, сильный и ненавязчивый голос, много ужаса, которого вы уже не боитесь и можете всем показать, как над ним пройти.

Всего доброго.

Пришлите еще что-нибудь.

593 <...>

*перед лицом народа, который еще не видел
ничего подобного Медузиному лицу:
оскорбительной,
уничтожающей обиде,
после которой,
как камень ко дну,
идут к концу, —*

— О. Седакова. Начало.

590 О. Седакова. Колыбельная // Седакова, 2010. Т. 1. С. 406.

591 Портрет художника в среднем возрасте // Там же. С. 407.

592 Начало // Там же. С. 386.

594 О. Седакова. Ангел Реймса. Там же. С. 414.

595 Эзра Паунд. Стихотворения и избранные Cantos. Сост. и предисл. Яна Пробштейна.

СПб.: Владимир Даль, 2003. Переводы О. Седаковой из Паунда: Седакова, 2010. Т. 2. С. 315–347.

Тема: Re: Poiesis

Дорогой Владимир Вениаминович,
спасибо за отзыв о подборке! «Континент» у меня выпросил эти вещи в непросохшей рукописи. «Музыка» в самом деле не закончена, но не в конце, а в предфинальной части, там должно быть еще две строфы. Это два цикла *in progress*, условно говоря, прелюдии (верлибры) и фуги. И тех и других у меня еще несколько начато. Как странно и долго они складываются. Вещь как будто уже есть, только слова не подобраны. Я говорила Вам, что первое я узнаю о будущем стихотворении? Его длину. Измеряемую не в строках, а (приблизительно, конечно) в слогах. Я читала, что у Моцарта первая идея сочинения заключалась в числе тактов. Интересно, да? Арифметика.

Жалко, что Вы не прислали Ваших работ. Я уезжаю завтра, но 8 сентября опять должна быть в Москве из-за МГУ — если сегодня вечером не разберусь с ними окончательно. Еще не решила.

Поздравьте Димочку от меня и скажите, что его ждет l'aquilone⁵⁹⁶ в виде дракона.

Послать мне нечего кроме речи в Римини, но в ней ничего особенно интересного нет. Но посылаю.

Всего Вам доброго!

Всем приветы.

Ваша

О

Приложение:

«Лучший университет»⁵⁹⁷

⁵⁹⁶ Бумажный змей (итал.).

⁵⁹⁷ Вступительное слово на выставке «Счастье в русском искусстве XX века», Международный фестиваль «Meeting», Римини (Италия), 24 августа 2003 года (Седакова, 2010. Т. 4. С. 284–292).

28 декабря 2003

239

Дорогой Владимир Вениаминович,
посылаю Вам солженицынский текст.

Best regards,
Olga

Приложение:

«„Lux aeterna“. Заметки об И.А. Бунине»⁵⁹⁸

ПИСЬМА / 2003

29 декабря 2003

Простите!

Я отправила Вам не тот текст. Вот настоящий. Я думала, что завтра приеду часов в 6, предварительно позвонив. Оказалось, что завтра нужно сдавать документы для визы и паспорта.

Всего доброго!
Olga

Приложение:

«Маленький шедевр: „Случай на станции Кочетовка“»⁵⁹⁹

31 декабря 2003

Тема: Happy New Year!

Дорогая Ольга Александровна!

С благодарностью за то, что Вы есть, с признательностью за подарки, которые Вы невольно раздаете на каждом шагу, желаем Вам того, что несомненно и будет в наступающем году.

Спасибо за текст! Я согласен там с каждой фразой (может быть, за одним частным исключением). Критика прозы прозаика Вам удалась.

Посылаю в неравный обмен один мой сильно обновленный сейчас текст, который я даю для «Точек». Дайте и Вы, доктор богословия, туда что-нибудь!

Ваши восточные близкие.

Приложение:

«Еще раз о широте античного христианства»⁶⁰⁰

⁵⁹⁸ Седакова, 2010. Т. 3. С. 409–419.

⁵⁹⁹ Там же. С. 394–409.

⁶⁰⁰ Опубликовано в журнале «Точки». 2003.
№ 3–4 (3).

Тема: Re: Happy New Year!

Дорогой Владимир Вениаминович, спасибо за Вашего Сенеку.⁶⁰¹ Вы смеетесь над моим докторством, и в самом деле, я ведь ничего почти не читала, никогда не занималась христианскими текстами, как Вы. Почему я позволяла себе это делать? Я думаю, потому что мне казалось, что каким-то образом и так, через богослужение главным образом, но и через предание — то есть, общение с этими святыми, о которых идет речь в Дидахе,⁶⁰² с членами Церкви, со свидетелями — узнаю что необходимо. Как обычно и узнавали все некнижные люди. В отношении богословия я некнижный человек. Правда, у меня почему-то нет вкуса к исследованию книг. Да, предание для меня первее (Вы усмехнетесь: как и полагается православным). Первее и понятнее, чем чтение (хотя присутствие тоже можно толковать, и криво в том числе). Я понимаю Ваше оправдание античности и сама ее очень люблю (тоже больше в картинках, чем в текстах) — и мне понятно, что многое, многое общее, и в других древностях тоже (что любил показывать Л. Толстой). Но в самых похожих на христианские мыслях (как в Сенеке,⁶⁰³ о котором Вы говорите, или как в Спинозе) мне непосредственно ощутим другой градус — или другая влажность. Что-то в общем простейшее физическое другое. Я не скажу Вам ничего нового, сказав, что существо христианства — сам Христос. Радикальное и родное,⁶⁰⁴ как Вы пишете, очень ясно называют свойства этого состояния, христианства. Но последнее слово для меня не они, а Он Сам. На этом месте мы никогда с Вами не можем объясниться. Может быть, попробую так выразить свое «уню-

601 Имеется в виду статья В. Библихина «Еще раз о широте античного христианства», в которой позднеантичная философия (в том числе, Сенеки) сопоставляется с раннехристианским учением: «Зависимость христианского богословия от всей античной философии недооценивается, как и запаздывающая зависимость современных богословских систем от свободной мысли».

602 Дидахе («Учение Господа народам (переданное) через 12 апостолов») — наиболее ранний из известных (кон. I — нач. II веков) памятников христианской письменности. В «Д.» выделяют 4 раздела: катехизический — о «двух путях» (1.1–5.2); литургический раздел (с 7.1 — о Крещении; с 9.1 — о Евхаристии); раздел о церковных чинах и дисциплине (11.1–5.4); эсхатологический эпилог, который состоит из паренесиса (16.1–2) и апокалипсиса (16.3–8).

603 «Изложенные в порядке их важности для Сенеки, три сенековских догмата, „общение с божеством... личная связь с личным божеством“ (302), „человек для человека свят“ и „поступай с другими как хочешь, чтобы поступали с тобой“, представляют собой почти в тех же словах три первых заповедей „Учения двенадцати апостолов“». — В. Библихин. Еще раз о широте античного христианства (http://bibikhin.ru/esche_raz_o_shirote_antichnogo_khristianstva — дата обращения: 8.4.2018).

604 «Мы отметили две черты античного христианства, радикальность (предельность), заявляющая о себе в его апокалиптике, и опора на свое, родное, дающая о себе знать в интимности отношений Церкви с божественным Сыном как женихом. При недогматичной формальности и широте обоих принципов,

хивание» христианского. Где Христос — там жизнь. Где Сенека — нет, всё же не жизнь, а метод жизни. Сказал ли бы Сенека — или Спиноза, или Лейбниц — что лучше всего понимает учение о жизни женщина, которая вылила склянку с миром? Я спрашиваю, потому что мало их читала. Может, они бы тоже это одобрили. А Христос сказал: везде, где проповедуется Евангелие, ее вспомнят. Больше Он этого ни о ком не сказал. И это Его обещание всегда приносит мне счастье, сколько не вспоминай. Вот где благая весть (или добрые новости) о жизни. Я как та женщина, которая, увидев это, воскликнула: «Благословенно чрево носившее Тебя!»⁶⁰⁵ А для многих (не только для Иуды) это не легко и непривлекательно. Попробуйте объяснить моей маме, что хорошего в этом пролитии мира.

Про хранение огня мне очень у Вас нравится. Отец Иоанн⁶⁰⁶ рассказывал, как он навещал волжских «беседников»⁶⁰⁷ и они называют друг друга «хранящие жизнь» — «а, он тоже жизнь хранит!» — то есть, живет по их устоям.

Поклоны Вам передают все, кто были у меня на дне рождения, и Ги, который сегодня звонил. Все желают Вам облегчения и силы.

Оле мой нежный привет, и мальчикам.

С Новым Годом!

Ваша

ОС

сливающихся кроме того в один (родное-коренное, исходное-истинное), они обеспечивают восстанавливающее собрание (апокатастасис) всего. Когда начнется Новое время и Френсис Бейкон потребует: *Omnia instauranda sunt ab imis fundamentis*, он не выйдет из тех же начал радикальности, основательности и внедрения в собственную суть. Однако раннехристианские *предельное* и *родное* останутся конкретнее, чем бейконовские *всеобщее* (*omnia*) и *фундаментальное*. — Там же.

605 Лк. 11:27.

606 Иоанн Привалов (1971) — священник, в эти годы — настоятель Сретенского храма с. Заостровье Архангельской области.

607 Беседничество — мирянское духовное движение, распространенное в самарском Поволжье. Беседники возводят свою традицию старчества к благословию преп. Серафима Саровского. Главные заповеди — братское общежитие мирян («всё общее»), молитва, «трезвость ума», воздержание от алкоголя и курения, употребления мяса, трудолюбие.

Тема: Память

Ольга Александровна,

спасибо за появившиеся на русском языке новые замечательные тексты, особенно длинный.⁶⁰⁸ Разумеется я хотел бы прийти 19 марта,⁶⁰⁹ и я сам конечно ничего сказать не могу; не потому даже что так много уже сказано, а скорее потому что лучше уж тогда почитать записи об Аверинцеве. Вы знаете, у Натальи Серафимовны⁶¹⁰ я сказал, что не могу говорить о Лосеве и читал Аверинцева. Было много народу, и все так слушали. Только когда начались «вопросы», то всех сразу повело в приниженно благочестивую плоскость, «кто мы такие в сравнении», в этом духе. Я не вынес, молча встал, не демонстративно, и все пошли пить чай. Лосева я прочитал только несколько фраз, где он говорит о Скрябине (сравнивая с Ницше),⁶¹¹ потому что на фортепиано играл Скрябина периода его профессорства, и по-моему удивительно хорошо, профессор Игорь Никонович из музыкальной академии Гнесиных.

Еще раз, Ольга Александровна, благодарность за письмо и тексты. Вы необыкновенно поддерживаете меня и наверное всех. Если хотите, я Вам пришлю то, что успел перепечатать моего Аверинцева. У меня есть также номер «Литературной газеты» с письмом патриарха Наталье Петровне и с еще одним некрологом Гальцевой. Я знаю, что вчера в Вене было кремление, но когда весной будут похороны в Москве, не знаю.

Всего прекрасного

Вб

608 11 февраля 2004 года пришло известие о смерти С. С. Аверинцева. Тексты, о которых речь идет в письме, — поминальные заметки в разных изданиях. «Длинный текст» — вероятно, «Памяти Аверинцева», опубликованный с купюрами в «Новой газете» (Седакова, 2010. Т. 4. С. 795–799).

609 19 марта, в 40-й день по кончине С. С. Аверинцева, состоялась встреча, посвященная его памяти. Выступали С. Г. Бочаров, Е. Б. Пастернак, В. В. Биbihин, свящ. Георгий Кочетков, И. И. Ковалева, Аврил Палмер. Вела вечер я. (ОС)

610 Наталья Серафимовна Востокова — музыковед, сотрудница музея музыкальной культуры имени Глинки.

611 В. Биbihин читал те записи разговоров с А. Ф. Лосевым, которые вошли затем в его книгу: «Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев». См. прим. 13.

Тема: Re: Память

Дорогой Владимир Вениаминович,
мне очень хочется прочесть Ваши Аверинцевские заметки. Посылаю Вам свой последний текст — опять неполный. И то, что я говорила в МГУ на семинаре, тезисы. Вспоминаю СС. Нужно бы записать то, что я помню из его слов. Как Вы хорошо делаете, что пишете вовремя! Как мне стыдно, что я всё пропускаю без записи.

Всего Вам доброго, и Ольге поклон, и мальчикам приветы, а Димочку поцелуйте, пожалуйста.

Best regards,

Olga

Приложение 1:

«Слово Аверинцева»⁶¹²

Приложение 2:

«К очередному семинару курса: ДАНТЕ. ТРАКТАТЫ»

8 марта 2004

Тема: Открытие Аверинцева

Дорогая Ольга Александровна,
Ваши тексты свежие и необходимые, вовсе не только как противовес «Отделу Культуры», а как открывающие Аверинцева — мне например, которому становится после них обязательно нужно снова его читать, в неожиданном освещении. Наверное, Вы что-то даете при этом ему и своего, но тут нет ничего плохого, всегда уместная щедрость. Я хотел бы, чтобы Вы больше говорили о нем.

Наталья Леонидовна позавчера приехала из больницы, догадываюсь, что чуть раньше чем надо было, после операции она еще вся в перевязках, как говорит, и не сможет прийти 19 марта. Она раскаивается, что много в больнице наговорила для «Огонька» об Аверинцеве, не ожидавшая, что там всё буквально поместят.⁶¹³ [...]

Всего Вам наилучшего

В

Приложение:

«Аверинцев»

⁶¹² Седакова, 2010. Т. 4. С. 799–812.

⁶¹³ Н. Трауберг. «Он умер, потому что повзрослел» // Огонек. 7.3.2004.

Тема: Re: Открытие Аверинцева

Дорогой Владимир Вениаминович, спасибо за Ваши записки!⁶¹⁴

Отлично сделано, как всегда у Вас. А я ничего не записываю. За одно это мне достанется на Суде. В свое время я записала только наш разговор в больнице,⁶¹⁵ когда Вы меня туда подвезли — помните? В Ваших записках я увидела начало того разговора — про гвоздики. Я принесла гвоздики, и СС сказал: «Nelke». Потом про Гёте. Но Вы меня вдохновили записать «из жизни» — и вот Вам мой опыт, написанный сейчас по принципу автоматического письма. Что касается моего толкования СС — я думаю, что это просто самые грубые схемы его мысли. Что в этом нового?

Всего Вам доброго!

Да, Елена Рабинович⁶¹⁶ просила Вам передать, что она постоянно о Вас думает.

Ваша

О

Приложение:

«Моя первая встреча с Аверинцевым»⁶¹⁷

10 марта 2004

Тема: «Рассказ»

Дорогая Ольга Александровна,

у Вас получился рассказ — необычного, острого жанра, и мне теперь кажется, что каждая Ваша вещь это создание нового жанра. Я воображаю много Ваших картин об Аверинцеве. Вы, возможно, не замечаете, но в его словах и репликах в Вашем рассказе продолжается его открытие, как и в том тексте, о котором я говорил. Я вроде бы слышал и записывал Аверинцева, но словно впервые узнаю его от Вас и убеждаюсь, да, это он. Если будет не трудно, пришлите что-нибудь еще.

После настойчивой просьбы НЛТ не читать ее некролог в «Огоньке» Ольга конечно пошла его купила, и кажется это в целом очень хорошо, потому что живое о близко знакомом. Конечно, есть и то,

614 В. Биbihин прислал О. Седаковой первую часть дневниковых записей об Аверинцеве (до 13.7.1985), полный вариант которых появился в книге «Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев».

615 Ольга Седакова навестила Аверинцева в больнице накануне его перевозки в Германию, где ему сделали операцию на сердце.

616 Елена Георгиевна Рабинович (1945) — филолог-классик, переводчица античных авторов и латинских текстов Ф. Петрарки.

617 Вестник русского христианского движения. 2005. № 189 (1).

как советская власть пала потому что НЛТ дала и выполнила обет,⁶¹⁸ и то, как НЛТ, одна понимая ситуацию, спасала Аверинцева последние годы. Славно сказано: «Аверинцев The Child», и хорошая литература фразы: «Он подружился с Александром Менем, великолепен был их контраст: пылкий отец Александр, которого ничто не брало — так свято он был уверен, что его ведет Господь, — и тихий, с высоким голосом и виноватой улыбкой Аверинцев, столь же упрямый и ни секунды не троящий даром». Правда, следом идет прямо наоборот: «Как и в Честертоне, в Аверинцеве преобладало ребяческое, он обожал играть, и нам случалось часами составлять классификацию...»⁶¹⁹ — Вы знаете чего. Странная и очень глубокая мысль: «Может быть, такие люди, как он, возможны были только в теплице позднесоветских времен».⁶²⁰

Ахутин хочет прийти на Таганку 19 марта, но я забыл, в каком часу начало.

Нет ли у Вас неприятия того, что я предложил издательству 14 листов «Из разговоров А.Ф. Лосева» и следом листов 7 записей об Аверинцеве? Они часто говорят об одних и тех же вещах и резко друг о друге, что мне кажется не бедой.

Совершенно неожиданное письмо Федье о том, что ему горько 40 лет наблюдать самоубийство Франции и Европы. Посмотрели ли Вы книгу Франс-Ланора о Целане?⁶²¹

Мы без половины детей еще дня три. Завтра будем у Поливановых. У Востоковой (Натальи Серафимовны) была Марина Густавовна,⁶²² которая любезно говорила со мной. Я получил из Томска книгу исследований о Шпете. Что Вы думаете о нем?

Всего Вам доброго
вб

618 «Я не знаю, как рассказать, что в семидесятые годы в Москве жили люди, дававшие христианские обеты написать или перевести книгу ради конца советской власти. Сегодня в это никто не поверит. Тем не менее это было так, и в больницу ко мне пришел однажды Аверинцев — рассказать о третьей книге трилогии Льюиса „Мерзейшая мощь“. Он пересказал мне этот толстенный роман так, что я взялась за перевод и к восьмидесяти третьему году закончила, ибо дала обет во имя краха советской власти. Обет мой, видимо, был услышан, и наступило то, чего все мы так ждали. Мы вовсе не питали иллюзий, что это будет прекрасно. Мы надеялись лишь, что кончится гнет». — Н. Трауберг. «Он умер, потому что повзрослел» (<http://www.kommersant.ru/doc/2293283> — дата обращения: 2.4.2018).

619 «(...) паскуд и зануд. По этой классификации он был зануда сапиенс». — Там же.

620 «Может быть, такие люди, как он, возможны были только в теплице позднесоветских времен. Беда в том, что в этой теплице мучили людей, в ней невозможно было дышать, и, не случись ее крушения, Сергей вряд ли прожил бы и те горькие восемнадцать лет, которые достались ему на долю с восьмидесяти шестого года по нынешний. Смена времен напомнила о том, что жить вообще трудно. И никто не говорил, что будет легко. Он был из тех, кто платит сполна». — Там же.

621 *Hadrien France-Lanord*. Paul Celan et Martin Heidegger: le sens d'un dialogue. Paris: Fayard, 2004.

622 Марина Густавовна Шторх (1916–2017) — педагог ЦМШ, дочь философа Г.Г. Шпета (1879–1937).

ТЕМА: Re: Рассказ

Дорогой Владимир Вениаминович,
спасибо за отклик! Да, не знаю, как я, а Пушкина я так представляла на семинарах: каждый текст — новый жанр. И Данте! Что такое «Пир»? К тому, чего ждешь от заглавия, никакого отношения не имеет. А «Новая Жизнь»? «Монархия» более похожа на трактат.

Что Лосев с Аверинцевым ругаются, даже хорошо.

Меня и у НЛ и у Вас удивляет тема ребячливости Аверинцева. А у Вас еще часто — наивность. Я в нем этого не замечала. Игру — да. Но взрослые тоже играют. Я бы сказала, Аверинцев the Elder.⁶²³ Он был старцем с детства. Я только одну наивную как будто неотрефлексированную черту в нем заметила: совсем серьезное отношение к званиям и чинам. Пожалуй, я запишу еще одну смешную историю — как они с Яннарасом оставили меня без завтрака. *Ces messieurs!*⁶²⁴ Воскликнула прислужница.⁶²⁵

Книгу о Целане я еще не посмотрела.

Я согласна с Федье: дела идут плохо — но почему последние сорок лет? Может, дело в том, что, как о. Иоанн сказал, России больше нет, — так и Европы больше нет? есть мир. Но и мир в целом как будто свихнулся.

Я должна срочно дописать предисловие к поэту из Ленинграда, Петру Чейгину.⁶²⁶ [...] Оно называется: «Птичье житие поэзии». Вы знаете это выражение в похвалах подвижникам: «Птичье твоё житие, отче!» В связи с этим я заметила, что не только Хлебников (на которого Петр похож), но все поэты — из птиц. Даже не очень поэтичный Бродский — ястреб. Лена Шварц изображает себя чайкой и вороной. Начиная с Царя Давида: «Превитай по горам, яко птица». ⁶²⁷ А Зигфрид, ⁶²⁸ не-поэт, узнав птичий язык, всё равно не слушает и погибает. Я, наверно, — всё-таки не ласточки, а просто «птицы», во мн. ч.: «где все, как птицы, схожи». ⁶²⁹ Стрижи мне нравятся, но я их никогда не упоминала. На Руси в Средневековье в простолюдьё считали, что птицы говорят на райском языке, а на Западе — что на латыни.

623 Старший, старейшина, старец (англ.).

624 Эти господа! (франц.).

625 Так и не записала. (ОС)

626 Петр Чейгин (1948) — российский поэт, представитель ленинградской «второй культуры», его стихи ходили в самиздате. Первая публикация: П. Чейгин. Пернатый снег. С предисл. О. Седаковой. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

627 Пс. 10:1.

628 Герой «Песни о Нибелунгах».

629 О. Седакова. Земля // Седакова, 2010. Т. 1. С. 384.

А я в этом рассказе — с платьем и бусами — не выглядит ли это как у НЛ?⁶³⁰

Всего Вам доброго!

Ольге поклон и детям привет.

Ваша

О

20 марта 2004

Дорогой Владимир Вениаминович,
посылаю фотографию.

Best regards,

Olga

Приложение:

фотография С.С. Аверинцева

10 октября 2004

Дорогой Владимир Вениаминович,
посылаю Вам Сальери.

Best regards,

Olga

Приложение:

«НОЛЬ, ЕДИНИЦА, МИЛЛИОН. Моцарт, Сальери и случай
Оболенского»⁶³¹

630 «Мы вышли из магазина. Сергей Сергеевич отошел на шаг в сторону, осмотрел меня, внимательно, спокойно, как некоторое изделие, и сказал:

— Всё правильно. Да, я так и думал...

Еще раз поглядел.

— Да, и платье...

⟨...⟩

— Да, всё правильно. И бусы. Они кажутся археологическими. Откуда берут такие бусы?

Это были черные глиняные, тяжелые, очень крупные бусины, лепная обливная керамика — в самом деле, как будто из древних раскопок».

— О. Седакова. Моя первая встреча с Аверинцевым.

631 Седакова, 2010. Т. 4. С. 292–310.

13 октября 2004

ПИСЬМА / 2004

Дорогой Владимир Вениаминович,
я пишу по просьбе моей сестры. У них случился пожар 4 дня назад. В 2 ночи загорелась проводка на потолке. Целиком выгорела комната Гели и смежные куски, всего 20 кв. м. Ира в это время была в Болгарии, Володя во Франкфурте, Геля ночевала у подруги. Теперь они разгребают пепелище. Но просьба ее к Вам (телефон там тоже плохо работает), чтобы Рома как можно скорее забрал Ваш мед этого года. Он цел. Очень просит.

Пока всего доброго. Я в шоке от этого события.

Best regards,

Olga

16 октября 2004

Дорогой Владимир Вениаминович,
извините за настойчивость, но Ирина слезно просит забрать мед как можно скорее.

Я теперь среди своих узлов в гриппе. Но уже жду кровать: выписала по Интернету.

Best regards,

Olga

Дорогой Владимир Вениаминович,
как точно Вы сказали о «мертвом языке».⁶³² У меня теперь это уже определенное ощущение, прежде казалось недоразумениями: ну, Бродского язык мне не нравится, ну, тем более, еще множества... А теперь я вижу: их язык. Новое раннее Средневековье.

Вчера слышала по Свободе, как М. Ч. трактовала «Петушки»: Веничка оплакивает трагедию своего народа, которая состоит в не-пробудном пьянстве и икоте. А другие об этом молчали и молчат!

Кстати, о некомплектности. Весь фокус в том, что нормален (даже в житейском смысле) у Пушкина — Моцарт. По сравнению с этим обычное противопоставление «всех» («тупой бессмысленной толпы») и «не всех» — сальериевская схема.⁶³³

Посылаю энциклопедического СС — и заодно еще один рассказ о моем учителе фонетики.

Best regards,

Olga

Приложение 1:

«Сергей Сергеевич Аверинцев (Для Философской Энциклопедии)»⁶³⁴

Приложение 2:

«Михаил Викторович Панов. Последняя встреча»⁶³⁵

632 В одном из последних телефонных разговоров В.В. спросил:

— А Вы не думаете, что мы пишем на мертвом языке?

— ?

— Мы исполняем те обязательства при письме, которых уже никто не считает существенными. Как классическая латынь... А теперь возникает что-то вроде народной латыни... (ОС)

633 «Аура романтического художника окружает как раз Сальери, с его одиночеством, с его зловещей Изорой и ее „последним даром“. А Моцарт, вопреки всему, что принято думать о гениях, не недочеловек-сверхчеловек, а добрый малый,

Как ты, да я, да целый свет.

(Ср. ту же интонацию в реплике Моцарта:

Он же гений,

Как ты, да я.)

И в этом, собственно, вызов Пушкина: вызов всей огромной и продолжающей доныне действовать традиции представления о „гении“ как о существе, действующем по ту сторону добра и зла: Моцарт „Моцарта и Сальери“ появляется на сцене из окружения самого простого, житейского, обывательского добра».—

О. Седакова. НОЛЬ, ЕДИНИЦА, МИЛЛИОН.

Моцарт, Сальери и случай Оболенского. С. 296.

634 Энциклопедическую статью об Аверинцеве мне предложил написать Ю.Н. Попов.

Текст этот, однако, не был опубликован. Вместо него в энциклопедию вошла заметка из трех абзацев, подписанная Ю.Н. Поповым и О.А. Седаковой. (ОС)

635 Седакова, 2010. Т. 4. С. 719–727.

Записи Владимира Бибихина,
сделанные на семинаре Ольги Седаковой
«Позднее искусство»

Ут 26.10.1999 / 15.20, кафедра

Позднее искусство

раннее, юношеское, зрелое

Поставить перед размышлением

Начать с простого разделения. Бродский: вся поэзия делится на песню и исповедь. Чистосердечное признание, кто имеет смелость смотреть на себя. Песня как форма поэзии: наоборот забвение о себе, о самооценке. Самозабвение, отсюда культ поэта небожителя. «Никто».

Исповедати ст. слав.: прославить. Псалом, «кто исповест Тя», кто прославит.

«Исповедайтесь Богу Небесному», прославьте Его. Псалом 50 звучит как песня.⁶³⁷

Хлебников: Я не знаю, вертится Земля или нет, это зависит от того, уместится ли слово в строку.⁶³⁸

Исповедь предполагает два себя, второго — умудренного, прожившего человека; песня всегда молодая, ранняя, первая: возвращает человека в начало, в свежие чувства. Это начало может быть хорошее. «Никто выведет нас из тлена».⁶³⁹ Постмодернизм: старое больше не продолжается.

Радикальная поэзия: Мандельштам, Целан, Хлебников. Безумные расплавленные произведения. Это XX век.

Но вторая группа: усталые поэты. Милош Чеслав, Элиот. У Элиота тема невозможности песни. Огонь, которого больше нет: пепел у Бродского.

636 Записи, сделанные В. Библиным на моем семинаре «Позднее искусство», построенном вокруг «Домика в Коломне» и «Осени» Пушкина (МГУ, зимний семестр 1999). (ОС) Перепечатано выборочно из-за плохой разборчивости почерка. (ОЛ)

637 «Если мы посмотрим на исходное значение исповеди, то ничто не мешает этой исповеди, в традиционном виде, стать песней. Собственно говоря это и есть песнь. Славянский язык уже соединяет эти понятия в том, что „исповедатися“ по ц.-слав. значит *прославить*, а вовсе не, например, рассказать о своих плохих качествах или признаться в своих совершенных грехах и плохих чувствах». — *Здесь и далее цит. по расшифровке диктофонной записи семинара, сделанной А.В. Марковым.*

638 Я не знаю, Земля кружится или нет, Это зависит, уложится ли в строчку слово. — В. Хлебников. «Я не знаю, Земля кружится или нет...» // В. Хлебников. Творения. М.: Советский писатель, 1986. С. 61.

639 «А песенный поэт возвращается всегда в это самое начало и говорит изнутри него, причем это не имеется в виду, что это начало как бы однозначно хорошее, райское, оно может быть страшное, вот как в целановском „Псалме“, одном из великих стихотворений нашего века, которое начинается как бы до начала:

Никто
не вылепит нас снова из праха (глины)». — *Зап. семинара.*

«Казалось никого не обходило
Присутствие потухшего огня».⁶⁴⁰

Выработать. Милош: поэзия невозможна в мире без конца. What to do with a diminished thing,⁶⁴¹ мир уменьшился. Кто не верит, что всё убыло, тот обманщик. Убывать может без конца. «За этим не следует ничего».⁶⁴²

В жизни был Пролог на небесах. Законы энтропии, тепловой смерти. Покидает раннее, запах как вещь, прикосновение как шок. Бродскому⁶⁴³ не хватает не радости, а боли: он не хочет страдания. Юность: вверх; позднее: вниз.

Это *медитативная*, рефлексивная. Автор платит за ...

Стихи оплачиваются личностью автора. Новая мораль: политическая позиция, прежде всего. Поэты демократического сопротивления.⁶⁴⁴

Учительская поэзия: «Назидание», одна из сильнейших поэм Бродского.

В отсутствие конца, можно найти свой восторг. Или ностальгия по Земле⁶⁴⁵ — нет конца. [...] Настроение — ностальгия — новое, связанное с нашим временем.

Но то позднее искусство, о котором я думаю, — другое: неспособность молодости к этому. Бродский и Милош: отцветание старого.

Что такое жизнь: как можно жить после??? Жизнь казалась невозможной, но она продолжается.⁶⁴⁶

640 И. Жданов. «Так ночь пришла, сближая всё вокруг...» // И. Жданов. Воздух и ветер. М.: Наука, 2005. С. 35.

641 *The question that he frames in all but words
Is what to make of a diminished thing.*
— R. Frost. The Oven Bird (И спрашивает, даром что без слов: / Как быть, когда все в мире убывает? — Р. Фрост. Желтоголовая славка (пер. Г. Кружкова).

642 И. Бродский. Строфы («Наподобье стакана...») // И. Бродский. Собрание сочинений. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 3. С. 181–188.

643 Здесь ослышка В. В. Библихина. Речь идет о стихотворении Фроста «To Earthward», в котором автор как раз хочет страдания, чтобы «почувствовать землю».

644 «Эта поэзия, авторов, которых я назвала, ее обычно называют медитативной, и действительно это размышление, обычно более или менее рассудочным образом изложенное, рефлексивное, и главное в ней, я бы сказала, что это моралистическая поэзия; в очень своеобразном понимании новейшего морализма. (...) это стихотворение становится сбывшимся таким путем, что автор платит за него. (...)»

И задумавшись о том, в чем моральность этих фигур, и в частности из-за этого они противопоставлены этому романтическому, тому, что они считают романтическим, потому что в нем вот этого как раз и нет, можно сказать, что основа их морали — это прежде всего политическая позиция. (...) Все эти поэты — поэты демократии. Все они — поэты сопротивления тирании». — *Зап. семинара.*

645 Из стихов Александра Величанского
«Я еще не знаю, брат...»: *Ностальгия по земле,
На которой жив.* (ОС)

646 «Мне собственно и хотелось сравнить эти две возможности: жить после чего-то, что это позднее искусство — это позиция после чего-то. А после чего — это нужно выяснить. У Честертона есть очень милое замечание о том, что молодость живет до конца света, а взрослые живут уже после конца света. Что он имеет в виду под после конца света: когда разрушились какие-то вещи, без которых жизнь казалась невозможной, и тем не менее она продолжается». — *Зап. семинара.*

[...] «Лучше умрет, чем не споем что поет».⁶⁴⁷

Танцующий человек от экстаза ослеп. К поздним — «Песни западных славян». «Домик в Коломне», *поздняя* поэма. Взгляд Рембрандта. Поздний Шекспир, «Буря». «Зимняя сказка». Их форма складывается иначе.⁶⁴⁸ Буду рада узнать опровержение.

Не то что наше время позднее. Обнищание, оскудение.

Это всё был эпиграф.

Теперь тема: та же, что на вводном курсе. Отношение поэзии и слова. Двойственный характер поэзии как словесного и несловесного искусства.

Q: Как Вы рассматриваете драму? Элиота, Лорки.

ОАС: Эти драмы — поэмы. Гамлет — тоже лирика, драматическая.

Q: Драматург в конце XX в. писать не может?

ОАС: Я думаю что так. Или — театр абсурда.

Q: Обэриуты. Введенский.

ОАС: «Ожидание Годо».

Q: Целан: обязанность жить?

ОАС: Новый модус жизни, ностальгия по земле, без попытки восстановления. Позднее искусство: разглядывая Рембрандта. Рембрандт смотрит на свой портрет откуда-то из-за границы.

Q: Поэзия расставания?

ОАС: Мандельштам: я изучил науку расставания,⁶⁴⁹ т.е. науку поэзии.

Q: Позднее искусство: ровное, примиренное. Анализ, второй зритель. Поучение, *amor fati*,⁶⁵⁰ задание координат. Открывается новая свобода. Пространство, которое знает.

647 О. Седакова. «Когда мы решаемся ступить...» (Из цикла «Китайское путешествие») // Седакова, 2010. Т. 1. С. 343.

648 «Самозабвение поэта, которого сравнивают с соловьем, поющим на ветке, который лучше умрет, чем не споет, что споет — это одно самозабвение, удивительно, в нигде, а это столь же самозабвенная, парадоксально, крайне самозабвенная точка зрения для лирика и вообще человека говорящего, для которой мир не исчез. Поющая птица и танцующий человек — он от экстаза как ослеп, он ничего не видит, а здесь самозабвение, в котором присутствует зрячесть: этот очень странный парадокс я и связываю с тем, что я называю поздним искусством. Об этом мне хотелось бы интереснее и подробнее говорить, и я бы хотела предложить почитать вам в этой предложенной мной перспективе пушкинский „Домик в Коломне“, что там такое происходит.

⟨...⟩ Это и Рембрандт, его взгляд на модель и на мир, на изображаемое. Это поздний Шекспир, тот его период, который в шекспироведении называют эйренический период Шекспира: глубокого примирения с действительностью: „Буря“, „Зимняя сказка“, которые окружены каким-то совсем другим светом, атмосферой, чем не только ранний, но зрелый Шекспир. Позднее — это не зрелое, зрелое тоже еще стоит по эту сторону». — *Зап. семинара*.

649 О. Мандельштам. *Tristia* // Мандельштам, 1993/4. Т. 1 С. 138.

650 Любовь к судьбе (*лат.*).

Пушкин: каждый раз новости.

Прошлый раз: восьмерка; кружение, нелинейность. «Домик в Коломне», и «Осень» — *октавы*. *Осень* кончается — куда ж нам плыть. «Домик в Коломне» — пародийное окончание. Еще прозаизм: обсуждает свою технику, *неглиже*. Всё погружено в странную стихию рассказа. Муза знает только точки вдохновения, там нет разворачивания, они даны раз и навсегда. Прозаизм преодолевает лирическую природу. Образцы: Ариосто, Тассо. Ариосто: октавы; прелесть квантованной речи. Организация не только речи, но и содержания.

Терцина, наоборот, знак бесконечности, эти триады завершить невозможно. В каждой тройке шаг вперед (Гегель?). Октава — антитерцина. Stanza: комната. Замковые два стиха могут быть или мужские, т.е. окончание, или женские, т.е. ожидание продолжения.

Вопрос: у итальянцев фраза может выходить за станцу?

Воспоминание о гордой графине⁶⁵² — она спрятана пародийным сюжетом.

Пушкин описывает недозволенные чувства. Разговор о странностях души. Хорошо тому, кто не проговорился. «Мгновенная змея», злоба.⁶⁵³ «И верно, в список жертв меня внесла».⁶⁵⁴

Внимание к страданию — не эротическое.

Отрицательное присутствие любовной лирики. Есть «приятно, люблю» etc. — как тема освобождения от роковой любви. Гордая графиня — Клеопатра; женский образ, который мучил Пушкина. Не любовь а муза, там где должна была быть любовь.⁶⁵⁵

651 Конспект третьего семинара в курсе О. Седаковой «Позднее искусство», состоявшегося 9 ноября 1999 года.

652 А.С. Пушкин. Домик в Коломне, XXI–XXIV.

653 *Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошепавшую змию...*

— А.С. Пушкин. Домик в Коломне, XII // Пушкин, 1959. Т. 3. С. 253.

654 Там же. С. 256.

655 «Внимание к страданию, которое Пушкин предлагает не понимать как эротическое внимание в обоих случаях. (...) Я предложила считать главной темой и того, и другого сочинения как бы отрицательное присутствие любовной лирики. (...) мы его ожидаем, что оно подготовлено самим поэтом, но каким-то образом оно отодвигается, и это очарование, удовольствие, которое составляет тон рассказа: *приятно, люблю*, где он описывает собственное состояние в самом приятном для себя месте и положении (топосе), как всё это хорошо и приятно, оно показывается как некоторое освобождение от темы роковой любви, которая здесь мелькает в этих вставных эпизодах. (...) там, где должна быть любовь, там появляется Муза: вдохновение, которое, как и прежде говорил Пушкин, с любовью у него не совмести-мо». — *Зап. семинара*.

Наррация должна была быть любовная или героическая — но тут пародия! и подвиг, авантюра и любовь.⁶⁵⁶ Рассказ, нелепый, космогонический. Язык, который создает или поддерживает мысль.⁶⁵⁷ «Шуми без всяких дум».⁶⁵⁸

Бродский, любитель длинных повествовательных стихов собствен-
но ни о чем. Пока говоришь, живешь, продление жизни для автора.⁶⁵⁹
Мандельштам скорее боится (в стихах об Ариосто) за мир чем за себя.
Ирония, шутка или улыбка? Ирония отменяет рассказ, шутка — нет,
не в противоположном смысле, как думает иронист.

Былины: их исполнение ритуальное.⁶⁶⁰ Только в великопостные дни.
Мелодия строгая. Былину исполняют когда на море буря. Чтобы соз-
дать вселенную из хаоса.

«Осень», «Домик в Коломне» — может быть былины.

Власть и царь как-то связаны с морем. Венчание с морем в Венеции.⁶⁶¹
Это — ради самого говорения, которое должно быть красиво. Когда
болтаешь, не живешь. Тут небрежные, любые вещи, произвол —
но форма самая устроенная и сложная.⁶⁶²

656 «Я говорила о том, что октава играет
формообразующую роль в том, как по-
дается повествование, как оно петляет (даже
зрительный образ восьмерки связан с этим
петлянием); и сама наррация, сюжет здесь
должен был быть любовный или героический.
Вот два сюжета классической поэзии: как это
и происходит у Ариосто и Тассо. Пародией на
оба эти сюжета становится рассказ в „Домике
в Коломне“: это и подвиг в каком-то смысле,
авантюра героя, который наряжается кухаркой,
и это любовь». — *Зап. семинара.*

657 «Но здесь вот еще интересно: это игра
с повествованием, которое само по себе,
в его содержании ничего не значит, а значит,
что что-то рассказывается (...) и в мандельшта-
мовском „Ариосте“ этот рассказ „бессмыслен-
ный“, которому никто не должен верить, но
он входит в построение мироздания. Вот в чем
дело, что это рассказ в каком-то смысле космо-
гонический, как бы ни были нелепы сюжеты
и повороты рассказа. (...) Язык, который созда-
ет или поддерживает мир». — *Зап. семинара.*

658 О. Мандельштам. Ариост // *Мандельштам*,
1993/4. Т. 3. С. 71.

659 «Он верил в „сияние русского ямба“»
(из юношеских тюремных стихов), в силу
любого метра, в силу словесной последова-
тельности, удлиняющей существование.
— Некоторые находят, что мои длинные стихи
слишком длинны?

— Я думаю, это необходимая длина.

— Да, пока мы говорим, мы еще живы.

Это тоже из разговора в Венеции». —
О. Седакова. Иосиф Бродский: воля к форме //
Седакова, 2010. Т. 3. С. 492.

660 «Это (...) повествование напоминает мне
перенесенный в просвещенный и светский
мир эпический образ сказителя. В русской
фольклорной традиции такую роль исполняли
былины. Связь их содержания с их смыслом
была так же странна». — *Зап. семинара.*

661 «И вряд ли Ариост скажет, что он делает.

Развлекает феррарский двор? Но и в раз-
влечениях двора тоже что-то есть, тоже есть
нечто более глубокое, чем декоративная вещь,
потому что, как мы можем сказать по многим
вспышкам этих значений, что власть и князь
каким-то образом связаны с морем. И успокаи-
вание царя — это тоже успокоение стихии». —
Зап. семинара.

662 «Всеми своими слоями эти две вещи от-
меняют то, о чем они говорят, ради самого
говорения, которое должно быть тем не менее
очень красиво. В чем и вопрос. Потому что
когда говорит Бродский: пока говоришь — жи-
вешь, это не совсем точное, конечно, высказы-
вание: пока болтаешь — нет этого чувства, что
ты живешь. А речь эта должна быть упорядо-
ченная, по-своему очень сильная и правильная,
только тогда она дает это облегчение». —
Зап. семинара.

Море в «Осени» подготовлено равнинным пейзажем.

«Домик в Коломне» — время, когда он любит фламандскую школу, натуральное, мещанская петербургская жизнь. Всё быт, кроме — Мавруши. Сюжет совершенно нереалистичен. Характерный сюжет *Боккаччо*. Сюжет с мещанской жизнью предместий не связан.

Свободные отношения с музой. Муза превращается. «И не вертись, резвушка».⁶⁶³ Отческое отношение к поэзии, маленькое существо, веселое и управляемое.

Прошу читать и высматривать «Осень» и «Домик в Коломне» — какая точность и жесткость.

Записка: Позднее искусство: позднее, доброе отношение к жизни, полный самоотчет в инвентаре.

ОАС: Овидий по Гаспарову «добрый поэт» — благодущие.

Дама: Гомеровский гимн Гермесу, Гермес пишет космогонию — Аполлон прощает Гермеса, дарит ему стада.

ОАС: «Домик в Коломне» имел, как не романтизм, продолжателей. Самойлов, Арсений Тарковский, «Слепой», октавой, и «Чудо со щеглом»,⁶⁶⁴ поселковая проза, мнимый и слегка эротический сюжет — вариация «Д. в К.» Умягчать сердца не надо с помощью *сюжета*, у Тарковского большая ошибка.⁶⁶⁵ Позднее — не связано с возрастом; но это самоустранение автора. В «Осени» всё сообщил о себе — и его всё равно нет. А у Тарковского главный герой сам молодой Тарковский.

Следующая тема — двойственное отношение поэзии к языку. Расцвет языка? или язык мешает? Поэзия с ритмикой и звуками как связана? что доминирует? Образ, условно я говорю, нечто связанное со зрительным и пластическим началом.⁶⁶⁶ Формы сейчас нет, что же

663 А. С. Пушкин. Домик в Коломне, IX. С. 252.

664 «Слепой» и «Чудо со щеглом» — поэмы Арс. Тарковского (А. Тарковский. Стихотворения и поэмы. С. 299–304 и 304–317).

665 «Да, это большая ошибка, которая совершается тысячу раз, если действительно задача искусства умягчать сердца, как со времен Орфея, то не надо это делать при помощи сюжета. Но поэты никак не могут на это решиться. Пушкин один из немногих, который решался: вот этот нелепый, авантюрный, едва ли не плутовской сюжет, его чудовищное несоответствие, о котором автор в конце говорит: к чему же Вы всё войско вели сначала? и на самом деле это дает читателю то ощущение, которое поздний критик назовет удовольствием от текста, но название это, по-моему, слишком холодное для того, что происходит. Это действительно вовлечение в эту

бесконечную игру переключек, построения свободного и сложного единства, такого как единство войска, единство корабля, единство мира. Я думаю, что неизбежно в такой вещи, чтобы она удалась, не должно быть морали». — *Зап. семинара*.

666 «Я хотела бы сказать о том парадоксе, что, с одной стороны, поэзию называют самым высшим расцветом языка, его цветением, с другой стороны, поэты часто говорят, что дело не в языке, язык мешает, посредством языка выражается нечто *другое*, то, что очень трудно выразить. (...) Что касается этой второй стихии: скорее всего, их даже не одна, а две: одна — это то, что связывает поэзию с музыкой, с ритмикой и звуком (...) и есть еще третья сторона, о которой совсем не говорят, которую условно я называю образ». — *Зап. семинара*.

теперь? язык или не язык? Как они отличают стихотворение от нестихотворения? Американский профессор: поэзия создана образом. Графоманы — очень виртуозны, но — нет образа. Но *в чем* образ — это еще говорить и говорить.⁶⁶⁷

Пузырей: Вагинов, «не в звуках музыка, она во изменении образа».

ОАС: Видел Моцарт перед тем как писать всю симфонию целиком.⁶⁶⁸

Комизм и ирония — для меня разные вещи.⁶⁶⁹

ОАС: Стратегия открытого конца.⁶⁷⁰

Пузырей: Тройка — семерка — туз [...]. Тогда текст шифрован и предельно серьезен.

ОАС: Пушкин играет в тайну, когда неизвестно, есть тайна или нет.

Как у Шекспира загадка об инцесте. У Пушкина многого не знаем, есть ли тайна вообще — мелкогато, если это тайна, которую надо скрывать.⁶⁷¹

«Излиться свободным проявлением»⁶⁷² — и «блажен, кто держит язык за зубами»,⁶⁷³ две позиции. Пушкинская тайна — конечно тайна смерти. «Д. в К.» — тема того же самого приближения к смерти.

667 «То есть удавшееся стихотворение, в отличие от неудавшегося, содержит в себе образ. Некоторое другое, неязыковое единство, которое связывает между собой все эти слова и выражения. Они не произвольны, на самом деле. Не все что угодно можно написать, и чем угодно. Это должно складываться или исходить из некоего образа». — *Зап. семинара.*

668 «Но мне кажется, что в этих стихах Вагинова речь идет об образах в более привычном значении, действительно о смене образа, а вот что такое образ в произведении как конструктивное начало? То самое зерно, которое, как рассказывает Моцарт, перед тем как писать музыку, он видит всю симфонию целиком. Он ее видел не в звуках, что это такое? Это образ». — *Зап. семинара.*

669 «Как раз мне и хотелось сказать, что в области несерьезного отношения, не полного отождествления, у нас слишком мало обдуманно, каким может быть это отношение. Ирония как бы покрывает весь род такого отношения, но на самом деле комизм и ирония — это крайне разные вещи, если не противоположные». — *Зап. семинара.*

670 «Последний жест — „какая будет мораль“, напоминает мне, мы говорили о концах Пушкина, многообразной стратегии открытого конца, кажется мне одной из стратегий открыть конец». — *Зап. семинара.*
Речь идет о насмешливой концовке «Домика в Коломне».

671 «В этой пушкинской игре с тайной, которая всегда, между прочим, неизвестна: есть эта тайна или нет, тоже оживает очень древний механизм отношения с тайной, который в „Перикле“ Шекспира: когда отец и дочь всем загадывают загадку о своем инцесте: если секрет, то о нем нельзя говорить, но именно о нем всё время и говорится, но в форме загадки. (...) Есть ли эта тайна вообще? Все тайны, которые в Пушкине обнаруживают, касающиеся его отношения с женщинами или с декабристами, в конце концов они как-то мелковаты для такой тайны, которую нужно всё время скрывать и намекать. Вместе с тем ощущение хождения по какому-то краю искренности». — *Зап. семинара.*

672 А. С. Пушкин. Осень // Пушкин, 1959. Т. 2. С. 382.

673 А. С. Пушкин. Домик в Коломне // Там же. С. 253.

Фантастика, эйкастика — поэт не должен проявлять волю.⁶⁷⁵

Он передает дело охраняющему очагу. Study of intimate embrace of Eros & Civilization.⁶⁷⁶ — Огонь очага страхует дом от пожара. —

Позднее искусство: возвращается к очагу.⁶⁷⁷

Природа и эрос обычно противоположны цивилизации.⁶⁷⁸

Образец позднего искусства: Рембрандт. Огонь из одного источника.

Поздний Рембрандт между человеческим устройством и природой.⁶⁷⁹

И это у Пушкина — уже не сентиментализм. Чувство у Пушкина — не против цивилизации, как в сентиментализме. Мягкое, любовное, эротическое начало — у Мандельштама.⁶⁸⁰

Трагедия: жертвоприношение. Рембрандт: мир, увиденный когда решение о смерти уже принято. — «Ифигения в Авлиде»: жертве дается слово; но Гамлет: шекспировское?⁶⁸¹

[Вопрос]: Позднее искусство — классическое? а подтрунивание?

ОАС: позднее искусство как испытание после классики и романтики.⁶⁸²

Q: Баратынский, посадка леса.⁶⁸³

ОАС: Баратынский, недостижимость, неудача. Уходит глубоко и не находит, что ищет. Пушкин: таинственный дар поэта, вызвать вещь звучащую, как «Твой голос для меня»,⁶⁸⁴ вещи у Пушкина *говорят*, это собственно сумасшествие, безумие.⁶⁸⁵

674 Конспект седьмого семинара в курсе О. Седаковой «Позднее искусство».

675 «Филипп Сидни, который написал „Апологию поэзии“, говоря о Шекспире, предлагал различать среди художественных воображений разные виды. Один из них он называет фантастикой — это плохое воображение, как бы ничем не связанное, оно может воображать что угодно: нелепые вещи, ненужные. А другой уход за уже данную реальность, какой-то умственный выход он называет эйкастикой. Это создание правдивых образов: хотя их нету, но это фантазия правдивая, это предлагается то, что на самом деле как бы возможно. Оно совершенно возможно умом, как говорит Филипп Сидни, и оно невозможно волей. Потому что, он говорит, в творчестве поэта, как нигде больше, проявляется первоначальный божественный образ человека, который заключается в том, что он может видеть совершенство». — *Зап. семинара*.

676 «Эволюция шекспировской драмы может быть прочитана как всё более тонкое исследование интимного взаимопроникновения эроса и цивилизации, а романтический эпос — как мощный источник его трагикомического искусства». — *Barbara J. Bono. Literary Transvaluation: From Vergilian Epic to Shakespearean Tragicomedy. Berkeley, 1984. P. 139.*

677 «Это как раз и есть то, к чему я с разных сторон пыталась подойти: к теме Эроса (...); об огне домашнем, который прежде всего представляет собой дом для Пушкина: дом, и род, и чувство; и вот этот огонь, который противопоставлен пожару, он страхует дом от огня, от пожара; и (...) это есть не нечто противоположное для цивилизации, а это и есть цивилизация: не укрощенный эрос, а как, по-моему, Барбара Боно очень хорошо говорит, интимное объятие эроса и цивилизации. Два начала в этом огне, перед которым сидит Пушкин, присутствуют, но они находятся в этом любовном союзе. И (...) быть может, в этом и есть разгадка того, что я хотела бы назвать поздним искусством: искусство, которое возвращается к этому очагу». — *Зап. семинара*.

678 «Обычно природа и эрос, как ее главное воплощение, мыслится как противоположное цивилизации: и ранняя поэзия именно бунтует, она отстаивает права природы перед этой жестокой силой цивилизации, общества... которое само по себе как бы заведомо мертво; непонятно, (...) какая сила создавала всю эту цивилизацию». — *Зап. семинара.*

679 «Для меня есть еще один высочайший образец позднего искусства: это с какого-то времени живопись Рембрандта. Мне кажется, что все названные образы также подходят для описания его: огонь, в котором сходится всё узкое интимное пространство, освещенное из одного источника, собирающего, как пушкинский „огнь уединенный“ всё; откуда движение может идти в самые разные стороны, но обычно повествование кончается там, где воображение проснулось, дальше не надо, сюжет уже не нужен. Этот мир, который сообщает поздний Рембрандт: мир, которым обладают его герои — может быть, это то самое ощущение внутреннего сродства или какого-то любовного объятия между человеческим устройством и природой, эросом». — *Зап. семинара.*

680 «Я думаю, если говорить о продолжателях этого ощущения природности культуры, ее напитанности изнутри этим мягким, любовным, эротическим началом, то, конечно, это Мандельштам, особенно в его римских стихах». — *Зап. семинара.*

681 Законспектированы реплики участников семинара: В. Ю. Файбышенко и И. И. Ковалевой.

682 «Позднее искусство я представляю, если принять условный язык классического и романтического, конечно, как искусство, возникшее после испытания и того, и другого. (...) но скорее, тем не менее романтическое преобладает». — *Зап. семинара.*

683 Е. А. Баратынский. На посев леса // Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений: В 2 тт. Л.: Сов. писатель, 1936. Т. 1. С. 245.

684 А. С. Пушкин. Ночь // Пушкин, 1959. Т. 2. С. 10.

685 «Мысль Баратынского и чувство всегда уходит очень глубоко, и там оно не обнаруживает того, что ищет. То ли потому, что не проделан этот путь до конца, но он склонен говорить, что там ничего и нет (...). Пушкинский мир (...) гораздо более благодатный, потому что он может и не проделывать таких трудов углубляться, а то, в присутствии чего Баратынский сомневается, оно является само и говорит. (...) Этот главный, на мой взгляд, необычайный, самый таинственный дар поэта: вызвать вещь звучащую, которая сама начинает говорить». — *Зап. семинара.*

Владимир Биbihин и Ольга Сedaкoвa друг o другe

Дневниковые записи о книге Ольги Седаковой «Ворота. Окна. Арки»

11.11.1990

*Ворота. Окна. Арки*⁶⁸⁶

Собственно, непонятность поэта от того, что он говорит слишком прямо, просто, без обводных путей через «принятое», прямо как *есть*. Так не привыкли, между звучанием — т.е. не звучанием, конечно, а *самим словом* — и нами вставляют подкладку «смысла», слово якобы имеет «значение». Но слово до всякого значения просто *слывет*, значит, звучит, говорит, с-казывает. Поэт не отходит от этой первой данности слова в «смысл», «значение», — хотя обязательно тот смысл, то значение нельзя сказать, что не учитывает.

Еще: будто бы поэта начинают со временем «понимать». Вот это очень сомнительно. Он сам себя едва понимает. Механизм признания скорее другой: при первом, втором, сотом прочтении какого-то поэта не удастся «раскрыть», разоблачить, в нем пугающая манящая открытость простора не отменяется, тогда его принимают — *не* понимают, это совсем другое — как именно присутствие «ворот, окон, арок» в нашей культуре: как мир принят за красоту, за простор, а во все не потому и не за то, что он «понят».

Поэт где? В том-то и дело, что нигде: он как шар в шаре, как зеркало в зеркале, как возникшее в нигде кружащееся всё, — как если бы стало видно, а раньше не было видно, что *всё*: т.е. мир становится быть только в поэте и благодаря поэту (еще в мысли; еще в музыке; еще в живописи; еще в подвиге, настоящем), и какой магией, опять же, понять-то невозможно, но вот очевидно, что *всё*, и опять же очевидно, что не поэт придумал, а всё *есть*, он из него указал. Как? Тут дело не сводится к слову, тут подводный, подспудный подвиг того человека.

«Тристан», «Смелый рыбак. Крестьянская песня».⁶⁸⁷ Христианская песня. Господин, господь. Он оставляет:

— Возьми себе цепь двойную,
возьми себе перстень мой,
ведь ночь коротка и весна коротка
и многие лодки уносит река.

686 О. Седакова. Врата. Окна. Арки. Париж: YMCA-Press, 1986. Первая опубликованная книга Ольги Седаковой.

687 «Смелый рыбак. Крестьянская песня» из книги О. Седаковой «Тристан и Изольда» (Седакова, 2010. Т. 1. С. 160–161).

Я буду с вами недолго, ночь с четверга на пятницу коротка, рано кончается, и весна той Пасхи коротка, тоже кончается, он быстро уходит, и река — «река времен в своем течении уносит все дела людей», господин отдает всё свое, что ему больше нечего и отдать; но

— Возьму я цепь, мой господин,
а перстень не возьму:

Цепь и господин рядом, они предполагаются друг другом; брачный перстень оставляется господину, чтобы он пришел, вернулся. Об этом возвращении снится сон,

какой-то снег и дым,

и об этом возвращении поет птица, душа, бьется в клетку,

... какая-то птица поет,
будто бьет она в клетку, не ест и не пьет.

Загадочное название: смелый рыбак. Он, уловитель душ, человеков, уходит в лодке, не боится, что его лодку унесет; он не боится, потому что остается душа, которая взяла его цепь и не взяла его перстень, т.е. *он не может не вернуться*, пока та птица его ждет и не ест и не пьет.

Почему признание и не сразу: очень долго требуется людям убедиться, что их редукции не работают.

Присматривание, слои иронии на иронии; вслушивание в слово.

Золотая труба ⁶⁸⁸

Над просохшими крышами
и среди луговой худобы
в ожиданье неслышимой
объявляющей счастье трубы

(засуха, голод, поэтому чего и ждать, как не полного счастья)

всё колеблется, мается
и готово на юг, на восток,
очумев от невнятицы —
то хлопок, то свисток, то щелчок

(мятущийся крестьянский мир, хлопок выстрела, свисток зовущий, щелчок останавливающий)

688 О. Седакова. Золотая труба. Ритм Заболоцкого // Седакова, 2010. Т. 1. С. 264–265.

Но уж — древняя ящерка
с золотым светоглазом во лбу —
выползает мать-мачеха,
освещающая судьбу:

(человеческое кончается, в суши в голоде не мать, а мачеха, древняя ящерка, сухой огонь)

погляди, поле глыбами, скрепами
смотрит вверх, словно вниз
и крестьянскими требами
вдруг себя узнаёт. Объявись!

(Крестьянские требы о даровании дождя. Помрачение. Вверх, словно вниз, идут молитвы как бы самого поля, которое узнаёт себя самого в крестьянских требах. Слово и глыба давно переплелись, слово стало скрепа поля, которое словно прошило молитвой. Как же после такого очеловечения поля не объявиться золотой трубе.)

Объявись, ибо сладко, я думаю,
разнестись, как сверкающий дым,
за ослепшей Фортуною,
за ее колесом золотым —

(Объявится просто потому, что сладко разнестись звукам трубы, сочным-дымным и сверкающим, почему и не разнестись, если всё перепутано, верх-низ. Фортуна ослепла и колесо ее золотое неясно, куда катится — но катится, потому что всё равно, как в мире, а звезды ходят своими ходами.)

что ослепнет, то, друг мой, и светится,
то и мчит, как ковчег
над ковшами Медведицы —
и скорей, чем поймет человек.

(Там, так высоко, спасшийся ковчег, над звездными водами — сказочный, золотым колесом, ослепшим, сияющим: поскольку слеп и, значит, его уже не гасит зло — то и сияет; и следом тому сиянию труба Заболоцкого.)

Там-то силой сверхопытной —
соловей, филомела, судьба —
вся из жизни растоптанной
объявись, золотая труба!

Выступление на презентации двухтомника Ольги Седаковой 5.2.2002⁶⁸⁹

В ранних стихах двухтомника, на страницы первого тома которого я буду ссылаться, смелость и готовность рисковать очень велики, настолько, что война против целого мира не исключается, скорее наоборот, предполагается. Она даже отчетливо объявлена, как например на с. 364, где Я приравнено к жизни и одновременно к непростенью.⁶⁹⁰

Рядом с этим восстанием и связанное с решимостью на риск в ранних стихах есть другое, противоположное желание опоры на надежное. Но когда движение, как в стихах, на которые я сейчас сослался, «Я жизнь в порыве жить» на с. 364, хочет быть вихрем, сквозняком, то надежную опору оно может искать только в самом себе. Оно доверяет мгновенным искрам, ничему другому, и прочности ищет только в еще большей скорости, надеется исключительно на сцепление искр, на поддержку движения самим движением. Опора порыва на самого себя подчеркивается этимологическими фигурами, которых в трех коротких строфах, если считать повторы, пять. Такие обороты речи, как «погоня за гоненьем», предполагают успокоенность в быстром движении от самой быстроты этого движения.

Воля к закреплению порыва показывает, что пишущий занят каким-то строительством. Оно происходит в невидимом и имеет не прямое отношение к составлению стихов. Перед нами по-настоящему таким образом не стихи. В них записываются те слова, которые не мешают ведущейся основной работе и обозначают ее условно, как пунктиры для себя.

689 Выступление на презентации двухтомного издания: О. Седакова. Стихи. Проза. М.: Эн Эф Кью/Ту Принт, 2001. Презентация проходила в Библиотеке Иностранной литературы. Председательствовал (как заведующий Залом религиозной литературы) священник Георгий Чистяков. Кроме В. В. Биbihина выступали Б. Э. Гольдман (издатель), Н. Л. Трауберг, А. И. Шмаина-Великанова, Мари-Нозль Пан, Б. В. Дубин, Иван Жданов. (ОС)

690 *Я жизнь в порыве жить.
Из горла закипая,
побегом выбегаю
к живым в порыве жить.*

*Сквозняк за рукавом.
Я с верхнего регистра
качу, цепляя искры
в растущий острый ком.*

*Играет угольком
погоня за гоненьем.
Я жизнь. Я непростень
в порыве жить живом.
«Я жизнь в порыве жить...» //*
Седакова, 2010. Т. 1. С. 20.

Какое-то дело разворачивается и не там, где складываются слова, и даже не там, где расположены душа и подобные вещи. Всё человеческое скорее испугано тем, как разворачивается дело, о чем читаем, например, в ранних стихах на с. 383, где о душе сказано, что она ни жива ни мертва и с трудом выносит большие вещи, открываемые видением.⁶⁹¹ Типографский прием оставлять при публикации поэтов часть полосы пустой, — прием, наверное, не обязательный в случае, когда пишущий докладывает в словах всё то, что имеет сказать, — здесь, в этой книге, оставленные пробелы хорошо напоминают, что главное происходит без словесного описания.

Какое-то дело делается без пояснений. Слова им задеты так, как в старом символе ветер иногда задевает музыкальный инструмент, и он согласно звучит, если конечно не расстроен.

Из-за того, что слова этих стихов призваны не столько описать, сколько не сорвать идущую работу, тексты их закрыты. Имена вещей и лиц, втянутых в работу, не разглашены. Работа идет с незапамятных времен, когда она — в раннем детстве — вообще не могла быть понятной, но и тогда шла и теперь под знаком обязательности. Выбора путей, вариантов здесь нет, потому что единственная желанная свобода — это свобода поступить правильно.

Таким образом, не человек выбрал тут себе дело, а дело выбрало человека рано. В стихах 1973 года на с. 385, где вспоминается о посетителях в детстве,⁶⁹² — параллельное воспоминание в стихах «Детство»⁶⁹³ на с. 366, — посетители приходят как птицы неизвестно откуда, говорят непонятно что, обещают неопределенное. Посетители вестники, которые сами не знают, чего они вестники и для чего несут весть. Как странно появились, они и растворяются, исчезая в веществе. Но то, что они, появившись, таким невнятным образом поручили, необходимо надо теперь выполнять. Уже ни вспомнить, ни забыть их сообщение нельзя.

691 *И стонет душа, ни жива, ни мертва
стыдась чародейства, боясь торжества.
«Когда говорю я: помилуй! люблю...» //*
Седакова, 2010. Т. 1. С. 31.

692 *В двух шагах от притворенной
двери в детскую, за щель
шепчут стайкой оперенной
в крыльях высохших плащей.*

*Что ни скажут, позабудут.
Чем сулятся, не поймут.
Вместе выйдут, ливнем будут.
Только слова не возьмут.*

*И стоит оно слезами
изголовья моего:
словно ангелы сказали,
не запомнив, для чего.
Гости в детстве //*
Седакова, 2010. Т. 1. С. 32.

693 Седакова, 2010. Т. 1. С. 22.

Стихи, всегда служебные по отношению к делаемому делу, строятся как гнездо для важных целей из подручного вещества, из лютого сора, который склеивается особым своим клеем. Чтобы служить главному делу, гнездо должно быть неприметным, как сказано, не мешать своему назначению.

Структура гнезда, каким служат стихи, нужна, чтобы живое не распалось и сохранилось. Что бы ни было завещано ранними посетителями, весть задевает тело и проходит через него, как сказано в ранней балладе или небольшой поэме «Тень», где на с. 399 передано воспоминание о еще гораздо более раннем времени:

Еще тогда я видела ее.
Она могла мне быть сестрою старшей,
но слаще и опасней. С первых слов
я поняла, что больше мне не жить
среди моих ровесников, что больше
удачи в жизни мне не увидеть.

— и особенно то, что сказано дальше.

Стихи служат напоминанием о ранних посетителях, как в вещи под названием «Зимняя музыка» на с. 406 важно, чтобы гонец не простоял у входа неопознанным, чтобы его не приняли всерьез за того, кем он только прикидывается, например морозной зимой или музыкой Шуберта. Пока он прячется в этих и подобных видимостях, он медлит у входа, и двери не открываются.⁶⁹⁴

Быстрота движения, желанная и названная в ранних вещах, объясняется пониманием, что все главное происходит со скоростью взгляда. Так в картинке «Актеон»⁶⁹⁵ на с. 422–423 в мгновенный про-

694 <...>

И, старой беседы неловкий наследник,
на трезвости ловит меня собеседник.
А Шуберт играет на трубах соседних.

Стучит отморозженный клавиш. На пальцы
я дую, и всё не хочу догадаться
о том, кто, наскучив бесплотьем и плотью,
гонцом в музыкальных немецких лохмотьях
прикинувшись, медлит у входа — и вот,
как в двери из двери, в бессмертье ведет.
(1975)

695 Когда, раздвигая языческий лес,
охотница выйдет на воздух открытый,
и тени сбегают, как влага с небес,
и время шуршит под подошвой разутой,
спроси, как душа ее в своре неслась,
как кровью влюбленной земли напилась.

Светлее, чем камень со дна родника,
поднимет глаза уберегшейся лани,
и запах черемухи и ивняка
раскроется в ясной ладони румяной:
Я помнить не помню и знать не могу,
кто смерть с обладаньем связал на бегу.

Пускай времена нагоняют тебя
и ревность кипит, как охотничья свора,
затем, что, копье для броска отведя,
ты с жертвой таким обменяешься взором,
что кровь ее сможешь, с водою шутя,
как будто умоешь чужое дитя.
Актеон // Седакова, 2010. Т. 1. С. 53.

межуток времени успевает произойти достаточно, чтобы наполнить событием целую жизнь. Поведение богини в рассказе естественно должно было бы растягиваться, но такого впечатления не создается.

Взгляд, едва начавшись, на лету, если можно так сказать, или еще быстрее каменеет, необратимо падает в вещество. Некуда таким образом глядеть иначе как в тупик, в конец. Встреча взглядов происходит как мгновенная растрата жизни. Остановить или замедлить взгляд, чтобы он не тонул так быстро в видимом, невозможно, как рассерженная богиня не успеет остановить превращение охотника в дичь, на которую набросится свора его собак. Спасение в том, чтобы остаться при взгляде, не расставаясь с ним. Для этого нужна особая быстрота. Взгляд, не затухающий в веществе, сохраняет свою открытость.

В «Четвертой эклоге» на с. 425–426, тоже из ранних стихов, то, вокруг чего всё, к чьему лицу направлены все взгляды, остается без имени.⁶⁹⁶ Только кажется, что в более поздней вещи, на с. 20, то же, срединное, получает имя. При внимательном чтении и этой вещи тоже, под названием «Дикий шиповник», то, что важнее и ближе всего, подчеркнуто оставлено без имени. «Тот, кто тебя назовет...» звучит с вызовом: найдется ли такой человек.⁶⁹⁷

Если таким образом главное имя неизвестно, все другие имена тоже попадают под подозрение в том, что они не называют сути. Когда имена с мира сняты, то отменяется и его карта, и его календарь. Привычного метрического пространства там, где происходит работа этой поэзии, не оказывается. Выступление безымянного происходит как касание в полной темноте.

Отсутствие метрики однако не означает, что ориентиров нет вообще. Неметрическое пространство размечено, как в «Легенде шестой» на с. 22, такими неложными и опознаваемыми вещами как сила, величина, и также само движение.⁶⁹⁸ Величина, тоже не ме-

696 Нет имени на языке моем.

Нет имени, закрытого, как сердце,
как сердцевина сердца: тайный дом,
где мог бы ты вздохнуть и обогреться.
Бездомен ты на языке моем. <...>

697 Ты развернешься в расширенном сердце страданья,
дикий шиповник,

о,

ранящий сад мирозданья.

Дикий шиповник и белый, белее любого.

Тот, кто тебя назовет, переспорит Иова. <...>

Дикий шиповник // Седакова, 2010. Т. 1. С. 59.

698 <...>

и видит: зеркало живое,
крылатое, сторожевое,
журча, спускается к нему —
и отражает ту же тьму,
какую он борол. Но в нем,
в дыханье зрячем за стеклом,
она — как облако цветное,
окружена широким днем.

Так чья-нибудь душа живая
не вытерпит прямого дня,
и, горе горем прикрывая
и слово словом заслоня,
тьму путевую соберет
вокруг себя — и в ней пройдет.

И в ней огонь его горит.

И свет, как притча, говорит.

Легенда шестая // Седакова, 2010. Т. 1. С. 62.

трическая, осознается как величие. Кроме того, пространство размечено разницей тьмы, с одной стороны, и дня, с другой. Ночь может быть при этом светлой, а свет может быть наоборот тьмой, но тьма и день не сливаются, хотя и перепутываются. Они только предъявляют больше требований к зоркости взгляда для их различения. Различие между ночью и днем становится только ответственнее оттого, что оно не календарное. Обе цели, величие и свет, соединяются в «Предпесне» на с. 35 в «огромный свет».⁶⁹⁹ Названные ориентиры, понятые не метрически, особенно если они сливаются в одну цель, создают определенную направленность движения.

Провал и конец поджидают при таком движении в каждое мгновение, как сказано, т.е. с каждым взглядом может быть непоправимая ошибка в различении между днем и светом, тьмой и ночью. В «Странном путешествии» на с. 36–37 сбившееся зрение, которое повело себя как кривое зеркало, сбивает с толку, тянется к белому ложному свету, от которого спасает только инстинктивный туман в глазах.⁷⁰⁰ Не глядеть разумеется невозможно, даже через закрытые глаза.

699 <...>

*тогда, огромный свет держа перед собой,
мы медленно пойдём, предварены тобой.*

700 Так мы и ехали: то ли в слезах, то ли больно от белого света.

*Я поглядела кругом, чтоб увидеть, как видимо это.
— Так, как душа твоя ноет и зрение хочет разбить —
зеркало злое, кривое, учившее вас не-любить.*

Так и узнала я, с кем мне положено быть.

*Друг мой последний и первый, невиданный, лишь напряженье
между желаньем и ужасом, только движенье
к гибели, гибнуть когда не желают и гибнут, ища продолженье
в этом лице, — терпеливо оно, как растенье.*

Сердце сердец, погубивших себя и влюбленных в спасенье.

*Мы проезжали поля, и поля отражали друг друга,
листья из листьев летели, и круг выпрямлялся из круга.
Или свиданье стоит, обгоняющий сад,
где ты не видишь меня, но увидишь, как листья глядят,
слезы горят,
и само вещество поклонится,
что оно зрением было и в зреньё вернется.*

*Поезд несется,
и стонет душа от обличий,
рвань раздвигая живую, как варварский, птичий,
страстный язык, чтобы вынуть разумное слово...
Ты ведь уже не свиданье, не разрывание круга цветного.*

*Буду я ехать и думать в своей пустоте предсердечной,
ехать, и ехать, и плакать о смерти моей бесконечной...
Странное путешествие // Седакова, 2010. Т. 1. С. 76.*

Как быть, если свет обманывает. Тогда провал неизбежен, и женское существо держится только терпением и верностью выбору между тем, где не положено, и тем, где положено быть. Верность чему-то другому, как человеку, подвела бы и человека и верящего. Не ошибется верность спасению их обоих.

Взгляд успевает быть так рано, что всё вещество, и то, из чего вещи, и сами вещи, не могут быть быстрее его и появляются после него, поэтому вещество должно признать своим началом взгляд, как на с. 36.

Одно из достоинств этой книги в двух томах — расположение по времени. Мы можем видеть, как в 1986 году, в нашем году спокойствия, возник образ рая, или детства, это книга «Китайское путешествие», 20 страниц с 267-й по 286-ю. И если здесь нет какой-то ошибки, то, однажды среди сквозняка и вихря, в узком проходе между гибелью и спасением, разглядев рай, поэт уже с ним расставаться не захотел. Всё, что делается с тех пор, показывает, что пространство без метрики, в котором продолжается невидимая работа, кроме таких масс как цвет и величие, оформилась еще одна цель, своя страна.⁷⁰¹

Перемежение тьмы и ночи стало менее лихорадочным и обозначалась — именно в меру основательности всей работы до сих пор — такая вещь как успех, не в смысле одобренного результата, а в смысле возможности иметь целью успех, понимание его реальности.

Пространство, оставаясь неметрическим, обставляется недвижимостью, имеющей надежный тысячелетний характер. Ни порыв, ни взгляд, ни перемежение тьмы и дня такого свойства еще не имели. Теперь не только свет, а уже своя страна просвечивает через лохмотья вещества, как в духовном стихе на с. 297.⁷⁰² Теперь впервые можно ожидать называния имен, хотя конечно не сразу, по мере закрепления недвижимости. Об этой новой оседлости не приходится жалеть, даже высоко ценя прежний порыв. Новая приобретенная оседлость, как вообще пространство без метрики (а имена

701 *И меня удивило:
как спокойны воды,
как знакомо небо,
как медленно плывет джонка в каменных берегах.*

*Родина! вскрикнуло сердце при виде ивы:
такие ивы в Китае,
сmyвающие свой овал с великой охотой,
ибо только наша щедрость
встретит нас за гробом.*
Китайское путешествие. 1 //
Седакова, 2010. Т. 1. С. 327.

702 *Старец из пустыни Сенаарской
в дом приходит царский:
он и врач,
он и перекупщик самоцветов.
Ум его устроив и разведав,
его шлют недоуменный плач
превратить во вздох благоуханный
о прекрасной,
о престранной
родине, сверкнувшей из прорех
жизни ненадежной, бесталанной,
как в лачуге подземельной смех.*
Варлаам и Иоасаф //
Седакова, 2010. Т. 1. С. 351.

принадлежат неметрическому пространству) — это общее достояние, и если оно начинает быть обставлено и устроено, то тоже для всех.

В новом пейзаже, возникающем после 1987 года, переменение темноты и дня становится менее беспокойным, хотя и остается быть. Свечение ночи становится отчетливее, белый свет меньше обманывает, чаще разоблачает себя.

Земля, среди новой недвижимости, главная и самая надежная. В отличие от вещества прежнего периода, на нее можно опереться. Насколько переменение света-тьмы было подвижным, настолько вся новая недвижимость сама по себе надежно светлая.

Теперь уверение, что оседлость будет брошена без всякого сожаления при новом зове, как снова обещано на с. 298,⁷⁰³ надо понимать уже в смысле воспоминания о прошлой решимости и как часть нового пейзажа? Вещи последнего десятилетия должны подтвердить это или опровергнуть.

Забота об устройстве не идет без тревоги за новое владение. Но ее перевешивает уверенность, что по крайней мере главную недвижимость, землю, уже никто не сможет переместить, и тогда не всё обязательно «раскидает дикий вихрь», как обещано на с. 304 в стихах «Все труды».⁷⁰⁴ В стоящем рядом стихотворении на с. 306 та же, прежняя, решимость на войну теперь имеет себе и знамя, стало быть имя, и отечество.⁷⁰⁵

Но вместо того, чего можно было опасаться, расставания с новой недвижимостью и продолжения войны без фронтов в неопределенности, основная недвижимость, земля, получает себе другой непод-

703 Но любого озаренья
и любого счастья взгляд
он без сожаления оставит:
так садовник садит, строит, правит —
но хозяин входит в сад.
Скажет каждый, кто работал свету:
ангельскую он прервет беседу
и пойдет, куда велит.
Там же. С. 352.

704 Седакова, 2010. Т. 1. С. 359.

705 <...>
Или чтобы над смертью многочисленной
трамплин подбрасывал один —
вы думаете, мы за взгляд единомысленный
любое небо отдадим?

И стоят, исполняя присягу,
вызывавшую из зерна:
есть отчизна, подобная стягу,
и она до конца, как война.

И ветер, выпрямившись, режет в полосы
какой-то лампы редкий круг
и возвращает им украденного голоса
тепло и шум, и кровь и звук.

— Отец, ты видишь, всем чего-то надо.
Мне нужно милости твоей.
Или лежать, как рухлядь листопада
непроницаемых корней.
Деревья, сильный ветер //
Седакова, 2010. Т. 1. С. 361.

вижный полюс, такой далекий, что в промежутке между двумя может поместиться уже всё. Топика, обозначенная полюсами земли и звезд, о которых говорится в важном тексте на с. 307,⁷⁰⁶ окончательно закрепляет надежность мира, поднятого против метрического и *способного занять его место*. Это событие, опять же важное для всех нас.

Как недвойственное, необоротническое свечение земли в конце 1980-х годов, так теперь сияние звезд недвойственно. Они не могут оказаться темнотой, тогда как в метрике всё наоборот оставалось не-исправимо двусмысленно.

В метрическом пространстве, на карте и в календаре, расставание обязательно или во всяком случае грозит, среди бела дня. Новая топика, всё более уверенная с конца 1990-х годов, устроена иначе, так, что уверенно можно говорить: расставания не будет, «мы не расста-немся» в поздней «Колыбельной» на с. 311.⁷⁰⁷

Необустраиваемая в принципе метрика, раньше мешавшая гля-деть, теперь становится обозримой, с. 312,⁷⁰⁸ и не такой страшной, с. 313.⁷⁰⁹ Появляется возможность говорить о прочном успехе. Победа, которая с самого начала угадывалась экстатически, теперь ожидает-ся с большей уверенностью, «нашу богиню несут — Музу Победу»,⁷¹⁰ — по мере того, как метрический мир, рассыпаясь на вещи, «теряет вид», с. 315.⁷¹¹

706 В неизвестной высоте небесной,
там, где некого искать,
звезды движутся шеренгой тесной,
продолжая влекать —

словно лезвия, полозья
их сияния обнажены —
в то, что слышат прежде всякой просьбы,
прежде всякой тишины.
«В неизвестной высоте небесной...» //
Седакова, 2010. Т. 1. С. 362.

707 <...>
мы не расстанемся.
В окне лицо мелькнуло.
У входа нужно обувь снять.
Звезда вечерняя нам руки протянула,
как видящая и слепая мать.
Колыбельная // Седакова, 2010. Т. 1. С. 371.

708 <...>
И от родины сердце сжималось,
как земля под полетом орла,
и казалось не больше земли — и казалось,
что уж лучше б она умерла.
Деревня в детстве //
Седакова, 2010. Т. 1. С. 373.

709 <...>
Ливень не зальет,
и ветер не задует,
не затопчет человек.
И не так он страшен, как малюют,
этот мир и этот век.
Памяти отца Александра Меня //
Седакова, 2010. Т. 1. С. 374.

710 <...>
С этим-то звуком смотрят Старость,
Зима и Твердь.
С этим свистом крылья по горячему следу
над государствами длинными, как сон,
трусливыми, как смерть,
нашу богиню несут —
Музу Победу.
Элегия осенней воды //
Седакова, 2010. Т. 1. С. 380.

711 <...>
мир, рассыпанный на вещи,
у меня в глазах теряет вид:
в пламя, в состраданье крепкое, как клещи,
сердце схвачено и блещет,
как тот куст: горит и не сгорит.
Хильдегарда // Седакова, 2010. Т. 1. С. 356.

Как повторение пройденного пути, как обзор всей жизни, эти темы повторяются в жизнеописании поэта на с. 317–322. Об утра-
тах дает право вспоминать знание, что не прекращается уверенный
костер такого служения, которое одновременно праздник, как на
с. 321.⁷¹²

То, что из поднявшегося таким образом неподвижного мира не
делается никаких попыток примирения с метрическим расписанным
пространством, скорее обнадеживает. Постоянство продолжающейся
работы дает уверенность. Что и из метрики, пока она остается при-
кована к своему свету, в новый мир тоже нет пути, как уверенно го-
ворится на с. 324,⁷¹³ принимаешь как неизбежность, не обязательно
трагическую.

712 <...>
и над всю потравой,
на долинами слез
— О Господи, слава
Тебе — занялось! —
он встает на колени,
словно сердце царей,
дым благословенный
земных алтарей.
<...>
Что чище того,
что сгорело дотла?
что бездне нет дна и
звездам нет числа...
Памяти поэта //
Седакова, 2010. Т. 1. С. 395.

713 <...>
Доналд,
сердце мое жестоко,
как земля, по которой прокатили тяжелые танки:
если что на такой взойдет, то не скоро,
лет через двести.
Ваши слова
о том,
что всё устремляется к неотвратимому миру,
как река — к океану,
что всё
изменится и простится,
впадая в общую воду,
в бездну милосердия,
о которой мы знаем, —
Ваши слова не проникнут в него глубоко.
Убитой земле
нечем принять и выхаживать себя.
Письмо // Седакова, 2010. Т. 1. С. 404.

Речь на вручении Ольге Седаковой Премии СолженицынаДом русского зарубежья (Таганка)⁷¹⁴

15.5.2003, 15.00

Об Ольге Александровне Седаковой говорить и нельзя, и обязательно нужно. Дар и дарение ведут того, кто никогда не хотел ценить ничего другого кроме них, одним прямым путем. Складывается жизнь в основном без исканий, без выбора, без установок и значит без сменны их, в верности позвавшему призыву. Прямота помогает иметь столько силы, сколько надо при сопротивлении, немало. Собственно, поэта ведет сумасшедшая послушность тому, чего не слышит никто и чего он сам раньше не слышал — послушность тому, что надо расслышать.

В стране, говорящей по-русски, решающим знанием народа остается поэзия. Мы можем положиться на ее абсолютный слух. Мало можно было ожидать в последние годы, при растущем распаде общества, от слова. Слово поэта потому далеко и звучит в пустоте, что хочет собрать всех. То, что оно есть и звучит, обещает соединение. Здесь идет работа общего разума.

Работа предполагает дисциплину. Замечательная особенность: нигде, начиная от самых ранних стихов, мы не видим Ольгу Седакову в просто глядящем, наблюдающем повороте. Ежеминутно, непрестанно она занята старательным служением. Ей вообще не знакома поза наблюдателя, не участника.

Нигде в расписанном пространстве настоящую работу не видно. Она раздвигает пространство, возвращает простор. И праздник, который устраивает поэзия, похож на вселение в новый дом. Раздвижение пространства дорого потому, что уже казалось, что жить совсем нигде.

Строительство идет неприметно, невидимо, настойчиво. И как в самом начале, так и теперь дела, единственного, много, оно захватывает. Но ни разу, нигде ни одной нотой Ольга Седакова не раздражила читателя, не толкнула его, из уважения к нему не наблюдала за ним, не разгадывала его загадок. Она умеет задеть не задевая и тронуть не трогая. Она как тот долгий дождь из ее позднего стихотворения «Дождь», который идет, идет, ни к кому не стучится.⁷¹⁵

714 Церемония происходила еще в первом здании Дома русского зарубежья. Премия вручалась двум поэтам: Ю. Кублановскому и мне. (ОС)

715 Седакова, 2010. Т. 1. С. 399.

Постучаться к читателю и невозможно для существа связанного, со скованными руками, которому невозможно никуда бежать, уйти. Человек врастает в место своего служения так прочно, что ускользнуть уже может только оставив тело.

Жизнь втягивается в свое строительство рано, естественно и так же не для себя, как не получается сказать о корнях и траве, что они работают на себя, или что голодая от скудости земли они начнут искать другую чем свою работу. Она хотя и не на себя, но своя и возвращающая всё своему. Мы удивляемся, как Ольга Седакова создает не метафоры, рифмы и образы, а возвращает нам вещи такими, какими мы их не знали; нам казалось, что они другие. Правда ее, потому что мы не умели так превращаться во всё как она, так чтобы даже не оставаться с вещами наедине.

Можно и надо сказать о том, кто устроил сегодняшний двойной праздник, создав и это важное событие, и укрепляя им чувство уверенности общества. Александр Исаевич Солженицын показывает достойное — и единственно достойное — отношение к соплеменникам: тратить ради них, поддерживать среди своих дух настоящего союза и общего дела.

В.В. Бибихину

Кто любит слово, тот его и знает,
кто любит звук, тому он и звучит:
как в алмазном луч, петляет и бряцает
внезапным росчерком ирид.

И в светлом облаке звучанья
его вознаградит сполна
царей и царств земных напрасное мечтанье,
возлюбленная тишина.

В.В. Бибихин. Мир. Прощальное слово

Владимир Вениаминович на крыльце дома, который он сам в одиночку построил, в летней темноте, со скрипкой. Владимир Вениаминович за рулем в своей уже почти самодельной машине. Среди мальчиков: «Господа! кто идет за водой?» Владимир Вениаминович в больничной постели после операции, с томиком «Илиады» по-гречески. Обрадованный и радующий голос в трубке: «Ольга Алекса-андровна?»

Эпизоды «из жизни» вспоминаются первыми — раньше, чем сочинения и мысли. Владимир Вениаминович был предан философии, которую многие профессиональные философы (собственно говоря, историки философии, критики и аналитики разнообразных готовых философских систем) сочтут «уже невозможной» — философии, которая есть образ жизни, место жизни, есть наше присутствие в мире, так, как это было для Сократа или Киркегора.

Мир — быть может, главное слово мысли Бибихина.

Мы еще не знаем этой мысли во всем ее размахе: очень многое из того, что он писал, до сих пор не опубликовано, опубликованное не обдуманно читавшими и не объединено в целое. Ведь предметы его мысли так разнообразны, так, по всей видимости, далеки друг от друга: кто еще мог бы писать о Паламе — и о Беккете, о петровских реформах — и о санскритских гимнах, о Макарии Египетском — и о Витгенштейне: писать не только с большим знанием дела, но *не меняя голоса*? И сама его мысль, и пути ее изложения слишком далеки от наличных дискурсов — и от «научно-философского», «предметного», и от журналистского размышленчества, затопившего всё в последние десятилетия. Даже неожиданное слово Мераба Мамардашвили легче идет навстречу читателю, проще смыкается с нашими привычками понимания: ага, вот постулат! Если у Бибихина есть постулаты, то это постулат недоумения и постулат ускользания, речь его никогда не доходит до той точки, где ее можно ухватить, сделать формулой и затем успешно «применять». Кажется, что он просто дал обет никогда не произнести такого применяемого слова. Еще не отыскано самое приблизительное определение для его мысли. Что это: русская феноменология? Сам он в разговорах порой давал понять, что относит свои занятия к богословию: но к богословию в том смысле, в каком об этом говорят, рассуждая о Хайдеггере. К богословию в античном смысле, к богословию Начала, о котором еще ничего не решено.

К нынешнему моменту мы совсем не готовы обсуждать это. Встреча с мыслью Бибикина только начинается. Начинается его другое присутствие. Первое кончилось.

Голос Бибикина услышали поздно. Вплоть до конца 80-х годов его знали как виртуозного переводчика сложнейших авторов: Кузанского, Паламы, Ареопагита, Хайдеггера, Витгенштейна. Собственные труды дожидались своего времени. Древние и новые языки он знал превосходно. Язык, слово составляли постоянный предмет его мысли. Одним из главных, определяющих людей своей жизни он считал нашего великого лингвиста А.А. Зализняка. Затем — Сергея Сергеевича Аверинцева. В позднейшие годы он продолжал переводить: большой том Ханны Арендт, новые переводы из Витгенштейна и Хайдеггера. И издавал книгу за книгой: «Язык философии», «Мир», «Узнай себя», «Новый Ренессанс», «Слово и событие», «Другое начало», «Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев». Часть этих книг написана на основе курсов, которые он читал в Московском Университете с 1989 года, и выборки из дневников, которые он вел непрерывно. Еще многие курсы остались в рукописи. Лекции Владимира Вениаминовича были событием; его воздействие на слушателей было огромным, почти магическим. Те, кому довелось в юности слушать эти его беседы, я думаю, никогда уже не освободятся от этого опыта вопрошания вещей, от категорического императива «неопертости», то есть принятого на себя риска выяснить всё с самого начала, на очной ставке с собой и миром, не прячась за готовые решения, определения, классификации, начиная с точки полного неведения, «амехании» (недоумения) и в качестве познавательного инструмента избирая только собственную чуткость.

Как все мы, выросшие в крайней несвободе идеологического государства, Владимир Вениаминович страстно любил свободу. Само собой разумеется, из этого следовал его неконформизм, порой вызывающий и куда более обширный, чем, скажем, у Сергея Сергеевича Аверинцева. Он держался совсем в стороне от внешнего успеха, от всякой формы этаблированности. Ему нужен был другой успех (производный от глагола «успеть» во всех его значениях) — тот успех, к которому направлен мир, которого ищет природа: успех как исполнение задания, попадания в свое место в мире и в свое время. Место человека, *узнающего себя*. Это место было связано для него с каждым моментом жизни. Этим местом был его дом, его необыкновенная семья, Ольга, дети. Этим *своим* местом в мире была для него Россия — я думаю, самая глубокая его любовь.

Мир, с которого я начала вспоминать его, он мыслил во всей широте значений этого русского слова: мир-согласие; мир-общество; мир-мироздание. Его философия начинала по существу большую апологию мира, апологию вещества, своего рода космодицею, хронодицею, зоодицею. В свои оправдания здешнего он включал не только то, что могут сообщить о нем гуманитарные науки, поэзия, живопись, музыка, но и современная физика, математика, астрономия, биология.

Человек, вырывающийся на свободу из тесноты, обычно видит свободу как возможность несогласия, отказа, сопротивления, битвы, как возможность ухода. Владимир Вениаминович знал другую, глубокую свободу: свободу согласия, принятия, прихода, возвращения — свободу мира. Покой этой свободы держится на том, что есть реальность, которая не нуждается в легитимации, которая ее не требует. Она и так *есть*. Подуманная мысль уже есть. И будет. «Поэт пишет в генах», говорил он.

— Всё пройдет. Всё будет хорошо. — Вот последние слова, которые я от него слышала за несколько дней до кончины. И быть может (вспоминая разговор о философии и богословии), его мысль была обширным истолкованием завещанного нам приветствия: «Мир вам!»

декабрь 2004

«Всё настоящее редко»

Слово при вручении премии «Философская книга года»

Москва, 2 октября 2008 года

«Всё настоящее редко», говорил В. В. Бибихин. И помолчав, продолжал: «Очень редко». Это правило на все времена. Это не вопрос количества: много или мало настоящего. В любом случае оно редко. Редкость входит в самый его смысл, в его форму. Мы всё в нем чувствуем как редкое. Самые настоящие, редкие вещи мы знаем по именам: алмаз Кохинор...

Но когда вокруг стоит такой производственный шум и фабрика культуры заваливает все прилавки своей бесперебойной продукцией, может показаться, что настоящее не просто редко, а его и вообще нет, не бывает и быть не может (или так: когда-то оно бывало, а теперь уже не может быть), так что и само различение настоящего и имитации — иллюзия, которую давно пора деконструировать. Таков климат нашей интеллектуальной эпохи.

«Люди чутки», — это тоже слово В. В. Бибихина. Люди прекрасно отличают настоящее (или *совсем* хорошее, что, в общем-то, одно и то же: ведь слова В. В. Бибихина — эхо латинской пословицы о прекрасном: *Omnia praeclara rara*). Отличают там, где им это нужно — и без особых инструкций и рецептов. «Настоящее вино!» Тот, кто так же заинтересован в мысли или в поэзии, как в вине или в чем-то, что ему очень дорого, так же мгновенно и не задумываясь отличит настоящее. Суждения вкуса моментальны (Гадамер) — также и этические суждения. Для этого не обязательно быть гением или великим экспертом — нужно только *нуждаться* в настоящем. В нашем случае — в настоящей мысли.

Я счастлива, что сегодня мы выражаем нашу признательность *настоящей мысли* В. В. Бибихина. Такие авторы и такие люди редко — очень редко — получают широкое публичное признание. Это не значит, что они неудачники. У них есть другой успех. В. В. Бибихин любил слово *успех* (от глагола «успеть») и относил его к природе. Природа всегда успешна.

Относительно мысли: настоящая мысль свободна, это как будто само собой разумеется, это ее *sine qua non*. Но у нее есть и другое свойство: она автономна, то есть, в ней есть свой закон. Она движется по собственному закону. Она сама себя учит (любимая Бибихиным тема *автомата*, *automathos* греч.). Со стороны это движение может

показаться причудливым, даже капризным, и уклончивым (elusive). Настоящая мысль не идет туда, куда мы ждем, она не отвечает на наши вопросы, она не приводит нас туда, где мы скажем: «А, теперь ясно! Теперь от слов к делу». С *настоящей мыслью* такого не получится, никаким «делом» («от слов к делу») или выводом ее не исчерпать — если только не поставить ее с головы на ноги, как Маркс сделал с Гегелем (и как, по мнению В.В. Библихина, французский постмодернизм поступил с Хайдеггером). С такими переворачиваниями В.В. Библихин никогда не примирялся. Настоящая мысль — не переворот (révolution), она несет мир.

Эта мысль занята новым — но таким новым, которое не отличается от старого. «Мое учение о цвете старо, как мир, и поэтому с ним ничего не сделаешь» (Гёте).⁷¹⁶ Старо как мир — значит и: ново как мир.

Мир — главное слово В.В. Библихина. С утратой *мира* (и значит, присутствия) начинаются все переворачивания и другие манипуляции, которыми *вместо* мысли занят философствующий журнализм и «эффективные менеджеры». Речь там идет о власти: о приобретении власти, или же о разоблачении власти. Мысль мира не имеет в виду такой власти, понятой как некая вакансия, которую нужно занять. Настоящее рождается вместе со своей властью. «Беда в том, — весело продолжал он (Гёте в записях Эккермана),⁷¹⁷ — что думаньем думанью не поможешь. Надо, чтоб человек от природы был таким, каким он должен быть, и добрые мысли сами предстанут нам, как вольные дети Божии: „Мы тут!“». «Добрые» в простом смысле, «не злые» — но и в смысле: хорошие, годные, настоящие. И «быть каким ты должен быть» и «хорошо мыслить» означает «присутствовать». Словом *присутствие* — нормальным, не «философским» русским словом В.В. Библихин передал *Dasein* Хайдеггера.

Мартин Хайдеггер и Людвиг Витгенштейн (книге о Витгенштейне, текст которой он сверял в последний вечер своей жизни, и вручается наша премия) — главные спутники В.В. Библихина и его собеседники. Переводя философские и богословские тексты (а сколько он их перевел, и самых головоломных!) и размышляя о них, В.В. Библихин не становится историком философии. Он и не «актуализирует» их. И, упаси Боже, не деконструирует. Он просто помогает им быть, потому что они вместе с нами в «нашем положении», в «положении человека», они *свои*. «Свое надо любить», говорил В.В. Библихин.

716 «Мое учение о цвете старо как мир, и долго его отрицать или замалчивать не удастся». — И.П. Эккерман. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Художественная литература, 1986. С. 414.

717 Там же. С. 104

Любить — то есть работать для него. В.В. Бибихин поработал для своего как мало кто. Свое — это не только мыслители с первых времен. Свое у него — это наша страна, Россия, «другое начало». Свое — наше время, о котором никто не скажет доброго слова. Свое — это русский язык. Это поэзия. Это, в конце концов, мир.

Если же, вопреки тому, что мы сказали в начале, все-таки подумывать о практическом значении мысли В.В. Бибихина, оно огромно, как у всего свободного и автономного. Прежде всего, это предупреждение от срыва (бибихинское слово): от бодрого «идейного» решения, за которым обычно следуют «ужасные вещи», вроде наших или германских в XX веке. В.В. Бибихин напоминает о школе мысли как об *остановке*, *schole*, об изначальной ситуации мысли как о *недоумении*, *atechania*. Он хочет от нас уважения к тому остоленению, столбняку, в который впал Сократ. Общество не слишком уважает философию за такие вещи, как этот столбняк Сократа. Но то, что Сократ в это время *понимает*, касается всех нас.

Postscriptum. Из дневника

Читаю «Детство» Льва Толстого и стихи Гёльдерлина и с каждым из них — в каждом из них — вспоминаю Биbihина.

O all ihr treuen
Freundliche Götter!
Daß ihr wüßtet,
Wie euch meine Seele geliebt! —

О вы все,
Дружелюбные верные боги!
Если б вы знали,
Как душа моя вас любила!⁷¹⁸

«Друзья людей», в существование которых верил Ленский. Владимир Ленский, «с душою прямо геттингенской», совсем не казался Биbihину пародией на романтизм, как у нас его принято понимать. А может быть, одной из двух душ «Евгения Онегина». Татьяна и он, убитая душа романа.

Этой зимой Ольга Евгеньевна Лебедева предложила мне написать о В.В. Биbihине для французской философской энциклопедии. Я отказалась за недостатком профессиональной компетенции. Но если не для французской, и не философской, и не энциклопедии, сейчас, при Толстом и Гёльдерлине, я бы сказала так:

— Владимир Вениаминович Биbihин хотел высказать любовь к правде — и нелюбовь к лжи. Осмелюсь сказать: русское знание правды. Знание ее широты, ее неулавливаемости, ее свободы, ее размаха (это слово он любил). Ее благости. Не «низкая истина» — и не «суровая правда»: правда, милая, как мир (два эти индоевропейские корня, *mī-g-* и *mī-l-* он считал родственными), правда — мир («весь мир» — ненужное уточнение) и мир — в своем существе — правда. И правда — слово, языковое слово с его неуловимой сердцевиной (ср. его удивительные мысли о внутренней форме слова): где, чем оно начинает значить? Правда — начало, в котором всё уже есть, но всё такое, какое оно в начале: полное своим еще неведомым будущим. В начале нет лжи, и ложь ничего не знает о начале.

Азаровка, июль 2009

718 Ф. Гёльдерлин. «Мальчиком еще...»

Пер. О. Седаковой // Седакова, 2010. Т. 2. С. 288.

И слову слово отвечает
Владимир Биbihин — Ольга Седакова
Письма 1992–2004 годов

Выпускающий редактор *М.А. Криммель*
Редактор *В.Ю. Файбышенко*
Корректор *Н.А. Родосский*
Дизайн-макет и верстка *Е.Л. Григорьев*
Фотография О.А. Седаковой на стр. 4
С. Мелихов

Подготовка электронного издания
Редактор *М.А. Криммель*
Дизайн *Р.А. Князев*